Сочиненія

А. Н. Островскаго

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Гр. Л. Н. Толстой. Д. В. Григоровичъ.

И. А. Гончаровъ. А. Н. Островскій.
И. С. Тургеневъ. А. В. Дружининъ.

(Въ мартѣ 1856 г. въ С.-Петербургѣ.)

Полное собраніе сочиненій

А. Н. Островскаго.

Томъ пятый.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей **П. О. Морозова** и **В. В. Каллаша;**
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**
Н. В. Гоголя, подъ редакціей **В. В. Каллаша;**
И. А. Крылова, подъ редакціей **В. В. Каллаша;**
А. В. Кольцова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**
А. Н. Островскаго, подъ редакціей **М. И. Писарева;**
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. **Н. А. Благовѣщенскаго;**
С. Т. Аксакова, подъ редакціей **А. Г. Горнфельда;**
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ **автора;**
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ **автора;**
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ **автора;**
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ **П. В. Быкова;**
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ **автора;**
Георга Брандеса, съ предисловіемъ **М. В. Лучицкой;**
Элизы Оржешко, подъ редакціей **С. С. Зелинскаго;**
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей **Д. П. Сильчевскаго;**
Гюи де-Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ **З. А. Венгеровой;**
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ **М. А. Энгельгардта;**
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями **Ѳ. Д. Батюшкова** и **Е. В. Аничкова.**

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Полное собраніе сочиненій

А. Н. Островскаго.

Критически провѣрен. текстъ, біографія, приложенія, примѣчанія, портреты автора, его fac-similé и проч.,

подъ редакціей

М. И. Писарева,

съ критико-біографическимъ очеркомъ

П. И. Вейнберга.

Томъ пятый.

115

Допущено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

Рекомендовано *Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній для чтенія кадетъ III—VII классовъ.*

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

Оглавленіе.

Воевода (Сонъ на Волгѣ) — (2-я редакція) . 1

На бойкомъ мѣстѣ 161

Пучина 241

Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій 339

Примѣчанія 485

Воевода.

(Сонъ на Волгѣ.)

Сцены изъ народной жизни XVII вѣка, въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ.

(Вторая редакція.)

Лица:

Нечай Григорьевичъ Шалыгинъ, воевода
Облѣзловъ, подъячій, товарищъ воеводы.
Семенъ Бастрюковъ, богатый дворянинъ.
Степанъ Бастрюковъ, его сынъ.
Неустройко, ключникъ } воеводскіе.
Безсудный, шутъ }
Нежданъ, земскій староста.
Романъ Дубровинъ, бѣглый посадскій.
Олена, его жена.
Власъ Дюжо̀й, богатый посадскій.
Настасья, жена его.
Прасковья, } дочери ихъ.
Марья, }
Недвига, мамка.
Смирно̀й, } посадскіе изъ лучшихъ людей.
Дружина, }
Несмѣяновъ, старикъ.
Брусенинъ, } посадскіе изъ среднихъ людей.
Цаплинъ, }
Тыра, }
Баимъ, стрѣлецкій сотникъ.
Бирючъ.
Гришка Жилка, отставной подъячій.
Вдова Ульяна.
Рѣзвый, } слуги Бастрюкова.
Кубасъ, }
Шишига, }
Зоря, }
Домовой.
Пустынникъ.

Монастырскій служка.

Щербакъ, разбойникъ въ видѣ нищаго.

Каурый,
Заяцъ,
Вотря, } разбойники.
Калга,
Ерголь,

Старуха, крестьянка, хозяйка постоялаго двора.

Иванъ, ея сынъ.

Гаврило,
Климъ, } бортники изъ Нижняго.

Сидоръ, лѣсной промышленникъ изъ Унжи.

Курчай,
Куликъ, } цѣловальники съ казенной рыбой и солью.

Сторожъ.

Дворяне, дѣти боярскія, женщины и дѣвушки, стража, свита воеводы, посадскіе, стрѣльцы, служилые люди, воеводскіе и другіе боярскіе слуги, прохожіе, слѣпые, нищіе, убогіе, ребятишки и всякій народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ городѣ на Волгѣ, въ половинѣ XVII столѣтія.

Прологъ.

Площадь въ городѣ. Налѣво отъ зрителей ворота воеводскаго двора, нѣсколько узкихъ домовъ, въ углу проѣздъ въ городскія ворота, на заднемъ планѣ, за строеніями, городская стѣна, которая постепенно понижается къ правому углу. Черезъ стѣну видна Волга и противоположный берегъ; направо, на первомъ планѣ, высокая Приказная изба, за ней соборная площадка, видна часть колокольни; далѣе спускъ къ Волгѣ, видны крыши домовъ.

Явленіе первое.

Нежданъ, Смирной, Дружина стоятъ у Приказной избы, ближе къ авансценѣ; **Несмѣяновъ, Брусенинъ, Цаплинъ, Тыра** близъ воеводскихъ воротъ; по сценѣ, отъ городскихъ воротъ къ собору и отъ собора къ воротамъ, проходятъ разные люди обоего пола; у колокольни сидятъ слѣпые съ деревянными чашками и стоятъ нищіе, между ними **Щербакъ**. При поднятіи занавѣса слѣпые поютъ, слышны голоса нищихъ и вожаковъ слѣпыхъ: „Слѣпому убогому!“ — „Сотворите святую милостыньку“.

Слѣпые (поютъ).

Сходилася правда со кривдою,
Кривда правду переспорила.
Пошла правда по поднебесью,
Пошла кривда по сырой землѣ,
По народу православному:
Оттого суды неправые ...

(Изъ Приказной избы выходитъ Бирючъ, надѣваетъ шапку на длинную палку и поднимаетъ ее вверхъ; ребятишки окружаютъ его и смотрятъ ему въ глаза, разиня ротъ.)

Голоса.

Бирючъ идетъ, бирючъ! Снимайте шапки!

Бирючъ.

Слушайте, послушáйте, государевы люди, старшіе и меньшіе, и всякаго чина людъ, отъ мала и до велика! По Великаго Государя наказу, вѣдомо вамъ буди, чтобы вы, посадскіе и уѣздныхъ всякихъ чиновъ люди, и сотскіе, и пятидесятскіе, и десятскіе, разбойниковъ и татей, и смертныхъ убойцевъ, и вѣдуновъ, и всякихъ воровскихъ людей у себя не таили и не держали и, имая ихъ, приводили къ воеводѣ. А буде-жь вы, посадскіе и уѣздныхъ всякихъ чиновъ люди, забывъ страхъ Божій и не помня душъ своихъ, учнете разбойниковъ и татей, и убойцевъ, и вѣдуновъ, и всякихъ воровскихъ людей у себя держать и таить, и поноровки имъ чинить, — и тѣмъ людямъ отъ Великаго Государя быть въ смертной казни, безо всякаго милосердія, а дворы и животы взяты будутъ на великаго государя безповоротно и розданы въ исцовы иски. (Идетъ къ посаду, дѣти за нимъ.)

Тыра.

Проваливай подалѣ, мы слыхали!

Брусенинъ.

Не первый разъ, не новая новинка!

Цаплинъ.

Мы думали, что свѣжи, анъ все тѣ-же.

Нежданъ.

Разбойниковъ и татей, и убойцевъ,
Въ посадѣ нѣтъ, разбойничья пріѣзду
Не держимъ мы; такъ нѐ по-что и кликать.

Смирной.

Да кличь не кличь, немного проку будетъ,
Коль ихъ не ловятъ. По большимъ дорогамъ
Разбойники и днемъ, и ночью грабятъ,
По Волгѣ нѣтъ проѣзду, по лѣсамъ

Становятся станами безъ опаски.
Вотъ тамъ-бы ихъ и брать живьемъ руками;
А кликать по торгамъ какая польза!

Нежданъ.

Зачѣмъ-же къ намъ посаженъ воевода,
Какъ не за тѣмъ, чтобъ татей и убойцевъ
Разыскивать.

Дружина.

Не до воровъ ему.
Пригожихъ бабъ да дѣвокъ на посадѣ,
Да по клѣтямъ добро какъ разъ разыщетъ,
Не утаишь.

Смирной.

Терпѣнья намъ не стало!
Чему ни быть, а надоть челобитье
Царю писать.

Дружина.

Воровъ не ловитъ — горе,
А какъ поймаетъ — вдвое: онъ воровъ-то
Беретъ изъ тюремъ на домъ, научаетъ
Поклепомъ насъ, посадскихъ, обносить.
Ты ничего не вѣдаешь, не знаешь,
А онъ, по воровскому наговору,
Беретъ тебя безъ сыску и пытаетъ
Безъ царскаго указу, — мукой мучитъ,
Огнемъ палитъ.

Смирной.

Да съ пытокъ-то поминки
Беретъ на насъ, на выкупъ выпускаетъ.

Дружина.

Довольно съ насъ, два года потерпѣли,
Пора писать и челобитье.

Нежданъ.

Слышу
Давно ужь я, что надо челобитье
Царю послать, да только разговоры,
А дѣла нѣтъ.

Смирной.

Москва намъ дорогá,
Съ пустыми-то руками не поѣдешь.

Дружина.

Ну, братъ, ау! Коль завязалась драка,
Такъ не жалѣй волосъ. Во чтò ни станетъ,
Да только-бы избыть его отъ насъ.

Нежданъ.

Московскіе расходы разверстаемъ,
Разсудимъ, чтò и какъ, и много-ль денегъ
На проѣсти собрать да на гостинцы.

(Нежданъ, Смирной, Дружина уходятъ къ собору. Отворяются воеводскія ворота, выходятъ: ключникъ Неустройко съ палкой и слуги съ метлами.)

Явленіе второе.

Несмѣяновъ, Брусенинъ, Цаплинъ, Тыра, Неустройко, слуги и народъ.

Неустройко.

Живѣй, живѣй! Сейчасъ пойдетъ бояринъ
Въ соборъ съ гостьми. Чтобъ у меня кипѣло!
Ворочайся, да живо! Мнется, словно
Медвѣдь ученый.

Одинъ изъ слугъ.

Какъ еще работать!
Гуляемъ, что-ль? А ты возьми-ка мётлу
Да самъ мети, чѣмъ лаять занапрасно.

Неустройко.

Разинулъ пасть-то! Цыцъ! Не въ дармоѣдахъ,
Не то, что вы, живу у государя:
На части рвусь, куска не доѣдаю.
А вамъ одна забота: завалиться
Подальше гдѣ, что днемъ съ огнемъ не сыщешь,
И спать весь день, пока опухнутъ бѣльма;
Молъ, все равно: работай, не работай, —
Накормятъ даромъ.

Готъ-же слуга.

Даромъ и побьютъ.

Тыра.

Ну, видно, ихъ не больно жирно кормятъ:
У насъ, въ посадѣ, только и воруютъ,
Что воеводскіе.

Несмѣяновъ.

Коль брюхо сыто,
Въ чужую клѣть за ѣжей не полѣзешь!

Брусенинъ.

Какіе воры, страсть! Концовъ не сыщешь.

Неустройко.

Ты, смердъ, молчи!

Цаплинъ.

А ты что̀ за помѣщикъ?

(Шутъ выбѣгаетъ изъ воротъ, держась за голову.)

Явленіе третье.

Неустройко, слуги, Тыра, Цаплинъ, Брусенинъ, Несмѣяновъ, Шутъ и народъ.

Шутъ.

Ой, ой, убилъ, убилъ, прошибъ до мозгу,
Проклятый песъ, паршивая собака!

Издохнуть-бы тебѣ, какъ бусурману!
И чтобъ ни дна тебѣ и ни покрышки,
Поганому. У! Волкъ тебя заѣшь! (Воетъ.)

Неустройко.

Расплакался, аль подзатыльникъ дали?

Шутъ.

Тебѣ-то что̀, холопья образина!
И онъ туда-жь (передразниваетъ:) „аль подзатыльникъ дали!“
Ай, батюшки! убилъ, убилъ по темю,
Костыль сломалъ, собака! (Воетъ.)

Неустройко.

Пожалѣетъ.

Шутъ.

Меня-то, что-ль?

Неустройко.

Нѣтъ, костыля-то.

Шутъ.

Дьяволъ! (Воетъ.)

Неустройко (шуту).

Что̀ воешь-то? Какой дѣтенышъ малый!
Не все-ль равно тебѣ, какъ псу, издохнуть —
Подъ палкой-ли, иль пьяному подъ тыномъ!

Шутъ.

Не приставай! Всего изъѣмъ зубами.
(Слуги смѣются.)
А вамъ-то что̀ смѣшно, холопье стадо?
У васъ самихъ увѣчья не проходятъ.

Тыра.

Влетѣло, братъ!

Цаплинъ.

Влилось.

Брусенинъ.

Попало ловко!

Тыра.

Ты къ носу три.

Цаплинъ.

До свадьбы заживетъ!

Шутъ.

Ну, подвернись который, изувѣчу!
И въ волосы, и въ бороду вцѣплюсь,
Не выпущу; такъ все въ рукахъ и будетъ,
Ни волоска живого не оставлю.

Тыра.

Ну, полно, ты! Мы шутимъ. Ты подумалъ,
Взаправду, что̀-ль?

Цаплинъ.

Намъ что̀!

Брусенинъ.

Господь съ тобой!

Тыра.

Обиды нѣтъ тебѣ.

Цаплинъ.

Вѣстимо, въ шутку:
Языкъ чесать.

Брусенинъ.

Не трожь его, робята!

Тыра.

А ты скажи намъ, милый человѣкъ,
За что̀, про что̀ обиду терпишь?

Шутъ.

Даромъ.

Жениться чортъ задумалъ ...

Тыра.

Такъ. Ну, что̀-же?

Шутъ.

Дюжо̀ва дочь облюбовалъ.

Цаплинъ.

Ну, знаемъ.

Шутъ.

Я сдуру-то сболтни ему неладно,—
Молъ, старому жениться не надолго,
Да часто, молъ, и не себѣ, а людямъ.
И я-то глупъ, — шутить связался.

Тыра.

Вѣрно!
Ты съ тѣмъ шути, кто любитъ. Ну, и что́-же?

Шутъ.

Какъ вскочитъ онъ, затрясся ровно Каинъ,
Какъ волкъ стучитъ зубами, словно угли
Глаза зажглись, сѣдая грива дыбомъ ...
Видалъ-ли ты, какъ окаянныхъ пишутъ
На папертяхъ? — Точь-въ-точь.

Цаплинъ.

Какой бѣдовый!

Неустройко.

А вотъ пойти да скаредныя рѣчи
Боярину явить. Бросай, робята!
Бояринъ вышелъ.

Шутъ.

Братцы, схороните!

Тыра.

Бѣги скорѣй, покуда не схватили,
Валяй во всѣ лопатки, не догонятъ

(Шутъ убѣгаетъ.)

Цаплинъ.

Стрѣлой летитъ. Держи его, робята! (Хохотъ.)

Брусенинъ.

На лошади, да развѣ на хорошей
А на плохой ни за́-что не догонишь.

Тыра.

Какъ шкуру-то, робята, соблюдаетъ,
Диви-бы бобръ сибирскій али соболь!

Цаплинъ.

Ему своя-то, надо-быть, дороже.

(Входятъ: Воевода, Облѣзловъ, нѣсколько дворянъ, сотникъ стрѣлецкій, нѣсколько стрѣльцовъ и слугъ.)

Явленіе четвертое.

Воевода, Облѣзловъ, Баимъ, дворяне, стрѣльцы, слуги и тѣ-же, и потомъ **Гришка Жилка.**

Воевода (Облѣзлову).

Ты говоришь, что мѣстомъ вышло. Вѣрно
Воистину. (Кланяется народу.) Здорово! Ты послушай!
Поѣхали мы звѣря погонять.
Гляжу: лиса катитъ изъ мелколѣсья
По вырубкѣ въ соснякъ, вотъ такъ и стелетъ,
Какъ желтый листъ по вѣтру. Вижу, дѣло
Выходитъ дрянь: уйдетъ, сплутуетъ. Надо
Заворотить, на перерѣзъ ударить.
Хлестнулъ коня по бедрамъ. (Баиму.) Что̀ за парень
Особнякомъ стоитъ? Коль нашъ — не трогай,

А кто чужой, такъ опроси построже.

(Воевода, оборотясь къ Облѣзлову, продолжаетъ. Баимъ отходитъ.)

Проѣхалъ я шаговъ, не больше, съ сотню,
И вдругъ мой конь, какъ вкопанный, ни съ мѣста,
Какъ въ землю вросъ. Ужь я его и плетью,
И лаской. — Нѣтъ, дрожитъ, трясется, уши
Насторожилъ. Я вижу, дѣло плохо.

(Сотникъ возвращается.)

Какой такой?

Сотникъ.

Изъ нашихъ, изъ рыбацкой!

Воевода.

Ну, ладно. (Облѣзлову.) Вотъ я слѣзъ, перекрестился,
Обшолъ вокругъ три раза, зачурался,
И ничего, — мой конь пошелъ, какъ надо.
Такъ вотъ и знай, что̀ значитъ мѣсто.

Облѣзловъ.

Диво-ль!
Въ большомъ лѣсу, гдѣ всяка нечисть бродитъ.
Въ своемъ саду я лѣтось заблудился
Средь бѣла дня! Не мало мы дивились:
Брожу кругомъ, а выхода не вижу.
Такая страсть, что — Господи, помилуй! —
Не доведи впередъ, умрешь со страху.
Ужь я кричалъ, кричалъ, сошлись людишки
Да вывели.

(Входитъ Жилка и кланяется Воеводѣ въ ноги.)

Воевода.

Всего бываетъ! Что̀ ты?

Жилка.

И бьетъ челомъ, бояринъ, и являетъ
Твой сирота, былой подъячій Жилка.

Воевода.

О чемъ еще, анаѳема?

Жилка.

О боѣ
И грабежѣ денномъ, и объ увѣчьѣ!

Воевода.

Который разъ тебя увѣчатъ! Скоро-ль
Совсѣмъ убьютъ? Пора-бы! Кто-же грабилъ
И билъ тебя?

Жилка.

Семена Бастрюкова
Дворовые и скоморохи: Рѣзвый
Съ товарищи; они-жь, бояринъ, воры
И картами, и зернью промышляютъ,
И табакомъ, и воровское держатъ
И продаютъ, и бѣглыхъ укрываютъ,
И на посадъ насильствомъ въ харяхъ ходятъ
Съ потѣхами, и скаредныя пѣсни,
И срамныя поютъ, и дѣйства дѣютъ,
Тебя-жь обносятъ скаредною лаей
И неудобь-сказаемою бранью ...
Въ томъ жалоба тебѣ моя и явка.

Воевода.

А грабежу?

Жилка.

Колпакъ да зипунишко.

Воевода.

За что̀ — про что̀?

Жилка.

Да якобы съ тобою
Я, стакався составнымъ челобитьемъ,
Испродаю посадскихъ и убытчу
Поимками.

Воевода.

Семена Бастрюкова
Унять давно пора. Зазнался больно,
На шею сѣлъ ко мнѣ. Плутамъ заступникъ,
Оберегатель земской. Двумъ медвѣдямъ
Не жить въ одной берлогѣ. Челобитье
Въ избѣ подай мнѣ завтра. Мы посмотримъ,
Велимъ сыскать и, буде виноваты
Доподлинно, людишекъ Бастрюкова
Не пощадимъ.

Жилка (кланяется).

Ты смилуйся, пожалуй!
И сироту твою не дай обидѣть
Ругателямъ.

(Воевода идетъ на ступени къ собору.)

Голоса (изъ заднихъ рядовъ).

Алтынникъ, кровопивецъ! —
А крестъ на немъ, робята, есть аль нѣту? —
Наврядъ-ли ужь! — Другой татаринъ лучше!

Воевода (на ступеняхъ).

Кричатъ, а что̀, никакъ не разберу я.
Да вамъ чего? Вы говорите прямо,
Поди сюда впередъ и говори!
Изъ-за людей не слышно. Что̀-жь вы стали?
Ай, молодцы! Вы, смѣлые робята!
Изъ-за людей облаетъ и присядетъ,
Разинетъ пасть и тягу. Кукишъ кажетъ
Изъ рукава, чтобъ люди не видали.
Чего-же вамъ? Строптивъ, сердитъ я, что-ли?
Не милостивъ? Все это правда ваша,
Я не святой. — А знаете-ли, дѣти,
Писаніе насъ учитъ покоряться
Властителю и доброму, и злому.
Строптиваго послушать передъ Богомъ
Угоднѣе. Иль мнится вамъ, что̀ власти

Людскимъ хотѣньемъ созданы? Что можно
Безъ власти жить? Что мы равны? Такъ знайте,
Звѣзда съ звѣздою разнствуютъ во славѣ;
Такъ на небѣ, и на землѣ все такъ-же:
И старшіе, и младшіе, и слуги,
И господа, и князи, и бояре,
И Господомъ вѣнчанные на царство
Великіе цари и государи.
За чиномъ чинъ по лѣстницѣ восходитъ
Отъ насъ къ царю и отъ царя до Бога.
И всяка власть отъ Бога. Власть не судятъ
Подвластные, а только царь, ему-же

(Снимаетъ шапку.)

Господь вручилъ насъ всѣхъ на попеченье.
Изъ-за чего намъ ссориться? Вы дѣти,
Я вамъ отецъ. Не лучше-ль намъ любовью
И миромъ жить? Ходите по закону —
И вамъ цѣлѣй, и мнѣ милѣй! За что̀-жь
Браниться-то? Не хорошо. Не ладно.

(Киваетъ головой Баиму.)

Пошарь-ка тамъ съ своими молодцами,
Не сыщешь-ли кого изъ крикуновъ.
Да не зѣвай! Того, Баимъ, не бойся,
Что въ виноватыхъ правый попадется:
Не виноватъ — укажетъ виноватыхъ.
Переловить, связать и запереть
Всѣхъ накрѣпко въ сторожню, тамъ разсудимъ.

(Уходятъ: Воевода, товарищъ и вся свита, кромѣ стрѣльцовъ. Баимъ и стрѣльцы ходятъ въ народѣ.)

Голоса.

Чего тебѣ? Ты тише, не толкайся!
Что̀ за напасть! Да что̀-жь, вы драться, что̀-ли?

(Съ посаду бѣжитъ народъ. Бастрюковъ Семенъ, Бастрюковъ Степанъ выѣзжаютъ верхомъ на лошадяхъ; за ними пѣшіе слуги: Рѣзвый и другіе.)

Явленіе пятое.

Бастрюковъ Семенъ, Бастрюковъ Степанъ, слуги и прежніе.

Бастрюковъ Семенъ.

О чемъ шумятъ? Чего не раздѣлили?

Бастрюковъ Степанъ.

Никакъ Баимъ посадскихъ обижаетъ.

Голоса.

Застой за насъ! Безвинно бьютъ и мучатъ.

Бастрюковъ Семенъ.

Оставь, Баимъ!

Баимъ.

А ты что̀ за указчикъ?
Велѣлъ сыскать ослушныхъ воевода,
И сыщемъ ихъ. Пока найдемъ да свяжемъ —
Не отступлю.

Бастрюковъ Семенъ.

А какъ всполохъ ударимъ
На весь посадъ — и ногъ не унесете!
Не мятежи чинить, а для наряду
На городу посаженъ воевода.
Сбирай стрѣльцовъ! (Посадскимъ.) Робята, расходитесь!
(Расходятся.)
Не тронетъ васъ никто.

Баимъ.

Не ты въ отвѣтѣ,
А я, — съ меня и спросятъ.

Бастрюковъ Семенъ.

Ты не бойся.
Я самъ скажу въ соборѣ воеводѣ;

Пусть на меня и сердится, какъ хочетъ.
Иди со мной въ соборъ.

Баимъ.

За мной, робята!

(Уходятъ: Бастрюковы, Баимъ, стрѣльцы; прислуга уводитъ лошадей, посадскіе идутъ къ городскимъ воротамъ; навстрѣчу имъ Власъ Дюжо́й и Настасья.)

Явленіе шестое.

Власъ, Настасья и прежніе посадскіе.

Настасья.

Вы, смерды, прочь! Не видишь, я иду?

Тыра.

Вотъ невидаль какая! И почище
Видали мы.

Власъ.

Иди, какъ люди ходятъ.

Настасья.

Я кто̀ теперь? Фу! Прочь поди!

Власъ.

Настасья,
Уймешься ты аль нѣтъ?

Настасья.

Фу! Смерды!

Цаплинъ.

Шире,
Народъ, навозъ плыветъ.

Настасья.

Да какъ ты смѣешь?

Ты страдникъ, смердъ! (Мужу.) Доправь на немъ безчестье!
Ты знаешь, смердъ, я теща воеводѣ.

Брусенинъ.

Ну, какъ не знать!

Власъ.

Иди добромъ, Настасья,
Въ умѣ-ли ты? При всемъ честномъ народѣ
Стыдишь меня.

Настасья.

Толкуй! Ты самъ не знаешь,
Какая честь лежитъ на насъ.

Тыра.

Отъ воеводы
Пристала къ вамъ?

Власъ.

Иди! Народъ смѣется.
Ишь, срамъ какой! Вотъ съ дурой-то связался,
Такъ, Господи, и жизни-то не радъ.

Настасья.

Фу! Смерды! Прочь!

Несмѣяновъ.

Иди своей дорогой,
А мы своей; просторно, разойдемся.

(Власъ и Настасья уходятъ.)

Явленіе седьмое.

Несмѣяновъ, Тыра, Цаплинъ, Брусенинъ и потомъ Дубровинъ.

Тыра.

Ишь дура-то, за воеводу дочку
Просватала и думаетъ, что тоже
Боярыня; идетъ и ногъ не слышитъ.

Несмѣяновъ.

На радость-ли? Заплакать не пришлось-бы!
Старикъ живетъ, а жены молодыя
Все мрутъ да мрутъ. Диковина и только!

Тыра.

Да ну его!

Несмѣяновъ.

Робята, не слыхали-ль,
Что Худояръ на Волгѣ появился
И станомъ сталъ невдалекѣ.

Цаплинъ.

Такъ что̀-же?
Тебѣ-то что̀-жь?

Несмѣяновъ.

Разбойникъ лютый, баютъ.

Тыра.

За что̀-жь его разбойникомъ ты лаешь,
Не знаючи? Какой-же онъ разбойникъ?
Кого разбилъ? Тебя?

Несмѣяновъ.

Меня не трогалъ,
Мнѣ грѣхъ сказать; не грабилъ, такъ не грабилъ.

Цаплинъ.

Такъ покажи другихъ!

Несмѣяновъ.

Чего не знаю —
Не говорю. Казну ограбилъ, баютъ.

Тыра.

Ты бай, не бай — не знаю это дѣло.
Казну разбилъ, казна про то и сыщетъ:

А ты не лай разбойникомъ напрасно,
А называй удалымъ молодцомъ.

Несмѣяновъ.

Заглазно ничего.

Тыра.

А ну, услышитъ,
Помилуй Богъ!

Несмѣяновъ.

Ты шутишь аль взаправду?

Цаплинъ.

У нихъ вездѣ глаза и уши.

Несмѣяновъ.

Ой-ли?

Тыра.

А вотъ, гляди! Изъ этихъ самыхъ нищихъ
Да изъ убогихъ, коль не половина,
Такъ двое-трое ужь навѣрно есть
Изъ шайки Худояра.

Цаплинъ.

Безпремѣнно.

Несмѣяновъ.

А слышалъ я, что будто онъ въ Казани
Въ тюрьмѣ сидѣлъ.

Тыра.

А ты повѣрилъ?

Несмѣяновъ.

Слушай!
И будто онъ досталъ изъ печи уголь
И написалъ косную на полу;
Забралъ въ нее тюремныхъ всѣхъ сидѣльцевъ,

Плеснулъ воды да въ Волгу и уѣхалъ.
„Лови, держи!“ А ихъ и слѣдъ простылъ.

Брусенинъ.

Послушать васъ, такъ уши вянутъ, право!
Обиды да разбои ...

Несмѣяновъ.

А про что́-же
Разсказывать прикажешь? Мы не дѣти,
Не сказки-жь говорить! По всѣмъ примѣтамъ
Послѣднія приходятъ времена:
Въ народѣ рознь, раздоръ, въ судахъ неправда,
Отъ сильныхъ утѣсненье.

Брусенинъ.

Тѣсно стало,
Такъ въ лѣсъ ступай, спасайся, рой пещеру.
Ты слышалъ-ли, что въ нашихъ палестинахъ
Подвижникъ новый объявился?

Несмѣяновъ.

Слышалъ.

Брусенинъ.

Въ оврагѣ монастырскомъ, въ дикомъ лѣсѣ,
Живетъ затворникъ, хлѣбомъ да водой
Питается, а монастырь растетъ
Его молитвами и богатѣетъ,
И земли покупаетъ и луга,
И стѣны строятся, и колокольня,
И братскихъ келій рядъ. Спроси монаховъ:
„Молъ, кто у васъ строитель?“ — Скажутъ: Богъ.
Безсребренникъ пустынникъ изъ пещеры
На утренней зарѣ на горку выйдетъ,
Благословитъ работу начатую:
И лѣсъ, и камень явятся, и люди
Рабочіе сойдутся и мѣшками

Несутъ, невѣдомо откуда, деньги
На монастырское строенье.

Несмѣяновъ.

Чудо,
Воистину.

Брусенинъ.

А ты про тѣсноту.
Заступницы икону принесли
Изъ дальней пустыни въ соборъ, такъ видишь:
Народъ валитъ иконѣ поклониться,
И старъ, и малъ работу покидаютъ,
Послѣднія несутъ копейки. Значитъ,
И вѣра въ насъ еще не оскудѣла,
И жить еще на свѣтѣ можно.

Тыра.

Вѣрно.

(Дубровинъ входитъ и осматривается.)

Цаплинъ (увидя Дубровина).

Никакъ чужой? Чего онъ ищетъ?

Тыра (подходя къ Дубровину).

Дядя,
Ты изъ какой Литвы, съ какой орды?
Отъ дѣла ты лытаешь али дѣла
Пытаешь?

Цаплинъ.

Сватъ, ты ближній, али дальній?

Тыра.

Какихъ родовъ, изъ коихъ городовъ?

Несмѣяновъ.

Не бѣглый-ли? А, можетъ, онъ, робята,
Коня укралъ аль мужика убилъ.
Связать его!

Дубровинъ.

Эхъ, дѣдушка, за что̀-же?
Связать меня не хитрость: самъ даюсь.
Вязать вяжи, а послѣ не тужи!
Не я одинъ гуляю, насъ не мало
Останется на волѣ, всѣхъ не свяжешь;
А у тебя домишко на посадѣ. (Тихо.)
Поберегай отъ красныхъ пѣтуховъ!

Несмѣяновъ.

Да что̀ ты, что̀ ты, милый! Я нарочно
Шутилъ съ тобой, а ты и вправду.

Дубровинъ.

Полно
Шутилъ-ли ты? Да ну, я зла не помню:
Я знаю, ты меня не свяжешь.

Брусенинъ.

Братцы,
Я признаю его.

Цаплинъ.

И мнѣ знакомо
Обличье-то, а какъ назвать — не знаю.

Дубровинъ.

Я не боюсь и не таюсь; я бѣглый
Посадскій вашъ — Романъ Дубровинъ.

Тыра.

Братцы,
И то вѣдь онъ. Два года не видались!
Ты гдѣ гулялъ?

Дубровинъ.

На бѣломъ свѣтѣ много
Привольныхъ мѣстъ — и Донъ и Волга-мать.
Гдѣ я гулялъ — тамъ нѣтъ меня; теперя
Домой пришелъ.

Тыра.

Ты хочешь объявиться?

Дубровинъ.

Ну; нѣтъ, зачѣмъ! Съ женой-бы повидаться.
Не знаешь, гдѣ жена?

Тыра.

У воеводы.

Дубровинъ (хватается за голову).

Ужель къ нему попала?

Тыра.

Взялъ насильемъ,
Въ тюрьму сажалъ, а изъ тюрьмы да на домъ
Красавицу твою Олену.

Дубровинъ.

Дьяволъ!

(Задумывается.)

Вотъ дѣло-то какое вышло! Эка
Бѣда моя! На малый часъ задумалъ
Вернуться къ вамъ; придется оставаться,
Съ Шалыгинымъ считаться за жену.
У насъ, людей торговыхъ, такъ ведется:
Берешь безъ торгу, такъ плати, что̀ спросятъ.

Тыра.

Вѣстимо такъ, да что̀ съ него возьмешь-то?

Дубровинъ.

Не деньги-жь брать: я денегъ не возьму;
Жена товаръ завѣтный, не продажный.

Тыра.

А что̀ завѣту за жену положишь?

Дубровинъ.

Завѣтъ великъ положенъ. На прощаньи

Съ моей Оленой я поклялся Богомъ,
Родителемъ, своей души спасеньемъ,
Что если кто ее обидитъ ...

Тыра.

Что̀-же
Обидчику?

Дубровинъ.

Я голову сорву
Руками съ плечъ. (Помолчавъ.) А что̀, жива, здорова?

Тыра.

Тоскуетъ все да плачетъ, говорятъ.

Дубровинъ.

Спасибо вамъ на добромъ словѣ, братцы!
Увидите жену, такъ поклонитесь!
Молъ, живъ еще и помнитъ. Недалеко
Гуляетъ, молъ; желаетъ повидаться,
Такъ случая, молъ, ищетъ. Воеводѣ
Скажи хоть ты (Несмѣянову), что собираюсь въ гости,
Чтобъ припасалъ, чѣмъ подчивать. Прощайте!

(Уходитъ.)

Несмѣяновъ.

Никакъ ушелъ? Поотлегло отъ сердца, —
Перепугалъ, проклятый! Что̀-жь, робята,
Явить аль нѣтъ?

Тыра.

А намъ какое дѣло?
Какъ хочешь ты, а мы и знать не знаемъ.
Поди, являй, а въ послухи не ставь —
Во всемъ запрусь.

Цаплинъ.

И я.

Брусенинъ

Мы не видали.

Тыра.

Помалчивай, такъ самъ цѣлѣе будешь.

(Выходятъ изъ собора: Воевода, Облѣзловъ, Бастрюковы, дворяне, дѣти боярскія, Баимъ, стрѣльцы и слуги. Посадскіе и народъ уходятъ въ глубину площади.)

Явленіе восьмое.

Воевода, Облѣзловъ, Бастрюковы, дворяне, дѣти боярскія, **Баимъ,** стрѣльцы, слуги и прежніе посадскіе.

Воевода.

(Остановясь, не доходя воротъ.)

Два раза глупъ бываетъ человѣкъ:
Съ младенчества сперва, потомъ подъ старость;
Состарѣешь и поглупѣешь, разумъ
Отымется. Не даромъ люди стали
Учить меня. Одно и остается:
Коль старъ и глупъ, такъ умныхъ больше слушай.
Вотъ я велѣлъ переловить Баиму
Ругателей, а Бастрюковъ наѣхалъ,
Прогналъ его, — что мы не дѣло, видишь,
Затѣяли, мятежъ заводимъ, буйство.
Челомъ ему за то, что надоумилъ.

Бастрюковъ Семенъ.

Да что̀-жь, и впрямь, затѣяли не дѣло.

Воевода (смѣется).

Да погоди, дай кончить! Я спасибо
Сказалъ тебѣ, чего-жь еще! Не въ ноги-жь ...
Другую рѣчь я поведу. Вотъ, видя,
Что глупъ-то я и старъ, большое дѣло
Безъ вашего, друзья мои, совѣта
Начать не смѣю. Что̀ приговорите,
Тому и быть.

Облѣзловъ.

Нечай Григорьичъ, полно
Пытать-то насъ. На что̀ тебѣ совѣты, —
Ты самъ уменъ.

Бастрюковъ Степанъ.

И мы не дураки.

Бастрюковъ Семенъ.

Въ чемъ дѣло-то?

Воевода.

Не знаю, какъ сказать!
Попуталъ грѣхъ. И молодыхъ, и старыхъ
(Снимаетъ шапку и кланяется.)
Простить меня прошу. Отцы и братья,
Не осудите! Старому, сѣдому
И стыдно-бы, да человѣкъ я слабый,
Лѣтами старъ, за то душою молодъ.

Облѣзловъ.

Какой старикъ, ты лучше молодыхъ —
И старъ, да дюжъ.

Воевода.

Безъ бабы не живется;
Грѣха боюсь — такъ вздумалъ ожениться.

Облѣзловъ.

И въ добрый часъ.

Воевода.

И не о томъ-бы думать,
Молиться-бы, да слабость наша.

Бастрюковъ Семенъ.

Что̀-же
Жениться-то объ эту пору! Сколько
Тебѣ и жить-то! Было двѣ жены,

Чего-жь тебѣ! Не дѣло, такъ не дѣло —
Тебѣ-то блажь, а баба-то засохнетъ,
За старикомъ живя.

Воевода.

Что̀ значитъ умъ-то!
Не вамъ чета. И слушать-то отрада.
Отъ умной головы совѣту много
Хорошаго. А васъ про что̀ ни спросишь,
Отвѣту нѣтъ; а у него какъ разъ
Уменъ отвѣтъ и скоръ. Развѣсьте уши
И слушайте Семена Бастрюкова!
Ужь если онъ, такой разумный, скажетъ,
Что не женись, Нечай Григорьичъ, — значитъ,
Что надобно жениться безпремѣнно.

Бастрюковъ Семенъ.

Ты на смѣхъ, что̀-ль?

Воевода.

Какъ хочешь, такъ и думай;
За что̀ почтешь, не буду спорить.

Бастрюковъ Семенъ.

Ладно-жь!
Припомни ты! Я сорокъ лѣтъ на службѣ,
Израненъ весь, доспѣхи боевые
Я сорокъ лѣтъ носилъ. Литва и нѣмцы
До сей поры боятся Бастрюкова.
Губнымъ служилъ по выбору; не ползалъ,
Не кланялся подъячимъ по приказамъ,
Не кланялся: пустите покормиться!
Своимъ кормлюсь всю жизнь. Моя обида
Откликнется тебѣ; держись да крѣпче!
Въ Москвѣ бывалъ, туда дорогу знаю.

Воевода.

Москва Москвой; готовься самъ къ отвѣту.
Въ помѣстьи ты, какъ въ омутѣ, усѣлся

И думаешь — ты царь, тебѣ суда нѣтъ.
Мы выведемъ на свѣжую водицу.

Бастрюковъ Семенъ.

Меня?

Воевода.

Тебя.

Бастрюковъ Семенъ.

Нѣтъ, руки коротеньки!

Воевода.

Длиннѣй твоихъ. Ты бѣглыхъ укрываешь
И зернщиковъ, и воровское держишь.

Бастрюковъ Степанъ.

Что̀-жь, батюшка, ты смотришь! Что̀-жь онъ лаетъ!
Царю челомъ ударимъ о безчестьи.

Воевода.

Молчи, щенокъ!

Бастрюковъ Степанъ.

(Бросается на Воеводу).

Ахъ, старая собака! (Его удерживаютъ.)

Бастрюковъ Семенъ.

Царю челомъ ударимъ, а покуда
Ты бородой отвѣтишь. Безъ остатку
Всю выдеру. (Бросается на Воеводу.)

Воевода.

Держите ихъ, держите! (Его загораживаютъ.)

Облѣзловъ.

Семенъ, уймись! Безлѣпичное дѣло
Затѣялъ ты.

Бастрюковъ Семенъ (наступая).

Не я, а онъ затѣялъ!
Не уступлю, я самъ не хуже.

Голоса.

Пречистую, Пречистую несутъ!

(Всѣ снимаютъ шапки, нѣкоторые падаютъ на колѣни. Воевода, Облѣзловъ и ихъ свита уходятъ въ ворота. Бастрюковы Семенъ и Степанъ стоятъ, благоговѣйно склонивъ головы.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе первое.

Сцена I.

Густой садъ. Налѣво теремъ съ выходомъ и крыльцомъ; направо баня; въ глубинѣ стоячій тынъ, изъ котораго нѣсколько надолбъ вынуто; за тыномъ, когда онъ разобранъ, виденъ берегъ Волги.

Явленіе первое.

Рѣзвый, Степанъ Бастрюковъ въ кустахъ. **Кубасъ** и **Шишига** у разобраннаго тына.

Рѣзвый.

Кубасъ, Шишига, забирайте тынъ
Да разомъ въ лодку, и лежи, какъ мертвый!
Да не дремать! По свисту подымайся;
А по второму ты, Кубасъ, за весла,
А ты, Шишига, здѣсь у лазу будь!

Бастрюковъ.

Да поживѣй!

Кубасъ.

Ты свистни, а мы смыслимъ.
Передъ тобой, какъ листъ передъ травой!

(Загораживаютъ тынъ).

Бастрюковъ.

Спасибо вамъ, робята! Услужили!

Рѣзвый.

Кому-жь служить, какъ не тебѣ, бояринъ!
Одно и дѣло — веселить да тѣшить
Тебя, Степанъ Семенычъ.

Бастрюковъ.

Да еще-бы!
Потоль и тѣшиться, пока живется!
Вѣдь однова живемъ на свѣтѣ бѣломъ.
Не въ чернецы-жь идти! Теперь забота
Одна въ умѣ; одно и сплю, и вижу,
Какъ Марью Власьевну достать.

Рѣзвый.

А мы-то!
Да насъ и хлѣбомъ не за что кормить,
Коль мы тебѣ забаву не доставимъ.
Да будь она за тридевять замками,
За тридесять морями — мы достанемъ.
Вчера всю ночь работали, пилили
Сосновый тынъ, шесть иголъ вынимали,
Да и опять поставили, какъ было.
И разберемъ, и заберемъ въ минуту
Широкій лазъ, хоть тройкой поѣзжай.

Бастрюковъ.

А крѣпко Власъ живетъ.

Рѣзвый.

На всемъ посадѣ
Ни у кого нѣтъ выше городьбы;
Казну блюдетъ.

Бастрюковъ.

Ну, мы казны не тронемъ.

Рѣзвый.

А дочерей ужь не взыщи. Бояринъ,
Никакъ идутъ. Схоронимся покуда.

Бастрюковъ.

Куда-же намъ?

Рѣзвый.

Вотъ баня!

Бастрюковъ.

Ну, и ладно!

(Уходятъ въ баню.)

(Входятъ: Прасковья Власьевна, Марья Власьевна, Недвига; сѣнныя дѣвушки вносятъ ковры, подушки и разное шитье.)

Явленіе второе.

Недвига, Прасковья и Марья Власьевны, сѣнныя дѣвушки.

Марья Власьевна.

Намъ въ теремѣ и тѣсно, да и душно;
Жара, какъ въ банѣ, а тебѣ и любо,
Коль у тебя въ Петровки стынетъ кровь.
Ты старая; тебя не манитъ лѣто
На волюшку, на шелковы луга,
Въ тѣнистый боръ, гдѣ бѣлымъ днемъ потемки,
Въ зеленый садъ, гдѣ алый цвѣтъ цвѣтетъ,
Гдѣ вишенье, орѣшенье назрѣло
И налилось, и ждетъ дѣвичьихъ рукъ.
Мы не старухи, намъ безъ печки жарко,
Не больно милъ намъ новъ-высокъ теремъ.

Недвига.

Ну, въ садъ, такъ въ садъ; мнѣ все равно, старухѣ.

Марья Власьевна.

Что теремъ, что тюрьма — одно и то-же.

Недвига.

Ну, будь по вашему. Вотъ здѣсь и сядемъ.

(Садятся. Молчатъ.)

Охъ, не люблю, когда молчатъ! Въ молчанки

Мы, что-ль, играть сошлися! Ну-те, дѣвки,
Повеличайте молоду княжну.

Прасковья Власьевна.

Все величать! Довольно! Надоѣли.

Недвига.

Сказать, аль нѣтъ? Вѣстимо, что не дѣло
Холопское о господахъ судачить,
И промолчать нельзя.

Марья Власьевна.

Ну, что̀ такое?

Недвига.

Да все про то же, все про жениха-то;
Что̀ у кого, а у меня забота
Одна.

Марья Власьевна.

Тебѣ-то что̀, коль ей по сердцу?

Прасковья Власьевна.

По сердцу — не по сердцу, а пойду
И охъ не молвлю!

Недвига.

Думали, гадали
Родимые, да вотъ и догадались.
Ну, ровня-ли? Сѣдой, какъ лунь, согнутый,
Глядитъ медвѣдемъ, такъ и хочетъ съѣсть.
Одно и лестно, что большой бояринъ,
Такъ не съ боярствомъ жить, а съ человѣкомъ.
Какъ мѣсяцъ ни свѣти, а все не солнце!

Марья Власьевна.

Ей что ни попъ, то батька: все равно;
Ей лишь-бы замужъ, разбирать не станетъ.

Прасковья Власьевна.

Само собой. Да развѣ наша воля
Себѣ мужьевъ по сердцу выбирать?
Прикажутъ — и конецъ; а милъ-ли, нѣтъ-ли —
Тебя не спросятъ.

Марья Власьевна.

Лучше утопиться.

Прасковья Власьевна.

Не мы однѣ, всѣмъ дѣвкамъ та же доля,
А всѣмъ топиться — Волгу запрудишь.

Марья Власьевна.

Другая-бъ плакала, а ты такъ рада.

Прасковья Власьевна.

О чемъ, о комъ я буду горевать-то?
Боярыней живи да величайся,
Ѣшь сладкое, медовъ сыченыхъ въ волю,
Гора горой пуховики лебяжьи
Въ опочивальнѣ; хочешь спать, такъ спи,
А нѣтъ — лежи: пусть тонетъ бѣло тѣло
И нѣжится. Да вотъ, сама увидишь,
Такъ раздобрѣю въ годъ, что не узнаютъ.
Работы нѣтъ, заботы не бывало!
Сиди, какъ пава, а кругомъ рабыни
Кроятъ и шьютъ, и строчатъ во сто рукъ.
Такая жизнь, что умирать не надо!
Чего жалѣть-то? Дѣвичью красу
Да косу русую? Объ ней поплачу,
Какъ расплетутъ, да по уши повяжутъ
Волоснякомъ, да бабью кику вздѣнутъ.

Недвига.

Тебѣ съ нимъ жить, ну и живи, какъ знаешь.
Не наше дѣло, конченъ разговоръ!
Что̀-жь мы начнемъ? Всѣ пѣсни перепѣли,

Переиграли игры, развѣ сказку
Договорить, что давѣ начинали.
Да съ уговоромъ: нѐ-любо — не слушай,
Лгать не мѣшай!

Прасковья Власьевна.

Досказывай хоть сказку.

Марья Власьевна.

Ты думаешь, намъ очень любы сказки?
Отъ скуки слушаемъ; одна забота,
Какъ время скоротать. А вотъ ты мелешь,
Мы слушаемъ, такъ время и проходитъ.

Прасковья Власьевна.

Досказывай Никиту Кожемяку!

Недвига.

Ну, долго-ль, коротко-ли, въ сказкѣ скоро;
На дѣлѣ-то не вдругъ. Ну вотъ, въ ту пору
Сидитъ себѣ Никита, кожи мнетъ.
И держитъ онъ, красавицы мои,
Въ рукахъ двѣнадцать кожъ; вдругъ царь въ кожевню.
Взглянулъ Никита, такъ вотъ и затрясся,
Со страху ходнемъ руки заходили,
И разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ.

Марья Власьевна.

Ну, ври еще!

Недвига.

Извѣстно, сказка — складка,
А пѣсня — быль: не мимо говорится.

Марья Власьевна.

Не всякая. Сама-же ты пѣвала,
Что воля краснымъ дѣвушкамъ гулять;

Молодкамъ миновалася гульба.
Мы дѣвки вотъ, а все живемъ въ неволѣ.

Недвига.

Досказывать, аль нѣтъ?

Прасковья Власьевна.

Ну, брось, не надо!
Ужь надоѣло про змѣёвъ-то слушать!

Недвига.

Чего-же вамъ?

Марья Власьевна.

Любовную скажи!

Прасковья Власьевна.

Ты разскажи, какъ въ теремѣ высокомъ
Сидитъ красавица; замкомъ булатнымъ
Дверь заперта дубовая, и стража
И день, и ночь кругъ терема стоитъ.
И солнцемъ не печетъ, и буйный вѣтеръ
Пахнуть не смѣетъ на нее.

Недвига.

А дальше?

Прасковья Власьевна.

А дальше я не знаю; я не стала-бъ
Просить тебя, сама-бы разсказала.
Ты знаешь всю; тебѣ и книги въ руки.

Марья Власьевна.

Какъ добрый молодецъ прокрался въ теремъ ...
Да ты намъ все разсказывай, какъ было.

Недвига.

А мать услышитъ, кто въ отвѣтѣ будетъ?

Марья Власьевна.

Пойдемъ въ малину! Не найдутъ до завтра.

Недвига.

Ну, быть по вашему! Срамницы, право!
Васъ хлѣбомъ не корми, а дай послушать
Соромскихъ сказокъ. Да и то сказать —
На заперти сидимъ, людей не видимъ,
Гулять нѣтъ воли, миловаться не съ кѣмъ,
А у живого на умѣ живое.

(Всѣ уходятъ. Рѣзвый и Степанъ Бастрюковъ показываются изъ бани.)

Явленіе третье.

Бастрюковъ и Рѣзвый.

Рѣзвый.

Разсыпались въ кустахъ.

Бастрюковъ.

Мани легонько!

(Рѣзвый свищетъ. Марья Власьевна подходитъ къ тыну, осматривается; Рѣзвый скрывается, Бастрюковъ выступаетъ).

Явленіе четвертое.

Бастрюковъ, Марья Власьевна, Рѣзвый у тына.

Марья Власьевна.

Вотъ диво-то! Не съ неба-ль ты свалился?
Не вихорь-ли занесъ?

Бастрюковъ.

Да надоѣло
Черезъ заборъ вести переговоры.
И видитъ глазъ, да зубъ нейметъ. Поближе
Хотѣлось быть; лицомъ къ лицу, бокъ-о̀-бокъ
Рѣчь тайную, любовную держать,

И миловаться, какъ душѣ угодно.
Мы разобрали тынъ.

Марья Власьевна.

Ты, парень, ловокъ.

Бастрюковъ.

Вѣдь рано-ль, поздно-ль, надо-жь будетъ, Маша,
Тебѣ покинуть свой теремъ высокій,
Чужую сторону узнать, такъ лучше
Съ милымъ дружкомъ тайкомъ уѣхать. Развѣ
Узнаешь думу батюшки-отца
Иль матушки твоей башку пустую?
Загубятъ вѣкъ, спихнутъ за старика
Постылаго на горе да на слезы.
Чегò-же ждать? Чтò думать? Свистнуть, чтò-ли?
У насъ готово, люди въ лодкѣ: сядемъ
Да и поѣдемъ.

Марья Власьевна.

Какъ-же, дожидайся,
Такъ и поѣду! Нѣтъ, ошибся, парень.
Ты поглупѣй ищи!

Бастрюковъ.

Ты вотъ какъ, Маша!
Ужь нелюбъ сталъ?

Марья Власьевна.

За чтò тебя любить-то?
Обманщикъ ты! О святкахъ-было, помнишь,
У насъ въ дому плясали скоморохи,
Ты мѣхоношей былъ, ты чтò мнѣ баялъ?
Что ты купецкій сынъ, Иванъ Ковригинъ.
Зима прошла, весна-красна настала,
На деревѣ у моего окна
Ты по ночамъ сидѣлъ, и коротали
Тайкомъ съ тобой весеннія мы ночи.
Не разъ, не два я спрашивать пытала

Объ имени и отчествѣ твоемъ:
Иванъ Ковригинъ, только и отвѣту.
Ну, какъ тебѣ не грѣхъ? Я все узнала;
Ты не купецкій, а боярскій сынъ
Степанъ Семенычъ, Бастрюковыхъ роду,
И скоморохи-то — твои все слуги,
И самъ ты скоморохъ.

Бастрюковъ.

Тебѣ-же лучше:
Боярскій сынъ, — тебѣ почету больше,
Со скоморохомъ веселѣе жить.

Марья Власьевна.

Ну, нѣтъ, старуха надвое сказала.
Купецкій сынъ-то женится честь-честью,
А у тебя, я знаю, во дворѣ-то
Все краденыя дѣвки да молодки;
И я въ такихъ-же буду. Нѣтъ, зачѣмъ-же?
А ты женись, какъ слѣдуетъ, порядкомъ,
Тогда вези, куда душѣ угодно.

Бастрюковъ.

Да я-бы радъ, да, вишь, Нечай Шалыгинъ
Беретъ сестру твою, Прасковью, замужъ;
Онъ врагъ заклятый и отцу, и мнѣ;
Не то, что сватать, мнѣ нельзя и носу
Показывать.

Марья Власьевна.

Ну, станемъ дожидаться;
Мнѣ лѣтъ немного, я не перестарокъ.

Бастрюковъ.

Толкуй съ тобой; а замужъ отдадутъ?

Марья Власьевна.

Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станутъ — ну, тогда не знаю,

Быть можетъ, парень, выйдетъ на твое;
Тогда ломайте тынъ, готовьте лодку,
Бери въ охапку и тащи домой.

Бастрюковъ.

Голубушка! (Обнимаетъ.)

Марья Власьевна.

Ты волю-то не очень
Давай рукамъ, повремени до срока!
Придетъ пора, — ни слова не скажу,
Твоя-же буду.

Бастрюковъ.

Жизнь моя, лебедка!
Пройди весь свѣтъ отъ края и до края,
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ немирнымъ,
Ищи другого парня, не найдешь,
Чтобъ такъ любилъ, какъ я. Да вотъ что̀, Маша,
По нашему любить, такъ вотъ какъ: видишь
Булатный ножъ?

(Вынимаетъ ножъ изъ-за пояса.)

Марья Власьевна.

Да что̀ ты! Богъ съ тобой!

Бастрюковъ.

Нѣтъ, погоди! Промолви только слово —
И глазомъ не моргну, по рукоятку
Въ грудь опущу. Вели!

Марья Власьевна.

Да вѣрю, вѣрю.

Бастрюковъ.

Убей меня Господь на этомъ мѣстѣ!

Марья Власьевна.

Да лжешь-ли, нѣтъ-ли, самъ отвѣтишь Богу,
А слушать сладко.

Бастрюковъ.

Значитъ, по рукамъ? (Подаетъ руку.)

Марья Власьевна.

Да что̀ ужь говорить! Тебя полюбишь,
Такъ не разлюбишь скоро. Поведешься
Съ тобой, такъ на другихъ потомъ не взглянешь.
Ишь ты какой пригожій уродился. (Прислушивается.)
Домой пошли. Пора. Прощай!

(Идетъ; навстрѣчу ей выходитъ шутъ.)

Ай, ай! (Прячется въ кусты.)

Бастрюковъ.

Что она?

Рѣзвый.

Шутило воеводинъ. (Прячутся въ баню.)

Явленіе пятое.

Шутъ, потомъ Воевода, Власъ, Настасья и дѣвки.

Шутъ.

Авось-то онъ смирнѣе у невѣсты.
А все боюсь, душа уходитъ въ пятки.
Бродилъ кой-гдѣ; съ недѣлю укрывался,
А надобно-жь когда-нибудь явиться.
Велитъ сыскать, такъ не проси пощады.
Ухъ! Идолъ! Змѣй Горынычъ! Чудо-юдо!

(Входитъ Воевода, за нимъ Власъ и Настасья; дѣвки несутъ жбаны, чары и ковриги).

Шутъ (изъ-за кустовъ).

Бываетъ виноватому прощенье?

Воевода.

Хоть рѣдко, а бываетъ иногда.

Шутъ (падая на колѣни).

Помилуй, дяденька! Впередъ не буду.

Воевода.

Вставай, собака! Съ одного вола
Двѣ шкуры не дерутъ. Да только помни,
Шутить съ оглядкой, какъ-бы не заплакать!

Шутъ.

Всѣмъ закажу, и недругу, и другу
Шутить съ тобой! А то накладно, дядя, —
Я языкомъ шучу, а ты дубинкой!

Власъ.

Покрой ковромъ бесѣдку-то, Настасья!
Пожалуй, осударь, Нечай Григорьичъ,
Изволь присѣсть, не нудь боярскихъ ногъ.

Воевода (садится).

Мы здѣсь свои, и вы садитесь рядомъ.
Вы нареченные мнѣ тесть и теща.

Власъ.

Не подобаетъ намъ съ женишкой Настькой
Передъ тобой, высокимъ воеводой,
Сидѣть да барствовать. Намъ, темнымъ людямъ,
Холопями твоими быть за счастье;
Родня родней, честь честью, осударь.
Ты погости у насъ, а мы послужимъ.

Настасья.

Да ну-ка, ты! Служи одинъ, я сяду.
Я экой чести съ роду не видала,
Во снѣ не грезилось; что̀ я за дура —
Привелъ Господь сѣсть рядомъ съ воеводой,
А я не сяду! На-ко, дожидайся!
Сажаетъ самъ! Хоть малость посижу-то,
А сколько чести у меня прибудетъ!

Власъ.

Не осуди! Прискорбна головой,

Съ измальства скудоумна, Богъ обидѣлъ.
Робячій смыслъ; нелѣпое творитъ.

Воевода.

Не тронь, сидитъ.

Шутъ.

Я, дядя, тоже сяду.
Понаберись-ка разума-ума
Отъ насъ съ Настасьей. Хитрое-ли дѣло
Судить, рядить да рѣчи разводить
Съ боярами да съ думными дьяками!
Поговори-ка съ нами, дураками!

Власъ (подчуетъ медомъ).

Откушай, не побрезгуй! Чѣмъ богаты,
Тѣмъ мы и рады.

Воевода.

Покажи дорогу!
Допрежь хозяина и попъ не пьетъ;
Клади начинъ и подходи по ряду!

Власъ.

Желаю здравствовать во многи лѣта!
Храни тебя Господь, да царь люби!
Не осуди, что рѣчи неумильны,
Что мы, по простотѣ своей, не знаемъ,
Какъ чествовать и величать тебя.

(Пьетъ и наливаетъ.)

Воевода.

Спасибо, Власъ! Проси теперь хозяйку.

Власъ (кланяясь).

Хозяюшка!

Настасья.

Ужь пить-ли мнѣ-то, право?

Власъ.

Да не дури! Я кланяться не стану —
Примай да бей челомъ.

Настасья (беретъ чару).

Коротокъ разумъ
У бабы-то; сказала-бъ, да не знаю,
Грѣхомъ обмолвишься, неладно выйдетъ.
Ну, будь здоровъ. (Цалуются.)

Воевода.

Спасибо и на этомъ.

Власъ.

Теперь сама проси.

Настасья.

Покорно просимъ.

Воевода.

Въ гостяхъ — въ неволѣ. Отказать не смѣю.
Я выпью! (Пьетъ.) Знатный медъ, стоялый, крѣпкій,
Хорошій медъ! Ты, Власъ, живешь исправно.

Власъ.

Да есть-таки запасъ про всякій случай:
Для праздниковъ, вотъ дочери невѣсты,
Такъ для родни, да для поповъ пасемъ —
Поподчивать послаще. Все-жь не ровня
Твоимъ медамъ боярскимъ; намъ далеко
Съ тобой тягаться, мы живемъ черно,
Да и сварить-то путно не умѣемъ.
Ты наше малое поставь въ большое.

Воевода.

Не диво пиво, дорога любовь.

(Отдаетъ чару Настасьѣ.)

Не даромъ говорятъ: не будь запасливъ,
Будь гостю радъ.

Шутъ.

Я не обсѣвокъ въ полѣ
Такой-же гость, а ты меня обносишь!
Пирогъ съ крупой и мы съ рукой, да, видно,
Кого блинками, а меня пинками.

Воевода.

Не по губамъ тебѣ, языкъ проглотишь.

Шутъ.

Ну, зелена винца!

Власъ.

Вотъ есть въ сулейкѣ.

Шутъ.

Покланяйся, а я ломаться стану.

Власъ.

Ты самъ себя поподчуй, сколько влѣзетъ.
Бери совсѣмъ. Своя рука владыка.

Воевода.

Ты, волчья сыть, медвѣжья драть, дорвался!
Смотри, не задури!

Шутъ.

Я помаленьку.

Власъ.

Пей помаленьку, только выпей все.

(Шутъ отходитъ.)

Воевода.

Закону нѣтъ глядѣть невѣстъ до свадьбы,
А мнѣ охота; хоть глазкомъ взглянулъ-бы.

Власъ.

Да ты глядѣлъ.

Воевода.

Не сыто наше око:
Посмотришь разъ, манитъ тебя въ другой.

Настасья.

Вотъ женишься, такъ наглядишься вдоволь.
Неказанному золоту цѣны нѣтъ;
Показано, такъ всякій цѣну знаетъ.

Воевода.

Здорова? Не скучаетъ?

Власъ.

Да съ чего ей!
Объ чемъ скучать? Растетъ, толстѣетъ, всходитъ,
Какъ на дрожжахъ опара.

Настасья.

Ты, бояринъ,
Не обижай! Въ любви держи да въ холѣ,
Чтобъ намъ не плакаться.

Власъ.

Молчи ты, дура!

Настасья.

Да что̀ ты! Что̀ молчать! Я не чужая,
Я мать родная. Ты меня послушай,
Родимый зятюшка, Нечай Григорьичъ!
Ужь чтобъ и мнѣ, старухѣ, былъ почетъ,
Чтобъ всѣ-таки, отъ мала до велика,
Мнѣ кланялись, а я чтобъ величалась.
Вотъ я иду, примѣромъ, хоть къ обѣднѣ, —
Народъ безъ шапокъ, съ кѣмъ заговорила —
Чтобъ на колѣни падалъ.

Власъ.

Ты очнись:
Коль захмелѣла ты, поди проспись,
Ты голову съ меня снимаешь!

Настасья.

На-ко!
Я теща воеводская! Кому-же
И величаться, какъ не мнѣ? Вѣстимо,
Я въ городѣ большая, больше всѣхъ.

Воевода.

Съ тобой начни, до завтра протолкуешь,
А мнѣ пора. Безсудный, собирайся!
Чужа изба засидчива. Прощайте!

Шутъ (въ кустахъ).

На слѣдъ попалъ по красному по звѣрю.
Ты обожди, я погоню на васъ.

Власъ.

Переложилъ хмельного, брешетъ спьяну.

Шутъ.

Вотъ звѣрь, такъ звѣрь; не соболь, не куница,
А красная дѣвица. Эй! Ловите!
Перенимайте на дорогѣ!

(Выбѣгаетъ Марья Власьевна.)

Явленіе шестое.

Воевода, Власъ, Настасья, Шутъ и Марья Власьевна.

Власъ.

Марья!
Ты какъ зашла?

Марья Власьевна.

Съ сестрой гуляли, съ няней
Мы давѣ здѣсь; онѣ домой пошли,
А я замѣшкалась; бѣгу за ними,
Вдругъ онъ навстрѣчу, я въ кусты съ испугу
И схоронилась, тамъ и просидѣла.

Настасья.

Вотъ я тебя! Бѣги домой, срамница!
Безстыдница!

Воевода.

(Беретъ за руку Марью Власьевну.)

Постой! Какія очи!
Нельзя налюбоваться, наглядѣться!
Я много видѣлъ на своемъ вѣку,
Такихъ очей не приводилось видѣть.
Красавица, ты изъ какой земли?
Кто породилъ тебя, кто возлелѣялъ?

Власъ.

Меньшая дочка, Марья.

Воевода.

Вы обманомъ,
Холопы, смерды, обошли меня.
Похуже сбыть товаръ, такъ воеводѣ,
Получше — дома приберечь. Я знаю
Купецкую замашку. Ты мнѣ ворогъ,
Ты плутовскимъ живешь, обманнымъ дѣломъ!

Власъ.

Помилуй, осударь, мы безъ обману,
По старшинству, Прасковью выдавали —
Таковъ у насъ обычай.

Воевода.

Я Прасковью
И видѣть не желаю, врозь все дѣло!
И Марью я не выпущу изъ рукъ!
Отдайте мнѣ ее! Ее отдайте!
Ее хочу, ее беру, отдайте!
Я васъ озолочу.

Власъ.

Твоя есть воля.
Бери хоть эту, коль пришлась по нраву.

Настасья.

Да что̀ ты! Что̀ ты! Гдѣ-жь такой порядокъ?
Да нешто водится?

Воевода.

Уйми жену!

Власъ.

Да какъ унять, что̀ дѣлать съ ней, бояринъ?
Бью по̀ходя, околотилъ всѣ руки.
Настасья, слушай! Милъ тебѣ, аль нѣтъ
Свѣтъ бѣлый, вольный? Молви только слово
Противное, убью тебя до смерти!
Молчи, да въ ноги кланяйся за милость:
Благодаримъ за честь! (Кланяются.)

Воевода.

Такъ рукобитье?

Власъ.

Приказывай; велишь — сейчасъ ударимъ.

Воевода.

Пойдемъ въ хоромы, тамъ и порѣшимъ. (Настасьѣ.)
Веди невѣсту, при огнѣ посмотримъ,
Здѣсь тёмно стало. Дѣвица-краса,
Ты не слези свои сокольи очи,
Ты не труди свою лебяжью грудь!
Не на̀-горе ко мнѣ пойдешь, на радость.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Шута, который остается на крыльцѣ. Выходятъ Бастрюковъ и Рѣзвый.)

Явленіе седьмое.

Бастрюковъ, Рѣзвый и Шутъ.

Бастрюковъ.

Ахъ, старый песъ! Ты слышалъ, Рѣзвый?

Рѣзвый.

Слышалъ.

Бастрюковъ.

Вѣдь дѣло дрянь.

Рѣзвый.

Бѣда ума прикупитъ.
Ты не кручинься, какъ-нибудь поправимъ.

Бастрюковъ.

Поправить нечѣмъ, надобно украсть.

Рѣзвый.

И я про то-же. Лишь-бы показалась —
Ужь только здѣсь и видѣли ее.

Бастрюковъ.

Да выйдетъ-ли?

Рѣзвый.

Да сердце не утерпитъ.
Урвется какъ-нибудь на малый часъ
Хоть на прощанье вскользь словечко бросить.

Шутъ.

Ай, молодцы! Веселые робята!
Ну, какъ теперь: явить-ли воеводѣ,
Да и накрыть удалыхъ молодцовъ?
Иль зло сорвать — продать его, собаку,
Да послужить робятамъ удалымъ?
Нѣтъ, лучше къ дядѣ. Онъ за эту службу
Не пожалѣетъ горсти серебра. (Уходитъ.)

Бастрюковъ.

Зѣвать не надо! Ты гляди, да въ оба!
Всю ночь прождать, да только-бъ не съ пустыми
Руками намъ домой вернуться. Лучше
Не жить на свѣтѣ, вовсе не родиться!
А уступить нельзя: не мой обычай.

Рѣзвый.

Никакъ идетъ.

Бастрюковъ.

Свисти.

(Рѣзвый свищетъ. Марья Власьевна на крыльцѣ.)

Ты-ль это, Маша?

Явленіе восьмое.

Бастрюковъ, Рѣзвый и Марья Власьевна.

Марья Власьевна.

Иду, родной! Иду и ногъ не чую!
Спаси меня, спаси. Мнѣ все постыло,
Мнѣ лучше въ омутъ, чѣмъ назадъ въ хоромы
Отецъ родной и матушка родима
И продали, и пропили меня.

Бастрюковъ.

Да гдѣ ты?

Марья Власьевна.

Здѣсь! Боюсь идти въ потемкахъ.

Бастрюковъ (въ кустахъ).

Свисти въ другой! (Рѣзвый свищетъ.) Чего со мной бобояться?
Душа моя, голубка, полегоньку
Мы на рукахъ тебя снесемъ до лодки.

(Тынъ разбирается.)

Да и прощай, и поминай, какъ звали.

(Входятъ: Воевода, Власъ, Настасья, Шутъ и слуги съ фонарями.)

Явленіе девятое.

Бастрюковъ Степанъ, Марья Власьевна, Рѣзвый, Воевода, Власъ, Шутъ, Настасья и слуги.

Шутъ.

Держите! ... Воры!

Рѣзвый.

Осударь, спасайся!

Бастрюковъ.

Авось пробьемся. Мнѣ свою голубку
Неужто бросить!

Воевода.

Бросишь поневолѣ.
И радъ-бы взять, да руки не достанутъ.
Вяжите ихъ!

Рѣзвый (вынимаетъ саблю).

Поди-ка, сунься кто!

(Всѣ отступаютъ, Бастрюковъ и Рѣзвый отходятъ къ тыну.)

Бастрюковъ.

Прощай, касатка, не моя — чужая!

Марья Власьевна.

Ну да, чужая. Пусть владѣетъ мной,
Ни ласки онъ, ни слова не дождется.
Мнѣ что̀ сказать, мнѣ чѣмъ тебя утѣшить?
Ему не я, а красота нужна.
Такъ пусть-же силой насъ и обвѣнчаютъ,
Пусть что̀ хотятъ, то дѣлаютъ; я буду,
Какъ мертвая.

Воевода.

Такъ вотъ, Степанъ Семенычъ,
Ты по какимъ дѣламъ пришелъ?

Бастрюковъ.

Ошибся,
Ты не узналъ, я не Степанъ Семенычъ.
(Бастрюковъ и слуги входятъ въ лодку.)

Воевода.

Эй! Люди! Въ лодки да въ погоню, живо!

Одинъ изъ слугъ.

Что было лодокъ — всѣ поотвязали
И по водѣ пустили. Не въ чемъ ѣхать.

Рѣзвый.

Поѣдемъ тихо и пѣшкомъ догонишь.

Воевода.

Смотри, куда поѣдутъ — вверхъ по Волгѣ,
Иль внизъ?

Слуга.

Ни вверхъ, ни внизъ, даются въ рѣку;
Не видно стало, обняли потемки

Настасья.

Ну, видѣли, какъ дѣвокъ-то воруютъ!
Вотъ и гляди! А какъ за ней усмотришь!

Воевода.

Украсть хитро, какъ сторожей поставлю!

Настасья.

Да просто такъ, возьмутъ да и украдутъ.
Не надивлюсь, когда они спознались.

Власъ.

А вотъ найдемъ, притянемъ всѣхъ къ допросу,
Всѣхъ нянекъ, мамокъ, спросимъ и ее.
Эй, заберите тынъ, да подоприте
Его путемъ! Всю ночь ходить дозоромъ!

Воевода.

Ну, мы ее побережемъ покрѣпче.
Ко мнѣ, въ мой домъ ее перевезите,
Что на посадѣ, онъ пустой стоитъ;
Тамъ не украдутъ; пусть живетъ до свадьбы.

Настасья.

Какъ хочешь самъ, а мнѣ не уберечь.
Оно и лучше — отъ бѣды подальше.
Иди домой! Ахъ, батюшки, нейдетъ!

(Толкаетъ, та понемногу подвигается.)

Воевода.

Упрямится. Дай время — обойдется.

(Уходятъ.)

Сцена II.

Сѣни въ домѣ Бастрюкова.

Явленіе первое.

Бастрюковъ, Рѣзвый, Кубасъ и другіе слуги входятъ.

Бастрюковъ (садится).

Душа горитъ, на части сердце рвется
Ретивое. Куда ты подѣвалась,
Моя удача, мой таланъ да счастье?

Рѣзвый.

Степанъ Семенычъ! Выпей хоть маленько,
Облей ты, окати свое сердечко,
Повеселѣе будетъ.

Бастрюковъ.

На роду-ли

Написано, аль злая доля вышла
Спознаться съ горемъ. Ройте мнѣ могилу,
Дубовую колоду приготовьте,
Желтымъ пескомъ засыпьте!

Рѣзвый.

Насъ живыми
Зарыть въ могилу надо, что доводимъ
Тебя до этакой кручины.

Бастрюковъ (встаетъ).

Слуги
И челядинцы вѣрные мои!
Я васъ кормилъ и жаловалъ, и тѣшилъ,
Съ плеча дарилъ свое цвѣтное платье —
Хоть въ жизни разъ и вы меня потѣшьте!
Я въ ноги вамъ ударю, доставайте
Мнѣ Марью Власьевну!

Рѣзвый.

Робята, надоть
Хоть умирать, а доставать. Потѣшимъ
Боярина. Вели, Степанъ Семенычъ,
Промолвить слово.

Бастрюковъ.

Молви.

Рѣзвый (кланяется въ ноги).

Головы
Повинной не сѣкутъ, не рубятъ. Прежде
Ты выслушай, потомъ казни, какъ знаешь.
Хоронится у насъ отъ воеводы
Романъ Дубровинъ.

Бастрюковъ.

Вѣдомаго вора
Во дворъ пустили. Ну, какъ вдругъ нагрянутъ
Да вора вымутъ на моемъ дворѣ!

Въ отвѣтѣ я. По грамотѣ царевой,
И головой и животомъ отвѣчу,
Помѣстье отберутъ на государя
За ваше воровство!

Рѣзвый.

Степанъ Семенычъ,
Не воръ Дубровинъ. Тѣмъ и провинился,
Что жилъ богато, да жена пригожа;
Его томилъ въ острогѣ воевода —
Все денегъ вымогалъ. Сбѣжалъ Дубровинъ,
Такъ онъ въ тюрьму его хозяйку вкинулъ.
И ночи тамъ она не ночевала,
Къ себѣ ее въ хоромы перевелъ.
Въ бѣгахъ былъ съ годъ Дубровинъ, вотъ вернулся,
Сгрустнулось, повидаться захотѣлось
Съ женою.

Бастрюковъ.

Гдѣ-жь она?

Рѣзвый.

У воеводы.

Бастрюковъ.

Такъ вы его пустили?

Рѣзвый.

Да боится
Къ чужимъ пристать. Да что̀-жь, Степанъ Семенычъ,
Пускай живетъ; у насъ его не сыщутъ;
А взыщутся, такъ мы тогда спровадимъ,
И слѣдъ простылъ; а насъ хоть жги огнями —
И знать не знаемъ, слыхомъ не слыхали.
А ужь куда на выдумки гораздой!
Потолковать-бы съ нимъ о нашемъ дѣлѣ,
Худого не придумаетъ.

Бастрюковъ.

Зови!

Рѣзвый.

Кубасъ, бѣги! Да ты найдешь?

Кубасъ.

Пошарю,
Авось найду. Еще-бы не найти!
Я свой, не сыщикъ. (Уходитъ.)

Рѣзвый.

Горе-то убило
Теперь его, а ужь куда затѣйникъ —
Что̀ слово скажетъ, то рублемъ даритъ.

Бастрюковъ.

Послушаемъ. Крестами помѣняюсь,
Коль мнѣ бѣду бобами разведетъ,
Печаль-тоску на радость поворотитъ.

Рѣзвый.

Кромѣ его и некому.

Бастрюковъ.

Посмотримъ. (Входитъ Дубровинъ.)

Явленіе второе.

Тѣ-же и Дубровинъ.

Дубровинъ.

Здорово, осударь, Степанъ Семенычъ!

Бастрюковъ.

Живешь давно, а глазъ своихъ не кажешь
Хозяину. У насъ такихъ порядковъ
Не водится межъ добрыми людьми.

Дубровинъ.

Да по̀-что и тебѣ? Живу я смирно,

Тебя не трогаю. И ты не трогай!
Пришелъ не въ гости, ни съ добромъ, ни съ худомъ,
Пришелъ по-тиху и уйду по-тиху.
Пришелъ я незванъ и уйду я негнанъ,
А за постой скажу тебѣ спасибо!
Зачѣмъ покликалъ?

Бастрюковъ.

Дѣло есть, Дубровинъ.
Не боязно тебѣ?

Дубровинъ.

Чего бояться?

Бастрюковъ.

Велю связать, да къ воеводѣ.

Дубровинъ.

Шутишь!
Я пуганый, меня не испугаешь.

Бастрюковъ.

И то шучу. И волосомъ не тронутъ.
Нужна послуга.

Дубровинъ.

Будетъ-ли подъ силу?

Бастрюковъ.

А есть охота?

Дубровинъ.

Твой слуга, бояринъ.

Бастрюковъ.

Не ждалъ бѣды, сама бѣда сыскалась,
Тужить не думалъ, довелось тужить.

Дубровинъ.

За что̀, про что̀ сыръ боръ горитъ?

Бастрюковъ.

За дѣвку!
Въ рукахъ была, да отняли изъ рукъ.

Дубровинъ.

Здѣсь дѣвушки по денежкѣ.

Бастрюковъ.

Не купишь
И тысячей. Слыхалъ-ли ты про Власа
Дюжо̀ва.

Дубровинъ.

Кто̀-жь его не знаетъ, плута,
Лисицу старую!

Бастрюковъ.

А дочекъ видѣлъ?

Дубровинъ.

Чтобъ не солгать, разъ десять доводилось.
Молва идетъ — не знаю, правда-ль, нѣтъ-ли?
Прасковью Власьевну за воеводу
Просватали. Ужель, Степанъ Семенычъ,
Я молвлю не въ укоръ, ее жалѣешь?
Похаять нечего, съ лица красива,
Собой статна, а все-же кусъ не твой;
Вотъ Марья Власьевна совсѣмъ другая,
Какъ не родныя точно.

Бастрюковъ.

Про нее-то
И говорю, ее-то и жалѣю;
Мы по любви сошлись и столковались.

Дубровинъ.

Чего-жь жалѣть-то? Сватайся порядкомъ,
Не отдадутъ, возьми безъ позволенья.

Бастрюковъ.

Такъ и задумалъ.

Дубровинъ.

Ну!

Бастрюковъ.

Да помѣшали.
Я за руку, а за другую...

Дубровинъ.

Кто-же?

Бастрюковъ.

Все онъ-же, воевода.

Дубровинъ.

Не татаринъ,
Не женится на двухъ.

Бастрюковъ.

Да онъ раздумалъ
Прасковью взять. Какъ увидалъ меньшую,
Такъ подавай ее, а ту не надо.
Во дворъ беретъ беречь, чтобъ не украли.

Дубровинъ.

А надо-бы украсть. Ужли уступишь?

Бастрюковъ.

Что уступить, что заживо въ могилу!
Мнѣ жизнь не въ жизнь! Безчестье-то безчестьемъ,
Да каково, слюбившись, разставаться.

Дубровинъ.

Не плакать стать; слезами не поможешь.
Подумать, да за дѣло.

Рѣзвый.

Въ добрый часъ!

Дубровинъ (оглядываясь).

Повыстудить-бы избу. Лишнихъ за дверь.
Останься, Рѣзвый, — ты не помѣшаешь.

Бастрюковъ (слугамъ).

Идите вонъ и подождите зову.

(Слуги уходятъ, кромѣ Рѣзваго.)

Дубровинъ.

Бояринъ, я пришелъ не даромъ. Тоже
Должишко есть; повыправить хочу.
Взаймы жену, безъ спросу, люди взяли:
Просить по чести — самого посадятъ,
Что вѣкъ не вылѣзешь. Одно осталось —
Свое добро у вора воровать.
Давай ужь вмѣстѣ! Первымъ дѣломъ надо,
Чтобъ воевода выѣхалъ дня на два,
Хоть за охотой, хоть на богомолье.

Бастрюковъ.

Изъ города не выживешь его.

Дубровинъ.

А надо-бы. Намъ только самого-то
Долой-бы съ глазъ, а челядь — наша будетъ.

Бастрюковъ.

Хитёръ, собака, не обманешь.

Дубровинъ.

Можно.
На свѣтѣ нѣтъ такого хитреца,
Чтобъ не было хитрѣе. Воевода
Хитёръ, да не уменъ.

Бастрюковъ.

Почемъ ты знаешь?

Дубровинъ.

Не станетъ умный съ вѣдунами знаться,

А онъ безъ вѣдуна не ступитъ шагу.
Во всякомъ дѣлѣ, важномъ и неважномъ,
Мизгирь ему совѣтникъ. Такъ пристойно-ль
Боярину ума-то набираться
Отъ мужика?

Бастрюковъ.

А кто таковъ Мизгирь?

Дубровинъ.

Извѣстный плутъ; слыветъ за вѣдуна
У глупаго народа. Онъ не мало
Людей изводитъ порчей, а другого
Не смыслитъ чародѣйства. Ужь давно-бы
Его казнить пора за лиходѣйство.
Послать въ Москву, тамъ судъ коротокъ будетъ,—
Не волоча, сожгутъ его живого
За волховство. А умный воевода
Его на волѣ держитъ, днемъ и ночью
Во всякій часъ къ себѣ въ покои водитъ,
По книгамъ смотритъ, въ шестокрылъ и рафли.
Вотъ дѣло-то какое. Поклониться
Приходится.

Бастрюковъ.

Кому?

Дубровинъ.

Да мнѣ.

Бастрюковъ.

Изволь.

Рѣзвый.

Постой, Степанъ Семенычъ, ты бояринъ;
Заставь холопей кланяться ему.
У насъ спина гибка.

Дубровинъ.

Да васъ не надо,
Пусть самъ поклонится.

Рѣзвый.

На что̀-жь тебѣ
Его поклоны нужны?

Дубровинъ.

Сердце тѣшу.
Я кланялся не мало и задаромъ;
Пускай хоть разъ поклонятся и мнѣ.
Я денегъ не прошу, меня не купишь,
А за поклонъ я душу положу.

Бастрюковъ.

Поклонъ не въ трудъ и не въ безчестье, если
За дѣло кланяться и за услугу.
Я поклонюсь, да было-бы за что̀.

Дубровинъ.

Меня Мизгирь боится; прикажу
Изъ города спровадить воеводу,
Такъ онъ спровадитъ, а послать деньжонокъ
Да припугнуть, да посулить еще,
Такъ завтра-же ушлетъ на богомолье —
И тотъ пойдетъ.

Бастрюковъ.

Чѣмъ свѣтъ пошлю Кубаса.

Рѣзвый.

Я самъ снесу.

Бастрюковъ.

А много-ль денегъ надо?

Дубровинъ.

Не дорого продастъ онъ воеводу.
Чего не жаль, то и пошли.

Бастрюковъ.

Ну, ладно.

Дубровинъ.

Прости, до завтра!

Рѣзвый.

Ты, Степанъ Семенычъ,
Опочивать ложись!

Бастрюковъ.

Вели дать меду,
Мнѣ не впервой гулять до бѣла свѣта.
(Рѣзвый уходитъ.)
Ты гдѣ бродилъ?

Дубровинъ.

Не клиномъ свѣтъ сошелся.

Бастрюковъ.

Гулялъ по Волгѣ?

Дубровинъ.

Волей и неволей,
Въ бурлакахъ...

Бастрюковъ.

И въ удалыхъ молодцахъ?

Дубровинъ.

Всего бывало.

Бастрюковъ.

И большой дорогой
Въ ночь темную?

Дубровинъ.

Придетъ пора, покаюсь;
Ни ты чернецъ, ни мнѣ конецъ, бояринъ!

Бастрюковъ.

Здѣсь слухъ прошелъ про Худояра. Слышалъ?

Дубровинъ.

Слыхать — слыхалъ.

Бастрюковъ.

А, можетъ, и видалъ?
Такъ правда-ли, что онъ народъ не грабитъ
И на богатыхъ лишь оброкъ кладетъ;
Не жалуетъ служилыхъ и посадскихъ,
И насъ, дворянъ помѣстныхъ?

Дубровинъ.

Ты боишься?

Бастрюковъ.

Мнѣ что̀ бояться, я живу по правдѣ.

Дубровинъ.

Такъ что̀-жь тебѣ?

Бастрюковъ.

Да поглядѣть охота.

Дубровинъ.

Зачѣмъ, бояринъ?

Бастрюковъ.

Удаль заставляетъ.

Дубровинъ.

Такъ вотъ гляди: мы схожи уродились —
И голосомъ, и волосомъ, и ростомъ
Одинъ въ другого удались точь въ точь.
(Бастрюковъ пристально смотритъ на Дубровина.)
Ну, что̀-жь задумался?

Бастрюковъ.

Да я не знаю —
Вязать тебя за схожесть съ Худояромъ,
Иль чествовать и величать за удаль;
Являть-ли воеводѣ, иль медами

Поить тебя сычеными. Спросить-бы,
Да некого.

Дубровинъ.

Ты у души спроси;
Душа вѣрнѣе скажетъ.

Бастрюковъ.

Правда. (Стучитъ по столу.) Рѣзвый!

(Входятъ: Рѣзвый, Кубасъ и другіе слуги.)

Вина давайте, меду! Пѣсни пойте!
Дымъ коромысломъ! Съ горя зягуляемъ,
А съ радости опохмеляться будемъ.

Слуги (поютъ).

Ужь и полно намъ, робята, чужо пиво пити!
Не пора-ли намъ, робята, свое затирати?
Солодъ молодъ на овинѣ, а хмель на тычинѣ.
Ужь и что́-же вы, робята, пріуныли?
Аль у васъ, робята, денегъ нѣту?

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Свѣтлыя сѣни въ домѣ воеводы на посадѣ. Прямо — входная дверь; налѣво (отъ актеровъ) — дверь въ теремъ, направо — три небольшихъ оконца задернуты одной тафтяной занавѣской; въ лѣвомъ углу изразцовая печь; у печки желѣзная кочерга, по стѣнамъ лавки.

Явленіе первое.

Входятъ. **Настасья, Недвига и дѣвушки.**

Настасья.

Ну, что̀-жь? молчитъ?

1-я дѣвушка.

Не молвитъ ни словечка.

Настасья.

Ни съ кѣмъ?

2-я дѣвушка.

Ни съ кѣмъ.

1-я дѣвушка.

И рта не разѣвала.

Настасья.

Пойти, взглянуть. Ахти, напасть какая!

(Уходитъ въ теремъ.)

Недвига.

Напасть и есть. Не хочетъ слова молвить!

А вы-то дуры! Нѣтъ у васъ умѣнья
Повеселить.

Одна изъ дѣвушекъ.

Коль ты умна, попробуй!
А мы-то ужь и пѣли, и плясали,
На головахъ вотъ развѣ не ходили —
Да не сумѣть, а то-бы попытались.

Недвига.

Толкуй съ тобой! Тебѣ чужая, видно,
А мнѣ своя. Ну, какъ не распотѣшить!
Охоты нѣтъ! Была царева дочка
На выданьи, царевна Несмѣяна;
Сидитъ — не улыбнется, говоритъ-ли —
Не усмѣхнется. Нѣ-въ-которомъ царствѣ
Нашелся парень, разсмѣшилъ таки.

Другая дѣвушка.

Такъ парень, а не мы! Чудна́я, право!

Первая.

И ваша-бы, пожалуй, разсмѣялась,
Какъ привести ей парня по душѣ,
Да гдѣ-же взять?

Недвига.

Ты по себѣ не мѣряй!
Что у самой глаза-то завидущи —
Такъ не у всѣхъ такіе.

Первая дѣвушка.

Говорить-то
Не хочется. До брани недалеко,
Какъ свяжешься.

Недвига.

Знать, нечего?

Первая дѣвушка.

Наврядъ-ли!

Недвига.

Ну, говори!

Первая дѣвушка.

Съ чего она тоскуетъ?
Я слышала. Она сбѣжать сбиралась,
Да не дали.

Недвига.

Такъ что̀-жь?

Первая дѣвушка.

Слюбилась съ парнемъ.

Недвига.

А вотъ и врешь. Когда ей съ нимъ слюбиться?
Она его въ глаза-то не видала.

Первая дѣвушка.

Ты, говоришь, а кто тебѣ повѣритъ?
Ну, какъ сбѣжать, не знавши съ кѣмъ?

Недвига.

Да такъ-же.
Пришелъ да взялъ, не станешь упираться,
А взялъ — повелъ! У бабы волосъ дологъ,
А умъ коротокъ. Ихъ куда ведутъ —
Онѣ идутъ.

Первая дѣвушка.

А, можетъ, и взаправду.

Недвига.

Вотъ то-то-же! Ты не мели пустого!
Молоть пустое — жернова сотрешь.

Уходитъ въ дверь налѣво. Входитъ Неустройко. Ульяна растворяетъ дверь и оглядываетъ комнату.)

— — —

Явленіе второе.

Неустройко и дѣвушки, Ульяна.

Ульяна (грубо).

Кого еще нелегкая несетъ?
Тебѣ чего? Ты пò-что тутъ толчешься?

Неустройко.

(Передразнивая Ульяну).

Чего, чего! Ты рта не разѣвай
Широко-то! Сейчасъ бояринъ будетъ.

Ульяна.

Такъ чтò-жь тебѣ?

Неустройко.

Такъ надо приглядѣть,
Обрядно-ль все у васъ. Я распинался,
Постлалъ ковры, завѣсы къ окнамъ вѣшалъ,
Полавочники клалъ на каждой лавкѣ,
Столы сукномъ завѣсилъ.

Ульяна.

Погляди!
Разуй глаза! Все чисто, все нарядно.
Уйди добромъ! Не суйся, гдѣ не просятъ,
А то дождешься брани.

Неустройко.

Жениховы
Подарки всѣ порядкомъ я поставилъ.
Ларцы и зеркала, бѣлила, перстни,
И мыла всякія, и всѣ покупки,
И рухлядь всю разставилъ и развѣсилъ
Лицомъ на поглядѣнье!

Ульяна.

Ну, такъ чтò-жь?

Неустройко.

У васъ, гляди, все въ кучу сбито.

Ульяна.

Сбито?
Не лучше-ль, не дѣльнѣе-ль твоего
Улажено? Поди-ка ты съ ученьемъ
Изъ терема-то вонъ, покуда цѣлъ!
Глупѣй тебя я, что̀-ли?

Неустройко.

Что̀ ты знаешь?
Ты какъ жила? Весь вѣкъ въ курно̀й избѣ.

Ульяна.

Въ курно̀й избѣ? Въ курно̀й? Гдѣ кочерга-то?

(Беретъ у печки кочергу. Неустройко убѣгаетъ въ дверь. Ульяна бросается за нимъ съ кочергой и натыкается на Воеводу. Входятъ Воевода и Неустройко.)

Явленіе третье.

Воевода, Неустройко, Ульяна и дѣвушки.

Ульяна.

Ахти бѣда! Бояринъ! Виновата! (Кланяется.)

Воевода.

Воюешь ты? Воюй! Не надо бѣса,
Когда ты здѣся. Мнѣ того и нужно.
Ты слушай въ оба! Не по чести мѣсто
Дано тебѣ. Боярскія хоромы
Велика честь для васъ, людишекъ малыхъ.
Ты это чувствуй. Вся твоя забота
Беречь боярышню, отъ ней ни шагу
Не отходить. Какія будутъ рѣчи
Межъ вами, сказывай! А бабъ и дѣвокъ
Не допускай къ боярышнѣ съ рѣчами.

Блюди за ними крѣпко. Все, что нужно,
Черезъ тебя чтобъ шло, никакъ не мимо.
Послужишь честно, честно и отпустимъ
Съ большимъ надѣломъ деньгами и платьемъ,
И замужъ выдамъ. Дворню созовите!

(Неустройко уходитъ.)

И бабъ, и сѣнныхъ дѣвокъ!

(Дѣвушки уходятъ въ теремъ.)

Ульяна.

Не трудна работа
И много милости. Продли Богъ вѣку
Тебѣ на бѣломъ свѣтѣ. Сиротинку
Не забываешь.

Воевода.

Дѣло-то, я знаю,
Тебѣ по сердцу. Нравомъ ты свирѣпа,
Ну, и гляди медвѣдемъ и свирѣпствуй!
А за оплошку удавлю. Ступай!

(Ульяна уходитъ. Входятъ: Неустройко и прислужники обоего пола и кланяются; между ними Олена.)

Явленіе четвертое.

Воевода, Олена, Неустройко и прислуга.

Воевода.

Я жалую васъ милостью боярской:
Не красенъ домъ, не веселъ господину,
И слугамъ сиротливо безъ хозяйки,
Боярыни. Благословеньемъ Божьимъ
И нашимъ счастьемъ, мы нашли дѣвицу
Себѣ по мысли, и понять желаемъ
Себѣ въ жену, вамъ въ мать и госпожу.

Неустройко.

Часъ добрый! Кланяйтесь, благодарите
Боярина. (Кланяются въ ноги.)

Воевода.

Теперь, пока до свадьбы,
Я этотъ домъ со всѣмъ добромъ и съ вами
Невѣстѣ отдаю.

Неустройко.

Опять ударьте
Челомъ ему на милости боярской
И слушайте наказъ.

Воевода.

Наказъ короткій —
Служить боярынѣ, какъ мнѣ, со страхомъ
И вѣжествомъ, въ грозѣ и береженьи;
Не красть, не лгать, отъ всякаго безчинства
И пьянаго питья блюстись всемѣрно!
Все это присказка, а вотъ и сказка. (Встаетъ.)
Чтобъ день и ночь ворота на запорѣ!
Чтобъ день и ночь кругъ дома сторожа!
Чтобъ ни къ кому приходу, ни подсылу!
Чтобъ сѣннымъ дѣвкамъ изъ воротъ ни шагу!
На портомой водить за карауломъ
Не часто! Слово каждое и дѣло
Чтобъ было мнѣ доподлинно извѣстно!
Не только вѣсти въ домъ или изъ дому
Не проносить, а птица прилетѣла
Съ чужихъ хоромъ, чтобъ мнѣ про это вѣдать!
Я батоговъ для васъ не пожалѣю
За малую оплошку; за большую —
Казненнымъ быть нещадно скорой казнью.

Неустройко.

Челомъ боярину и вонъ ступайте!

(Кланяются и уходятъ, кромѣ Олены.)

Явленіе пятое.

Воевода, Неустройко, Олена.

Воевода.

Олена! (Олена останавливается.) Ты все волкомъ къ лѣсу смотришь,
Змѣей шипишь. Пора-бы уходиться,
Забыть про вора-мужа.

Олена.

Не забуду,
Пока жива.

Воевода.

Кто на тебя посмотритъ
Со стороны, такъ скажетъ, что зарѣзать
Меня ты хочешь. Грозными очами
Глядишь на насъ.

Олена.

Да что̀ кому за дѣло
До глазъ моихъ? Гляжу я, какъ умѣю.
Живу покорно, голову поклонно
Держу передъ тобой; что̀ ни заставишь,
Я дѣлаю, не выхожу изъ воли.
Чего̀-жь тебѣ?

Воевода (Неустройко).

Стеречь ее покрѣпче,
Чтобъ не сбѣжала со двора.

Олена.

Кто? Я-то?
Куда сбѣжать? Подумай! Много-ль мѣста
Ты мнѣ оставилъ? Домъ стоитъ покинутъ
И разоренъ по милости твоей,
И дворъ заросъ. А гдѣ Романъ гуляетъ,
Гдѣ буйною головушкой качаетъ,

Печетъ-ли солнце, дождикъ-ли сѣчетъ
Яснòго сокола, въ живыхъ-ли, нѣтъ-ли, —
И я не знаю, да и ты не знаешь.
Куда-жь бѣжать? Ужь развѣ на погостъ —
Надъ матушкой повыла-бъ, что на горе,
На муку зародила, да взглянула-бъ,
Хоть издали, на домъ пустой, да въ Волгу! . .
Да грѣхъ великъ. Ужь я у васъ останусь
Рабой твоей до гробовой доски,
Да буду ждать, чѣмъ насъ Господь разсудитъ.

(Уходитъ.)

Неустройко.

Нѣтъ звѣря злой жены лютѣе.

Воевода.

Правда.

(Входитъ Жилка. Неустройко уходитъ.)

Явленіе шестое.

Воевода и Жилка.

Жилка (кланяясь въ ноги).

А я давно ищу тебя, бояринъ.

Воевода.

Откуда ты?

Жилка.

Изъ погреба.

Воевода.

Треклятый,
Кой чертъ занесъ на погребъ?

Жилка.

Посадили.
Въ гостяхъ гостилъ у Бастрюковыхъ.

Воевода.

То-то
И не видать тебя.

Жилка.

Голодной смертью
Околѣвалъ-сидѣлъ, и кнутьемъ били.
А на тебя, бояринъ, челобитье
Написано и услано къ Москвѣ.

Воевода.

А кто писалъ?

Жилка.

Да я.

Воевода.

Съ ума ты спятилъ!
Или объ двухъ ты головахъ?

Жилка.

Напишешь
И на себя, какъ по бокамъ съ плетями
Съ ордынскими стоятъ.

Воевода.

А кто поѣхалъ?

Жилка.

По выбору посадскіе.

Воевода.

Ну, съ Богомъ!
Широкій путь.

Жилка.

Романъ Дубровинъ близко.

Воевода.

И знаешь гдѣ?

Жилка.

У Бастрюковыхъ.

Воевода.

Точно?

Жилка.

Хоть умереть, на мѣстѣ провалиться!

Воевода.

А вотъ, дай срокъ, схожу на богомолье,
Нагрянемъ къ нимъ.

Жилка.

Про Худояра вѣсти.

Воевода.

Хорошія?

Жилка.

Остановился станомъ
За пустынью. Осиновикъ — починокъ
Слыхалъ когда?

Воевода.

Ну, вотъ и кстати будетъ,
И я иду туда на богомолье.
Бѣги скорѣй, вели собрать Баиму
Стрѣльцовъ и всѣхъ служилыхъ. Мигомъ
Лети къ нему: чтобъ нынче и въ походъ,
Чтобъ догонять меня; у насъ и кони
Осѣдланы. Не засижусь, я только
Зашелъ проститься съ тещей и невѣстой!

(Жилка уходитъ. Входятъ: Настасья, Марья Власьевна, покрытая фатою, Ульяна и Недвига.)

— —

Явленіе седьмое.

Воевода, Настасья, Марья Власьевна, Ульяна, Недвига и женщины, потомъ Шутъ.

Воевода.

Про ласковую тещу только вспомни,
Она и здѣсь. Какъ спали, ночевали?

(Цѣлуются.)

Настасья.

Зятекъ поклонистый, живемъ, покуда
Господь хранитъ.

Воевода.

Садись въ передній уголъ!
Хозяйкой будь.

Настасья.

Хозяйка не садится.
Садись ты, гость.

Воевода.

Не гость и не хозяинъ.
Хозяйка вотъ. Весь домъ со всѣмъ запасомъ
Ея теперь, а я сюда до свадьбы
Не загляну. Живите, какъ хотите.
Для береженья, для услуги много
Дворовыхъ бабъ и дѣвокъ. Былъ женатый,
Такъ нужны были, а вдовцомъ остался —
Куда ихъ дѣть? Хотѣлъ ужь по осинамъ
Развѣшать ихъ, анъ вотъ и пригодились.
Вотъ и Ульяна ей на мѣсто мамки.

Настасья.

На всемъ спасибо! Только ты послушай,
Какое дѣло! Словно кто испортилъ
Ее у насъ. Бывало, день настанетъ —
Одну ее и слышишь: безъ умолку
Трещитъ, болтаетъ, прыгаетъ да скачетъ;

Теперь ни слова, точно какъ нѣмая,
И устъ не открываетъ, и ни шагу
Не сдѣлаетъ сама, толкнешь — идетъ.
Аль сглазилъ кто?

Воевода.

Отъ глазу и отъ порчи
Мы слово знаемъ. Молодо — стыдливо.
Глазамъ-то стыдно, а душой-то рада.
Дѣвичій стыдъ до мужнина порога,
Лиха бѣда порогъ переступить.

Настасья.

Не то, что стыдъ, а норовомъ такая, —
Упрямится.

Ульяна.

Устанетъ — перестанетъ.

Настасья.

Тоскуетъ, что̀-ли? Спрашивать пытали,
Не молвитъ ничего.

Воевода.

Тоску прогонимъ
(Входитъ Шутъ.)
Забавами да играми, да пляской,
Да пѣснями. Безсуднаго покличемъ.

Шутъ.

Я здѣсь давно.

Воевода.

Тебя-то намъ и надо.
Шути, хвостомъ верти, хоть бѣсомъ корчись,
Да только тѣшь! А я домой поѣду.
Хочу пѣшкомъ сходить на богомолье,
Благословиться. Крѣпче дѣло будетъ.
Да говорятъ, кругъ города удалыхъ
Поразвелось, такъ надо попугать ихъ,

Да кстати ужь и звѣря попугать.
Дня два проходимъ да честнымъ пиркомъ
За свадебку. Прощай, моя зазноба!
Не нáдолго прощаемся съ тобой,
Не много дней пройдетъ до нашей свадьбы.
Но каждый день протянется мнѣ годомъ:
Я ночью буду утра дожидаться,
Я утромъ буду вечеръ торопить.

Настасья.

Убить-бы день, а ночи не увидишь.

Воевода.

Не крой лица, не прячь своихъ очей
И ненаглядной красоты дѣвичьей,
Дай наглядѣться, дай на разставанье
Налюбоваться вдоволь про запасъ.

(Открываетъ покрывало и смотритъ на нее; она закрывается.)

Прощай-ка, тещенька!

Настасья.

Прощай, зятекъ! (Всѣ кланяются.)

Женщины.

Въ святой-бы часъ, въ архангельской.

Воевода.

Спасибо!

Настасья.

И я домой. Прощай покуда, дочка!

(Уходятъ: Воевода, Настасья, Недвига, Ульяна и женщины.)

Явленіе восьмое.

Марья Власьевна и Шутъ.

Шутъ (прыгаетъ).

Ишь, скачетъ какъ! Пыль-курево стоитъ.
Прощай, бояринъ! Съ Богомъ по морозцу!

Уѣхалъ дядя! Запили лохмотья,
И загуляли лоскутки. Не страшно!
Хоть пой, хоть плачь! Никто не сыметъ воли. (Поетъ.)

Ахъ, ты, бѣдный ёжъ,
Горемычный ёжъ,
Ты куда ползешь,
Куда ёжишься?
Я ползу, ползу
Ко боярскому двору,
Ко высоку терему,
Къ Марьѣ Власьевнѣ.

(Ежится и жмется къ Марьѣ Власьевнѣ; она его толкаетъ ногой.)

Спесива ты, дерешься! А не знаешь,
Какъ бѣднаго ёжа встрѣчаютъ? Слушай!

Какъ взяли ежа
Во высокій терёмъ,
Какъ стали ежа
Цаловать, миловать,
Оглаживать,
Охорашивать.

Марья Власьевна.

(Открываетъ покрывало и сердито смотритъ на Шута.)

Кабы не ты, гуляла-бъ я на волѣ.
Постылый песъ, тебѣ-бы бѣса тѣшить!
Ножа-то нѣтъ, зарѣзала-бъ тебя!

Шутъ.

Глядика-сь! Вотъ такъ пыль! Чуть живъ со страху!
Съ ковшомъ на брагу налетѣли, дядя!
Убилъ бобра! Нашла коса на камень!

(Уходитъ. Входятъ: Ульяна и Недвига.)

Явленіе девятое.

Недвига, Ульяна и Марья Власьевна.

Недвига.

Господь съ тобой! Съ чего ты загрустила,
Красавица, забавница моя.

Ульяна.

И сладу нѣтъ, совсѣмъ отъ рукъ отбилась;
Хоть молода, а норовъ старъ.

Недвига.

Да ты-бы
Не все грозой, а иногда и лаской;
И дуги гнутъ не вдругъ, а прежде парятъ.

Ульяна.

Да парь, не парь, а надо будетъ гнуться;
Не гнуться — сломишься. Она упряма,
А я упрямѣе.

Недвига.

Мнѣ что̀ за дѣло,
Какая ты! Твое передъ тобою.
(Марьѣ Власьевнѣ.)
Пришла къ тебѣ, а по̀што и не знаю;
Куда гожусь, туда и дѣньте. Все-же
Поваднѣе тебѣ со мной, старухой!
Люба — оставь, а нѣтъ — домой пусти.
Велишь остаться?
(Марья Власьевна киваетъ головой.)
И на томъ спасибо!

Ульяна.

Пойду-ка я да челядь попытаю
Проклятую, не спятъ-ли, дармоѣды!
Да заперты-ль ворота. Ну, людишки!
За ними глазъ да глазъ, да кнутъ ременный
Въ рукахъ держи, а то не поворотишь!
(Уходитъ.)

Недвига.

Ахъ, волкъ-те съѣшь и съ по̀трохомъ! Откуда
Такое зелье взяли? На̀-лѣсъ взглянетъ —
Такъ лѣсъ завянетъ. Не велика птичка,

А ноготокъ востеръ. Пустили волка
Овецъ стеречь, небось не отказался,
А говоритъ: „Что̀ дѣлать! такъ и быть,
Ужь какъ не какъ, а надо-же служить“.
Работу взять пойти — безъ дѣла скучно.

(Уходитъ. Олена входитъ, робко оглядываясь.)

Явленіе десятое.

Марья Власьевна и Олена.

Олена.

(Падая къ ногамъ Марьи Власьевны.)

Государыня, боярышня,
Есть за мной вина не малая:
На рѣкѣ платье мыла,
Громко колотила ... (Таинственно.)
Боярышня, есть вѣсточка.

Марья Власьевна.

Откуда?

Олена.

Степанъ Семенычъ шлетъ.

Марья Власьевна.

Не лжешь, такъ правда.

Олена.

На что̀ мнѣ лгать! На Волгѣ платье мыла
Я на плоту; невѣдомая женка
Рядкомъ пристала, вглядываться стала,
Взглянула разъ и два, заговорила:
„Лицо твое мнѣ, милая, знакомо,
А какъ назвать, не знаю“. Такъ и такъ, молъ.
„Ну, говоритъ, тебя-то мы и ищемъ.
Придешь домой, боярышнѣ тихонько
Шепни, когда улучишь часъ...“

Марья Власьевна.

Скорѣе!
Ну, говори-жь! Придутъ да помѣшаютъ.

Олена.

Чтобъ завтра въ садъ, какъ только солнце сядетъ,
Ты выходила. Сторожей не бойся!
Всѣхъ напоятъ. На даровое падки —
Весь домъ напьется къ ночи. Я нарокомъ
Фату твою изъ рукъ пустила въ воду,
Чтобъ допустили, будто повиниться
Пришла къ тебѣ.

Марья Власьевна (цѣлуя ее).

Спасибо!

Олена.

Ты Ульяну
Уговори, чтобъ погулять пустила.
Пусть и сама идетъ; изъ рукъ не вырветъ,
Какъ молодцы подхватятъ.

Марья Власьевна.

Да не пуститъ
Изъ терема.

Олена.

Ты подари, попробуй.
Чай, есть чего?

Марья Власьевна.

Не мало дряни. Идутъ!

(Входятъ: Ульяна и Недвига, останавливаются и смотрятъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Марья Власьевна, Олена, Недвига и Ульяна.

Олена (на колѣняхъ).

Государыня, боярышня,
Есть за мной вина не малая:

На рѣкѣ платье мыла,
Громко колотила,
Фату твою бѣлую
Въ воду уронила. (Кланяется въ ноги.)

Марья Власьевна (съ сердцемъ).

Ну, нѣтъ! Простить нельзя бѣду такую.
Какая ты работница! Работать,
Такъ не зѣвать по сторонамъ! Не надо
Твоей работы! Не нуждаюсь. Много
И безъ тебя народу. За провинность
Не заставлять ее работать. Въ теремъ
Къ себѣ беру. Пусть на меня и служитъ,
Чтобъ отъ меня не отходила шагу.

Олена.

Во бѣлыхъ рукахъ было,
Да ушло, уплыло.
Хошь казнишь, хошь милуешь —
Я не утаила.

Марья Власьевна.

И вмѣстѣ спать со мной! Да накормите
Съ боярскаго стола ее. Ступай!

Недвига.

Вотъ, поглядишь, господское-то дѣло —
Не разберешь у нихъ, что̀ гнѣвъ, что̀ милость

(Недвига и Олена уходятъ.)

Ульяна.

Заговорила? Аль опять надулась?
Житье мое! Ужь нечего сказать!
Вотъ дитятко на шею навязалось!
Ходи за ней! Она и знать не хочетъ,
Стоитъ какъ пень, ничѣмъ не поворотишь.

(Марья Власьевна уходитъ.)

Сама пошла. Диковина! Посмотримъ,
Что̀ будетъ отъ нея.

(Марья Власьевна входитъ и подаетъ съ поклономъ тафтяную рубашку.)

Ну, вотъ спасибо!
Какъ поглядишь, такъ ты изъ умныхъ, дѣвка,
Не вдругъ тебя и распознаешь! Право!
Не осердись, что я тебя бранила.
По глупости. Словечка не услышишь
Противнаго. Ни въ чемъ не поперечу:
Ты добрая. А, чай, грѣшки ведутся
И за тобой. Вы при людяхъ тихони:
По лавочкамъ, какъ соловьи по гнѣздамъ,
Смирнехонько сидите, глазки въ землю
Опустите. А дай-ка вамъ потачку,
Не догляди, — откуда прыть возьмется —
Бойчѣе бабъ. Погудки, смѣхъ да грохотъ,
А разговоръ послушать уши вянутъ, —
Стыдомъ сгоришь. Да что̀ кому за дѣло,
Чѣмъ тѣшатся, не плакали-бы только.
Не то бѣда, что игры да потѣхи
На разумѣ у дѣвокъ! Ну, пускай-бы
Промежь себя и тѣшились, такъ мало —
Утѣхи нѣтъ однимъ, безъ парней скучно.
Не правда, что̀-ль? Сама чудила въ дѣвкахъ,
Такъ знаю васъ, меня не проведете.
И ты, какъ всѣ, не лучше и не хуже,
Да хитрости въ тебѣ ужь больно много.

(Марья Власьевна уходитъ.)

Опять ушла. Еще не принесетъ-ли?
А ладно-бы! У ней добра-то много,
А мнѣ-то гдѣ взять?

(Входитъ Марья Власьевна съ лѣтникомъ и подаетъ съ поклономъ.)

Что̀ ты! Богъ съ тобой!
Не надо, нѣтъ! Куда мнѣ! Совѣсть зазритъ.

(Марья Власьевна кланяется.)

Ужь развѣ взять? Подарокъ-то хорошъ!
Непрошеный подарокъ-то дороже.
И то возьму. Благодарю покорно!
Да вотъ бѣда! Отдаривать придется.
Я брать беру, а отдарить-то нечѣмъ.

Поноровлю за это; что захочешь,
Отказу нѣтъ, опричь того, что въ теремъ
Чужихъ водить — и затѣвать не думай!
Да не пущу и самоё изъ дому.
А въ терему, что хочешь, то и дѣлай,
Ты госпожа, мы слуги, что̀ прикажешь —
Тому и быть. Чѣмъ хочешь забавляйся.

(Марья Власьевна уходитъ.)

Куда ты? Стой! Довольно! Эй, довольно!
Послушай-ка! Не надо, не возьму я!
Ахти грѣхи! Кто падокъ на подарки
Добра не быть. Кому придетъ охота,
Бросать добро на вѣтеръ? Видно, хочетъ
Купить меня. Не слѣдъ-бы мнѣ и брать-то,
Да какъ не взять, когда въ глаза мнѣ тычетъ.
Охъ, смерть моя! Такой ужь скверный норовъ —
И соблазнюсь — какъ соблазнюсь! Подаркомъ
Меня и взять — глаза-то завидущи.
Продамъ тебя, бояринъ, сердце чуетъ.
Не утерплю, продамъ. Глядѣть не стану,
Зажмурюся, чтобъ не было соблазну.

(Зажмуривается. Входятъ: Марья Власьевна съ тѣлогрѣей въ рукахъ и Олена.)

Явленіе двѣнадцатое.

Марья Власьевна, Олена и Ульяна.

Олена.

Гляди-ка ты, какая тѣлогрѣя,
И съ выпушкой!

Ульяна (открывъ глаза).

Вотъ чудо, такъ ужь чудо!
Неужто мнѣ? (Марья Власьевна кланяется.)

Олена.

Кому-же?

Ульяна.

Дорогая!
Не намъ носить.

Олена.

Надѣнешь, такъ износишь.

Ульяна.

Охъ, каравай-то не по рылу. Гдѣ намъ!
Ужь какъ тебя благодарить, не знаю
И не умѣю. Вся твоя. Хоть воду
Вози на мнѣ. Сулилъ мнѣ воевода,
Да жди-пожди, а онъ, гляди, обманетъ;
А ты добрѣй, ты прежде догадалась.

Олена.

Да у тебя и лѣтникъ — вò швы бархатъ
На золотѣ. Тафтяная рубашка
Съ запястьями.

Ульяна.

Ужь развѣ нарядиться?

Олена.

Ты нарядись, а мы посмотримъ.

Ульяна.

Чтò ты!
И впрямь пойти.

Олена.

Чай, то-то заглядѣнье!

Ульяна.

Пойдемъ со мной, ты мнѣ пособишь.

Олена.

Можно.

(Ульяна и Олена уходятъ.)

Явленіе тринадцатое.

Марья Власьевна (одна).

Молчать-то я молчу, да больно скучно
Становится. Не много натолкуешь
Сама съ собой. Сложу отъ скуки пѣсню.
Сама спою, сама и слушать буду.
Тихонечко спою, чтобъ не слыхали. (Поетъ.)

Я по терему хожу,
Я по миленькомъ тужу,
Тужу, тужу
Да потуживаю.
Ужь я сяду, посижу,
Въ окошечко погляжу,
Въ окошечко,
Во косящатое.
Милый вѣсточку даетъ,
Молодого гонца шлетъ,
Гонца, гонца,
Да молоденькаго.
Что не быть, не бывать,
Съ милымъ розно не живать,
Мнѣ жить, не жить
Со милымъ со дружкомъ.
Поскачу да попляшу
Во высокомъ терему,
Вотъ такъ, вотъ такъ,
Вотъ и такъ, вотъ и такъ!

(Слышитъ шорохъ, садится и молчитъ. Входятъ: Ульяна и Олена

Явленіе четырнадцатое.

Марья Власьевна, Ульяна и Олена.

Олена.

Куда красно! И посмотрѣть, такъ любо.
Красавица, какъ есть.

Ульяна.

Чему дивишься!
И пень хорошъ въ уборѣ!

Олена.

Не похаять
Тебя и безъ убора. Всѣмъ пригожа:
Собой статна, лицомъ бѣла, румяна,
Глаза, какъ вишни, брови колесомъ.
По красотѣ твоей за дворянина
Тебѣ идти. Ты баба молодая,
Чего-жь сидѣть!

Ульяна.

Дворяне по дворянамъ,
А не по насъ. А наши-то дворяне
Не родились.

Олена.

Какъ знать, чего не знаешь!

Ульяна.

Да нечего и знать-то! По одёжкѣ
Протягивай и ножки. А дворяне
Хорошій кусъ, да не для нашихъ устъ.
Достатковъ нѣтъ, какая я невѣста;
Съ голоднымъ брюхомъ, да по добрымъ людямъ
Похаживай. Чужой-то хлѣбъ не сладокъ,
Подавишься. Кормить не станутъ даромъ;
И угождай на всякаго, какъ знаешь.
Хоть-бы вотъ здѣсь, смотри за цѣлымъ домомъ —
Бѣда-бѣдой! Будь смиренъ, такъ проглотятъ,
Сердитъ — проклясть готовы. Вотъ и казнись!
Здѣсь не люди, а черти! Какъ шальные,
Проклятые! Кто спитъ, кто пьяный бродитъ,
Шатается. Сама за всѣмъ и смотришь,
За всякой малостью. А понадѣйся,
Такъ пропадешь, не рада жизни будешь.
Сама запру всѣ выходы, всѣ двери,
Да поперекъ порога здѣсь и лягу.
Одинъ глазокъ усни, другой пусть смотритъ.

(Марья Власьевна даетъ ей перстень.)

Раздобрилась и не уймешь. А правду
Сказать тебѣ, такъ мнѣ тебя и жалко.

Олена (вздохнувъ).

А у насъ во саду
Соловей поетъ,
Выговорочки
Выговариваетъ.

Ульяна.

Послушаемъ; послушать, что̀-ли, хочешь?

Олена.

Сходить-бы завтра.

Ульяна.

Что̀-жь такое! Сходимъ
Въ сумеречки. Большой бѣды не вижу;
Въ своемъ саду, а не въ чужомъ. Бояринъ
И не велѣлъ, да мало-ль что! Наказы
Легко давать! Не всяко лыко въ строку.
Наказъ-то знай, а дѣлай, какъ придется.

(Марья Власьевна цѣлуетъ ее.)

Ну, въ садъ, такъ въ садъ! Давно-бы ты сказала.
Гуляй себѣ, когда придетъ охота;
Хоть днемъ гуляй, хоть ночью.

Олена.

Вотъ и ладно.

Ульяна.

Гуляй, гуляй! Авось повеселѣешь,
Хоть улыбнись на насъ съ Оленой!

(Марья Власьевна улыбается.)

Ишь, ты!
Пошло на ладъ.

Олена.

Дай срокъ, не то увидишь.

(Входитъ Недвига и дѣвушки.)

Явленіе пятнадцатое.

Марья Власьевна, Ульяна, Олена, Недвига и дѣвушки.

Недвига.

Пора и спать. Чего сидѣть въ потемкахъ!
Поужинай, чѣмъ Богъ послалъ, да на бокъ
И завались. Безъ ужина ложиться
Не хорошо бываетъ, плохо спится,
Да много грезится. А то, какъ знаешь:
Сиди себѣ. А ужь огня не стану
Вздувать теперь.

Ульяна.

Кто лѣтомъ зажигаетъ!
Чай, дворня спитъ?

Недвига.

И куры, и собаки —
Всѣ спятъ.

Олена.

И я, боярышня, прилягу. (Уходитъ.)

Недвига.

Ну, что̀-жь нейдешь? Аль спать-то не охота?
Не то, что я. Всѣ ноги отходила,
Всѣ кости, всѣ суставы заболѣли,
Измаялась. Не разсказать-ли сказку
Да присказку? Авось тогда задремлешь.
(Садится на скамейку.)
Сумерничать давайте. Мы любили
Въ сумеркахъ сидѣть съ тобой тихонько
И побасенки баять тихомолкомъ,
А кругъ тебя какъ точно кто мурлычитъ...
Ахъ, батюшки! Вотъ такъ меня и клонитъ,
Такъ и валюсь, и тычусь носомъ. Часомъ
Совсѣмъ усну, такъ ты меня толкни.

Начинается сказка, починается сказка.
За тридевять земель,
Въ тридесятомъ царствѣ,
(Дремлетъ.)
Жили два брата
Да мать брюхата,
Да отецъ на дняхъ ...

Постой! Не такъ. Я что̀ загородила;
Не сплю, а бредится. Начну съ начала:

Жили да были два брата родные,
У одного брата всего богато,
А другой убогій, а дѣтей у него много.
Говоритъ богатый бѣдному брату:
Самъ ты убогій, а дѣтей у тебя много,
Дай ты мнѣ сына, вотъ тебѣ жита осьмина.
Вотъ тебѣ осьмина, а женѣ твоей холстина,
А дочери — коза, лубяные глаза ...

Да что̀ я, что̀ я вру-то! Сбилась! Тьфу ты!
Пропа́сть тебѣ! Не то все! Задремала.
Вотъ дальше-то забыла, что тамъ было.
Не вспомню-ли? Замстилась! Помню только,
Что попросилъ у брата лошадь бѣдный,
А волкъ и съѣлъ, оставилъ хвостъ да гриву;
И повели дружка къ судьѣ Шемякѣ.
Сидитъ судья Шемяка, судомъ судитъ,

Бороду расчешетъ да усъ разлащитъ,
Усъ разлащитъ, глаза вытаращитъ ...

Тьфу, про̀пасть! Не налажу, да и только, —
То про Ѳому начну, то про Ерёму.

(Изъ-за печки выходитъ домовой съ фонаремъ. Недвига въ полуснѣ машетъ руками.)

Явленіе шестнадцатое.

Марья Власьевна, Недвига, Ульяна, дѣвушки (спятъ) и домовой.

Недвига.

Аминь, аминь, разсыпься! Чуръ меня!
(Засыпаетъ.)

Домовой.

Что вечерняя красная зорюшка
Догораетъ, чуть краюшкомъ теплится,
Загораются частыя звѣздочки,
Разсаждаются по небу чистому.
Докачались головки, домаялись
До пуховыхъ цвѣтныхъ изголовьицевъ;
Ходитъ сонъ по сѣнямъ, по новымъ дрема.
Ты поди, сонъ-дрема, въ головахъ постой!

По хоромамъ старымъ
Я давно брожу;
Въ теремѣ чужая,
Дай-ка погляжу.
Новая новинка
Къ худу иль къ добру?
Нѣтъ, такая гостья
Намъ не ко двору.

Ты на счастье, на радость рожоная,
Не про стараго мужа ращеная;
Старику-то чернѣть да горбы растить,
А тебѣ-то алѣть спѣлой ягодкой.
Я поглажу тебя лапой бархатной
На богатство, на радость съ милымъ дружкомъ.
Тихій сонъ-угомонъ яснымъ глазынькамъ,
Въ изголовье тебѣ грёзы дѣвичьи.

За сердечнымъ другомъ
То-ли не житье,
А у насъ по дому
Горе да вытье.
Скрасишь скучный теремъ
На короткій часъ,
Да и пустъ покинешь
И бѣжишь отъ насъ.

Запустѣетъ теремъ, принаклонится,
Замететъ по угламъ пылью, плѣсенью,
Понесетъ по сѣнямъ бранью, руганью,
Сипъ да вопъ по клѣтямъ съ перекорами.
Не слыхать-то мнѣ смѣху веселаго,
Молодого, дѣвичьяго, звонкаго,

Не слыхать по ночамъ бреду жаркаго,
Только старымъ старухамъ шлыки сшибать.
(Сшибаетъ шлыкъ съ Недвиги и уходитъ.)

Недвига (въ просонкахъ).
Аминь, аминь, разсыпься!

Марья Власьевна.
Ахъ, какъ сладко
Уснула я!

Недвига.
Аминь, аминь, разсыпься!
(Встаетъ.)
Не разберу, во снѣ-ли, на яву-ли,
А сбили шлыкъ. Не ты-ли пошутила?
Пойдемъ-ка ужинать да спать ложиться.
Вотъ день прошелъ, до насъ дошелъ.
(Зѣваетъ.)
Ахти мнѣ!
Грѣхи мои. (Зѣваетъ.) И-ахъ ... великіе! (Уходитъ.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Деревенская изба; направо печь, передъ печью люлька съ ребенкомъ, налѣво столъ.

Явленіе первое.

Старуха (за люлькой), **Гаврило**, **Климъ** (за столомъ ужинаютъ), потомъ **Иванъ**, **Курчай**, **Куликъ** и **Сидоръ**.

Гаврило.

Вы, тетка, чьи?

Старуха.

Помѣстные крестьяне.

Гаврило.

За кѣмъ живете?

Старуха.

За мурзой крещенымъ.

Климъ.

Хорошъ до васъ?

Старуха.

Татаринъ, какъ татаринъ.
Гдѣ бабѣ знать! Толкуйте съ мужиками,
Вотъ сынъ придетъ.

Гаврило.

Ты внучка, что̀-ли, няньчишь?
А гдѣ-жь сноха?

Старуха.

Съ ребятами въ чуланѣ.
Тамъ четверо у ней, вотъ пятый въ зыбкѣ.

(Входитъ Иванъ.)

Иванъ.

Струга[1] пришли, къ ночлегу подвалили.
Слышь, матушка? А съ лѣсу воевода
Валитъ со всѣмъ народомъ; хочетъ станомъ
На берегу остановиться на ночь.

Старуха.

Чай, лютъ?

Иванъ.

Вѣстимо, лютъ: на то бояринъ.
Ты ждешь купцовъ, а тутъ, гляди, нагрянутъ
Боярскіе голодные холопья.
Одинъ раззоръ! Отъ нихъ, что отъ пожару,
Что̀ есть въ землѣ зарыто, то и цѣло,
А подъ руку попало, то пропало.
Ахти, бѣда!

Старуха.

Да что̀ у насъ и взять-то?

Иванъ.

У нищаго суму, и ту отнимутъ.

(Входятъ: Курчай, Куликъ и Сидоръ.)

Иванъ.

Съ струговъ?

Сидоръ.

Съ струговъ.

Иванъ.

Отколь?

Сидоръ.

Изъ Унжи будемъ.

---

[1] Стругъ — рѣчное судно гребное и парусное.

Иванъ.

Съ лубьемъ?

Сидоръ.

Нештò.

Иванъ.

А вы, робя?

Курчай.

Мы съ низу.
Мы въ цѣловальникахъ[1] идемъ въ насадахъ[2],
Съ казной.

Иванъ.

Съ какой?

Курчай.

Съ оброчной рыбой въ бочкахъ.

Куликъ.

Вы держите, аль нѣтъ?

Иванъ.

Чего?

Куликъ.

Вѣстимо ...

Иванъ.

Вина-то, чтò-ль? Нѣтъ, парень, не бывало.
У насъ корчмы никто не держитъ.

Куликъ.

Будто?

Иванъ.

Да боязно, великъ отвѣтъ.

---

[1] Цѣловальникъ — присяжный человѣкъ при казенномъ имуществѣ.
[2] Насадъ — рѣчное судно, съ поднятыми, надѣланными бортами.

Куликъ.

Не бойся,
Не выведемъ — не сыщики.

Иванъ.

Ну, право.

Курчай.

Поди, пошарь. Авось найдешь.

Иванъ.

Пошарю.
Кажись, что есть; себѣ берегъ на праздникъ.

(Уходитъ.)

Курчай (Гаврилѣ и Климу).

Хлѣбъ-соль!

Гаврило.

Спасибо.

Курчай.

Здравствуйте. Откуда?

Гаврило.

Изъ Нижняго гужомъ[1] идемъ въ обозѣ.

Курчай.

Далеко-ли?

Гаврило.

До Ярославля, съ медомъ;
Мы бортники[2].

Сидоръ (подсаживаясь).

Плесни, хозяйка, щецъ-то!
Да не пустыхъ.

---

[1] Гужомъ — т. е. сухопутно.
[2] Бо́ртникъ — пчеловодъ.

Старуха.

Варила со снѣтками.

(Гаврило и Климъ встаютъ.)

Гаврило (старухѣ).

Бладарствуйте. Мы лошадей посмотримъ,
Да на печь къ вамъ. Гляди, и полночь скоро.
Часокъ-другой соснемъ, да и въ дорогу.

(Уходятъ.)

Старуха.

Большая печь, просторно, полѣзайте.

(Входитъ Иванъ съ виномъ въ кувшинѣ).

Иванъ.

Полкружки есть. По чаркѣ будетъ. Пейте.

Куликъ.

Простое?

Иванъ.

Съ макомъ. Люди пьютъ да хвалятъ.

Куликъ (пьетъ).

Не похулимъ и мы. Нельзя не выпить,
Все на водѣ.

Иванъ.

На доброе здоровье!

(Ѣдятъ. Гаврило и Климъ входятъ и лѣзутъ на печь.)

Старуха.

Прибралъ въ клѣти?

Иванъ.

Въ подполицу припряталъ.

(Стукъ.)

Старуха.

Поди, стучатъ.

Иванъ.

Пущай идутъ къ сосѣдямъ,
Кого несетъ! ...

Старуха.

Не вдругъ пускай. Окликни.

(Иванъ уходитъ.)

Курчай.

Ишь, крикъ какой! Не лучше-ль убираться
Съ добра̀-ума. Хозяйка, не трудись.

(Встаютъ. Старуха собираетъ со стола.)

Подальше отъ грѣха, здоровѣй будешь.
Пойдемте спать въ струги. За угощенье!

(Уходятъ: Курчай, Куликъ и Сидоръ. Иванъ входитъ.)

Иванъ.

Хоть въ гробъ ложись! Бояринъ къ намъ постоемъ,
Опричь хоро̀мъ, со всѣмъ дворомъ валится.
Ишь, холодно въ палаткѣ, такъ холопы
По избамъ рыщутъ, гдѣ теплѣй да чище.
Ужь я молилъ не мало.

Старуха.

Воля Божья!
Придетъ бѣда, такъ отворяй ворота.

(Входятъ Неустройко и слуги.)

Явленіе второе.

Иванъ, Старуха, Неустройко и слуги.

Неустройко.

Давай огня!

(Старуха подаетъ лучину, зажигаетъ восковую свѣчку.)

Сдвигайте столъ въ тотъ уголъ!
Ковры, мѣха стелите, въ изголовье
Сѣдло клади!

Иванъ (кланяясь въ ноги).

Яви такую милость,
Ослободи! Поди къ сосѣдямъ!

Неустройко.

Смерды,
Ступайте въ хлѣвъ! Старуху вонъ и съ зыбкой!

(Слуги подходятъ къ зыбкѣ.)

Старуха.

Разбойники! Младенца-то не троньте!
Кому помѣха ангельская душка!

(Входятъ: Воевода и слуги.)

Явленіе третье.

Воевода. Неустройко, Иванъ, Старуха и слуги.

Старуха.

Уйми холопей, закажи имъ трогать
Младенца!

Воевода.

Вонъ ступайте! Ты, старуха,
Останься здѣсь съ ребенкомъ. Ближе къ дѣтямъ —
И ангелъ ближе, мѣсто благодатнѣй.
Онъ не блажитъ у васъ?

(Уходятъ: Иванъ и слуги.)

Старуха.

Въ кого родится
Благой у насъ, давно мы присмирѣли.

Воевода.

Раздѣнь меня!

(Неустройко снимаетъ съ него дорожную сулейку; Воевода пьетъ чарку, потомъ снимаетъ складень, цѣлуетъ и ставитъ въ изголовье, потомъ снимаетъ оружіе.)

Неустройко.

Опочивай покойно!
Я въ сѣни спать; понадоблюсь, такъ близко.

(Уходитъ. Воевода ложится и скоро засыпаетъ.)

Старуха.

(Качаетъ зыбку и поетъ.)

Баю-баю, милъ внученочекъ!
Ты спи-усни, крестьянской сынъ!
Допрѐжь дѣды не видали бѣды,
Бѣда пришла, да бѣду привела
Съ напастями, да съ пропа̀стями,
Съ правежами бѣда, все съ побоями.
Баю-баю, милъ внученочекъ!
Ты спи-усни, крестьянской сынъ!
Насъ Богъ забылъ, царь не милуетъ,
Люди бросили, людямъ отдали;
Намъ во людяхъ жить, на людей служить,
На людей людямъ приноравливать.
Баю-баю, милъ внученочекъ!
Ты спи-усни, крестьянской сынъ!
Бѣду нажили, какъ изжить будетъ?
Изживемъ бѣду за работушкой,
За немилой, чужой, непокладною,
Вѣковѣчною, злою-страдною.
Баю-баю, милъ внученочекъ!
Ты спи-усни, крестьянской сынъ!
Ты спи, поколь изживемъ бѣду,
Изживемъ бѣду, пронесетъ грозу,
Пронесетъ грозу, горе минется,
Поколь Богъ проститъ, царь сжалится.

(Засыпаетъ надъ люлькой.)

Воевода (во снѣ).

Сдавилъ всю грудь, проклятый! Душитъ, душитъ,
Вздохнуть не дастъ ни разу, зачураться!
Охъ, смерть моя приходитъ! Чуръ меня!
Вся кровь горитъ, огонь бѣжитъ по жиламъ
И сердце жжетъ. (Просыпается.) О, Господи, помилуй!

(Садится.)

И сонъ тяжелъ, и сонный бредъ замучилъ.
Съ молитвой легъ. Не знаю, что̀ за притча!

И радъ не спать, да сонъ одолѣваетъ,
Сомкну глаза — такъ одолѣютъ грезы ...

Старуха (впросонкахъ).

Баю-баю, милъ внученочекъ!
Ты спи-усни, крестьянской сынъ!
Съ тобой сидитъ бабка старая,
До зари съ зари прибаюкиваетъ,
Тихій сонъ очамъ наговариваетъ
Да качку-качалку покачиваетъ.

(Засыпаетъ.)

Воевода.

И страшенъ сонъ, да милостивъ Господь.
Сосну еще немного и въ дорогу!
А что-то дома? Надо Бастрюковыхъ
Пугнуть покрѣпче! Насолили оба.
Отецъ мутитъ, а сынъ воруетъ дѣвокъ.
Не догляди немного, — и увезъ-бы
Жемчужину такую, что и въ царскихъ
Не сыщется палатахъ. Да ему-ли,
Безпутному, сокровище такое!
Ему-бы пить, а красоты дѣвичьей
Не разберетъ онъ, бражникъ; та-ль, другая-ль —
Ему одно. Ужь онъ, гляди, за пьянствомъ
И позабылъ о ней. А если помнитъ?
А если помнитъ? До грѣха не долго.
Бѣда моя! Людишки всѣ продажны,
За денежку любого купишь. Каждый
И пьяница, и воръ. Зачѣмъ заѣхалъ
Я въ эту глушь? На самыхъ добрыхъ коняхъ
Скачи весь день, такъ до ночи доскачешь.
А тамъ, гляди, гульба, потѣха, пьянство
Во всемъ дворѣ. А въ терему у Марьи
Чужой сидитъ хозяиномъ, цалуетъ,
Глядитъ ей въ очи, къ сердцу жметъ ее,
Какъ у себя, какъ дома. Либо вовсе
Сманилъ ее и былъ таковъ. Не мало

Свѣтлицъ и повалушъ у Бастрюкова,
Зачѣмъ ему въ чужія красться воромъ,
Исподтишка, съ оглядкой миловаться,
Чтобъ люди не видали? То-ли дѣло —
Привезъ домой, она не поперечитъ,
Гуляй душа, никто не помѣшаетъ.
О, дьяволы! Грызи зубами руки
Да плачь теперь, свою башку сѣдую
Разбей объ печку. Дуракомъ родился
И дуракомъ умрешь. Вотъ близко локоть,
Да не укусишь. Ты кому повѣрилъ?
Кого оставилъ домъ стеречь? Бабенку!
Она, родясь, алтына не видала:
Достать мошну да позвенѣть ей къ рылу, —
Себя продастъ, не только что чужую.
А слуги! тѣ на зло, не изъ корысти,
Готовы домъ поджечь со всѣхъ угловъ.

(Молчаніе.)

Скачи, Нечай, скачи, пріѣдешь въ пору.
Тамъ пиръ идетъ, весь міръ гуляетъ, пляшутъ,
Здоровье пьютъ, Нечая поминаютъ:
„Берегъ Нечай, да людямъ. У Нечая
И по губамъ текло да не попало“.
Да скоро-ль, утро! Ѣхать-бы, да темно
И бездорожье, ноги изломаешь!
Дрожи, какъ листъ осиновый, Іудой
Трясись теперь; сиди да утра жди!
Хоть-бы колдунъ какой! Поворожить-бы.

(Подходитъ къ старухѣ.)

Ты ворожишь, старуха?

Старуха.

Намъ, бояринъ,
И ворожить-то не о чемъ. Мы Бога
И такъ прогнѣвали. А вамъ, бояринъ,
Безъ ворожбы спола́-горя живется.
Ты отойди, здѣсь ангельское мѣсто.

Баю-баю, милъ внученочекъ!
Ты спи-усни, крестьянской сынъ!
Бѣлымъ гѣльцемъ лежишь въ люлечкѣ,
Твоя душенька въ небесахъ летитъ,
Твой тихій сонъ самъ Господь хранитъ,
По бокамъ стоятъ свѣтлы ангелы.

Воевода (садится на постель).

А сонъ опять моритъ. Прилягу малость.
Забрезжетъ свѣтъ, на коней и въ дорогу.

(Засыпаетъ.)

Старуха.

Баю-баю, милъ внученочекъ!
Ты спи-усни, крестьянской сынъ!
Съ тобой сидитъ бабка старая,
До зари съ зари прибаюкиваетъ,
Тихій сонъ очамъ наговариваетъ,
Да качку-качалку покачиваетъ.

(Засыпаетъ.)

(Часть сѣней въ домѣ Бастрюковыхъ. Бастрюковъ Степанъ съ чарой меду, Дубровинъ, Рѣзвый, Кубасъ, Шишига и слуги одѣты гребцами.)

Воевода (во снѣ).

Да вотъ они. Романъ Дубровинъ, Степка,
Вы оба тутъ. Ну, васъ-то мнѣ и надо.
Попался, братъ Степанъ. Иди къ отвѣту!

Степанъ Бастрюковъ.

Повеселѣй-бы что-нибудь, робята!

Рѣзвый.

Да вотъ игра: садись, робята, на полъ!
Да запоемъ „По матушкѣ, по Волгѣ“.

Степанъ Бастрюковъ.

Любимая моя игра. Хмельному
Простора нѣтъ въ избѣ, гулять охота.
Вотъ сядемъ всѣ, да и поѣдемъ. Любо!
Я — атаманъ, Дубровинъ — эсаулъ,
Я — на корму, онъ — на носъ. (Рѣзвому.) Ты съ братиной

Въ середку сядь и подчуй всѣхъ: направо,
Налѣво, мнѣ, Дубровину, себѣ ... (Садятся.)
Поѣхали!

Воевода.

Далеко не уѣдешь!

Гребцы (поютъ).

Разъ первòй! Разъ другой! Ухнемъ да ухнемъ!

Воевода.

Ты на полъ сѣлъ и думаешь, что въ лодку!
Дуракъ, дуракъ! Вяжите ихъ покрѣпче!

Гребцы.

Разъ первòй! Разъ другой! Еще маленькій разокъ!

(Сѣни исчезаютъ. Середина Волги, вдали берега. Является лодка, всѣ пріободряются, надѣваютъ шапки, берутъ весла. Бастрюковъ и Дубровинъ встаютъ на ноги.)

Воевода.

Уѣхали! Держите ихъ, держите!

Бастрюковъ.

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты насъ поишь и кормишь, и лелѣешь!
Челомъ тебѣ! Катись до синя моря,
Крутымъ ярамъ да краснымъ бережечкамъ
На утѣшенье, намъ на погулянье!
Не даромъ слава про тебя ведется;
Не мало пѣсенъ на Руси поется,
А всѣхъ милѣй — „По матушкѣ, по Волгѣ“.

Гребцы (поютъ).

Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ,
По широкой, славной, долгой,
Взбушевалася погода
Немалàя, волновàя.

Бастрюковъ.

Ты, эсаулъ, впередъ вѣрнѣй гляди

И, буде что увидишь впереди,
Разсказывай!

Дубровинъ.

Да впереди-то черно.

Бастрюковъ.

Въ водѣ-то черти, въ берегу-то черви,
Въ лѣсахъ коренья, пенья да сучки,
По городамъ подъячіе крючки
Хотятъ словить; да врутъ, мы погуляемъ
По Волгѣ, силу-удаль попытаемъ.

Гребцы (поютъ).

Ничего въ волнахъ не видно,
Только видно одну лодку,
Легку лодочку косную,
Макарьевску, разъѣздную.

Бастрюковъ.

Ты, эсаулъ, впередъ вѣрнѣй гляди
И, буде что увидишь впереди,
Разсказывай!

Дубровинъ.

Да впереди колода.

Бастрюковъ.

Ну, что́ колода! Самъ я воевода.
А ты гляди по Волгѣ, нѣтъ-ли встрѣчныхъ
И поперечныхъ?

Дубровинъ.

Есть. Струги гребные.

Бастрюковъ.

Какіе, съ чѣмъ?

Дубровинъ.

Купецкіе съ товаромъ,
А царскіе съ казной.

Бастрюковъ.

На нихъ казаки-воры,
А на купецкихъ-то бурлаки хворы.
Сарынь на кичку! Стой! Не надо, мимо!
Мы не за тѣмъ.

Воевода.

Зачѣмъ ты ѣдешь, знаю.
Воруй себѣ, да только не у насъ.

Бастрюковъ.

Ты, эсаулъ, впередъ вѣрнѣй гляди
И, буде что увидишь впереди,
Разсказывай.

Дубровинъ.

Да впереди-то теремъ
Расписанный.

Бастрюковъ.

Пригряньте-ка, робята!

Гребцы.

Вы приваливай, робята,
Ко крутому бережечку,
Да ко желтому песочку,
Ко боярскому подворью.

(Показывается теремъ.)

Воевода.

Не мой теремъ, не мой. Къ чужому ѣдутъ,
Мой въ городѣ, на лодкѣ не подъѣдешь;
Я дома самъ, чего-же мнѣ бояться?
Ловите ихъ, держите! Воры, воры
Наѣхали. Да что̀-жь вы, спите, что̀-ли?

Гребцы.

Ко Нечаеву подворью,
Да ко Марьину здоровью.

(Марья Власьевна сходитъ съ берега.)

А Марьюшка выходила,
Гребцамъ меду выносила.
Не прогнѣвайся, хозяинъ,
Что наѣхали не званы.

Воевода.

Зачѣмъ ты здѣсь? Домой, вернись домой!
Не дамъ уйти. Шалишь! Не доставайся
Ты никому. Гдѣ ножъ? А, вотъ онъ, вотъ онъ,
Возьметъ-ли, нѣтъ-ли, только не живую.

Гребцы.

Вы берите красну дѣвку
Во макарьевскую лодку,
Вы сажайте-ка робята,
Къ атаману на колѣни.

(Марья Власьевна садится на колѣни къ Бастрюкову. Видѣніе исчезаетъ.)

Воевода (во снѣ).

Въ глазахъ увезъ. Меня столкнули въ Волгу.
Тону, тону! Спасите! Заливаетъ
Меня всего, подъ шею подступаетъ.
Ко дну иду. Безъ покаянья страшно
Мнѣ умирать. Спасите, дайте время
Покаяться, раздать имѣнье нищимъ,
Посхимиться. Никто не шевельнется, —
На берегу стоятъ да смотрятъ. Любо,
Что я тону, какъ ключъ. Вотъ дно, вотъ камни
Зеленые, зеленая трава,
Песокъ зеленый! Братцы, помогите!

(Входятъ: Неустройко и двое слугъ.)

Явленіе четвертое.

Старуха, Воевода, Неустройко и двое слугъ.

Неустройко.

Будить аль нѣтъ?

Слуга.

Не трожь, пусть самъ проснется.

Воевода (во снѣ).

Тону! Спасите! Господи, помилуй
Раба Нечая! Умираю! (Просыпается.) Гдѣ я? (Встаетъ.)

Неустройко.

Господь съ тобой! Мы здѣсь, въ избѣ.

(Беретъ сулейку, складень и оружіе воеводы. Слуги собираютъ постель.)

Воевода.

Проворнѣй!
Коней, коней!

Неустройко.

Осѣдланы, бояринъ!

Воевода.

Скачи домой живѣй, чтобъ къ ночи быть.
Бери людей съ собой надежныхъ. Снился
Мнѣ сонъ дурной; такъ я боюсь, здорово-ль
И цѣло-ли у насъ. По обѣщанью,
Мнѣ надобно дойти пѣшкомъ въ обитель
Молебенъ отслужить, такъ запоздаю;
Сбираешься зайти на малый часъ,
А тамъ, глядишь, и до ночи задержатъ. (Одѣвается.)

(Уходятъ. Гаврила слѣзаетъ съ печи, умывается и выходитъ за дверь помолиться. Климъ слѣзаетъ, умывается. Гаврила возвращается. Климъ уходитъ.)

Гаврила.

Слава Тебѣ, Господи, до бѣла свѣта проспали.

Климъ (возвращается).

Разсвѣло бѣло, хоть хлѣбъ ѣшь.

Старуха.

Рушай да кушай на здоровье.

Гаврила.

(Беретъ хлѣбъ на столѣ и рѣжетъ.)

Господи, благослови!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

Вершина лѣсного оврага, круто сбѣгающаго къ Волгѣ, на нагорной сторонѣ. На авансценѣ пещера пустынника; далѣе съ одной стороны оврага мостъ на другую, черезъ который идетъ дорога въ монастырь; передъ мостомъ съ дороги тропинка къ пещерѣ; далѣе съ одной стороны видно продолженіе нагорнаго берега, на немъ вдали изъ-за лѣсу видны монастырскія стѣны; другая сторона оврага возвышается и оканчивается крутымъ обрывомъ надъ Волгой; въ глубинѣ видна Волга, дѣлающая подъ монастыремъ поворотъ; за Волгой луговая сторона съ кустарниками, озерками и деревеньками на холмахъ. При началѣ дѣйствія, Волга, противоположный берегъ и вся даль покрыты туманомъ.

Явленіе первое.

Щербакъ сидитъ на пнѣ, **Служка** спускается по тропинкѣ съ ведромъ въ рукахъ, по мосту проходитъ толпа богомольцевъ.

Щербакъ.

Тебѣ чего тутъ надо?

Служка.

Проходи
Своей дорогой, добрый человѣкъ.

Щербакъ.

Да не твое здѣсь мѣсто; вамъ обитель
Построена; живите за стѣнами,
Тепло и сытно вамъ; а глушь лѣсную,
Трущобную, оставьте намъ, бездомнымъ,
Обиженнымъ, гонимымъ. Я хозяинъ
Лѣсныхъ болотъ, овраговъ, дебрей дикихъ;

Мое тутъ мѣсто, я его нашелъ,
Облюбовалъ и занялъ.

Служка.

Ты ошибся.
Ищи другую дебрь, а эту занялъ
Допрежъ тебя молитвенникъ-пустынникъ.

Щербакъ.

Да ты вглядись въ меня! Чего уставилъ
Глаза-то въ землю?

Служка.

Намъ не подобаетъ
Глядѣть на васъ и рѣчи говорить
Съ мірянами; соблазну мы блюдемся.

Щербакъ.

Да вѣдь и мы-то разговоровъ длинныхъ
Не жалуемъ; а голову сорвать
Со встрѣчнаго — вотъ это наше дѣло.
И вы того-жь съ пустынникомъ дождетесь.
Не малый ты ребенокъ; что̀-же лѣзешь
Къ медвѣдю въ пасть? Не съ бабою убогой,
Что съ кузовкомъ за клюквой да грибами
По лѣсу бродитъ, повстрѣчался ты,
А съ молодцомъ удалымъ.

Служка.

Богъ съ тобою!
До удали твоей какое дѣло
Смиренникамъ? Твои угрозы глупы:
Не смерти мы боимся, а грѣха.
У насъ чередъ молитвеннику воду
И хлѣбъ носить, то наше послушанье.
Благословилъ сегодня настоятель
На этотъ трудъ меня, и я пошелъ.
Ослушаться пославшаго не смѣю;
Пожалуй, хоть убей. А нашъ пустынникъ

Ужь заживо лежитъ въ гробу, готовъ
На Божій судъ. Для отдыха и на ночь
Ложится въ гробъ молитвенникъ. Коль хочешь,
Поди взгляни въ оконце. На молитвѣ
Поклоны правитъ иль въ гробу лежитъ.

Щербакъ.

Давай ведро, я самъ снесу!

Служка.

Изволь!
Отказывать нельзя, коль есть усердье
Для Бога послужить. Поставь у дверки!
Авось Господь во что-нибудь поставитъ
Труды твои и за грѣхи зачтетъ.

(Отдаетъ ведро и уходитъ на гору. Щербакъ ставитъ ведро у двери пустынника, глядитъ въ окно и въ ужасѣ отступаетъ назадъ. Изъ пещеры показывается пустынникъ и идетъ въ гору. Щербакъ кланяется ему въ землю и лежитъ, пока пустынникъ проходитъ и скрывается въ лѣсу. Изъ оврага поднимается туманъ, открывается освѣщенная яркимъ солнцемъ даль: изгибъ Волги, нагорный, покрытый лѣсомъ берегъ, на немъ въ полугорѣ бѣлѣютъ стѣны монастырскія; на противоположномъ луговомъ берегу окруженныя кустарникомъ озерки, вдали по лѣсистымъ холмамъ нѣсколько деревень и селъ. Выше тумана, на горѣ показывается пустынникъ и, обратясь лицомъ къ монастырю, становится на колѣни; туманъ закрываетъ его. Изъ-подъ мосту, изъ чащи выходитъ Дубровинъ.)

Явленіе второе.

Щербакъ и Дубровинъ.

Щербакъ.

Челомъ тебѣ, Романъ Петровичъ!

Дубровинъ.

Здравствуй!
Товарищи всѣ цѣлы, всѣ здоровы?

Щербакъ.

Здоровы-то — здоровы, только скучно:
Работы нѣтъ, давно безъ дѣла бродимъ;

Тоска взяла. Зачѣмъ ты насъ покинулъ,
Скрываешься?

Дубровинъ.

Да въ городѣ забота
Была дня на два, на три, да такая,
Что не ордой, а надо одному
Пролѣзть и вылѣзть, гдѣ ползкомъ, гдѣ бокомъ,
Кругомъ болотца, въ заднія воротца.

Щербакъ.

Дуванъ дуванили, тебѣ на долю
Бухарскій лукъ.

(Подаетъ кожаный налучникъ, въ немъ лукъ и стрѣлы.)

Дубровинъ (принимая).

Давай сюда, годится.

Щербакъ.

Казны пришлось не много.

Дубровинъ.

И не надо.

Щербакъ.

Камки и бархаты, цвѣтное платье ...

Дубровинъ.

И рухляди не надо тоже. Съ низу
Привольнаго привезено добра,
Что не прожить. Лежитъ въ укромномъ мѣстѣ,
Припрятано; а тамъ себѣ иль людямъ
Достанется, впередъ не угадаешь.
Далеко наши?

Щербакъ.

Здѣсь разбродомъ бродятъ,
Поразошлись: кто съ кузовкомъ на плечахъ
Грибовъ да ягодъ ищетъ по опушкѣ,

Другой къ слѣпымъ усѣлся у воротъ
У монастырскихъ съ чашкой; кто въ чащѣ,
Въ малинникѣ присѣлъ, туда не ходятъ
И бабы-то, медвѣдей берегутся;
А кто въ челнахъ на Волгѣ, при запасѣ,
Въ береговомъ таится тальникѣ.
Идетъ большой дорогой воевода.
Какъ на войну собрался, сбилъ народу:
Зачинщиковъ, стрѣльцовъ и пушкарей.
Ужь не за нами-ли? Мы мужиченка
Заворотили въ лѣсъ съ дряннымъ возишкомъ,
Съ мѣшкомъ муки; такъ наказалъ въ опушку
Идти ему да плакать, воеводѣ
Челомъ ударить: вотъ, молъ, животишки
Пограбили сегодня ночью воры
И поскакали по дорогѣ въ городъ.
Коль скажешь такъ, и возъ назадъ воротимъ,
А нѣтъ — и самому не быть живому.
Да я впередъ по деревнямъ верстъ на семь
Послалъ молву пустить, что ночью были.
А спросятъ, молъ, куда ушли, кажите
По Волгѣ къ верху, въ городъ. Такъ и сталось:
Поворотилъ стрѣльцовъ назадъ.

Дубровинъ.

А много-ль
Идетъ при немъ?

Щербакъ.

Десятка два, не больше,
Съ холопями и челядью.

Дубровинъ.

Не много-жь.

Щербакъ.

Теперь въ верстѣ они, не дальше. Смотрятъ
Съ деревьевъ наши; чуть вдали завидятъ,
Придутъ сказать.

Дубровинъ.

Ударить-бы на нихъ
Изъ-подъ мосту, стрѣльцовъ перевязать,
А воеводу въ Волгу.

Щербакъ.

Ты въ умѣ-ли?
Да видано-ли, слыхано-ли дѣло,
Чтобъ зайцы шли войною на собакъ?
Съ однимъ дубьемъ не сунешься на ратныхъ,
Ихъ голыми руками не возьмешь.
У насъ дубье, у нихъ, небось, пищали;
Пищальные орѣхи-то не сладки.

Дубровинъ.

За что-же насъ уда́лыми прозвали?
Ужли за то, что грабимъ беззащитныхъ
Да по ночамъ воруемъ изъ клѣтей?

Щербакъ.

Умѣй уйти, какъ заяцъ, безъ оглядки,
Отъ сыщиковъ и отъ погони скорой,
Умѣй украсть и схоронить концы!
Вотъ наша удаль: бѣгай, укрывайся
И на рожонъ не лѣзь!

Дубровинъ.

А если кликну
Охотниковъ да посулю на брата
Вина по жбану да пригоршни денегъ
Серебряныхъ?

Щербакъ.

Не затѣвай, оставь!
Съ уда́лыми съ опаской слово молви!
Подумаютъ, что ты подвесть ихъ хочешь,
И не уйти тогда тебѣ живому.

У насъ теперь другая рѣчь пошла:
Пожива есть внизу; отъ бѣглыхъ слышно,
Что Астрахань разграблена, и дальше
Къ Саратову идетъ большая туча
Низовой вольницы. И мы туда-же.
Струги у насъ готовы, хоть сегодня
Отваливай; тебя лишь дожидались.

Дубровинъ.

Да мнѣ еще не время.

Щербакъ.

Подождемъ
Денекъ-другой, — не къ спѣху дѣло; развѣ
Товарищи не захотятъ; тогда ужь,
Какъ хочешь, самъ скажи имъ. Кликать, что̀-ли?

Дубровинъ (садится на пень).

Скликай народъ уда́лый къ атаману.

(Щербакъ кричитъ по-птичьему: изъ лѣсу ему откликаются.)

Щербакъ.

Заслышали, и откликъ есть, — сойдутся.

(Постепенно сходятся: Каурый, Заяцъ, Вотря, Калга, Ерголь; въ продолженіе сцены подходятъ еще нѣсколько.)

Явленіе третье.

Дубровинъ, Щербакъ, Каурый Заяцъ, Вотря, Калга, Ерголь и другіе разбойники.

Каурый (увидавъ Дубровина).

Товарищи, вернулся атаманъ.

Заяцъ.

Челомъ тебѣ. Долгонько загостился;
А мы совсѣмъ собрались. Ѣдемъ, что̀-ли?

Вотря.

Да что̀ за спросъ! Мы кру̀гомъ порѣшили
Сегодня-же отплыть.

Дубровинъ.

А вы спросите,
Поѣду-ль я!

Калга.

Да какъ-же не поѣдешь,
Коль кругъ рѣшилъ? Ты больше всѣхъ не будешь.
По-одному мы слушаемъ тебя,
А скажетъ кругъ, такъ ты его послушай.

Дубровинъ.

Да дѣло есть большое, вотъ что̀. (Встаетъ.) Братцы,
Товарищи, не первый годъ гуляемъ
По Волгѣ матушкѣ; добра чужого
Награблено, накрадено довольно.
Погуляно, поѣдено, попито
По горлышко. И вѣкъ гулялъ-бы съ вами,
Не разставался, да такое дѣло,
Ужь радъ, не радъ, а васъ покинуть надо
Не на́-долго. Щербакъ за атамана
Послужитъ вамъ; такъ и другимъ скажите.
Въ Казани подождите, догоню.
Вернусь, такъ вашъ ужь вплоть до самой петли,
А не вернусь, не поминайте лихомъ!

Каурый.

Ты не бросай совсѣмъ-то!

Заяцъ.

Ты заводишь
Какіе-то дурацкіе порядки:
Сиротами безъ атамана плыть ...

Вотря.

Нигдѣ того не водится.

Калга.

Виниться
Не хочешь-ли, дьякамъ въ ногахъ валяться?
Такъ не помилуютъ.

Ерголь.

Ты не въ монахи-ль?

Каурый,

Да что̀ за дѣло у тебя? Не баба-ль?
Такъ лучше брось, продастъ ни за копейку.

Дубровинъ.

Галдѣть? Душа не терпитъ. Разсердиться
Не долго мнѣ, да какъ-то вы уймете?
Со мной не спорь! Что̀ сказано, то свято,
Тому и быть. Мнѣ надо разсчитаться
За старый долгъ со здѣшнимъ воеводой.
Не вѣрите, такъ дайте мнѣ любого
Въ товарищи; посмотритъ и поможетъ
Съ Шалыгинымъ расправиться. Коль живы
Останемся, тогда вернемся вмѣстѣ.

Каурый.

Да такъ-то такъ; а безъ тебя-то горе;
Ты голова, мы руки.

Заяцъ.

Ну, какъ часомъ
Попутаетъ нелегкая, случится,
Въ тюрьму влетишь?

Дубровинъ.

Дово̀ду, что̀-ль, боитесь?
На вора воръ доказчикомъ не будетъ.
Да я живой не дамся въ руки, знайте!

Щербакъ.

А плыть, такъ плыть. Покуда воевода

Къ монастырю дойдетъ, далеко будемъ,
За островомъ. Прощай, Романъ Петровичъ!
Увидимся-ль?

Дубровинъ.

Всей силой постараюсь;
А будетъ тò, что будетъ.

Щербакъ.

Въ лодки живо!

(Нѣсколько разбойниковъ уходятъ.)

Каурый.

Свѣжѣетъ вѣтеръ, будетъ непогода.

Заяцъ.

Откуда дуетъ?

Каурый.

Сверху.

Калга.

Вотъ и ладно.
Поставимъ парусъ, пѣсню заиграемъ
Веселую, и поминай, какъ звали. (Вдали громъ.)

Ерголь.

Никакъ гроза?

Каурый.

Съ грозою веселѣй.

Щербакъ.

Кормилецъ нашъ, зеленый лѣсъ, прощай!
Гроза-подружка, Волга-мать родная
Въ степной просторъ удáлыхъ понесутъ.

(Уходятъ: Щербакъ, Каурый, Заяцъ, Вотря, Калга, Ерголь и другіе.)

Явленіе четвертое.

Дубровинъ, потомъ Пустынникъ и Служка.

Дубровинъ.

Однимъ-одинъ, ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ остался;
Лихихъ людей оставилъ, къ добрымъ людямъ
Пристать нельзя. Головушкѣ бездомной
Одно пристанище въ міру — тюрьма.
А чтобъ сидѣть не даромъ, попытаюсь
Изъ-за куста злодѣя пристрѣлить.
Я ловокъ былъ, бывало, въ мѣту билъ
Безъ промаха издалека; до мосту
Близехонько. Нацѣлюсь въ правый глазъ,
Рука не дрогнетъ, сердце не колыхнетъ;
Простись, Нечай Григорьичъ, съ вольнымъ свѣтомъ,
Какъ тетеревъ ты грянешься на землю.
Не ты-ль меня пустилъ по-волчьи рыскать,
Гнѣздо мое расхитилъ? Ужь не ты-ли
И выучилъ меня по Волгѣ грабить,
Въ лѣсныхъ трущобахъ да въ оврагахъ жить,
Точить ножи булатные и стрѣлы?
Кажись, что ты? Такъ самъ теперь отвѣдай,
Востра-ль стрѣла, чиста-ль моя работа.
Всему пора и время: пожилъ сладко,
Повластвовалъ, — теперь пришелъ конецъ.

(Пустынникъ сходитъ по тропинкѣ, за нимъ Служка. Туча надвигается; темнѣетъ; вѣтеръ и удары грома.)

Какой-то странникъ.

(Всматривается и, съ ужасомъ, вскрикиваетъ.)

Батюшка! (Падаетъ на колѣни.)

Пустынникъ.

Романъ! (Молчаніе.)

Ну, какъ живешь?

Дубровинъ.

Не хорошо, родимый.

Пустынникъ (строго).

А для чего?

Дубровинъ (съ мольбой).

Не проклинай! Покаюсь
Во всѣхъ грѣхахъ передъ тобою.

Пустынникъ.

Кайся
Не мнѣ, а Богу!

Дубровинъ.

Я тебѣ покаюсь.
До Бога намъ высоко; мы не смѣемъ
И глазъ поднять на небо. Окаянство
Грѣховное горой лежитъ на плечахъ
И внизъ гнететъ. Господня милосердья
Не стою я; отъ грѣшныхъ устъ молитва
Не примется.

Пустынникъ.

А кто-же на крестѣ-то
Разбойника простилъ?

Дубровинъ.

Да я-то, грѣшный,
Не хуже-ли разбойника того?

Пустынникъ.

Да хоть и хуже, все-жь надежнѣй къ Богу
Съ раскаяньемъ вернуться, чѣмъ бѣжать
И прятаться отъ Господа, какъ древле
Бѣжалъ, трясясь, братоубійца Каинъ.
А что̀ Олена?

Дубровинъ.

Отнялъ воевода.

Пустынникъ.

А ты?

Дубровинъ.

А я въ уда́лыхъ здѣсь въ оврагѣ,
Въ сыромъ бору, на Волгѣ ...

Пустынникъ.

Проходи!

(Хочетъ идти въ пещеру.)

Дубровинъ.

Постой, отецъ!

Пустынникъ.

Поди, покайся Богу
И брось гульбу, — тогда поговоримъ.

Дубровинъ.

Покаялся-бъ, душа-то не готова:
Еще въ міру есть счеты да приманки,
Да зло на человѣка мыслю; душитъ
Меня вражда, клещами горло давитъ;
У сердца моего кусокъ оторванъ.
Отдай жену по чести воевода,
Тогда смирюсь и зло свое забуду;
Не погонюсь и за обидой, брошу,
Отдамъ ему обиду. Пусть, собака,
Живетъ да бѣды на голову копитъ
До царскаго и Божьяго суда.
Тогда покину вольную потѣху
И самохотную расправу. Слушай!

Служка (Дубровину).

Не говори съ нимъ много, онъ не любитъ.

Дубровинъ.

Предъ Господомъ творю тебѣ обѣтъ:
Въ вашъ монастырь великій вкладъ кладу,
Украшу храмъ стѣннымъ писаньемъ новымъ.
Ни денежкой, неправо нажитою,

Не покорыстуюсь. Пришло неправдой,
Пойдетъ на дѣло.

Пустынникъ.

Долго дожидаться.
Откладывай грѣшить, а добрыхъ дѣлъ
Не отлагаютъ. Смерть не за горами,
А за плечами. (Громъ.) Произволеньемъ Божьимъ,
Изъ малой тучки громъ большой бываетъ.
Взялось въ оврагѣ облачко, по вѣтру
Пошло гулять и мечетъ Божьи стрѣлы,
И роетъ Волгу до песку. Давно-ли
Она струилась тихо ровной гладью,
А въ этотъ часъ струга большіе топитъ,
И гибнутъ души. Легче не родиться,
Чѣмъ умереть, не помирившись съ Богомъ.
А вдругъ помрешь?

Дубровинъ.

Туда мнѣ и дорога!
Своя вина, такъ подѣломъ и мука.
Въ чемъ Богъ застанетъ, въ томъ меня и судитъ.
Ужь мнѣ давно шатанье надоѣло.
Душа просила и въ умѣ бродило
Не смертное убойство, не разбои;
Мой норовъ крутъ, душа моя не терпитъ,
Когда большой молодшаго обидитъ,
Подвластнаго гнететъ и давитъ властный.

Пустынникъ.

У властныхъ власть идетъ отъ Бога. Кто-же
Тебѣ позволилъ стать надъ властью?

Дубровинъ.

Сердце
Ретивое, что бьется — не уймется.
Неправый судъ царитъ на бѣломъ свѣтѣ;
Въ овечьемъ стадѣ волки пастухами;

Кто̀-жь застоитъ за бѣдныхъ, беззащитныхъ?
Не мы, такъ кто̀-жь? Нѣтъ власти, есть охота.
Затѣмъ-то я тюремное сидѣнье
Смѣнялъ на боръ сырой. Про это горе
Я въ темну ночь надъ Волгой думу думалъ
И съ соловьями рѣчи говорилъ.

Пустынникъ.

Объ чемъ тутъ думать? Въ мірѣ тѣсно стало, —
Такъ вотъ тебѣ обитель! Успокойся,
Забудь мірскую злобу и молись
За обижающихъ!

Дубровинъ.

За нихъ молиться?
Да развѣ мы святые?

Пустынникъ.

Проходи!

Дубровинъ.

Благослови, отецъ!

Пустынникъ.

Благословляю
Покаяться; а на другое дѣло
Благословенья нѣтъ. (Уходитъ въ пещеру.)

Служка.

Ты здѣсь пожди!
Честной отецъ, быть можетъ, что прикажетъ,
Такъ я тебѣ повѣдаю. (Уходитъ въ пещеру.)

Дубровинъ.

Дождусь.

(Вѣтеръ бушуетъ, деревья гнутся, громъ чаще и сильнѣе, проливной дождь.)

И клонится, и гнется лѣсъ дремучій,
Прощается со мной. Прощай, дубрава
Зеленая! Я самъ тебѣ челомъ
Ударюся до матери земли. (Кланяется.)

Для всѣхъ въ тебѣ есть мѣсто: для святого
Пещерника приволье, — рой, гдѣ хочешь,
Живи, молись, спасайся безъ помѣхи!
Для грѣшниковъ — овраги да мосты;
Сиди подъ нимъ да жди проѣзжихъ. Любо!
И міръ, что лѣсъ; путей-дорогъ довольно, —
Запутаться не долго: иль въ чащу̀
Безъ выхода, иль въ топкое болото
Трясинное по горло забредешь!
И я бродилъ окольными путями,
Пока отецъ не вывелъ на прямой.

(Служка возвращается.)

Служка.

Молитвенникъ мнѣ далъ приказъ такой:
„Скажи ему, чтобъ онъ жену Олену
Взялъ за руку и велъ къ себѣ домой“.

Дубровинъ.

Да какъ возьмешь? На заперти она.
Замки ломать да съ сторожами биться?

Служка.

Таковъ приказъ; какъ хочешь исполняй!
Я повторю тебѣ опять сначала
Все по̀-ряду, что̀ велѣно сказать:
„Скажи ему, чтобъ онъ жену, Олену,
Взялъ за руку и велъ къ себѣ домой;
Чтобъ старостамъ въ посадѣ объявился
И сѣлъ опять на царское тягло;
Когда устроитъ домъ, чтобъ шелъ въ обитель
И полгода молитвой непрестанной
И строгимъ послушаньемъ, и работой,
Въ молчаніи, на монастырской стройкѣ
Заглаживалъ грѣхи свои предъ Богомъ“.

Дубровинъ.

Исполню все. Теперь въ посады много

Къ своимъ дворамъ, на царское тягло,
Приходитъ нашей братьи. Кто торгуетъ
На воровскія деньги, что припряталъ;
Другой, гляди, не два, не три убойства
На плечахъ носитъ, да живутъ покойно, —
Никто не трогаетъ. Меня подавно
Посадскіе не выдадутъ; подьячихъ
Купить не дорого. А тамъ годочекъ,
Другой пройдетъ, доводчиковъ не бойся.
Живешь по тиху, — такъ въ разбоѣ старомъ
Судить заказано, опричь убойства.
А я не лгу, я рукъ не кровянилъ.

Служка.

Ну, Богъ тебя благослови! — Прощай!
Ты въ городъ, что̀-ль? Такъ нынче монастырскій
Стружокъ бѣжитъ туда; поди, посадятъ.
Садись, свезутъ; а за провозъ отдай,
Что̀ на душу тебѣ Господь положитъ!

Дубровинъ.

Такъ я пойду на вашу пристань.

Служка.

Съ Богомъ.

(Дубровинъ идетъ по тропинкѣ на гору и переходитъ черезъ мостъ; Служка идетъ за нимъ, останавливается на мосту и смотритъ направо по дорогѣ. По мосту проходитъ толпа богомольцевъ. Изъ-подъ моста выходятъ Щербакъ и Каурый съ небольшими тяжелыми мѣшками въ рукахъ).

Явленіе пятое.

Служка (на мосту), **Щербакъ, Каурый**, потомъ **Пустынникъ.**

Щербакъ (Каурому).

Поди сюда! (Указывая пещеру.) Вотъ здѣсь его я видѣлъ;
Лежалъ въ гробу, а вышелъ, — такъ свѣтилось

Лицо его. Кажись, не изъ трусливыхъ,
А какъ стоялъ, такъ я и палъ на мѣстѣ.

Каурый.

Вотъ чудо-то!

Щербакъ.

И всякій ужаснется.
Чему дивиться? Если изъ иконы
Святой угодникъ выдетъ на тебя,
Вѣдь жутко, братъ; а онъ, какъ есть, икона.
И послѣ что̀-жь! Смотрю, пошелъ онъ въ гору
И поднялся на облакѣ надъ Волгой.
Давай мѣшокъ, поставимъ подъ оконцемъ;
Найдетъ казну, за насъ молиться будетъ.
Намъ только то̀ и нужно. Ставь рядкомъ!

(Ставятъ у окна мѣшки съ деньгами; изъ пещеры выходитъ Пустынникъ; Щербакъ и Каурый, снявъ шапки, въ испугѣ отходятъ.)

Щербакъ.

Ужь ты возьми, не погнушайся! Просимъ.

(Кланяются въ ноги.)

По обѣщанію.

Каурый.

Такой обѣтъ мы дали.

Щербакъ.

Вотъ, видишь ты, мы плыть собрались внизъ.

Пустынникъ.

Да бурю Богъ послалъ.

Щербакъ и **Каурый** (вмѣстѣ).

Ну, вотъ, такъ точно.

Пустынникъ.

И начало метать по Волгѣ васъ,
И видите, — одна косная тонетъ,
За ней другая.

Щербакъ.

Правда, такъ и было.

Пустынникъ.

И вспомнили вы Бога.

Щербакъ.

Да, такъ точно.

Каурый.

Ты знаешь все; и говорить не надо.

Пустынникъ.

А на молитвѣ какъ васъ поминать?

Щербакъ.

Да поминай, какъ знаешь!

Пустынникъ.

За гулящихъ,
За вольницу удáлую молиться?

Щербакъ.

Ну вотъ, ну вотъ, за нихъ-то и молись!

Пустынникъ.

Идите съ Богомъ! Я безперестанно
Молюсь за васъ, чтобъ васъ Господь наставилъ

Служка (на мосту).

Спускаются съ горы, подходятъ къ мосту.

(Пустынникъ идетъ на мостъ.)

Щербакъ

Навидѣлись чудесъ. Пойдемъ разскажемъ!

Каурый.

Теперь ужь плыть не страшно, — не потонемъ.

(Щербакъ и Каурый уходятъ подъ мостъ. Воевода подходитъ къ мосту, за нимъ свита: стрѣльцы, холопы и разные богомольцы.)

Явленіе шестое.

Пустынникъ, Служка, Воевода, его свита и богомольцы.

Пустынникъ.

(На мосту, загораживая Воеводѣ дорогу.)

Вернись назадъ!

Воевода.

Да я по обѣщанью;
Не бражничать, иду молиться Богу.

Пустынникъ.

Вернись назадъ!

Воевода.

Я вкладъ монастырю
Несу большой.

Пустынникъ.

Твои дары напрасны;
Не примутся они. Пріятно Богу,
Когда приносятъ жертвы съ чистымъ сердцемъ
И сокрушеннымъ духомъ.

Воевода.

Да почемъ-же
Мое ты сердце знаешь, со смиреньемъ
Иль обуянъ гордыней я иду?

Пустынникъ.

Вернись назадъ!

Воевода.

Нельзя. Народу много
Идетъ за мной. Послушаюсь монаха, —
Не воеводой, бабой назовутъ.

Пустынникъ.

Пошлю сказать, чтобъ заперли ворота.

Воевода.

И запертыя мнѣ отворятъ живо,
Коль прикажу. Запоры не удержатъ.

Пустынникъ.

А слышалъ ты, что было въ лихолѣтье,
Когда хотѣли воровскіе люди
Ворота монастырскія разбить?
Спалило всѣхъ огнемъ небеснымъ. Видишь
Могилы-то въ оврагѣ? Это ихъ.

Воевода.

А силой взять нельзя, такъ торговаться
Давай съ тобой.

Пустынникъ.

Грѣхи-то прежде сбудь.
За деньги Богъ грѣхи не отпускаетъ.

Воевода.

Чего-же ты желаешь отъ Нечая
Шалыгина?

Пустынникъ.

Раскаянья, смиренья.

Воевода.

Раскаянья? Ну, что̀-жь, изволь; покаюсь.
Давно хочу сложить грѣховъ обузу
На шею исповѣдника. Пойдемъ!
Веди меня, отецъ, въ свою пещеру!

Служка.

Благословишь звонить во всѣ?

Пустынникъ.

Звоните.

(Служка, оборотясь къ монастырю, машетъ рукой. Пустынникъ и Воевода сходятъ съ моста и входятъ въ пещеру; за ними сходятъ два стрѣльца съ бердышами и становятся у пещеры, одинъ близко, другой поодаль; свита располагается на горѣ и на мосту: кто садится, кто ложится; въ монастырѣ начинается звонъ; богомольцы проходятъ черезъ мостъ.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе пятое.

Задній дворъ; направо заднее крыльцо терема; за теремомъ проѣздъ съ передняго двора; далѣе уголъ людской избы; налѣво заборъ съ калиткой и задними воротами; близъ забора дерево, на суку котораго повѣшена деревянная доска, въ которую бьютъ сторожа; въ глубинѣ, за легкой изгородью, садъ.

Явленіе первое.

Сторожъ съ дубиной и **Рѣзвый** входятъ.

Сторожъ.

Спасибо, братъ! Уподчивалъ на славу,
Такихъ и надо намъ. Вся дворня лоскомъ
Теперь лежитъ.

Рѣзвый.

А мы съ тобой не пьяны,—
И молодцы-робята. (Садятся на скамью.)

Сторожъ.

Ты, выходитъ,
На службу къ намъ задаться хочешь, парень,
За нашего боярина?

Рѣзвый.

Нештò!
Сиротскимъ дѣломъ, что дадутъ деньжонокъ,
Возьму, пропью, а тамъ навѣкъ кабальный.
Давай попьемъ.

(Достаетъ сулейку и жестяную чарку.)

Сторожъ.

И то гораздо пьяны.

Рѣзвый.

Ну, вотъ бѣда! Проспишься, а на-завтра
Опохмелю. (Пьютъ.)

Сторожъ.

Да спать-то не придется.
Терёнька спитъ, какъ мертвый, не разбудишь
Ничѣмъ его. Одинъ я на сторожѣ.

Рѣзвый.

Да что̀ стеречь въ пустомъ саду? Диви-бы
Поспѣло что̀! Вотъ яблоки поспѣютъ,
Тогда бѣда.

Сторожъ.

Да нешто мы какъ люди!
Велятъ тебѣ стеречь пустое мѣсто —
И береги. А что̀ украсть-то, парень?
Кабъ было что̀, свои-бъ давно украли.
Ну, право, такъ!

Рѣзвый.

Давай свою дубину!
Ты лягъ, усни, а я стучать примусь;
Послушаютъ и скажутъ, что исправны.
Да что̀ не пьешь? Допей, остатки сладки.

Сторожъ.

Осилишь-ли? Тутъ много.

Рѣзвый.

Поневольcя.
Не каждый день вино у васъ.

Сторожъ.

Вѣстимо.
Вонъ люди въ праздникъ пьютъ, а мы не такъ:
У насъ когда вино, тогда и праздникъ. (Допиваетъ.)

Рѣзвый.

(Показывая на заднія ворота.)

Ворота заперты, а прикалитокъ?

Сторожъ.

Гвоздемъ забитъ. Ну, парень, забираетъ
Меня дюжо̀. Пьянѣй вина я, парень.

Рѣзвый.

Размокъ языкъ, такъ спи.

(Толкаетъ, тотъ падаетъ и хочетъ подняться.)

Небось, не встанешь!
Другой медвѣдь того не выпьетъ, сколько
Сегодня ты. Ай, сторожа́!

(Замахивается дубиной.)

Ну! смерти
Аль живота?

Сторожъ (въ полуснѣ).

Робятушки, онъ воръ!
Робятушки!

Рѣзвый.

Не много набормочешь.

(Сторожъ засыпаетъ. Рѣзвый бьетъ въ доску. Входитъ Ульяна.)

Явленіе второе.

Рѣзвый и Ульяна.

Ульяна.

У тѣхъ воротъ два сторожа сидятъ,
И здѣсь одинъ, другой лежитъ, — на смѣну
Готовится. Постукивай почаще,
Чтобъ слышать мнѣ, что вы не спите.

Рѣзвый.

Ладно.

Ульяна.

По голосу-то словно какъ не нашъ.
Ты за себя иль за кого другого
На сторожѣ стоишь?

Рѣзвый.

Да за Терёньку;
Недужится ему.

Ульяна.

А ты-то кто-же?

Рѣзвый.

Да что̀ съ тобой, Ульяна Пантелевна?
Иль не признала? Конюхъ воеводскій
Съ того двора.

Ульяна.

А по чьему приказу
Ты въ сторожахъ стоишь?

Рѣзвый.

Мнѣ Неустройко
Приказывалъ и далъ ярлыкъ.

Ульяна.

Кажи!

Рѣзвый.

Не вѣришь мнѣ, давай народъ разбудимъ,
И за меня поставь кого другого,
А я въ конюшню спать. Скажу спасибо, —
Другіе спятъ, а ты гляди, какъ сычъ.
Ты всѣмъ взяла: и ростомъ, и дородствомъ,
И поступью, и ужь складна — Богъ далъ;
Опять съ лица: глаза-ли взять, иль брови ...
Такъ, кажется, и днемъ съ огнемъ не сыщешь;
Вотъ только норовъ ...

Ульяна.

Не мели пустого!

Рѣзвый.

Мнѣ — Богъ съ тобой; а только, что ужь очень
Красавица. Я глазъ такихъ веселыхъ
Не видывалъ, рѣчей такихъ умильныхъ
Не слыхивалъ. Я правду говорю.

Ульяна.

Да вижу я, что правду.

Рѣзвый.

Не обидься!

Ульяна.

Да чѣмъ тутъ обижаться! Эхъ, мой милый,
На красоту мою никто не льстится.
Ни мужа нѣтъ, ни милаго дружка.

Рѣзвый.

Ну, мужа-то, извѣстно, безъ достатковъ
Найдешь не скоро; милаго дружка
Скорѣе не въ примѣръ.

Ульяна.

Съ оглядкой надо.
Найти — найдешь, да какъ-бы не заплакать.
Другой такой навяжется, что жизни
Не рада будешь

Рѣзвый.

Какъ не пожалѣешь
Сердечную тебя? Ты выходи-ка
Попозже въ садъ; усядемся рядкомъ,
Поговоримъ съ тобой сиротскимъ дѣломъ.

(Выходитъ изъ терема Олена.)

Ульяна.

И то придемъ.

Явленіе третье.

Рѣзвый, Ульяна и Олена.

Олена.

Ульяна Пантелевна,
Боярышня тебя зоветъ.

Ульяна.

Иду.

(Уходитъ въ теремъ. Олена остается на крыльцѣ. Рѣзвый идетъ къ забору и отмыкаетъ калитку.)

Рѣзвый.

Ты здѣсь, Кубасъ?

(Кубасъ входитъ въ калитку.)

Явленіе четвертое.

Рѣзвый, Олена, Кубасъ, потомъ Дубровинъ.

Кубасъ.

Мы тутъ съ Шишигой бродимъ,
У лошадей Заря.

Рѣзвый.

А гдѣ бояринъ?

Кубасъ.

Недалеко гуляетъ; я съ Романомъ.

(Входитъ Дубровинъ.)

Рѣзвый (Дубровину).

А ты зачѣмъ?

Дубровинъ.

Да за женой пришелъ.
Пора домой; довольно погостила
Въ чужихъ людяхъ.

Рѣзвый (Кубасу).

Коней держите ближе
Да бережнѣй; не полошить сосѣдей!

Кубасъ.

Да тутъ все глушь, все за́дворки выходятъ,
Собаки нѣтъ живой; съ лица такъ людно.

Рѣзвый.

Пойти, взглянуть на васъ.

(Уходитъ за калитку съ Кубасомъ.)

Дубровинъ.

Застыло сердце.
Оленушка! Два года не видались,
Вотъ Богъ привелъ. Я чай, совсѣмъ забыла
И бросила Романа своего.
А какъ мы съ ней любовно поживали!
Весь день съ утра и до ночи все смѣхи
Да радости у насъ, — налюбоваться
Не можемъ другъ на друга. Люди
Дивуются и говорятъ, бывало:
Такой-то смѣхъ веселый у Олены,
Что слушаешь и самъ смѣешься съ ней.
Уйдешь съ двора поутру, въ лавку сядешь,
А все съ ума нейдетъ Оленинъ голосъ,
А все въ ушахъ веселый смѣхъ звенитъ.
А тутъ сама бѣжитъ ко мнѣ, подсядетъ,
Прижмется вся, полой ее закрою
По самую по шею, только щеки
Алѣются, да черные сокольи
Глаза глядятъ изъ-подъ бровей собольихъ,
Огнемъ горятъ, какъ звѣзды, искры сыплютъ.
Идутъ купцы, идутъ бояре, смотрятъ,
Дивуются на насъ, глядѣть имъ любо,
Какъ ладно съ ней сидимъ мы и торгуемъ.

(Въ садъ входитъ Шутъ и прячется въ кустахъ.)

Явленіе пятое.

Дубровинъ, Олена, Шутъ въ кустахъ, Рѣзвый у калитки.

Олена (бѣжитъ къ Дубровину).

Романъ, Романъ! (Отвернувшись, плачетъ.)

Дубровинъ.

Съ чего-же ты, Олена,
Заплакала? Отъ радости иль съ горя?

Олена.

Да, Господи! Да какъ-же! Не во снѣ-ли?
Взгляни сюда! Романъ и есть! Голубчикъ!
(Припадаетъ къ нему на грудь.)
Ну, гдѣ-жь ты былъ?

Дубровинъ.

Въ лѣсахъ бродилъ.

Олена.

Да какъ-же
Безъ крова-то? Весна да осень — дождь,
Зима-то — снѣгъ; въ лѣсу-то — звѣрь рыскучій.
На чемъ прилечь въ ночи? А въ непогоду
Обсохнуть гдѣ?

Дубровинъ.

Да, видишь, цѣлъ вернулся,
Такъ что̀-жь тебѣ? Что̀ было, то прошло.

Олена.

Забылъ меня, забылъ. Да ты-бы кликнулъ
Иль вѣсть прислалъ: молъ, приходи, Олена
Такъ развѣ-бъ я къ тебѣ не убѣжала,
Не бросилась, стрѣлой не полетѣла?

Дубровинъ.

Куда-жь тебѣ? Въ лѣсу бродить по-волчьи?

Не приведи, Господь! Да я-бъ тебя
Изъ рукъ своихъ зарѣзалъ, чтобъ не знала,
Не вѣдала ты нашей вольной воли,
Ни нашей злой и неминучей доли.
Да какъ-же мнѣ тебя, мою голубку,
Къ нечистымъ псамъ вести? За что̀-же, вѣку
Не доживя, тебѣ въ аду кромѣшномъ
Съ злодѣями кипѣть и видѣть-слышать
Грабежъ, дѣлежъ, питье-литье хмельное
Да хриплый крикъ, да пьяный вопль, да драку,
Зубъ за зубъ, брань, ножевые тычки,
Божбу, клятье, святыни обруганье, —
Съ чего у насъ-то, окаянныхъ, волосъ
Вздымаетъ дыбомъ, леденѣетъ кровь.
Гульба гульбой, а впереди-то пытка:
Обрушитъ чортъ, наткнешься на разъѣзды, —
Убьютъ тебя, такъ счастье, а какъ свяжутъ,
Перекуютъ попарно да къ разспросу
Потянутъ всѣхъ, и ты пойдешь съ ворами
Терпѣть безвинно воровскую кару ...

Олена.

Кто-жь мылъ, кто шилъ тебѣ? Чужія руки
Такія-ли, какъ женины? Кажи-ка
Сорочку-то! (Плачетъ.) Суровая какая.
Такія-ли я шила! Ишь-ты, воротъ
Не вышитый. А я, бывало, шелкомъ
И рукава, и воротъ изошью.
Какой кафтанъ-то смурый! На бурлакахъ
Такіе-то. (Плачетъ.)

Дубровинъ.

А ты молись-ка Богу,
Что самъ-то цѣлъ!

Олена.

Романушка, по-божьи,
Скажи ты мнѣ всю правду. Не видались

Два года мы. Ужли ты женской ласки
Не видывалъ, такъ сиротой и жилъ?
Ни дѣвушки, ни бабы не любили
Молодчика тебя? Скажи, мой милый,
Не осержусь.

Дубровинъ.

Всю правду говорить?

Олена.

Ну, говори!

Дубровинъ.

Въ сиротской нашей долѣ
До ласки-ли, Олена? А взгрустнется,
Бывало, мнѣ, — присядешь, горько всплакнешь,
Придетъ ко мнѣ, бывало, пожалѣетъ,
Приластится, лицо и руки лижетъ
Мой вѣрный песъ, лохматая собака,
Кобель борзой. Въ глаза ко мнѣ глядитъ
И плачетъ самъ со мной.

Олена.

(Бросается къ нему на шею.)

Романъ, сердечный!

(Плачетъ.)

Такъ прогони-жь свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебѣ я буду, злое горе
Съ тобой дѣлить, въ глаза глядѣть и плакать,
И ластиться.

Дубровинъ (утирая слезу).

Ужь безъ тебя не выйду
Отсюда я. Не для того насъ доля
Свела опять, чтобъ снова разставаться.

Олена (оглядываясь).

Увидятъ насъ съ тобой ...

Дубровинъ.

А пусть увидятъ;
Мнѣ велѣно придти и взять тебя.

Олена.

А кто-жь велѣлъ?

Дубровинъ.

Отецъ.

Олена.

Его ты видѣлъ?

Дубровинъ.

Привелъ Господь. И ты его увидишь.

Олена.

Возьми меня скорѣй, Романъ, возьми.
Не надоѣмъ тебѣ, не надокучу.
Прикажешь мнѣ — и подойду, погонишь —
Я прочь пойду, и слова не услышишь.

Дубровинъ.

А у тебя и не спрошу, Олена,
Какъ ты жила, чтобъ сердца ретивого
Не натрудить. И такъ ужь все изныло.
Я знаю, ты меня не промѣняешь
Ни на кого охотой, про насильство
Не сказывай! Себя не пожалѣю,
Да и тебя. Таковъ ужь мой обычай;
Какъ словно что̀ внутри-то захохочетъ,
Въ глазахъ туманъ кровавый да ножи
Мерещатся. Молчи, Олена, лучше!

Олена.

Романушка, не думай! Воевода
И плакалъ-то, и пыткой-то стращалъ,
Я напрямикъ ему сказала: руки,
Молъ, наложу, отстань. Три дня не ѣла,

Голодной смертью помереть хотѣла,
И унялся. На черную работу
Послалъ меня, а я тому и рада.
Боярышню привелъ, такъ взяли въ теремъ,
По нраву ей пришлась.

Рѣзвый.

Веди скорѣе
Боярышню. Калитку вамъ отворимъ.

Олена.

Ступай, Романъ, и за заборомъ жди,
А здѣсь не стой! Съ боярышней Ульяна,
Сердитая такая: какъ увидитъ
Тебя въ саду, весь домъ подниметъ крикомъ.
Прощай пока.

Дубровинъ.

Ну, съ Богомъ.

Олена.

Дожидайтесь.

(Уходятъ: Дубровинъ и Рѣзвый въ калитку, а Олена въ теремъ.)

Шутъ.

Ну, дядюшка, простись съ своей невѣстой!
Женили насъ съ тобой! Ты гдѣ гуляешь,
Своей бѣды не знаешь? Что̀-жь мнѣ дѣлать?
Будить народъ начать? А ну, услышитъ
Оленинъ мужъ да выдадутъ людишки
Меня ему? Начнетъ меня онъ рѣзать,
Пороть ножомъ на части по суставамъ.
Ой, батюшки, не буду! Вотъ что̀ лучше:
Направлю я стопы свои подальше,
Покуда цѣлъ. (Входитъ Неустройко.)
Наткнулся на кого-то.

Явленіе шестое.

Шутъ, Неустройко, потомъ Рѣзвый.

Неустройко.

Безсудный, ты?

Шутъ.

А гдѣ Нечай Григорьичъ?

Неустройко.

Въ монастырѣ остался.

Шутъ.

Ты потише.
Не разбуди! Ты видишь, всѣ заснули.
(Показываетъ на сторожа.)
Ты какъ прошелъ?

Неустройко.

Въ ворота.

Шутъ.

Кто-же отперъ?

Неустройко.

Два сторожа сидятъ; не спятъ, не дремлютъ,
А хуже сонныхъ тычутся.

Шутъ.

Послушай!
Всѣ сторожа пьянехоньки. Дубровинъ
И Бастрюковъ на зáдворкахъ гуляютъ.
Сейчасъ придетъ боярышня; калитка,
Вотъ, видишь, та — не заперта. Промедли
Ты часъ еще, и поминай какъ звали.
(Неустройко хочетъ подойти къ калиткѣ.)
Не отходи отъ терема, убьютъ.
Ты здѣсь одинъ?

Неустройко.

На улицѣ оставилъ
Людей, стрѣльцовъ; дворомъ прошелъ тихонько
И сказывать не приказалъ.

Шутъ.

Пошли-ка
Въ обходъ стрѣльцовъ на зáдворки. Безъ шуму
Пускай идутъ; а самъ бѣги скорѣе
Къ Облѣзлову. Онъ рядомъ здѣсь пируетъ.
Тамъ пиръ идетъ на весь крещеный міръ;
Тамъ всѣхъ найдешь, посадскихъ и служилыхъ.
И я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ — прогнали.
Бери народъ и самого проси:
Однимъ-то намъ не справиться.

Неустройко.

Идемъ.

(Неустройко и Шутъ уходятъ. Рѣзвый входитъ и садится на скамью.)

Явленіе седьмое.

Рѣзвый (одинъ, поетъ).

Я на камушкѣ сижу,
Я топоръ въ рукахъ держу.
Ай-ли, ай-люли,
Огородъ горожу!
Огородъ горожу,
Все капустку сажу.
Ай-ли, ай-люли,
Все кочанненькую!
У кого нѣту капусты,
Просимъ къ намъ въ огородъ.
Ай-ли, ай-люли,
Во дѣвичій хороводъ.

(Выходятъ изъ терема: Ульяна, Марья Власьевна и Олена.)

Явленіе восьмое.

Рѣзвый. Ульяна, Марья Власьевна, Олена.

Ульяна.

И крѣпко мы, и весело живемъ:
Во всѣхъ углахъ по сторожу.

Олена.

Веселый,
И въ доску бьетъ и пѣсенки поетъ.

Ульяна.

Пришла-жь тебѣ охота! Не слыхала,
Какъ соловей поетъ. Велико диво!
У васъ въ саду, чай, много.

Олена.

Все-же любо
Послушать ихъ весенней-то порой.

Ульяна.

Такъ слушала-бъ изъ терема. Гулянки
Все на умѣ.

Олена.

Когда-жь и погулять-то.
Гуляй пока заботы нѣтъ, а послѣ
И не придется: въ теремѣ запрутъ.

Ульяна.

Такъ добрые-то люди днемъ гуляютъ,
А ночью спятъ.

Олена.

Мы выспаться успѣемъ.
Мы круглый годъ все спимъ. Ночей-то много,
А соловьи поютъ до Петрова́-дня,
Перестаютъ потомъ.

Ульяна.

И вамъ не страшно
Ночной порой въ саду?

Олена.

Чего-жь бояться?
Вотъ говорятъ, что будто бука ходитъ,
Да врутъ, поди. Не малыя мы дѣти.

Ульяна.

Ну, вотъ, пришли, развѣсили мы уши,
А соловей-то гдѣ-жь?

Рѣзвый.

Сейчасъ услышишь.

(Свищетъ. Калитка отворяется. Марья Власьевна и Олена убѣгаютъ, Рѣзвый за ними. Въ садъ входятъ: Неустройко, Облѣзловъ, Нежданъ, Смирнòй, Дружина, Власъ Дюжòй, Брусенинъ, Цаплинъ, Тыра, другіе посадскіе, стрѣльцы и народъ, слуги воеводы и сѣнныя дѣвушки.)

Явленіе девятое.

Ульяна, Неустройко, Облѣзловъ, Нежданъ, Смирнòй, Дружина, Дюжòй, Брусенинъ, Цаплинъ, Тыра, посадскіе, стрѣльцы, народъ слуги воеводы и сѣнныя дѣвушки.

Ульяна.

Ушли, ушли! Держите ихъ!

Неустройко.

Держите!

Ульяна.

Ахти, бѣда! Никакъ на грѣхъ вернулся
Бояринъ нашъ?

Неустройко.

Бояринъ не вернулся,
Да легче вамъ не будетъ. Перевяжемъ
И до него разсадимъ по чуланамъ,
И сторожей приставимъ понадежнѣй.

Ульяна (наступая на Неустройку).

Меня въ чуланъ, меня? Да ты въ умѣ-ли?
Тебя связать, ты сторожей-то ставилъ,
Воровъ такихъ-же, какъ и самъ. (Кланяется Облѣзлову.)
Суди насъ,
Сейчасъ суди! Ты вмѣсто воеводы
Остался здѣсь. Да ты суди по правдѣ,
Лихимъ ворамъ не дѣлай поноровки!
Коль у тебя есть совѣсть, коли носишь
На шеѣ крестъ, вели его держать,
Покуда я не выскребу когтями
Безстыжихъ глазъ его! Потомъ разсудишь,
Кто правъ изъ насъ, кто виноватъ.

Неустройко.

Постой!
Коль насъ судить по правдѣ, надо камень
Потяжелѣй надѣть тебѣ на шею
Да за ноги, да въ Волгу; а потомъ ужь
Судить тебя!

(Вбѣгаетъ Марья Власьевна, за ней Шутъ.)

Явленіе десятое.

Ульяна, Неустройко, Облѣзловъ, Нежданъ, Смирной, Дружина, Дюжой, Брусенинъ, Цаплинъ, Тыра, Марья Власьевна, Шутъ, посадскіе, стрѣльцы, народъ, слуги воеводы, сѣнныя дѣвки, потомъ Степанъ Бастрюковъ.

Ульяна.

Недалеко ушла. (Беретъ Марью Власьевну за руку.)
Задумала хитро, да какъ ни бѣгай,
А рукъ моихъ тебѣ не миновать.
Держите-ка ее покрѣпче, дѣвки!

Неустройко (Шуту).

Ну, что̀-жь вы тамъ? Людишекъ Бастрюкова
Побрали всѣхъ?

Шутъ.

И всѣхъ перевязали
Однимъ концомъ; какъ жемчугъ нанизали
На ниточку.

Неустройко.

Дубровина Романа?

Шутъ.

Тому почетъ особый. Впятеромъ
Насилу одолѣли.

(Стрѣльцы вводятъ связанныхъ Рѣзваго, Кубаса, Шишигу, Зарю, Олену и Дубровина.)

Вотъ они!

Неустройко.

А Бастрюковъ Степанъ?

Шутъ.

Къ нему не скоро
Подступишься.

(Вбѣгаетъ Степанъ Бастрюковъ, отмахиваясь саблей.)

Бастрюковъ.

Не подходи никто!
Не тронь меня холопскими руками:
По локоть отрублю!

Облѣзловъ.

Его оставьте!
Онъ не уйдетъ и самъ. Степанъ Семенычъ,
Негоже, братъ, дворянамъ-то служилымъ
Съ холопями да съ бѣглыми людьми
Ночнымъ разбоемъ промышлять.

Бастрюковъ.

Разбоемъ
Живете вы съ Шалыгинымъ;
Не на разбой, мы за своимъ пришли.

Облѣзловъ.

Съ холопями твоими судъ коротокъ:
Велю ихъ бить нещадно батожьемъ,
Дубровина въ тюрьму до воеводы ...
А какъ тебя судить, — не знаю, право.

Олена (Дубровину).

Убей меня!

Дубровинъ.

И радъ-бы я, да связанъ.

Явленіе одиннадцатое.

Тѣ-же и **Воевода.**

Слуга.

Наѣхалъ самъ бояринъ воевода.

(Входитъ Воевода, долго осматривается.)

Воевода.

Гы здѣсь, Облѣзловъ? Мнѣ тебя и надо.
Въ Москву гонца пошли, не медля, завтра-жь,
Отписывай, что нашъ, молъ, воевода,
Нечай Шалыгинъ, убояся Бога
И страшнаго суда его, поволилъ
Отъ суетнаго міра удалиться,
Извѣдать трудъ подвижнической жизни
И дней своихъ остатокъ посвятить
Служенью Богу въ иноческомъ чинѣ.

Облѣзловъ.

Нечай Григорьичъ, что̀ ты!

Воевода.

Слушай дальше!
Сдаю тебѣ печать городовую
И всякую казну, и всѣ запасы:

Нарядъ и зелье, и свинецъ; а буде
Чего сполна не сыщется, отвѣчу
Казной своей; по искамъ, челобитьямъ
За прежніе убытки и обиды
Обиженнымъ уплачиваю вдвое.
Такъ и пиши! Ты судишь тутъ, я вижу.
Суди, суди!

Облѣзловъ.

Я безъ тебя судья,
А при тебѣ — товарищъ. Самъ суди!

Воевода.

Никто себя не судитъ. Вмѣстѣ съ ними
Въ отвѣтѣ я передъ твоимъ судомъ.

Облѣзловъ.

А что̀, не такъ я разсужу?

Воевода.

Поправимъ
Ошибка въ грѣхъ не ставится.

Облѣзловъ.

Изволь!

Степанъ Бастрюковъ.

На воеводу челобитчикъ я.
Вели пустить Дюжо̀ва дочку Марью;
Она моя невѣста; онъ насильно
Увезъ ее.

Облѣзловъ.

А чья она невѣста —
Мнѣ какъ узнать? Отца и мать мы спросимъ.

Степанъ Бастрюковъ.

Спроси у ней.

Облѣзловъ.

Да нѣшто дѣвка знаетъ,

Кто ей женихъ? Ея-ли это дѣло? (Марьѣ Власьевнѣ.)
Къ кому пойдешь?

Марья Власьевна.

Къ Степану Бастрюкову.

Облѣзловъ.

А все отца и мать спросить.

Степанъ Бастрюковъ.

Мы спросимъ
Опослѣ ихъ; а я возьму покуда
Къ себѣ ее. Пойдешь?

Марья Власьевна.

Пойду.

Степанъ Бастрюковъ.

Вотъ видишь, —
Сама идетъ, такъ разговоръ коротокъ.

Нежданъ.

Да вотъ отецъ! Спросить его.

Дюжо̀й.

Да что̀ ужь!
Коль здѣсь укралъ, такъ намъ съ женой подавно
Не уберечь. Пущай беретъ.

Степанъ Бастрюковъ.

Спасибо!

Дюжо̀й.

А все-таки по чести, чинъ по чину
И съ рукобитьемъ взять изъ дому лучше.

Степанъ Бастрюковъ.

На все готовъ. Бери ее съ собой,
А завтра жди меня на рукобитье.
(Облѣзлову.)

Вели пустить людей моихъ на волю, —
Меня суди, они не виноваты.
Они рабы, по моему приказу
За ней пришли, а ихъ перевязали.

Облѣзловъ.

Пустите ихъ.

Степанъ Бастрюковъ (всѣмъ кланяется).

На свадьбу приходите!
Поклонъ и вонъ. (Уходитъ, слуги за нимъ.)

Неустройко.

А вѣдомаго вора,
Дубровина Романа, тоже пустишь?

Воевода.

А ты спроси, кого Дубровинъ грабилъ?

Облѣзловъ.

Посадскіе! Кого Дубровинъ грабилъ?

Нежданъ.

Не грабилъ насъ.

Смирной.

Не знаемъ.

Облѣзловъ.

А убойства?

Нежданъ.

Не вѣдаемъ и слыхомъ не слыхали.

Облѣзловъ.

А воровства съ поличнымъ?

Дружина.

Не видали.

Смирнòй.

На воровствѣ не пойманъ. Воевода
Въ тюрьмѣ его тогда держалъ напрасно.

Облѣзловъ (Дубровину)

Ты былъ въ бѣгахъ?

Дубровинъ.

Я бѣгать — бѣгалъ, точно,
Не буду лгать. Теперь домой пришелъ
И сѣсть хочу на старомъ пепелищѣ
На царское тягло.

Облѣзловъ.

Ужь я не знаю,
Какимъ судомъ и какъ его судить.

Воевода.

Аль ты забылъ царевъ наказъ о бѣглыхъ?
Указано повсюду воеводамъ
Ихъ сыскивать и на посадъ сажать.
Устраивать строеньемъ, буде надо,
И отдавать за крѣпкія поруки,
Чтобъ имъ, живя въ посадѣ, не сбѣжать
И подати платить царевы вмѣстѣ
Съ посадскими, и быть во всякой службѣ
Съ посадскими-жь. Въ иномъ чину не стать,
И ни за кѣмъ-бы имъ не заложиться,
И льготы имъ давать.

Облѣзловъ.

А на поруки
Возьметъ-ли кто Дубровина?

Воевода.

Да я
Беру его.

Посадскіе.

Мы всѣ, мы всѣмъ посадомъ
Беремъ его.

Облѣзловъ.

Я чаю, крѣпко будетъ
Съ поруками такими. (Слугамъ.) Развяжите
Дубровина.

Дубровинъ.

Вели пустить Олену.

Облѣзловъ.

Твоя она, такъ и бери!

Олена.

Романъ,
Гдѣ голову приклонимъ?

Нежданъ.

На посадѣ
Дворовъ не мало; пріютимъ, покуда отстроитесь.

Облѣзловъ (Неждану).

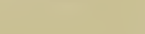
Подайте завтра запись
Поручную по немъ. Теперь не время
Дѣла вершить: на это день, а ночью
Себѣ и людямъ надо дать покой.
Прощай, Нечай Григорьичъ! Расходитесь!

Воевода.

Посадскіе и всѣ честные люди,
Не на́-долго я къ вамъ вернулся; вскорѣ
Переберусь въ обитель; кто обиженъ,
Кто изубытченъ мною, приходите:
За все воздамъ смиренно и съ моленьемъ —
Простить меня и отпустить обиды.

Посадскіе.

Господь тебя прости, а мы прощаемъ.



На бойкомъ мѣстѣ.

Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Лица:

Павлинъ Ипполитовичъ Миловидовъ, помѣщикъ средней руки, лѣтъ 30-ти, изъ отставныхъ кавалеристовъ, съ большими усами, въ красной шелковой рубашкѣ, въ широкихъ шароварахъ съ лампасами, въ цыганскомъ казакинѣ, подпоясанъ черкесскимъ ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ.

Вуколъ Ермолаевъ Безсудный, содержатель постоялаго двора на большой проѣзжей дорогѣ, крѣпкій старикъ лѣтъ подъ 60, лицо строгое, густыя, нависшія брови.

Евгенія Мироновна, жена его, красивая баба, годамъ къ 30-ти.

Аннушка, сестра его, дѣвушка 22 лѣтъ.

Пыжиковъ, изъ мелкопомѣстныхъ, проживающій по богатымъ дворянамъ, одѣтъ бѣдно, въ суконномъ сакъ-пальто, но съ претензіей на франтовство.

Петръ Мартынычъ Непутевый, купеческій сынъ.

Сеня, его прикащикъ.

Жукъ, работникъ Безсуднаго.

Раззоренный, ямщикъ.

Гришка, человѣкъ Миловидова, молодой малый, одѣтъ казачкомъ.

Иванъ, кучеръ Миловидова.

Дѣйствіе происходитъ на большой дорогѣ, среди лѣса, на постояломъ дворѣ, подъ названіемъ „На бойкомъ мѣстѣ“, лѣтъ 40 назадъ.

Дѣйствіе первое.

Комната на постояломъ дворѣ; направо, въ углу, печь съ лежанкой; посрединѣ, подлѣ печи, дверь въ черную избу, лѣвѣе часы съ расписаннымъ циферблатомъ, еще лѣвѣе, въ углу, комодъ, и на немъ шкафчикъ со стеклянными дверцами, для посуды; съ правой стороны, у печки, дверь въ сѣни; ближе къ зрителямъ кровать съ ситцевымъ пологомъ; на лѣвой сторонѣ два окна, на окнахъ цвѣты: герани и жасмины; въ простѣнкѣ зеркало, по бокамъ лубочные портреты; подъ зеркаломъ старый диванъ краснаго дерева, обитый кожей; передъ диваномъ круглый столъ.

Явленіе первое.

Безсудный и Раззоренный.

Безсудный.

Отпрегъ?

Раззоренный.

Отпрегъ.

Безсудный.

Стало-быть, выпить пришелъ, что-ли?

Раззоренный.

Стаканчикъ надо-бы поднесть.

Безсудный.

Отчего не поднесть! (Наливаетъ стаканъ и подаетъ.) Пей на здоровье! (Ямщикъ пьетъ.) Дорога, что̀-ль, тряска, Петра-то Мартыныча какъ раскачало!

Раззоренный.

Какая тутъ дорога, извѣстно — круговые. Въ Покровскомъ рублевъ на сто поболѣ начудили.

Безсудный.

Что̀-жь они тамъ?

Раззоренный.

Извѣстно ихъ занятіе: пить да чтобъ бабы подлѣ, значитъ, для балагурства, и сейчасъ бумажками одѣлять.

Безсудный.

Значитъ, они съ прохладой, домой-то не больно торопятся.

Раззоренный.

А кто̀-жь ихъ... Я въ Покровскомъ на сдачу взялъ до Новой деревни... Перегонъ-то восемьдесятъ верстъ, а гдѣ половина-то? Чай, самъ знаешь, семь верстъ за вами; а я все къ тебѣ, Вуколъ Ермолаичъ. Купцы спрашиваютъ, гдѣ кормить будемъ? Извѣстно, говорю, гдѣ: на „Бойкомъ мѣстѣ“ у Вуколъ Ермолаича.

Безсудный.

Да спасибо, спасибо, что не забываешь.

Раззоренный.

Да что̀ спасибо. Мы тоже ласку помнимъ... Ты-бы меня хоть двугривенничкомъ осеребрилъ.

Безсудный.

А изъ какихъ доходовъ? Еще твои купцы-то у меня ничего не прожили. Вотъ погоди, по доходу глядя, и тебя не забудемъ.

Раззоренный.

Такъ я кормить пойду.

Безсудный.

А ты не торопись, пущай у меня погостятъ подольше, не все-жь однимъ Покровскимъ отъ нихъ пользоваться.

Раззоренный.

Ну, да ладно! Копаться-то мы и безъ просьбы мастера, торопиться вотъ, такъ это мы не умѣемъ. (Уходитъ).

Безсудный (у двери).

Мироновна! А Мироновна! Поди сюда. Сестрица! Анна! Аннушка! Идите сюда, говорю вамъ! Что̀ васъ не дозовешься? (Евгенія и Аннушка входятъ.)

Явленіе второе.

Безсудный, Евгенія и Аннушка.

Безсудный.

Гдѣ вы тамъ забились? Когда васъ надо, васъ тутъ и нѣтъ. Дуры, право, дуры!

Евгенія.

Какой ты, Ермолаичъ! Да развѣ я не хозяйка! Туда сунься, за тѣмъ погляди, съ ногъ собьешься. Я же такая заботливая, за всякой малостью сама ...

Безсудный.

Хозяйка ты! Какое твое хозяйство-то? Грошовое. Тряпки въ чуланѣ перебирать. А тутъ сотни летятъ. Разѣвайте ротъ-то! На овсѣ-то не много наторгуешь. Петръ Мартынычъ пріѣхалъ, слышишь ты!

Евгенія.

Охъ, Ермолаичъ, право, ужь мнѣ повѣсничать-то не больно по сердцу. Кабы я была дѣвушка, ни-

кому неподовластная, — другое дѣло. Я такъ считаю, что ты моя глава. Мнѣ когда и въ шутку кто скажетъ что-нибудь, такъ я за грѣхъ понимаю противъ тебя. Право, ужь и такая зародилась совѣстливая и для мужа своего покорная, а тутъ поди, балясничай съ ними, съ охальниками.

Безсудный.

Да, нужно очень! Ты сними маску-то! Передъ кѣмъ ты тутъ свою покорность показываешь! Ужь ты при людяхъ лисой-то прикидывайся, а я тебя и безъ того знаю. Говорятъ тебѣ, Непутевый съ приказчикомъ въ Покровскомъ сто рублей пропили; а что̀ бабамъ роздали, такъ и числа нѣтъ.

Евгенія.

Ой, что̀ ты! Да неужто въ правду? (Поправляется передъ зеркаломъ).

Безсудный (Аннушкѣ).

А ты что̀ губы-то надула? Даромъ, что̀-ль, васъ кормить-то въ самомъ-дѣлѣ? Какъ у тебя въ глазахъ стыда-то нѣтъ.

Аннушка.

У тебя стыда нѣтъ, а у меня есть.

Безсудный.

Анна!! Ты смотри, не разбуди во мнѣ бѣса! Во мнѣ ихъ сотня сидитъ; какъ начнутъ по моимъ жиламъ ходить, въ тѣ-поры у меня расправа ножевая.

Аннушка.

Такъ ужь убилъ-бы ты меня скорѣе, коли тебѣ кровь-то человѣческую все равно, что воду лить. (Уходитъ въ среднюю дверь.)

Безсудный.

Эко зелье зародилось! Вся въ меня!

Евгенія.

(Отворяя дверь съ притворнымъ смѣхомъ.)

Хи-хи-хи, хи-хи-хи! Здравствуйте, господа купцы! Петинька, здравствуй. (Уходитъ.)

Безсудный.

Жену-то я взялъ, кажись, не ошибся; а сестра-то мнѣ не ко двору пришла. Ей-бы въ монастырѣ жить, а не на постояломъ дворѣ. (Входитъ Жукъ.) Что̀ ты?

Жукъ.

Проѣзжіе позываются! Да, кажись, народъ-то такой, что пущать не сто̀итъ.

Безсудный.

Такъ и не пущай! На что̀ намъ дряни-то! Только мѣсто занимаютъ, а корысти-то отъ нихъ немного. Постой, я пойду самъ погляжу. (Уходитъ. Изъ средней двери выходятъ: Сеня и Евгенія.)

Явленіе третье.

Сеня и Евгенія.

Сеня.

Что̀ это у васъ Анна-то Ермолавна спѣсива очень?

Евгенія.

Ужь такая-то фурія, что не накажи, Господи!

Сеня.

По вашему занятію ей словно какъ надобно-бы пообходительнѣе быть, потому что отъ этого хозяину выгода зависитъ.

Евгенія.

Какая выгода! Намъ съ мужемъ отъ нее только

неудовольствіе одно. Вотъ, говорятъ, Сеня, что золовки завсегда неладно живутъ промежь собой. Какому-же тутъ ладу быть, когда я, съ моимъ ангельскимъ характеромъ, и то не могу ужиться съ ней?

Сеня.

Такъ-съ.

Евгенія.

Къ намъ одинъ баринъ ѣздитъ, хорошій баринъ, и крестьяне у него есть, не такъ чтобы много, а довольно; ну, обыкновенно, ихъ господское дѣло, и приглянись ему эта наша прынцесса. Ну, что̀-жь такое! Дѣло очень и очень обыкновенное; каждый день мы видимъ. А она приняла это за̀ важность! Кто я! Да что̀ я! Да онъ на мнѣ женится, я барыня буду! Какъ-же не такъ, дожидайся! Ни брату, ни мнѣ не даетъ слова выговорить. Ужь что̀ я черезъ ея обиды да насмѣшки мученія приняла, такъ, кажется, мнѣ всю жизнь не забыть.

Сеня.

И что̀-же теперича этотъ баринъ-съ?

Евгенія.

Что? Извѣстно, что̀! Очень ему нужно. Ну, да ужь и я ей не подарокъ; удружила и я ей; будетъ меня благодарить долго.

Сеня.

Что̀-же вы такое? Позвольте поинтересоваться!

Евгенія.

Много будешь знать, скоро состарѣешься. (Входятъ: Непутевый и Аннушка).

Явленіе четвертое.

Евгенія, Сеня, Непутевый и Аннушка.

Непутевый.

Стало-быть, мы не хороши? Какихъ-же тебѣ еще, коли ужь я не хорошъ?

Аннушка.

А неужто ты думаешь, что ты хорошъ? Кто-жь это тебѣ сказалъ? Ты не вѣрь, обманули тебя!

Непутевый.

Ну, однако, ты не очень! Для кого не хорошъ, а для кого, можетъ, я и хорошъ!

Аннушка.

Ну, и ступай туда, гдѣ ты хорошъ.

Непутевый.

Стало-быть, я за свои деньги да уваженія здѣсь не вижу. Что̀-жь такое? Какой это порядокъ? Куда я заѣхалъ? Кто здѣсь смѣетъ важничать, окромѣ меня? Я деньги плачу!

Аннушка.

Да отстань ты отъ меня, не нуждаюсь я твоими деньгами! Сказано тебѣ.

Непутевый.

Семенъ! Во фрунтъ передо мной! Ты чего смотришь? Какъ насъ здѣсь принимаютъ? Али бунтъ сдѣлать? Они еще пыли-то отъ меня не видывали. Семенъ! Давай посуду бить! Всѣ окны высадимъ!

Евгенія.

Ну, полно, Петя, полно! Ты ужь не дури! Поди усни, поди, голубчикъ, отдохни! Легко-ли, день-деньской ты маешься. А вотъ проспишься, мы ужь тебѣ все, въ твое уваженіе.

Сеня.

Не хорошо, Петръ Мартынычъ! Пойдемте спать, цѣлыя сутки не спали.

Непутевый.

Я жить хочу, хочу жить!

Евгенія.

А вотъ выспишься, такъ живи въ свое удовольствіе.

Непутевый.

Мнѣ-бы разбить что-нибудь. Ухъ! Кажется, я ...

Сеня.

Не хорошо, Петръ Мартынычъ, оставьте!

Евгенія.

Ты сосни, поди, а проснешься, да придетъ тебѣ желаніе посуду бить, такъ я тебѣ приготовлю; у насъ есть такая.

Непутевый.

Ну, спать, такъ спать. (Уходитъ. Сеня затворяетъ за нимъ дверь.)

Сеня.

Вѣдь ишь, какой круговой! Одного его пустить никакъ нельзя. Меня родители-то съ нимъ и посылаютъ нарочно для береженья, чтобъ его беречь въ дорогѣ. (Уходитъ).

Явленіе пятое.

Евгенія и Аннушка.

Евгенія.

Что̀-жь, долго это намъ терпѣть отъ тебя?

Аннушка.

Никто тебя терпѣть не заставляетъ.

Евгенія.

Долго ты нашихъ гостей-то обижать будешь?

Аннушка.

Никого я не обижаю. А что всякій пьяница ко мнѣ лѣзетъ, такъ я этого терпѣть не могу. Такъ я вамъ прежде говорила, такъ и теперь говорю.

Евгенія.

Ты терпѣть не можешь, а мнѣ, стало-быть, ничего? Что̀-жь, я хуже тебя? Говори! Хуже я тебя?

Аннушка.

Всякій самъ себѣ хорошъ. Ты вотъ съ ними хохочешь, всякія нехорошія слова мелешь да цалуешься, а мнѣ это гадко.

Евгенія.

Стыдно, небось! Погоди больно стыдиться-то, еще не барыня, еще когда будешь, — да полно, будешь-ли? Что-то мнѣ не вѣрится. А теперь пока такая-же мѣщанка, какъ и я.

Аннушка.

Нѣтъ, не такая-же.

Евгенія.

Какая-же? Изъ конфетъ, что̀-ль, ты слѣплена?

Аннушка.

Не изъ конфетъ, а во мнѣ стыдъ есть, а въ тебѣ нѣтъ.

Евгенія.

Кому это нуженъ твой стыдъ здѣсь?

Аннушка.

Мнѣ онъ нуженъ.

Евгенія.

Ахъ! Скажите, пожалуйста! А что̀ ты себѣ этимъ выиграла? (Безсудный входитъ.)

Явленіе шестое.

Евгенія, Аннушка и Безсудный.

Безсудный.

Что̀ вы тутъ? Что̀ на васъ ладу нѣтъ? Какъ только бабы вмѣстѣ, — такъ и перессорились. Эка порода проклятая! Что̀ вамъ дѣлить-то?

Евгенія.

Да вотъ все сестрица твоя барыню изъ себя корчитъ; отъ хорошихъ людей она носъ воротитъ, а къ кому сама льнетъ, такъ тѣ на нее смотрѣть не хотятъ.

Аннушка.

Ни къ кому я не льну. Это ты льнешь ко всякому.

Евгенія.

Кого ты, безстыжіе глаза, обмануть хочешь? Всѣ видятъ, какъ ты къ Павлину Ипполитычу виснешь, да жаль, что онъ-то тебя знать не хочетъ.

Аннушка.

Виснуть я къ нему не висну, а что онъ меня знать не хочетъ, я все-жь таки не виновата.

Безсудный.

Кто-жь виноватъ?

Аннушка.

Я не знаю. Оставьте вы меня! (Садится къ столу.)

Безсудный.

Кто-жъ знаетъ-то? Баринъ хорошій, добрый, ѣздилъ почитай каждый день, что̀ денегъ проживалъ у меня, — а теперь рѣже да рѣже, да, пожалуй, и совсѣмъ перестанетъ.

Евгенія.

Что̀ мудренаго!

Безсудный.

Баринъ тароватый, простой, деньги тратитъ, не считаетъ. Гдѣ другого такого найдешь? Не будетъ ѣздить, такъ видимый убытокъ.

Аннушка.

Тебѣ денегъ-то жалко, а у меня вся жизнь отнята, все мое счастье. (За сценой звонъ колокольчика и бубенчиковъ. Входитъ Жукъ.)

Жукъ.

Капитанъ-исправникъ ѣдетъ.

Безсудный.

(Вынимаетъ повѣшенный на шеѣ кошель, достаетъ ассигнаціи и отдаетъ женѣ).

Поди, скажи, что нездоровъ, — съ похмѣлья, молъ, головой мается. (Евгенія уходитъ.)

Аннушка.

Ты меня, братецъ, отпусти домой! На что̀ я тебѣ?

Безсудный.

А дома что̀ дѣлать? Баклуши бить?

Аннушка.

Я въ монастырь уйду, а то по богомольямъ пойду. Жизни я своей теперь не рада.

Безсудный.

Да съ чего это у васъ сталося?

Аннушка.

Не знаю. Вины моей передъ нимъ нѣтъ никакой; я такъ думаю, наговорили ему на меня напрасно.

Безсудный.

Наговорить-то некому. Кому наговорить? Что̀ ты врешь?

Аннушка.

Кто-жь знаетъ? Разлучить насъ захотѣли. Кому-нибудь нужно было. Точно я свое счастье во снѣ видѣла. Жила я у матушки, никакой бѣды не знала! Взялъ ты меня на погибель на мою!

Безсудный.

Какая погибель, дура? Что̀ тебѣ у матушки? Только и свѣту, что въ окнѣ; ты и людей-то не видала. Я тебѣ добра хотѣлъ.

Аннушка.

А что̀ проку, что я людей-то видѣла? Полюбилъ меня баринъ молодой, красавецъ; кого-жь я послѣ него любить могу, кто мнѣ милъ можетъ быть, какая моя жизнь? Хотѣлъ онъ меня замужъ взять, а теперь бросаетъ. До петли ты меня доводишь, вотъ оно, твое добро-то!

Безсудный.

Ужь и замужъ! Не больно-ль много?

Аннушка.

Что̀-жь ему замужъ меня не взять, коли я ему нравлюсь? А игрушкой его и быть не хочу.

Безсудный.

Видишь ты, какая въ тебѣ гордость глупая! Кому жь можетъ быть она пріятна?

Аннушка.

Да я его и не просила, онъ самъ этого хотѣлъ. А по мнѣ, хоть-бы въ работницы взялъ, такъ я-бы рада была. Не то, что женой быть, я собакѣ-то его завидовала, что она завсегда съ нимъ и завсегда мо-

жетъ ему руки лизать. Только какъ-бы я его ни любила, а я завсегда скажу, что я хочу на чести жить.

Безсудный.

Эко дѣло! А! Ворожбы какой нѣтъ-ли?

Аннушка.

Не знаю я, ничего не знаю. (Колокольчикъ, бубенчики и свистъ. Входитъ Евгенія.)

Евгенія (со смѣхомъ).

Ужь такой-то шутникъ! Такой-то шутникъ! Измялъ всю, право.

Безсудный.

Не сахарная, не развалишься.

Евгенія.

И чтой-то такое, Ермолаичъ, скажи ты мнѣ на милость: съ кѣмъ я ни поиграю, съ кѣмъ я ни поиграю, и все это мнѣ постыло. И отъ того это, я такъ думаю, что не пристало мнѣ, замужней женщинѣ, такъ какъ я замужняя женщина, для одного мужа обязанная.

Безсудный.

Разговаривай тутъ, ужь слышали!

Евгенія.

А что для тебя, какъ ты самъ этого хочешь, я готова со всякимъ пошутить въ удовольствіе, только чтобъ другіе не судили по моему веселому характеру. Я завсегда себя помню и что̀ такое мужъ ...

Безсудный.

Ну, и ладно, ладно! Будетъ толковать-то! (Колокольчикъ и бубенчики. Жукъ входитъ.)

Жукъ.

Павлинъ Ипполитычъ пріѣхалъ.

Евгенія.

Ахъ, батюшки! Вотъ не ждали-то!

Безсудный (Жуку).

Поди высаживай! (Жукъ уходитъ.) Вино-то есть у насъ?

Евгенія.

Какъ для такихъ гостей не быть?

Безсудный.

Такъ доставайте да становитесь встрѣчать. (Евгенія съ Аннушкой берутъ по подносу, ставятъ на нихъ большія рюмки, наливаютъ изъ бутылки вина, кладутъ на подносы по нѣсколько пряниковъ и становятся среди комнаты. Безсудный у двери. Входятъ: Миловидовъ и Пыжиковъ. Безсудный кланяется въ поясъ. Миловидовъ подходитъ къ Евгеніи и Аннушкѣ, пьетъ у обѣихъ вино и цѣлуетъ ихъ.)

Явленіе седьмое.

Миловидовъ, Пыжиковъ, Безсудный, Евгенія, Аннушка и потомъ Гришка.

Миловидовъ

(показывая на Пыжикова).

Подносите и ему. (Евгенія и Аннушка наливаютъ вина, подносятъ Пыжикову и кланяются.) Пей, цалуй хозяекъ да клади деньги! У насъ такое заведеніе! (Пыжиковъ пьетъ.) Вы его задаромъ не цалуйте. Пускай по цѣлковому на подносъ кладетъ.

Пыжиковъ.

Послушай! Что̀-же это ты? Это конфузъ, братецъ ты мой!

Миловидовъ.

Ну, ужь я за него заплачу. (Пыжиковъ цѣлуетъ хозяекъ).

Безсудный.

Какимъ вѣтромъ, сударь Павлинъ Ипполитычъ?

Миловидовъ.

Къ Гуляеву обѣдать ѣду вотъ съ этимъ милашкой. Мимо ѣхалъ и заѣхалъ.

Безсудный.

Такъ, сударь, такъ. Подчивать чѣмъ прикажете?

Миловидовъ.

Кучеру стаканъ вина, да чтобъ не откладывалъ, я скоропоѣду. Гришкѣ не давай — (Грозитъ пальцемъ.) онъ еще молодъ. А мнѣ пока ничего не надо. У меня свое есть. (Безсудный уходитъ, Гришка вноситъ двѣ бутылки вина, закуску и ставитъ на столъ; кладетъ на диванъ коверъ и подушку, потомъ подаетъ барину трубку и становится у двери.)

Евгенія.

Забывать насъ стали, Павлинъ Ипполитычъ! Либо заспѣсивились, — право, заспѣсивились.

Миловидовъ.

Какая спѣсь, Евгенія Мироновна! Не то ты толкуешь.

Евгенія.

Вы нашей-то стряпни что̀-нибудь отвѣдайте. Прикажите хоть грибковъ изжарить.

Миловидовъ (кивая головой).

Ну, жарьте, ступайте. (Евгенія и Аннушка уходятъ.) Ну, видѣлъ?

Пыжиковъ.

Видѣлъ.

Миловидовъ.

Что̀ скажешь?

Пыжиковъ.

Красавица, писаная.

Миловидовъ.

Вотъ то-то-же! Вотъ какой у меня характеръ: сразу врозь, и кончено дѣло.

Пыжиковъ.

Да отчего-же такъ?

Миловидовъ.

Это ужь я про то знаю. А какъ влюбленъ былъ! Тебѣ никогда съ роду такъ не влюбиться! Да гдѣ тебѣ! Это невозможно!

Пыжиковъ.

А ты почемъ знаешь?

Миловидовъ.

Чего-съ? Позвольте! Ты можешь влюбиться такъ, какъ я? Нѣтъ, ужь это дудки!

Пыжиковъ.

Напрасно вы такъ думаете. Отчего-же это?

Миловидовъ.

Оттого, что у тебя душа коротка, благородныхъ чувствъ мало. Этакъ всякій-бы ... Ты вонъ дрянь какую-то куришь, сигарки дешевыя. Ужь коли ты мужчина, такъ кури трубку, хоть махорку, да трубку ... Ну, да что̀ толковать! Во мнѣ искра есть, а въ тебѣ нѣтъ. Я лихой малый, душа на распашку; кавалеристъ какъ есть; рубака, пьяница, а благородный человѣкъ; на ногу себѣ наступить не позволю.

Пыжиковъ.

Ваше при васъ и останется.

Миловидовъ.

Да разумѣется. (Подходитъ къ Пыжикову и крѣпко беретъ его за руку.) Ты слушай, слушай! Вотъ какъ я ее любилъ: ты видишь, она простая дѣвка, а я у ней руки цаловалъ, — руки цаловалъ! Какъ тебѣ это покажется? На колѣняхъ стоялъ передъ ней! Каково это! А отчего я такъ влюбился? Оттого, что завлекся, вотъ отчего! Пойдемъ выпьемъ. (Подходятъ и пьютъ.) Вѣдь ужь ты знаешь, какой я ходокъ, нечего сказывать? А тутъ вдругъ осѣчка; встрѣчаю такую дѣвушку, что и подойти нельзя, держитъ себя строго. Фу ты, прòпасть! думаю. Вотъ диковина! Въ такомъ домѣ, а держитъ себя такъ, что и приступу нѣтъ. Я и съ той стороны, и съ другой, и подарки-то, и то, и сё; Гибралтаръ, просто Гибралтаръ! Такъ я какъ завлекся, — влюбился, какъ мальчишка. Жениться хотѣлъ! Вотъ ты и знай! (Подходитъ къ столу и пьетъ рюмку вина.) Родные услыхали это, тетушки да бабушки, въ ужасъ пришли; а мнѣ чортъ съ ними, я живу самъ по себѣ. Начали онѣ меня усовѣщивать, невѣстъ разныхъ подставлять, чтобъ разбить; бабъ на воду шептать заставляли, да меня спрыскивали; одна тетка настоящаго колдуна призывала, чтобъ отворожить — ничего не дѣйствуетъ. Вотъ она какая любовь-то была. А имъ бѣда! Имъ меня на барышнѣ женить хочется. А я чепчиковъ видѣть не могу. Чтобъ въ моемъ домѣ да завелись чепчики! Нѣтъ ужь, этому не бывать! Мнѣ барышню и посадить-то не на чемъ. У меня въ гостиной сѣдла да арапники, а вмѣсто дивановъ сѣно насыпано да коврами покрыто. Не разставаться-жь мнѣ съ моими порядками. Мнѣ давай такую жену, чтобъ она по моей дудочкѣ плясала, а не я по ея. И чтò-же, братецъ ты мой: при такой-то любви, услыхалъ я только одно слово и — какъ рукой сняло. Два дня походилъ дома изъ угла въ уголъ, потужилъ и оборвалъ сразу.

Пыжиковъ.

Отъ кого-жь ты услыхалъ это слово?

Миловидовъ.

Ну, ужь это мое дѣло; только отъ вѣрнаго человѣка.

Пыжиковъ.

А съ ней ты говорилъ объ этомъ или нѣтъ?

Миловидовъ.

Съ какой стати? Упрекать ее, что̀-ли? Не мой характеръ. Я по благородному, пренебрегъ, и кончено дѣло. Въ глаза ей показываю, что пренебрегаю, вотъ и все.

Пыжиковъ.

Все-же-бы тебѣ объясниться съ ней; можетъ, она и не виновата.

Миловидовъ.

Какъ, еще объясняться? Что̀ она, барышня, что̀-ли? Дѣвка простая, да стану я съ ней объясняться! Много чести.

Пыжиковъ.

Однако ты на колѣняхъ стоялъ, руки цаловалъ.

Миловидовъ.

То дурь была, а теперь я въ полномъ разумѣ. Да и признаться тебѣ сказать, я женскихъ слезъ не люблю. Пожалуй, еще разжалобитъ, старая-то блажь воротится, а этого теперь нельзя.

Пыжиковъ.

Ужь будто и нельзя?

Миловидовъ.

Да, нельзя, потому что я благородный человѣкъ. Понимаешь ты это? Нечего и разговаривать. Да у

меня теперь ужь другое на умѣ. Такой сюжетецъ, что похлопотать стòитъ.

Пыжиковъ.

А изъ какихъ?

Миловидовъ.

Никогда не говорю, мое правило.

Пыжиковъ.

Значитъ, ты ужь совсѣмъ отъ Аннушки прочь?

Миловидовъ.

Ну, конечно.

Пыжиковъ.

Такъ надо теперь за ней поволочиться.

Миловидовъ.

Чтò-о?

Пыжиковъ.

Поволочиться хочу за Аннушкой.

Миловидовъ.

Ты? Я ничего не успѣлъ, а ты хочешь волочиться? Чтò-жь, я хуже тебя? Э, братъ, нѣтъ! Такъ ступай-же къ Гуляеву-то пѣшкомъ.

Пыжиковъ.

Какъ-же пѣшкомъ? Вѣдь ты меня хотѣлъ довезти.

Миловидовъ.

Нѣтъ, пѣшкомъ, пѣшкомъ.

Пыжиковъ.

Чтò-жь это такое?

Миловидовъ.

За подлости за твои.

Пыжиковъ.

Какія-же подлости? Ты, братъ, не очень!

Миловидовъ.

Такія-же подлости, что ты очень много о себѣ думаешь!

Пыжиковъ.

Да я шучу; ну, право-же шучу.

Миловидовъ.

То-то-же „шучу“! Ну, и я шучу. Эй! Гдѣ гитара моя? (Аннушка входитъ съ гитарой.)

Явленіе восьмое

Миловидовъ, Пыжиковъ, Аннушка и Гришка.

Аннушка.

Вотъ вамъ гитара! Извольте!

Миловидовъ.

Я сказалъ, чтобъ мою гитару не смѣли трогать. Вотъ я ее домой увезу.

Аннушка.

Ее никто и не трогалъ. Я играю иногда.

Миловидовъ.

Вотъ какъ? Такъ это ты играешь? Мило! Что̀-же ты играешь?

Аннушка (со слезами).

Тѣ пѣсни, которыя вы меня учили.

Миловидовъ.

Что̀-жь! Отъ скуки хорошо, все-таки занятіе!

Аннушка.

Нѣтъ, ужь мою скуку пѣснями не разгонишь. (Миловидовъ беретъ нѣсколько аккордовъ.) Видно, мнѣ съ моей

тоской до могилы не разстаться. (Миловидовъ аккомпанируетъ романсъ; Аннушка подпѣваетъ сначала тихо, потомъ громче.)

Пѣла, пѣла пташечка,
Да замолкла;
Знало сердце радости,
Да забыло.

(Миловидовъ играетъ ритурнель.) За что̀ вы, Павлинъ Ипполитычъ, загу́били всю жизнь мою? Вы мнѣ хоть слово скажите! (Миловидовъ играетъ аккомпаниментъ, она поетъ.)

Ахъ, сгубили пташечку
Злыя вьюги,
Загубили молодца
Злые люди.

Миловидовъ.

Каковъ голосъ-то, а?

Пыжиковъ.

Голосъ чудесный.

Миловидовъ.

Вотъ то-то и есть; такъ гдѣ-жь тутъ тебѣ!

Аннушка.

Не мучьте меня, Павлинъ Ипполитычъ, скажите мнѣ, чѣмъ я передъ вами виновата? Отчего вы такъ перемѣнились?

Миловидовъ.

Нѣтъ, я ничего, я такой-же. А ты развѣ замѣчаешь, что я перемѣнился къ тебѣ? А мнѣ кажется, что я ничего не перемѣнился. Гришка! (Гришка выходитъ на средину комнаты.)

Аннушка.

Я, Павлинъ Ипполитычъ, съ жизнью разстаюсь, а вы шутите. Какъ вамъ не грѣхъ! Я домой собираюсь, можетъ-быть, ужь мы больше не увидимся; вы меня любили прежде, — хоть по старой памяти

скажите, отчего я вамъ опротивѣла? Наговорили вамъ что-нибудь или другая есть лучше меня?

Миловидовъ
(поднимая съ полу палочку).

Вотъ видишь! (Ломаетъ палочку и бросаетъ въ разныя стороны). Вотъ было вмѣстѣ, теперь врозь! Попробуй составить, — не составишь. Такъ и любовь. И разговаривать нечего! Гришка, ходи! (Играетъ трепака, Гришка пляшетъ.) Дробь! Дробь, говорятъ тебѣ! (Опускаетъ гитару и пристально смотритъ на Гришку.) Скоро-ли я тебя, подлеца, выучу?

Гришка.

Ужь я, сударь, самъ не мало казнюсь на себя; самому до смерти хочется поскорѣе выучиться. Начнешь это въ людской протверживать, такъ-бы, кажется, объ стѣну себѣ голову и расшибъ. Кабы меня съ малолѣтства, сударь ...

Миловидовъ.

А что̀?

Гришка.

Потому у меня къ этому охота большая. Да я, сударь, помаленьку дойду. Ужь это вы будьте покойны. Вотъ извольте посмотрѣть вотъ это колѣно. Извольте, сударь, играть. (Миловидовъ играетъ, онъ пляшетъ.) Почаще, сударь.

Миловидовъ.

Ходи круче! Ну, вотъ молодецъ! (Перестаетъ играть) Трубку! (Аннушка беретъ трубку и передаетъ Гришкѣ. Гришка уходитъ.) Ухъ, усталъ! (Аннушка поправляетъ подушку на диванѣ, онъ ложится).

Пыжиковъ.

Безчувственный ты Донъ-Жуанъ!

Миловидовъ.

Много ты понимаешь! Съ женщинами, братъ, иначе нельзя

Аннушка.

Узнать-бы мнѣ только, кто это у меня разлучница! (Входятъ: Гришка съ трубкой, Безсудный и Евгенія съ блюдомъ грибовъ.)

Явленіе девятое.

Миловидовъ, Пыжиковъ, Аннушка, Евгенія, Безсудный, Гришка. потомъ **Непутевый** и **Сеня.**

Евгенія.

Пожалуйте, господа, грибковъ отвѣдайте.

Безсудный.

Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. (Изъ средней двери показывается Непутевый, за нимъ Сеня.)

Непутевый.

Господа, позвольте съ вами компанію имѣть.

Миловидовъ (приподымаясь).

Что̀?

Непутевый.

Позвольте компанію имѣть.

Миловидовъ.

Пошелъ вонъ! Куда ты лѣзешь?

Сеня.

Петръ Мартынычъ! Петръ Мартынычъ! Хозяинъ! Не хорошо, не хорошо!

Евгенія.

Поди, Петя, здѣсь тебѣ не мѣсто.

Непутевый.

Я самъ могу соотвѣтствовать. Я самъ никого не хуже. Что̀ такая за важность! Эй, хозяинъ, давай сюда шампанскаго!

Миловидовъ (встаетъ съ дивана).

Уйдешь ты или нѣтъ? Убирайся!

Сеня.

Но однако, хозяинъ, оставьте! Оставьте, говорятъ вамъ!

Евгенія.

Петя, поди на свое мѣсто, поди, голубчикъ! Мы тебѣ туда вина подадимъ.

Непутевый.

Я при своемъ капиталѣ завсегда могу ... (Евгенія и Сеня провожаютъ его за дверь.

Миловидовъ (закусывая).

Что̀ это за Петя?

Евгенія.

Купчикъ знакомый, онъ разъ пять въ годъ мимо насъ ѣздитъ, такъ всегда заѣзжаетъ.

Миловидовъ (Безсудному).

То-то, ты, чай, ихъ обираешь. Подпоишь да и грабишь, какъ душѣ твоей хочется.

Безсудный.

Не тѣ нынче времена, чтобъ грабить.

Миловидовъ.

А другой упирается, не любитъ, чтобъ его грабили, такъ и попридушить можно.

Безсудный (сверкнувъ глазами).

Это вы напрасно. Въ старину, говорятъ, по этой

дорогѣ такъ дѣла дѣлались! Мѣсто бойкое, сами знаете. Заѣдутъ купцы цѣлымъ обозомъ, такъ дворники запрутъ ворота да безъ разговору перерѣжутъ всѣхъ до единаго, — а который вырвется на улицу, такъ сосѣди поймаютъ да ведутъ къ дворнику-то! „Что̀, говорятъ, ты овецъ-то по деревнѣ распустилъ?“ Ха, ха, ха, овецъ! Вотъ поди-жь ты, какое время было!

Миловидовъ.

Что̀-жь, теперь тебѣ жаль этого времени?

Безсудный.

Не то что жаль: что̀ мнѣ жалѣть, коли я на чести; а я къ тому говорю, что какая необразованность была! (Входитъ Жукъ).

Жукъ.

Мироновна, поди, овса отпущай.

Евгенія.

Охъ, ужь не хочется! Поди, Ермолаичъ. (Передаетъ ключъ мужу).

Безсудный.

Поди, Аннушка, отпусти. (Передаетъ ей ключъ. Аннушка уходитъ.)

Пыжиковъ.

Не пора-ли намъ ѣхать?

Миловидовъ.

Да, пожалуй, что и пора. Гришка, вели лошадей подавать да вернись вещи вынесть. (Гришка беретъ бутылки и съѣстное и уходитъ.)

Безсудный.

Да я вынесу, что ему ходить-то. (Беретъ коверъ, подушку и уходитъ.)

Пыжиковъ.

Что̀-жь, пойдемъ.

Миловидовъ.

Пойдемъ! (Подойдя къ двери.) Ахъ, да, расплатиться! (Пыжиковъ уходитъ.)

Евгенія.

(Бросаясь на шею Миловидову.)

Когда-жь опять-то?

Миловидовъ.

Сегодня, часа черезъ три.

Евгенія.

Ну, прощай, мой милый, красавчикъ мой писанный.

Миловидовъ.

(Аннушка смотритъ въ среднюю дверь.)

Прощай, красота моя! (Цѣлуются и уходятъ.)

Аннушка.

Вотъ она, разлучница-то моя! Нѣтъ ужь, я теперь не уйду отсюда. Все равно мнѣ умирать-то! Я уйду,—они и знать не будутъ, какъ я мучаюсь; имъ будетъ весело безъ меня, они про меня и забудутъ совсѣмъ. Нѣтъ ужь, умирать, такъ умирать на глазахъ у нихъ. Рвите мое сердце на части, пейте мою кровь по каплѣ, пока всю выпьете, да ужь и засыпьте меня землей. Да насыпьте могилу-то потяжеле, чтобы и мертвая-то я не пришла да не помѣшала вамъ. (За сценой звонъ колокольчика, свистъ и крикъ: „Эхъ вы, милыя!“) Уѣхалъ! Прощай, Павлинъ Ипполитычъ! За что̀ ты погубилъ меня? Кому мнѣ на тебя жаловаться? Некому насъ съ тобой разсудить! Пусть Богъ разсудитъ!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Декорація 1-го дѣйствія.

Явленіе первое.

Безсудный и Раззоренный.

Безсудный.

Выкормилъ?

Раззоренный.

Выкормилъ.

Безсудный

(Достаетъ графинъ и стаканъ.)

Выпей стаканчикъ, повеселѣй поѣдешь. (Подноситъ.)

Раззоренный (беретъ стаканъ.)

Будь здоровъ! (Пьетъ.)

Безсудный.

Спасибо. Пей еще!

Раззоренный.

Нальешь, такъ выпью, — на землю не вылью.

Безсудный.

Пей на доброе здоровье.

Раззоренный (пьетъ).

Благодаримъ покорно. А что̀ мои купцы? Закладать-бы пора.

Безсудный.

Только что проснулись, чай съ кизлярской водкой пьютъ

Раззоренный.

Ишь, они угару-то набираются! Такъ я закладать.

Безсудный.

Куда торопиться-то! А клади съ вами много?

Раззоренный.

На порядкахъ. Тарантасъ-то упористо идетъ, кой-гдѣ и поскрипываетъ.

Безсудный.

Крѣпокъ тарантасъ-то?

Раззоренный.

Казанскій, новый, точно слитòй.

Безсудный.

А чинить не надо?

Раззоренный.

Какая чинка! До туречины не чиня доѣдешь.

Безсудный.

Да ты слушай! Чинить не надо-ль, говорю я!

Раззоренный (помолчавъ).

Да чтò его чинить-то, коли онъ какъ есть новый?

Безсудный.

Наладилъ! Ты дурака-то изъ себя не строй!

Раззоренный (помолчавъ).

Чтò-жь мнѣ теперича хозяевъ задаромъ въ убытокъ вводить? Да, можетъ, имъ къ спѣху.

Безсудный.

Кто тебѣ говоритъ, что задаромъ? Не задаромъ!

Раззоренный.

А много-ль дашь?

Безсудный.

По барышамъ глядя. Дай имъ поразгуляться-то!

Раззоренный.

Пять рублевъ!

Безсудный.

Можетъ, и больше.

Раззоренный.

Ой-ли! Не обманешь?

Безсудный.

Нешто я ямщика обману! Вы мнѣ люди завсегда нужные.

Раззоренный.

Ну, ладно! (Подходитъ къ средней двери и отворяетъ ее.) Господа купцы, воля милости вашей, а что ѣхать нельзя. (Непутевый и Сеня входятъ.)

Явленіе второе.

Безсудный, Раззоренный, Непутевый и Сеня.

Непутевый.

Ты что̀ еще! Какъ такъ нельзя? Во фрунтъ! Ты съ кѣмъ говоришь?

Раззоренный.

Да такъ-же, что колесо расшаталось. Не на каждой-же намъ верстѣ его замачивать; а, выходитъ, надоть его перетянуть.

Сеня.

Что̀-жь ты прежде-то?

Раззоренный.

Прежде! А вы сами-то гдѣ были? Спали; такъ нешто я могу безпокоить?

Непутевый.

Какіе еще разговоры! Твое дѣло — что̀ прикажутъ! Ты понимай, съ кѣмъ ты говоришь! Велятъ тебѣ ѣхать, и сейчасъ чтобъ готово, живой рукой! У меня такое расположеніе, чтобъ ѣхать; какъ-же ты можешь? Пошелъ на свое мѣсто!

Раззоренный.

Что, конечно, оно можно ѣхать, отчего не ѣхать! А только, борони Богъ грѣха, середь лѣсу ночью сядемъ, кто виноватъ останется?

Непутевый.

Какъ такъ сядемъ? Ты и думать не моги! У меня чтобъ живо!

Раззоренный.

И я про то-же. Какое здѣсь мѣсто? Сами знаете, шалуновъ тоже довольно, мѣсто бойкое; почитай въ каждой деревнѣ шалятъ. Тутъ теперича только давай Богъ ноги, а часомъ сядемъ въ оврагѣ, такъ и отъ повозки убѣжишь.

Сеня.

А вотъ посмотрѣть пойти, не вретъ-ли онъ!

Раззоренный.

Посмотрѣть пойти! Много ты знаешь! Скрипитъ колесо на ходу, ну, и значитъ, разсохлось. Аль вамъ рубля жалко? А еще купцы!

Непутевый.

Ну, чини, чортъ съ тобой! Слышишь ты, чини! Сколько денегъ надо?

Раззоренный.

Кузнецъ — ужь онъ знаетъ. А теперича съ вашей милости надо на водку!

Непутевый.

Вы мошенники, вотъ что̀! На! (Даетъ деньги.) Да чтобъ живо!

Раззоренный.

Ужь это безъ сумлѣнія. (Непутевый и Сеня уходятъ.)

Безсудный.

А сзади у васъ есть проѣзжающіе?

Раззоренный.

Еще тройка.

Безсудный.

Когда изъ Покровскаго?

Раззоренный.

Тѣ на ночь.

Безсудный.

Кто везетъ?

Раззоренный.

Стигнѣй, — въ корню сѣрая.

Безсудный.

Знаю.

Раззоренный.

Только безъ всякой опаски ѣдутъ, ужь больно просто.

Безсудный.

А что̀?

Раззоренный.

Первое дѣло, въ самую полночь они въ вашъ лѣсъ пріѣдутъ, да очень пьяные, а лѣсъ-то на двадцать верстъ; а второе дѣло, чемоданъ сзади не очень складно привязанъ, совсѣмъ не по здѣшнему мѣсту. Такъ я пойду. (Уходитъ.)

Безсудный (у двери въ сѣни).

Жукъ! (Жукъ выставляетъ голову изъ сѣ ей.)

Явленіе третье.

Безсудный и Жукъ.

Жукъ.

Чего?

Безсудный.

Савраска въ полѣ?

Жукъ.

Въ полѣ.

Безсудный.

Пригони да овса задай, пущай хоть всю мѣру съѣстъ. Да вымажи телѣжку хорошенько.

Жукъ.

Къ ночи, что-ль, сряжаться?

Безсудный.

Къ ночи. Какъ станетъ смеркаться, ты выѣзжай изъ двора налѣво, да потомъ лѣсомъ кругъ двора и объѣдешь къ большой дорогѣ и жди меня тамъ въ кустахъ.

Жукъ.

Ладно. А что̀ припасать?

Безсудный.

Я самъ припасу, что̀ нужно. Пойдемъ-ко, я телѣжку-то посмотрю. (Уходятъ. Изъ средней двери входитъ Аннушка.)

Явленіе четвертое.

Аннушка, потомъ Непутевый и Сеня.

Аннушка (садится къ столу).

Какъ тѣнь какая хожу! Поговорила-бъ съ кѣмъ-нибудь о своемъ горѣ, можетъ-бы, и полегче стало, — да не съ кѣмъ. Все одна, все одна, всю жизнь одна. А одной-то оставаться страшно, — все что̀-то въ голову лѣзетъ дурное. Ну, я, чтобъ одной-то не быть, иду въ народъ, а въ народѣ-то я какъ будто лишняя. Все я точно что̀-то ищу. Боже мой! Что̀ они со мной сдѣлали! Это меня Богъ за гордость наказываетъ. Я золовку и за человѣка не считала, а онъ ее-то и полюбилъ, а меня, дѣвушку, бросилъ. (Входятъ: Непутевый и Сеня.)

Непутевый (садясь къ столу).

Ты что̀ плачешь? Кто тебя обидѣлъ?

Аннушка.

Поди прочь, не приставай ты ко мнѣ.

Непутевый.

Да ты что̀ за барыня такая? Что̀ ты важничаешь?

Аннушка.

Поди къ Евгеніи, она ласковая; а меня не тронь, мнѣ и безъ тебя тошно.

Непутевый.

Я самъ знаю, куда мнѣ идти, ты меня не учи! Вотъ что̀! Ты не смѣй мнѣ указывать!

Аннушка.

Русскимъ тебѣ языкомъ говорю: отойди. Аль ты словъ не понимаешь?

Непутевый.

Тѣшь мой обычай. Аль ты моего ндраву не знаешь? Я въ Курчавинѣ, бывало, запрягу дѣвокъ въ сани лѣтомъ да и ѣзжу по деревнѣ. Ты знай обхожденіе купеческое!

Аннушка.

Очень мнѣ нужно знать ваше обхожденіе! Поди отъ меня, вотъ и все тутъ.

Непутевый.

Да ты обо мнѣ какъ понимаешь? Ты вотъ это видѣла? (Беретъ изъ кошелька горсть золота и разсыпаетъ по столу. Безсудный отворяетъ среднюю дверь быстро, взглядываетъ и опять затворяетъ. Его видятъ Аннушка и Сеня).

Аннушка.

Что̀ ты дѣлаешь? Убери деньги! Ради Бога убери!

Сеня.

Петръ Мартынычъ, уберите деньги.

Аннушка.

Да уѣзжайте вы отъ грѣха.

Непутевый.

Зачѣмъ? Я здѣсь погулять хочу. (Безсудный опять выглядываетъ.)

Аннушка.

Говорятъ тебѣ, убирай деньги! У брата глаза разгораются, такъ добру не бывать.

Непутевый.

Зачѣмъ убирать? Пущай лежатъ. Вамъ что̀ за дѣло!

Сеня.

Петръ Мартынычъ, хочешь ты цѣлъ быть, такъ убирай деньги да и поѣдемъ сейчасъ; а то такъ и съ головой своей простись.

Непутевый (Аннушкѣ).

Вѣрно онъ говоритъ?

Аннушка.

Какой ты дуракъ, какъ погляжу я на тебя! И жалѣть-то тебя не стòитъ. (Непутевый сбираетъ деньги.)

Сеня.

Петръ Мартынычъ, постой, оставь штуки четыре.

Непутевый.

Зачѣмъ?

Сеня.

Стало-быть, надо. (Кричитъ въ дверь.) Раззоренный!

Непутевый (Аннушкѣ).

Пойдешь за меня замужъ? Вотъ отецъ умретъ, я большой[1] останусь.

Аннушка.

Ну, хорошо, хорошо. Въ другой разъ потолкуемъ. (Раззоренный входитъ.)

Сеня.

Гдѣ хозяинъ?

Раззоренный.

Никакъ на дворѣ возится.

Сеня.

Ты еще не носилъ колеса́ въ кузницу?

Раззоренный.

Еще и кузнеца-то нѣтъ.

---

[1] Большой, — т. е. хозяинъ.

Сеня.

Такъ закладывай и поѣдемъ. (Показываетъ ему золотой.) Видишь ты это? Чтобъ безъ разговору! Какъ готово, сейчасъ, значитъ, и получай.

Раззоренный.

Мнѣ что̀-жь! Я хоть сейчасъ. (Хочетъ идти.)

Сеня.

Постой! Говори за ту-же цѣну, только правду говори! Хозяинъ здѣшній на руку не чистъ?

Непутевый.

Во фрунтъ передо мной!

Сеня.

Да погоди! Эко съ тобой наказаніе!

Раззоренный.

Да поговариваютъ.

Сеня.

А что̀?

Раззоренный.

Будто опаиваетъ чѣмъ-то, потомъ оберетъ, да съ двора въ шею; мнѣ, говоритъ, съ тобой съ пьянымъ не возиться. А кто-жь его знаетъ, можетъ, и врутъ.

Аннушка.

Уѣзжайте вы, ради Бога, пока засвѣтло.

Сеня.

Слышишь, Петръ Мартынычъ! Ну, ступай. (Раззоренный уходитъ.) Дай Аннушкѣ-то!

Аннушка.

Мнѣ не надо.

Сеня.

Ну, такъ оставь на столѣ хозяевамъ, а одинъ ямщику возьмемъ. Да пойдемъ, сядемъ въ повозку, пока закладываютъ. Прощайся съ хозяевами. Вотъ тебѣ картузъ! А это я вынесу! (Беретъ одёжу съ лежанки.)

Непутевый.

Хозяинъ, а хозяинъ! Прощай. (Безсудный выходитъ изъ сѣней, Евгенія — изъ средней двери).

Явленіе пятое.

Непутевый, Сеня, Аннушка, Безсудный и Евгенія.

Безсудный.

Куда заторопился! Погости! У меня шампанское для тебя припасено.

Непутевый.

Не надо! Захотѣлъ да и поѣхалъ! Вотъ и знай насъ. Вонъ тамъ возьми себѣ одинъ за угощеніе. Прощай, хозяйка!

Евгенія.

Прощай, Петя! Прощай, соколъ мой ясный, молодецъ распрекрасный. (Цѣлуются.)

Непутевый.

А ты возьми себѣ за ласку остальные! Прощайте! (Уходитъ).

Безсудный.

Что̀ онъ, бѣлены что̀-ль объѣлся! Съ чего онъ такъ вдругъ?

Сеня.

Кто-жь его знаетъ! Онъ у насъ нравный! За угощеніе, хозяева! (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Безсудный, Евгенія и Аннушка.

Безсудный.

Отчего они уѣхали?

Аннушка.

Почемъ я знаю. Не угодили чѣмъ-нибудь.

Евгенія.

Не ты-ль не угодила?

Аннушка.

Я не въ тебя, очень-то угождать не умѣю.

Безсудный.

Онъ тутъ деньги на столъ сыпалъ?

Аннушка.

Сыпалъ.

Безсудный.

Зачѣмъ?

Аннушка.

Такъ, ломался. Высыпалъ да опять убралъ.

Безсудный.

А много-ль тебѣ далъ?

Аннушка.

Мнѣ? Ничего. За что̀ мнѣ? Онъ за ласку деньги платитъ; а отъ меня ему ласки не было.

Евгенія.

И у меня ласка всѣмъ ровная; особой ласки ни для кого, кромѣ какъ для мужа, нѣтъ.

Аннушка.

Полно, такъ-ли?

Евгенія.

Да ты что̀ за судья надо мной? У меня мужъ есть. Ты про что̀ это еще?

Аннушка.

Про особую-то ласку. Ты говоришь, что, кромѣ мужа, никому нѣтъ; такъ нѣтъ-ли, вспомни?

Евгенія.

Что̀-жь ты меня съ мужемъ разстроивать хочешь? Ненавистно тебѣ, что мы живемъ въ любви? Нѣтъ, ужь это тебѣ не удастся.

Аннушка.

Что̀ мнѣ васъ разстроивать! Васъ не разстроишь. Ты двадцать разъ мужа-то обманешь. Я знаю, что̀ я говорю. Кабы не своими я глазами видѣла ...

Безсудный.

Что̀, что̀?

Евгенія.

Не слушай, не слушай, Ермолаичъ! Это она отъ ненависти.

Аннушка.

Ты говоришь, я разстроиваю; ты людей разстроиваешь-то!

Евгенія.

Что̀ ты съ больной-то головы да на здоровую!

Аннушка.

Ты не вертись! Ужь коли я что̀ скажу, такъ вправду. Тутъ вотъ, на самомъ этомъ мѣстѣ ...

Безсудный.

Ну, договаривай! Начала, такъ у меня договаривай!

Евгенія.

Не слушай ты ее, Ермолаичъ, не слушай. Теперь-то я догадалася! Не говори, пожалуйста, не просятъ тебя. Я сама все разскажу. Ишь, какая диковина!

Безсудный.

Ну, такъ говори!

Евгенія.

Охъ, смѣхъ, право, смѣхъ! Слушай-ко ты, Ермолаичъ! А ужь я думала, Богъ знаетъ что̀ ...

Безсудный.

Что̀ вертишься-то! Говори толкомъ.

Евгенія (притворно смѣется).

Ха-ха-ха, ха-ха-ха! Какъ провожали мы барина-то, бѣгу это я въ сѣни-то, таково тороплюсь, таково тороплюсь ... а онъ, ха-ха-ха, ха-ха-ха! — и схватилъ меня.

Безсудный.

Схватилъ, — да! Ну?

Евгенія.

Вотъ она выходитъ, а онъ, ха, ха-ха! ей въ насмѣшку, ха-ха-ха-ха! и ... поцаловалъ меня.

Аннушка.

Да онъ меня и не видалъ и ты меня не видала.

Евгенія.

Видѣлъ, видѣлъ, видѣлъ. Ха-ха-ха, охъ, видѣлъ, видѣлъ!

Безсудный.

Что̀-то смѣхъ-то у тебя не смѣшонъ выходитъ.

Евгенія.

Да какъ на нее не смѣяться-то! Ха-ха-ха!

Безсудный.

Шалишь, лукавишь. Дай срокъ, я тебя допрошу по своему, ты у меня не такъ заговоришь. Да чего тутъ ждать! Сердце мое не терпитъ! Сказывай, Анна, какъ что̀ было!

Евгенія.

Вѣкъ ты моей погибели хотѣла; вотъ, радуйся теперь, коли тебѣ мужъ больше вѣритъ! (Жукъ входитъ.)

Жукъ.

Баринъ Миловидовъ пріѣхалъ.

Безсудный.

О, чтобъ васъ! Вотъ еще принесло! А ты, Евгенія, помни! (Грозитъ пальцемъ.) Ходи да оглядывайся. Даромъ тебѣ не пройдетъ. (Уходитъ.)

Аннушка.

Ишь какъ часто сталъ ... Меня любилъ, такъ на дню по два раза не ѣздилъ. Ну, золовушка, въ одномъ мы домѣ съ тобой живемъ, — какъ намъ дружка дѣлить? Не на ту ты напала, я тебѣ дешево его не отдамъ. Нѣтъ, я пошутила, — бери его вовсе.

Евгенія.

Змѣя, змѣя, за что̀ ты меня губишь? Какая тебѣ польза?

Аннушка.

Губишь! Какая твоя погибель? Мужъ поколотитъ, такъ милый другъ приласкаетъ; вотъ ты и утѣшишься, а меня утѣшитъ одна сыра-земля. Да, сырая земля, знай ты это! (Уходитъ.)

Евгенія.

Ахъ, батюшки! Вотъ страхъ-то. Рученьки опустились, ноженьки подкосились. Падаю, охъ, падаю. Съ мѣста-то никакъ не сойду. Экой мужъ-

то у меня страшный! Глазищи-то, какъ у дьявола! Выпучитъ ихъ, такъ словно за сердце-то кто рукой ухватитъ! Какъ-бы мнѣ только эту бѣду съ плечъ стрясти? Увертки-то всѣ бабьи изъ головы вылетѣли. Много я ихъ знала, увертокъ-то, да всѣ вылетѣли. Только-бы онъ не убивалъ, погодилъ-бы немножко, далъ мнѣ сроку на полчасика, а ужь я-бъ что-нибудь придумала. Батюшки! Съ духомъ-то не сберусь. Идутъ. Не мужъ-ли? (Шепчетъ.) Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его! Укроти сердце раба Вукола. (Входитъ Миловидовъ съ трубкой).

— —

Явленіе седьмое.

Евгенія, Миловидовъ, потомъ Безсудный.

Евгенія (тихо).

Ой, не подходи! Ой, не подходи! (Беретъ скатерть и стелетъ на столъ.)

Миловидовъ.

Что̀ такъ?

Евгенія.

Золовка злодѣйка подсмотрѣла, да все разсказала, все злодѣйка разсказала.

Миловидовъ.

Плохо твое дѣло!

Евгенія.

Ты за усъ себя дергай, за усъ себя дергай!

Миловидовъ.

Никакъ ты помѣшалась?

Евгенія (тихо).

Да ты гляди, нѣтъ-ли мужа сзади. Гляди!

Миловидовъ.

Гляжу!

Евгенія.

Онъ теперь, аспидъ, глазъ съ меня не спуститъ. Мнѣ оглядываться-то нельзя: онъ подумаетъ, что мы съ тобой шепчемся.

Миловидовъ.

Ну, не оглядывайся.

Евгенія.

А ты дерни себя за усъ-то, какъ онъ войдетъ, дерни; я и буду знать, что онъ здѣсь, такую и рѣчь поведу; нарочно, чтобъ онъ слышалъ.

Миловидовъ.

Бѣдовая ты баба! (Трогаетъ себя за усы. Безсудный тихо входитъ.)

Евгенія (громко).

Вамъ-то, баринъ, шутки, а мужъ-то мой сердится.

Миловидовъ.

Ужь будто и сердится! За что̀-же тутъ сердиться, я не понимаю.

Евгенія.

Да вѣдь и правда, сударь, не хорошо; вы знаете, я женщина замужняя, мнѣ это не идетъ. (Безсудный уходитъ въ среднюю дверь.)

Миловидовъ.

Ушелъ.

Евгенія.

Отведи имъ глаза!

Миловидовъ.

Какимъ манеромъ?

Евгенія.

Обмани ту дуру-то — поласкайся къ ней! Будто ты теперь для нея пріѣхалъ; она опять о себѣ возмечтаетъ, — мѣшать-то намъ и не будетъ, — да ты сдѣлай такъ, чтобъ и мужъ видѣлъ.

Миловидовъ.

Мнѣ это не долго. (Безсудный отворяетъ среднюю дверь и что-то шаритъ на лежанкѣ. Миловидовъ берется за усы.)

Евгенія.

Вамъ это стыдно! Вы благородный! Съ купцовъ мы не взыскиваемъ, потому съ нихъ и взыскать нельзя, они безъ этого жить не могутъ; а благородные люди совсѣмъ дѣло другое.

Миловидовъ.

Да что̀ ты ко мнѣ пристала! Я сказалъ, что пошутилъ!

Евгенія.

Вамъ-то ничего, да мнѣ-то не хорошо. (Безсудный уходитъ.)

Миловидовъ.

Опять ушелъ.

Евгенія.

А вотъ онъ нынче ночью уѣдетъ ...

Миловидовъ.

Куда? На разбой, что̀-ли?

Евгенія.

Кто его знаетъ! Лошадь съ поля пригнали, телѣжку готовятъ да съ Жукомъ шепчутся. Такъ ты и пріѣзжай; лошадей-то за кузницей оставь, а самъ въ заднія вороты. Я тебя въ сѣняхъ подожду.

Миловидовъ.

Ну, и отлично! Хватская штука! Такъ непремѣнно: ты меня жди!

Евгенія.

Мужъ-то раньше свѣту не вернется. (Безсудный входитъ.)

Миловидовъ (берется за усы).

Я и не зналъ, что ты такая сердитая.

Евгенія.

Мы завсегда вамъ рады и просто не знаемъ съ мужемъ, какъ вамъ угодить; только ужь вы оставьте, впередъ этого не дѣлайте, прошу я васъ.

Миловидовъ.

Ну хорошо, хорошо!

Евгенія.

Чѣмъ подчивать прикажете? Чайку не угодно-ли?

Миловидовъ.

Нѣтъ, не хочу. Да что̀ Аннушку не видно? Домой-бы поѣхалъ, да пусть лошади отдохнутъ, — хоть-бы съ ней поболтать.

Евгенія.

Кто ее знаетъ, — должно-быть, въ свѣтёлкѣ. Я, пожалуй, пойду кликну. Только вы мужу не говорите, что и вамъ выговаривала; а то онъ, пожалуй, разсердится, скажетъ: какъ ты, дура деревенская, смѣешь господъ учить, которые умнѣе тебя?

Миловидовъ (смѣется).

Хорошо, не скажу, не скажу.

Евгенія (наткнувшись на мужа).

Охъ, чтой-то ты, Ермолаичъ, какъ перепугалъ. Я

тебя и не вижу. Да когда-же ты, Ермолаичъ, взошелъ-то?

Безсудный.

Ужь ты ступай, куда тебя посылаютъ. (Евгенія уходитъ.) Лошадей-то отложить, аль нѣтъ?

Миловидовъ.

Не надо, пусть такъ постоятъ. Какая жена-то у тебя строгая!

Безсудный.

Полоумная она или умна, что-ль, очень, — ужь я и не разберу.

Миловидовъ.

Ты не разберешь, такъ кто-жь ее разберетъ, — тебя тоже на кривой-то не объѣдешь.

Безсудный.

Оно точно, что меня объѣхать трудно; только нынче больно народъ-то хитёръ сталъ. Люди-то все умнѣютъ, а мы-то старѣемъ да глупѣемъ.

Миловидовъ.

Такъ ты боишься, что жена-то умнѣй тебя будетъ, когда ты состарѣешься?

Безсудный.

Ужь это сохрани Господи! Глупѣй бабы быть! Не то, что умнѣй, а вороватѣй.

Миловидовъ.

А вѣдь, должно-быть, скверно, когда жена обманываетъ! Какъ ты думаешь?

Безсудный.

Что̀ хорошаго? Да вѣдь каковъ мужъ! Другого обманетъ, такъ и сама не рада будетъ, что на свѣтъ родилась. Вотъ я тебѣ притчу скажу. Былъ у меня

пріятель, мужикъ богатый, человѣкъ нраву крутого. Только сталъ онъ за женой замѣчать, что дѣло не ладно. Вотъ онъ разъ изъ дому и собрался будто въ городъ, а самъ за́дворками и воротился, заглянулъ въ окно, а жена-то съ парнемъ. Что̀-жь онъ, сударь, сдѣлалъ?

Миловидовъ.

А что̀?

Безсудный.

А вотъ что̀: парню-то онъ далъ уйти; выждалъ поры да времени, затопилъ овинъ, будто хлѣбъ сушить, да пошелъ туда съ той, — съ женой-то, съ подлой-то, да живую ее, шельму, и зажарилъ. Вотъ что̀ онъ сдѣлалъ! (Молчаніе.)

Миловидовъ.

Судили его за это?

Безсудный.

Нѣтъ.

Миловидовъ.

Отчего-же?

Безсудный.

Да кто-жь видѣлъ? Кто докажетъ? Сгорѣла да и все тутъ. Онъ потомъ на Аѳонъ молиться ушелъ. А по-моему, такъ и судить-то не за что: моя жена, я въ ней и властенъ. Да гдѣ-жь это бабы-то? Гдѣ вы тамъ? (Аннушка показывается изъ средней двери.) Поди, что̀ ты тамъ забилась? Гдѣ васъ надо, тутъ васъ и нѣтъ. (Уходитъ.)

Явленіе восьмое.

Миловидовъ и Аннушка.

Миловидовъ.

Скучно что̀-то, Аннушка!

Аннушка.

Вамъ-то скучно? Можетъ-ли это быть?

Миловидовъ.

Отчего-же?

Аннушка.

Да вы какое хотите веселье, такое себѣ и найдете. Все въ вашей волѣ. Вамъ некогда и скучно-то быть! А вотъ нашу сестру скука-то одолѣетъ, тутъ куда дѣться?

Миловидовъ.

Не то, что мнѣ скучно, а такъ, дѣлать нечего.

Аннушка.

Да какое-же у господъ дѣло? Развѣ вы, вѣкъ свой живете, дѣлаете что̀-нибудь? Обыкновенно одна только забава! Надоѣло дома, — по сосѣдямъ пировать поѣдете; и то наскучило, — такъ соберете псарню да зайцевъ гонять; а то такъ надъ нашей сестрой издѣваетесь да помыкаете, какъ хотите. Вѣдь вы, чай, про себя-то думаете, что у насъ души нѣтъ, мы и чувствовать ничего не можемъ. Вы, чай, думаете, что мы и не тоскуемъ никогда. А знаете-ли вы, Павлинъ Ипполитычъ, что несчастнѣй насъ, дѣвушекъ, нѣтъ никого на свѣтѣ?

Миловидовъ.

Да, пожалуй, что ты и правду говоришь.

Аннушка.

Правду, Павлинъ Ипполитычъ, правду.

Миловидовъ.

Да что̀ ты стойшь, Аннушка? Садись сюда—ближе!

Аннушка.

Сейчасъ. Вамъ трубку?

Миловидовъ.

Да. (Кричитъ.) Гришка!

Аннушка.

(Беретъ трубку и подходитъ къ дверямъ).

Гриша, подай барину трубку. (Приходитъ и садится рядомъ съ Миловидовымъ). Какой хотите примѣръ возьмите, хоть меня. Приходитъ дѣвушка въ возрастъ, — какъ должно; что̀ у ней на умѣ, спросите-ко! Милый человѣкъ и больше ничего. Потому всякая знаетъ хорошо, что только ей и пожить, пока она на свободѣ; а какъ выдали замужъ, такъ и стала работницей до самой смерти. Въ это время долго-ль насъ обмануть? Всякому вѣришь; кто что̀ ни говори, все думаешь, что правда. Вотъ этакъ другой обойдетъ дѣвку словами, та думаетъ, что она въ раю; а онъ про нее и думать забудетъ, да еще смѣется надъ ней. Вотъ когда, Павлинъ Ипполитычъ, дѣвушкѣ скучно-то бываетъ. Вотъ когда ей жизнь-то не мила. А у васъ какая скука!

Миловидовъ.

Разумѣется. (Гришка подаетъ трубку и уходитъ).

Аннушка.

Нападетъ тоска по миломъ-то, — куда съ ней дѣваться? Эту тоску въ люди не снесешь, ни съ кѣмъ не раздѣлишь. Развѣ пожалѣютъ тебя? Всякій надъ тобой-же смѣется. И размыкивай горе одна, въ углу сидя. А одной-то съ горемъ куда тяжело! Сидишь, не дышешь, какъ мертвая, а горе-то у тебя на сердцѣ растетъ ... Точно гора какая тебѣ сердце давитъ ... Мечешься, мечешься.

Миловидовъ.

Хорошая ты дѣвушка, Аннушка!

Аннушка.

Теперь только развѣ вы узнали, что я хорошая дѣвушка? Было вамъ время меня узнать-то: я тогда еще лучше была. (Миловидовъ хочетъ обнять ее; она встаетъ.) Что̀-же это такое вы дѣлаете? За что̀ меня обижаете?

Миловидовъ.

Чѣмъ-же я тебя обижаю?

Аннушка.

Любите другую, а меня отъ скуки цаловать хотите! Что̀-же я такое для васъ? Какъ-же мнѣ о себѣ думать? Вѣдь это вы мнѣ ножъ въ сердце!

Миловидовъ.

Кто-жь тебѣ сказалъ, что я тебя не люблю?

Аннушка.

Вы сами сказали давеча на этомъ мѣстѣ. Не пожалѣли меня, прямо въ глаза сказали.

Миловидовъ.

Мало-ль что̀ я говорю. Такъ давеча хандра какая-то нашла.

Аннушка.

Мнѣ-бы къ вамъ и выходить-то не надо было; ужь я теперь и ругаю себя; да сердце-то наше слабо; все думаешь, а можетъ-быть ...

Миловидовъ.

Что̀ „можетъ-быть"?

Аннушка.

Да, можетъ-быть, думаешь, онъ Бога побоится, совѣсть его зазритъ. А вѣдь и знаешь сама, что этого никогда не бываетъ; а все лѣзешь на глаза, точно милости просишь. Стыдно потомъ до смерти! Нѣтъ, прощайте! (Плачетъ. Миловидовъ хочетъ обнять ее. Она отталкиваетъ его.) Оставьте вы меня!

Миловидовъ.

Ну, я виноватъ! Ну, прости ты меня, прости! (Обнимаетъ ее.)

Аннушка.

Богъ съ вами! (Миловидовъ цѣлуетъ ее.) Ахъ, Боже мой! Что̀ вы со мной дѣлаете! Оставьте, оставьте меня! Вѣдь я живой человѣкъ, вы видите, я съ собой совладать не могу. А это не хорошо. Стыдъ-то какой, стыдъ-то какой! Что̀ я изъ себя дѣлаю? Гдѣ у меня совѣсть-то? Я себя послѣ проклинать буду.

Миловидовъ.

За что̀-же?

Аннушка.

Ужь про любовь я васъ и не спрашиваю! Какая любовь! Хоть немножко-то вы меня жалѣете-ли? Чтобъ мнѣ не такъ было самоё себя совѣстно, что вы меня цалуете. Или вы все смѣетесь надо мной?

Миловидовъ.

Какъ можно, что̀ ты?

Аннушка.

А потомъ опять на меня глядѣть не станете. Куда я тогда отъ своего стыда дѣнусь?

Миловидовъ.

А мнѣ кажется, что я тебя полюблю больше прежняго.

Аннушка.

(Смотритъ на него какъ-бы съ испугомъ.)

Прежде вы меня обманули, — Богъ съ вами; а теперь обманете — Богъ васъ накажетъ. (Прилегаетъ къ Миловидову на грудь. Входятъ: Безсудный и Евгенія).

Явленіе девятое.

Миловидовъ, Аннушка, Безсудный и Евгенія.

Евгенія.

Совѣтъ да любовь!

Аннушка.

Ахъ! Что̀ я это! Вотъ вы меня передъ людьми въ стыдъ ввели.

Миловидовъ.

Что̀ за стыдъ! Вотъ вздоръ! Я поѣду домой, а денька черезъ два пріѣду. Гришка! (Гришка у двери.) Лошадей! Прощай, хозяинъ! Прощай, хозяйка! (Цѣлуются.) Прощай, Аннушка, милая! (Цѣлуются. Уходитъ. Аннушка провожаетъ его).

Евгенія.

Видѣлъ?

Безсудный.

Ну, видѣлъ. Ну, такъ что̀-же? Васъ тутъ самъ лукавый не разберетъ.

Евгенія.

Вотъ ты теперь и кланяйся женѣ-то въ ноги за обиду. За что̀ ты давеча на меня зашипѣлъ, какъ змѣя-василиска?

Безсудный.

Ну, ладно! Впередъ зачти. (Уходятъ въ среднюю дверь. Аннушка возвращается.)

Аннушка.

Боже мой! У меня голова закружилась! (Опирается руками на столъ и смотритъ въ окно.) Неужели воротились мои золотые дни? Ужь переживу-ли я, бѣдная, эта-кое счастье? Вонъ какъ покатилъ,—голубчикъ мой! Экой молодецъ! Жизнь ты моя! Никогда я такъ тебя не любила, какъ теперь. Нѣтъ моей воли надъ собой! И счастье мое, и погибель моя въ твоихъ рукахъ. Пожалѣй ты меня, бѣдную!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Сѣни на постояломъ дворѣ; по серединѣ двѣ двери: правая— въ черную избу, лѣвая — въ чистую комнату; между дверями, у стѣны, скамья и столъ; на столѣ свѣча въ фонарѣ; въ лѣвомъ углу лѣстница въ свѣтелку; съ правой стороны— дверь на дворъ; надъ дверью низенькая рама: четыре небольшихъ стекла въ одинъ рядъ. Ночь.

Явленіе первое.

Аннушка (сходитъ съ лѣстницы).

Какъ въ свѣтёлкѣ страшно одной-то! Ночь темная, вѣтеръ воетъ. Мужиковъ-же никого въ домѣ нѣтъ. Жукъ уѣхалъ. Видѣла я изъ окна, какъ Евгенія и брата проводила съ фонаремъ куда-то. Теперь мы однѣ съ ней остались. Пойти хоть къ ней, все не такъ страшно! Выбраться-бы мнѣ поскорѣй изъ этого дому! Надъ нимъ бѣда виситъ, ужь чуетъ мое сердце; все здѣсь не ладно, всѣ здѣсь живутъ не по совѣсти. Братъ часто по ночамъ отлучается; сосѣди говорятъ про него что̀-то недоброе, Евгенія на каждомъ шагу лукавитъ. Что̀ за житье! У всѣхъ только деньги на умѣ, — какъ-бы ни добыть, только-бы добыть. А сколько изъ-за этихъ денегъ грѣха на душу принимаютъ, объ этомъ никто и не думаетъ. (Стукъ въ дверь со двора.) Кто-то стукнулъ! (Голосъ за сценой: „Евгенія!".) Кто-то Евгенію кличетъ. (Прячется за дверь въ избу. Евгенія выходитъ со свѣчой изъ двери, которая направо.)

Явленіе второе.

Евгенія, потомъ Миловидовъ.

Евгенія.

Никакъ кто-то стукнулъ! (Подходитъ къ средней двери.) Кто тамъ?

Миловидовъ (за сценой).

Помѣщикъ Миловидовъ; а ты развѣ еще ждешь кого-нибудь?

Евгенія (отпирая).

Ахъ, сердечный! Кого-жь мнѣ ждать, кромѣ тебя! Что̀ это ты срамить вздумалъ! Экой обидчикъ! (Цѣлуетъ его). А ужь я думала, что ты не придешь.

Миловидовъ.

Отчего?

Евгенія.

Да ужь больно ночь темна.

Миловидовъ.

А вѣдь мужъ уѣхалъ-же?

Евгенія.

Уѣхалъ.

Миловидовъ.

Ну, такъ и я не маленькій. Онъ темноты не боится, такъ чего-жь и мнѣ бояться. Ты, чай, знаешь, для кого темныя ночи хороши?

Евгенія.

А для кого?

Миловидовъ.

Для воровъ да для любовниковъ. Значитъ, намъ съ нимъ и на руку.

Евгенія.

Ахъ, ты, проказникъ, проказникъ! Вотъ ужь ты-то точно, что любовникъ; это надо правду сказать. Кто на тебя ни взглянетъ, всякій скажетъ, что любовникъ. А за что̀-жь ты мужа-то моего воромъ зовешь?

Миловидовъ.

А куда-жь онъ ночью уѣхалъ?

Евгенія.

Да чай въ казенномъ лѣсу дровецъ порубить.

Миловидовъ.

Ну, все-жь-таки воровать.

Евгенія.

Да нешто это воровство? Ужь это, кого ни возьми изъ сосѣдей, у всѣхъ такое заведеніе. Однако, надо запереть дверь-то!

Миловидовъ.

Погоди, надо людямъ приказать. (Подходитъ къ наружной двери. Въ то время Евгенія всходитъ на лѣстницу.) Эй! Гришка! Иванъ! Вы здѣсь? (За дверью: „Здѣсь, сударь".) Лошадей у кузницы подъ сарай запереть! А сами на сторожѣ да не дремать, а держать ухо востро. Слышите? (За сценой: „Слушаемъ, сударь!" Евгенія возвращается и запираетъ дверь.) Ухъ, усталъ! Отъ самой кузницы пѣшкомъ шелъ. (Садится на скамью.) Ты зачѣмъ на верхъ ходила?

Евгенія.

Свѣтёлку заперла.

Миловидовъ.

Для чего?

Евгенія.

Чтобы Анна, коли проснется, сюда не пришла,— дѣвичій-то сонъ, говорятъ, чутокъ.

Миловидовъ.

А она въ свѣтёлкѣ?

Евгенія.

Въ свѣтёлкѣ. А тебѣ на что̀? Тебѣ-то на что̀, завистные твои глаза? Ужь я тебя давеча и то, было, къ ней приревновала, да вспомнила, что сама-жь тебя учила приласкать ее, ужь послѣ и смѣшно стало.

Миловидовъ.

Что̀ ты ни толкуй, а мнѣ ее жаль.

Евгенія.

Ну да, какъ не жалѣть! Эка невидаль!

Миловидовъ.

Не мало я ихъ на своемъ вѣку обманывалъ — и ничего; а передъ этой какъ-то совѣстно.

Евгенія.

Очень нужно совѣститься! Велика она птица! Ужь мнѣ потомъ на нее-то очень смѣшно. Ходитъ и ногъ подъ собой не слышитъ, точно какъ княгиня какая, ужь никакъ себя ниже не считаетъ. А я-то про себя думаю: дура, молъ, ты дура! Такъ-то васъ и обманываютъ. Приласкай васъ, вы и раскиснете, рады всему повѣрить. А когда-жь это бываетъ, чтобы мужчина бросилъ да опять къ той-же пришелъ? Мало, что̀-ль, для нихъ другихъ-то дуръ на свѣтѣ, вотъ хоть такихъ, какъ я, сирота бѣдная. (Смѣется).

Миловидовъ.

Разсказывай! Одурачишь тебя, какъ-же! Ты захочешь, такъ насъ всѣхъ проведешь.

Евгенія.

Да ужь, за такимъ мужемъ живя да въ такомъ омутѣ, поневолѣ поумнѣешь. Ну, другихъ-то, поло-

жимъ такъ, что я провела, а тебя-то я чѣмъ-же? Я тебя вотъ какъ, вотъ какъ люблю, — что ужь и не знаю, какъ описать.

Миловидовъ.

А любопытно узнать, что̀ у женщинъ на умѣ. Какъ-бы до этого добраться?

Евгенія.

Что̀ на умѣ? Да то-же, что̀ у васъ.

Миловидовъ.

Ну, нѣтъ, у нихъ какъ-то по другому. Вотъ, напримѣръ, за что́ ты меня полюбила?

Евгенія.

Какъ за что̀? Первое дѣло: ты баринъ, а не мужикъ, красавецъ писаный! Кто-жь тебя не полюбитъ! Вѣдь я не столбъ каменный! Второе дѣло: такъ-то жить, въ спокойной-то жизни, скучно; а тутъ и мужа-то боишься, и увертки-то разныя придумываешь, и дружку-то рада, какъ увидишь; все-таки кровь-то волнуется, все у тебя въ головѣ каждый часъ забота есть... То-то и жизнь по-моему. А по-твоему — какъ?

Миловидовъ.

Да и по-моему — также. Оттого-то я и не женюсь.

Евгенія.

И не женись. Что́ тебѣ за неволя хомутъ-то на шею надѣвать! Да что̀-жь это ты, голубчикъ, здѣсь сидишь? Пойдемъ въ комнату, я тебѣ и винца, и закусочку приготовила.

Миловидовъ (встаетъ).

Пойдемъ! Только какъ-же? Вѣдь въ окна огонь видно будетъ.

Евгенія.

Такъ что̀-жь за бѣда? У насъ постоялый дворъ, всю ночь не гасимъ; вотъ и въ сѣняхъ во всю ночь фонарь горитъ. Вдругъ пріѣдетъ кто, — скоро-ль огонь-то вздуешь, а тутъ ужь готово.

Миловидовъ.

А ну, какъ мужъ воротится?

Евгенія.

Онъ ближе свѣту не будетъ.

Миловидовъ.

А ну вдругъ?

Евгенія.

Услышу, какъ постучитъ. Я тебя тогда въ чуланъ спрячу, а какъ заснетъ мужъ да и Жукъ уляжется, тогда провожу за ворота.

Миловидовъ.

Молодецъ ты, баба! Вотъ это мнѣ на руку; этакихъ я люблю.

Евгенія.

То-ли-бы еще было! Вотъ только одна помѣха, какъ бѣльмо у меня на глазу, — эта Анна. Какъ-бы намъ ее съ рукъ сбыть. Замужъ-бы отдали, да и слышать не хочетъ. Ты когда къ намъ пріѣдешь, такъ не очень съ ней строго, а то она догадается. А ты все ее поманивай, все поманивай, — она на это глупа, не разберетъ, шутишь ты аль нѣтъ. Ну, пойдемъ-же, мой соколъ ясный! Сколько теперь часовъ-то?

Миловидовъ (смотритъ на часы).

Одиннадцатый въ исходѣ.

Евгенія.

О, еще до свѣту-то какъ далеко! (Уходятъ въ комнату Аннушка выходитъ).

Явленіе третье.

Аннушка (одна).

Вотъ я до чего дожила! Что̀ я слышала! Какъ я жива стою? Дурой меня называли, смѣялись надо мной! А какая-жь я дура? Чѣмъ я дура? Развѣ тѣмъ только и дура, что вѣрю человѣку, когда онъ на небо глядитъ да божится, да вѣрю тому, кто меня цалуетъ, что онъ меня любитъ. Виновата-ли-жь я, что у насъ на каждомъ шагу Іуду встрѣтишь, который тебя цалуетъ, а самъ тутъ-же продаетъ ни за грошъ? За что̀-жь смѣяться-то! Любилъ, ну пересталъ любить; за что̀-жь ты смѣешься-то? Я не навязывалась. Ты самъ меня давеча позвалъ. Вотъ это обида! Обида кровная! Я говорю: смѣяться будешь! „Нѣтъ", говоритъ. Вотъ это обида! Охъ! Не снесетъ сердце! Вся душа-то у меня чернѣетъ, какъ черная ночь. Самоё себя мнѣ страшно! Зажгу ... Зажгу домъ. Пусть сгорятъ оба и я съ ними ... (Беретъ со стола фонарь.) Пойду ... сейчасъ пойду ... Пусть-же они знаютъ ... Батюшки, ноги не идутъ, точно не пускаетъ кто ... Не моя, такъ чья-нибудь молитва бережетъ меня отъ грѣха смертнаго ... Вотъ и жаль! Зачѣмъ мнѣ его жаль стало? Что̀ за глупое сердце дѣвичье! Развѣ онъ не злодѣй мой? А ее убила-бы, змѣю лютую! Братецъ, убей ее! убей ее! А онъ пусть живетъ ... Что̀ я такое, чтобъ изъ-за меня ему умирать? Что̀ мы такое? А онъ баринъ... Вотъ онъ любилъ меня, теперь другую любитъ! Кто-жь ему запретитъ... А я мучаюсь да мѣшаю ему. Вотъ что! Зачѣмъ мѣшаю ему?.. Зачѣмъ на свѣтѣ живу, себя мучаю?.. Она намъ помѣха, говорятъ! Помѣха я имъ! Ну, что̀-жь!.. Гдѣ это у братца было... Видишь ты, я помѣха, помѣха! Боже мой! Я не живая, у меня сердца нѣтъ, я не чувствую; я помѣха только. Ну, что̀-жь! Ну, пусть живутъ безъ помѣхи! Гдѣ это у

братца было спрятано... Тамъ, въ шкапу, кажется. (Киваетъ головой въ ту сторону, куда ушли Миловидовъ и Евгенія.) Ну, прощайте! Живите безъ помѣхи!.. А страшно! Страшно самой-то на себя... Вѣдь, вотъ думаешь, что легко; а какъ придется, такъ страшно! Что есть на бѣломъ свѣтѣ, — со всѣмъ разставаться! Всѣ жить... а я одна... Для всѣхъ-то завтра солнце взойдетъ, свѣжій вѣтерокъ подуетъ, загорятся кресты на церквахъ, заскрипятъ ворота по деревнямъ, погонятъ стадо... а мнѣ темно, темно, темно будетъ. (Уходитъ въ избу. Надъ дверью поднимается рама. Жукъ снаружи просовываетъ руку, вынимаетъ болтъ, отворяетъ дверь и входитъ).

Явленіе четвертое.

Жукъ, потомъ Безсудный.

Жукъ.

Ступай, хозяинъ.

Безсудный.

(Входя съ завязанной головой.)

Тише ты! Можетъ, спятъ; такъ и ладно: мы тутъ постелемся. (Раздѣваются.)

Жукъ.

Ну, хозяинъ, кабы не савраска, плохо наше дѣло, —только онъ и выручилъ.

Безсудный.

Я этому дураку-то повѣрилъ. Ѣдутъ, говоритъ, пьяные, безо всякой опаски. Вотъ поди-жь ты, грѣхъ какой. (Поправляетъ повязку на лбу)

Жукъ.

Больно зашибъ?

Безсудный.

Больно.

Жукъ.

Чѣмъ это тебя онъ огрѣлъ?

Безсудный.

Кто-жь его знаетъ! Вѣдь ты помнишь? Ѣдутъ они шагомъ, ямщикъ дремлетъ, и мы за ними шагомъ; слѣзъ я тихо, подошелъ къ тарантасу, слышу, храпятъ; сталъ я веревки отвязывать осторожно, что самъ себя не слышу, какъ онъ меня ошарашитъ! Да какъ крикнетъ: „Стой, ямщикъ, не слышишь, — грабятъ!“ Да какъ выскочутъ трое! Не впрыгни я въ телѣгу да не повороти ты живо, только-бъ мнѣ и на свѣтѣ жить. Всю дорогу у меня искры изъ глазъ сыпались. Ты лошадь-то куда дѣлъ?

Жукъ.

Я ее стреножилъ, да со двора спустилъ. Она своихъ лошадей найдетъ, а ужь чужому ни за что не дастся.

Безсудный.

Струментъ-то въ телѣгѣ?

Жукъ.

Въ телѣгѣ.

Безсудный.

Пойти спрятать подальше отъ грѣха, неровенъ часъ, подозрѣнія-бы не было.

Жукъ.

Обыску, что-ль, боишься?

Безсудный.

А то чего-жь? Извѣстно, обыску. На меня сосѣди злы, такъ и смотрятъ, вороги, какъ-бы тебя подъ кнутъ подвесть. Ужь я откупался, откупался, а все не съ своимъ братомъ, — того и жди, что нагрянутъ.

Жукъ.

Такъ пойдемъ, уберемъ.

Безсудный.

Нѣтъ ужь, я, когда что̀ прячу, такъ одинъ.

Жукъ.

Что̀-жь я, докажу, что-ли? Вмѣстѣ вѣдь мы съ тобой ...

Безсудный.

Доказать не докажешь, а все-таки здоровѣе. (Уходитъ.)

Жукъ (прислушивается у двери).

Что̀-жь-бы это такое? Разговоръ. (Пріотворяетъ немного дверь.) Вотъ-те разъ, да и баринъ здѣся. Съ хозяйкой сидятъ. Ахъ, баластво! Ну, подожди-жь! Хозяинъ тебѣ спасиба не скажетъ. Говорить, аль нѣтъ? Пойду лучше скажу; пусть возьметъ арапельникъ хорошій. Надоть будетъ ее поучить, чтобы она не баловалась. Видно, безъ науки съ бабой ничего не сдѣлаешь. (Уходитъ. Выходятъ: Миловидовъ и Евгенія.)

Явленіе пятое.

Миловидовъ и Евгенія.

Миловидовъ.

Мнѣ вдругъ послышалось, что кто то стонетъ.

Евгенія.

Батюшки, и дверь расперта! Не мужъ-ли?

Миловидовъ.

Кто-же стонетъ-то?

Евгенія.

Ужь я не знаю. Я пойду лягу, будто сплю мертвымъ сномъ, ты тоже схоронись гдѣ-нибудь. (Уходитъ.)

Миловидовъ.

(Подойдя къ двери, которая въ избу.)

Точно какъ здѣсь? Да, здѣсь и есть. (Уходитъ въ дверь. Со двора входятъ: Безсудный и Жукъ.)

Явленіе шестое.

Безсудный и Жукъ.

Жукъ.

Неладно, хозяинъ, право неладно.

Безсудный.

Да что̀? Говори, образина!

Жукъ.

У насъ гости непрошеные.

Безсудный.

Воры, что̀-ли? О, убью до смерти! По крайности есть на комъ сердце сорвать. Гдѣ они? Указывай! (Беретъ ножъ.)

Жукъ.

Воры не воры, а и не добрые люди.

Безсудный.

Да гдѣ? Въ избѣ, что̀-ли?

Жукъ.

Ты поди подлѣ хозяйки поищи! Я отворилъ дверь-то, а онъ тамъ сидитъ, вино пьетъ.

Безсудный.

Кто?

Жукъ.

Баринъ, Миловидовъ.

Безсудный.

Ну, баринъ, держись теперь!

Жукъ (хочетъ остановить его).

Что̀ ты, что̀ ты? Опомнись!

Безсудный.

Ты себя-то береги! Не подвертывайся мнѣ подъ руку, когда я въ задоръ войду. Пора тебѣ меня знать. (Изъ двери избы выходятъ: Аннушка и Миловидовъ, который ее поддерживаетъ и сажаетъ на скамью.)

Явленіе седьмое.

Безсудный, Жукъ, Миловидовъ и Аннушка.

Безсудный.

Такъ вотъ ты съ кѣмъ?

Миловидовъ.

А ты что̀ думалъ? Какая ты, Аннушка, блѣдная.

Аннушка.

Я говорю, что я умираю.

Миловидовъ.

Полно! Ну, ужь и умирать! Расхворалась отъ простуды, вотъ и все тутъ. Вѣдь сама-же говоришь, что простудилась. (Садится подлѣ нея.)

Безсудный (Жуку).

Что̀-жь ты врешь? Вѣдь ты мнѣ всю нутренность надорвалъ. Полоснуть тебя хорошенько, такъ ты забудешь хозяина пугать.

Жукъ.

Ну тебя! Уйти отъ грѣха. Ишь ты, ровно сумасшедшій: подъ носомъ не видишь, а на своихъ мечешься. (Уходитъ.)

Миловидовъ (Аннушкѣ).

Да что́ съ тобой? Скажи ты мнѣ!

Аннушка.

Ничего, ничего; только не уходи отъ меня, посиди со мной немного.

Миловидовъ.

Изволь, изволь, я посижу съ тобой. (Безсудному.) Ты откуда явился?

Безсудный.

Я-то не диковина, твоя-то милость какими судьбами не въ указные-то часы по чужимъ дворамъ жалуетъ?

Миловидовъ.

Былъ на охотѣ въ вашихъ болотахъ, да и запоздалъ, а домой-то проселкомъ ѣхать темно; вотъ я и заѣхалъ.

Безсудный.

Такъ! Стало-быть тебѣ теперича вѣрить надо?

Миловидовъ.

Какъ хочешь!

Безсудный.

Не лжешь, такъ правда.

Миловидовъ.

Что̀ это лобъ-то у тебя?

Безсудный.

На сучокъ наткнулся, — за лѣсомъ ѣздилъ.

Миловидовъ.

За чужимъ?

Безсудный.

Кто-жь ночью за своимъ ѣздитъ? А жена гдѣ?

Миловидовъ.

Спитъ, должно-быть. Что̀-жь ей больше дѣлать? Ступай, старикъ, и ты спи, а я съ больной посижу.

Безсудный.

Да ужь одно дѣло, что спать, не въ гулючки-жь играть. (Уходитъ.)

Аннушка.

Охъ! Скоро мой конецъ. Хочешь ты меня слушать, такъ послушай; а то ступай съ Богомъ. Не поминай лихомъ! Завтра меня на свѣтѣ не будетъ.

Миловидовъ.

Ахъ, Аннушка, какъ мнѣ тебя жаль, бѣдную! Повяжи голову, намочи уксусомъ, вотъ и пройдетъ! Да скажи ты: что̀ съ тобой? Что̀ ты чувствуешь?

Аннушка.

Скажу, не утаю; только мнѣ нужно тебя спросить прежде.

Миловидовъ.

Изволь, Аннушка, изволь; спрашивай все, что̀ тебѣ угодно.

Аннушка.

Я у тебя буду спрашивать, а ты мнѣ отвѣчай! Ахъ, какъ голова кружится! Только ты не лги. Грѣхъ тебѣ будетъ; ты видишь, я умираю ... И умру къ завтрему, ты ужь мнѣ повѣрь! ... И жить мнѣ незачѣмъ ... Да, такъ что̀-же я хотѣла? Да, вотъ: ты меня любилъ?

Миловидовъ.

Любилъ, Аннушка, очень любилъ. Ты сама знаешь, какъ я любилъ.

Аннушка.

А теперь разлюбилъ? Только ты не грѣши, не обманывай, какъ давеча.

Миловидовъ.

Что̀-жь дѣлать-то, Аннушка, съ сердцемъ не совладаешь. Я и теперь люблю тебя, только что не по-прежнему. Ужь ау, братъ! Прежняго не воротишь.

Аннушка.

А я все по-прежнему. Ну, да хорошо! Ты теперь Евгенію полюбилъ?

Миловидовъ.

Ты потише, какъ-бы мужъ не услыхалъ. Ну, да не то, что полюбилъ, а такъ, она мнѣ своимъ веселымъ характеромъ понравилась. Да и притомъ-же у меня такое правило, Аннушка, никому пропуску не давать. Бей сороку и ворону ... Все-жь-таки это далеко не то, какъ я тебя любилъ.

Аннушка.

Ну, да хорошо, хорошо, это твое дѣло. Никто тебѣ указывать не можетъ, кого ты хочешь, того и любишь. Мнѣ теперь только одно нужно знать отъ тебя, одно; а тамъ хоть и умирать. Неужто-же Евгенія меня лучше, что ты меня промѣнялъ на нее? Вотъ эта-то обида мнѣ тяжелѣй всего; вотъ это меня до погибели и довело. Чѣмъ-таки, скажи ты мнѣ, чѣмъ-таки она меня лучше? А по-твоему выходитъ, что лучше. (Плачетъ.) Я тебя любила такъ, что себя не помнила, весь свѣтъ забыла, привязалась къ тебѣ, какъ собака, ни душой, ни тѣломъ пе-

редъ тобой не была виновата, а ты меня покидать сталъ, полюбилъ бабу, чужую жену. Все было-бы это ничего, а вотъ что̀ мнѣ ужь очень обидно, чего я пережить не могла ... Знать, ужь она очень мила тебѣ, что ты для нея сталъ меня въ глаза обманывать, да потомъ вмѣстѣ съ ней смѣяться надо мной. Вотъ что̀ ты мнѣ скажи теперь, не утай ты отъ меня: чѣмъ она тебѣ такъ мила стала, и съ чего я тебѣ такъ опротивѣла? (Плачетъ.) Мало тебѣ того, что ты меня безо всякой вины обидѣлъ, ни съ того, ни съ сего отъ себя прочь оттолкнулъ,—ты еще изъ меня, для моей злодѣйки, потѣху сдѣлалъ, чтобъ ей не скучно было. Охъ, Господи, Боже мой! Господи, Боже мой! Умереть-бы поскорѣй! (Молчаніе.) Только-что мое сердце больное подживать-было стало, надорвалъ ты его давеча своими притворными рѣчами да поцалуями; да надъ моей болью-то смѣетесь съ ней вмѣстѣ. Вѣдь я здѣсь была, я все слышала. За что̀-жь мнѣ такая казнь отъ тебя, скажи ты мнѣ? Чѣмъ я передъ тобой виновата? Что̀ я такое страшное сдѣлала? И она-то чѣмъ вдругъ тебѣ такъ мила стала, что ты никого для нея не жалѣешь?

Миловидовъ.

И ты говоришь, что ты никакой вины за собой не знаешь?

Аннушка.

Никакой; вотъ видитъ Богъ. Мнѣ теперь лгать не къ чему! Мнѣ недолго жить осталось!

Миловидовъ.

И ты считаешь, что я тебя обидѣлъ?

Аннушка.

Да какъ-же не обидѣлъ-то? Чего-жь еще? Ты посмотри на меня!

Миловидовъ.

Даромъ обидѣть я никого не хочу. За дѣло я

точно, что не помилую; а даромъ обижать безотвѣтныхъ людей намъ не годится. Такъ ты говоришь, что я тебя даромъ обидѣлъ?

Аннушка.

Даромъ, Павлинъ Ипполитычъ.

Миловидовъ.

Это по твоему понятію даромъ, а по нашему не даромъ. Я тебя любилъ; помнишь, какъ за тобой ухаживалъ, какъ за барышней, а ты что̀-жь мнѣ всего не сказала? Развѣ это честно? Ну, сгоряча-то я женился-бы на тебѣ, куда-бы мнѣ тогда только носъ-то свой показать? Ты должна была мнѣ все сказать.

Аннушка.

Да что̀ все-то?

Миловидовъ.

Да то́, что у тебя былъ любовникъ, что ты съ нимъ и теперь видаешься.

Аннушка.

Что̀ ты! что̀ ты! Не грѣши! Вѣдь я еще живая, вотъ послѣ говорите, что̀ хотите. Да я, пока къ брату не переѣхала да тебя не увидала, не знала, что это и слово-то значитъ. Какъ-же мнѣ жить на свѣтѣ послѣ такихъ словъ твоихъ? Умирать и надо. Кто-бы говорилъ, да не ты.

Миловидовъ.

Такъ меня обманули?

Аннушка.

Богъ съ тобой! Какъ хочешь, такъ и думай! Мнѣ теперь все равно. Кто это тебѣ сказалъ? Ужь не она-ли?

Миловидовъ.

Она. Да она-же мнѣ еще говорила: „ты что̀ на нее смотришь, что она такую недотрогу разыгрываетъ? Съ другими она такъ не манежится, это съ тобой только, потому что она тебя заманиваетъ, чтобъ ты на ней женился. Она ужь давно всѣмъ говоритъ: „быть мнѣ барыней! Посмотрите, какъ я его, дурака, обойду“. Каково-жь мнѣ было это слышать? Мнѣ, Миловидову? Ну, такъ нѣтъ, говорю, шалишь!

Аннушка.

Зачѣмъ-же ты ей вѣрилъ?

Миловидовъ.

Нельзя было не вѣрить. Бывало, я прощаюсь съ тобой, домой собираюсь ѣхать, а она стоитъ, головой качаетъ да вздыхаетъ. Я у нея разъ и спросилъ: что̀, молъ, ты вздыхаешь? — Да такъ, говоритъ, жаль мнѣ тебя. — Что̀ такъ? — говорю. Она мнѣ все вотъ это и разсказала; ну, я и оглобли назадъ отъ тебя.

Аннушка.

И сталъ ты меня обижать всячески, и стала я вамъ помѣха.

Миловидовъ.

Ну, да ужь теперь ей отъ меня достанется. Я ѣду-ѣду не свищу, а наѣду — не спущу.

Аннушка.

Охъ! Силъ моихъ больше нѣту.

Миловидовъ.

Ты-бы легла пошла.

Аннушка.

И то, пойду лягу. Не дойти мнѣ до свѣтёлки-то.

Миловидовъ.

Я провожу тебя.

Аннушка.

Ну, теперь ты вѣришь, что я ни въ чемъ передъ тобой не виновата?

Миловидовъ.

Вѣрю, Аннушка, вѣрю.

Аннушка.

Ну и хорошо! По крайней мѣрѣ, ты зла не будешь на меня имѣть, простишься со мной безъ сердца, по-христіански. И я тебя прощаю,—ты невиноватъ. А кто виноватъ, того суди Богъ. Мнѣ больше не жить. Ты никому не говори ... Охъ! (Опускаетъ голову на столъ.)

Миловидовъ.

Что̀ ты, Аннушка, Аннушка? (Кричитъ.) Безсудный! (Входитъ Безсудный.)

Явленіе восьмое.

Миловидовъ, Безсудный и Аннушка.

Безсудный.

Что̀ еще? Покою нѣтъ на васъ.

Миловидовъ.

Твоя сестра умираетъ.

Безсудный.

Ну, что̀-жь! Умретъ, такъ похоронимъ. Съ чего-жь это она умирать вздумала?

Миловидовъ.

А съ того, что твоя жена обманула меня, да вотъ и довели дѣвку до погибели.

Безсудный.

Чѣмъ-же это она тебя обманула?

Миловидовъ.

А тѣмъ, что наплела мнѣ на нее, что у нея любовникъ есть, да разнаго вздору, отбила меня отъ дѣвки.

Безсудный.

Такъ это она?

Миловидовъ.

Она.

Безсудный.

Зачѣмъ-же она?

Миловидовъ.

Стало-быть, ей нужно было. Самъ догадайся.

Безсудный.

Догадаться-то я ужь давно догадываюсь, только ... Эхъ, баринъ!

Миловидовъ.

Что̀: эхъ, баринъ?

Безсудный.

Ты шутить шути, а за больное мѣсто меня не задѣвай! Я вѣдь не погляжу ..

Миловидовъ.

Ну, ну! Мнѣ больнѣй твоего. Зови жену сюда, зови, говорю я.

Безсудный.

Охъ, баринъ! Да если все это правда, ты уходи лучше. Не хорошъ я въ сердцахъ, я самому себѣ страшенъ, я проклятый человѣкъ.

Миловидовъ.

Зови жену, говорю я. Надо-же дѣло на свѣжую воду вывести. А тебя я не испугаюсь; не на того напалъ. (Безсудный уходитъ.) Аннушка! Милая! Что̀ съ тобой?

Аннушка (слабымъ голосомъ).

Не говори никому. Я отравилась.

Миловидовъ.

Боже мой! Что̀ ты! Чѣмъ? Когда? Говори скорѣй!

Аннушка.

Вонъ тамъ, сейчасъ.

Миловидовъ.

Мы тебя спасемъ, Аннушка, поможемъ тебѣ! Эй! Гдѣ вы тамъ?

Аннушка.

Нѣтъ, ужь теперь поздно. (Падаетъ безъ чувствъ. Входятъ: Безсудный и Евгенія.)

Явленіе девятое.

Миловидовъ, Аннушка, Безсудный, Евгенія, потомъ **Гришка, Иванъ и Жукъ.**

Миловидовъ.

Кабы только ей помочь, ничего я не пожалѣю. Нѣтъ-ли у васъ чего? Поскорѣй! Поскорѣй!

Евгенія.

Да что̀ съ ней, батюшки?

Миловидовъ.

Она отравилась, дьяволы вы этакіе!

Безсудный.

Какъ такъ отравилась? Чѣмъ у насъ отравиться?

Миловидовъ.

Я ее засталъ тамъ, въ кухнѣ, у шкапчика.

Безсудный.

Посмотрю пойду, что̀ тамъ такое. (Уходитъ.)

Миловидовъ.

Вотъ ты что̀ надѣлала! Весело теперь тебѣ смотрѣть на нее?

Евгенія.

Кто̀-жь это зналъ? Кто̀-жь это зналъ? Я сама-то умираю.

Миловидовъ.

Убью я тебя на мѣстѣ! Зачѣмъ ты мнѣ налгала на нее?

Евгенія.

Кому-жь чужое счастье не завидно?

Миловидовъ.

Такъ это все вздоръ, что̀ ты говорила, все неправда? Ну, говори!

Евгенія.

Все неправда! Все неправда!

Миловидовъ.

Вѣдь тебя теперь повѣсить за это мало! Ну, да вотъ я съ мужемъ поговорю: онъ тебя разсудитъ по-своему.

Евгенія.

Не губи! Ради Бога, не губи! Лучше возьми убей меня изъ своихъ рукъ, только мужу не говори.

Миловидовъ.

Неужли-жь тебя помиловать! Вѣдь за то, что̀ ты сдѣлала, въ Сибирь ссылаютъ, на каторгу.

Евгенія.

Легче мнѣ въ Сибирь идти.

Миловидовъ.

Всѣхъ васъ пора сослать туда, а гнѣздо ваше проклятое разорить, чтобы и праху не осталось. (Безсудный входитъ.) Всѣхъ васъ въ Сибирь сослать!

Безсудный.

То-то вотъ и есть, горячъ ты больно! Шумъ-то ты подымаешь изъ пустяковъ. Только людей безпокоишь.

Миловидовъ.

Какъ изъ пустяковъ? Загубили душу, развѣ это пустяки? Аль тебѣ и душегубство нипочемъ стало?

Безсудный.

Кто ее загубилъ? Какое тутъ душегубство? Ничего не бывало. Я-было и самъ перепугался. Точно, что она лишнее хватила, да отъ этого не умрешь. Проспитъ часа два да дня три голова проболитъ.

Миловидовъ.

Что̀ ты, Безсудный! Да ты врешь, разбойникъ?

Безсудный.

Да ужь это вѣрно. Хочешь, при тебѣ сейчасъ выпью? Разбойникъ-то кто-нибудь другой, а не я.

Миловидовъ.

Да, понимаю. Это, чѣмъ ты проѣзжающихъ поишь. Теперь я понялъ.

Безсудный.

Это ужь мое дѣло. Ты докажи прежде, что я пою, да потомъ и разговаривай.

Миловидовъ.

Ну, обрадовалъ ты меня. Ужь я ее отъ васъ къ себѣ домой возьму. Аннушка, милая! (Цѣлуетъ ее.)

Безсудный.

Бери, пожалуй! Небольно она намъ нужна.

Евгенія.

Ты, стало-быть, жениться хочешь?

Миловидовъ.

Мое дѣло. Ужь теперь насъ громомъ не расшибешь!

Евгенія.

Ну, вотъ и слава Богу!

Миловидовъ.

Ну, хозяинъ, я человѣкъ военный, простой; за твою прежнюю любовь да ласку, хочешь, я тебѣ скажу, зачѣмъ я къ тебѣ ночью пріѣхалъ.

Безсудный.

Говори!

Евгенія.

Ой!

Безсудный.

Что̀ ты?

Евгенія.

Что-то, Ермолаичъ, въ бокъ кольнуло! Такъ вдругъ, съ перепугу-то, что-ли?

Миловидовъ.

Такъ говорить?

Безсудный.

Что̀-жь, говори, мы слушать будемъ.

Миловидовъ.

Нѣтъ ужь, лучше я въ другой разъ.

Безсудный.

Нѣтъ, ужь ты, коли началъ, такъ говори!

Миловидовъ.

Насильно не заставишь; захочу, такъ скажу.

Безсудный.

Говори, баринъ!

Миловидовъ.

Нѣтъ, ты сердитъ очень, я тебя боюсь.

Безсудный.

Баринъ, не дразни!

Миловидовъ.

Кабы ты не женился на молодой, такъ былъ-бы покойнѣе, ревность-то-бы тебя не мучила. Вотъ теперь и думай про себя, какъ знаешь; а я уѣду, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

Безсудный.

Не дразни, баринъ! Говорю тебѣ, не дразни. (Кидается на Миловидова.)

Миловидовъ (вынимаетъ пистолетъ).

А этого не хочешь? (Свищетъ. У дверей показываются Гришка и Иванъ.) Стойте здѣсь! Мы лучше съ тобой честь-честью простимся. Иванъ!

Иванъ.

Что̀, сударь, угодно?

Миловидовъ.

Въ полчаса довезешь домой?

Иванъ.

Какъ прикажете, такъ и будетъ. Духомъ докатимъ.

Миловидовъ.

Такъ долетѣть, чтобъ она очнуться не успѣла; пусть ужь дома очнется, барыней! Прощай, хозяйка! (Цѣлуется съ Евгеніей.) Прощай, хозяинъ! Ты за женой-то поглядывай! У васъ мѣсто бойкое. (Звонъ колокольчика.) Вонъ, слышишь, купцы наѣхали. Ты поглядывай.

Безсудный.

Ужь это не твоя забота. Впередъ меня не забывай, я найду, чѣмъ угостить.

Миловидовъ.

Спасибо. Какъ не заѣхать! Заѣду. Коль тебя опять не застану, такъ вотъ хозяюшка дома будетъ, съ ней побалагуримъ. Только я, братъ, безъ гостинца не ѣзжу. (Показываетъ на пистолетъ. Людямъ.) Берите свою барыню да несите бережно въ коляску. (Жукъ входитъ.)

Жукъ.

Хозяинъ! Проѣзжіе.

Безсудный (женѣ).

Ну, поди, встрѣчай! Улыбайся, дьяволъ, а разсчетъ послѣ!

Пучина.

Сцены изъ московской жизни.

Лица

1-й сцены:

Кириллъ Филиппычъ Кисельниковъ, молодой человѣкъ, 22 лѣтъ.
Антонъ Антонычъ Погуляевъ, студентъ, кончившій курсъ, 21 года.
Пудъ Кузьмичъ Боровцовъ, купецъ, 40 лѣтъ.
Дарья Ивановна, жена его.
Глафира Пудовна, ихъ дочь, 18 лѣтъ.
Лупъ Лупычъ Переярковъ, чиновникъ.
Іона Іонычъ Турунтаевъ, военный въ отставкѣ.
Гуляющіе обоего пола.

2-й сцены:

Кисельниковъ, 29 лѣтъ.
Глафира, 25 лѣтъ.
Лизанька, дочь ихъ, 6 лѣтъ.
Боровцовъ, 47 лѣтъ.
Боровцова.
Анна Устиновна, мать Кисельникова.
Переярковъ.
Турунтаевъ.
Погуляевъ, 28 лѣтъ.
Анисья, кухарка Кисельникова.

3-й сцены:

Кисельниковъ, 34 лѣтъ.
Анна Устиновна.
Боровцовъ, 52 лѣтъ.
Переярковъ.
Неизвѣстный.

4-й сцены:

Кисельниковъ, 39 лѣтъ, одѣтъ въ старое пальто, панталоны въ сапоги.
Анна Устиновна.
Лизанька, 17 лѣтъ.
Боровцовъ, 57 лѣтъ, одѣтъ такъ же, какъ Кисельниковъ, къ пальто приколоты двѣ миткалевыя манишки, черезъ плечо повѣшены ситцевыя и холстинковыя рубашки, какъ у площадныхъ торговцевъ.
Погуляевъ, 38 лѣтъ.

Сцена первая.

Нескучный садъ. Лугъ между деревьями; впереди дорожка и скамья; въ глубинѣ дорожка, за дорожкой деревья и видъ на Москву-рѣку. — Около 30 лѣтъ назадъ.

Явленіе первое.

Проходятъ купцы съ женами.

Купецъ.

Ай да Мочалòвъ! Уважилъ.

Жена.

Только ужь эти представленія смотрѣть ужь очень жалостно, такъ что ужь даже черезчуръ.

Купецъ.

Ну да, много ты понимаешь!

Жена.

Чего-жь тутъ не понимать-то! Извѣстное дѣло, все отъ пріятелевъ; это мы и прежде знали.

2-й купецъ.

Ужь точно, что уважилъ. Не жаль деньги заплатить.

1-й купецъ.

Какъ написано, что „жизнь игрока“, такъ онъ точно игрока и представилъ.

Жена.

Съ кѣмъ поведешься, таковъ и самъ будешь. Вотъ теперича Мочалòвъ связался съ этимъ ... какъ его ...

2-й купецъ.

Съ Валмиромъ.

Жена.

Ну, тамъ, какъ ни-на-есть. Связался съ нимъ, ну и въ бѣдность пришелъ, и все такое.

2-й купецъ.

И даже въ уголовномъ дѣлѣ попался. Это вы вѣрно, что отъ пріятелевъ. Отъ кого мы занимаемся дурному чему-нибудь? Самому не выдумать; потому и въ голову не придетъ. А все отъ другихъ.

1-й купецъ.

И все это вы пустяки говорите. Всякій себѣ самъ виноватъ. Коли я добрый человѣкъ да имѣю свой разумъ, такъ чтò мнѣ пріятели? Все одно, что ничего. А коли я дуракъ либо мошенникъ, да ежели началъ распутничать, такъ ужь ничтò дѣлать, что на пріятелей сворачивать.

2-й купецъ.

Но однако-жь ...

1-й купецъ.

Чтò „однако-жь“? Стой твердо, потому одинъ отвѣчать будешь! Отвѣтчика за себя не поставишь. Какъ жилъ, чтò дѣлалъ? Такъ и такъ, молъ, пріятели. А у тебя есть своя голова на плечахъ? Законъ знаешь? Ну, и шабашъ, и конченъ разговоръ.

Жена.

А другой человѣкъ увлекательный?

1-й купецъ.

Ну такъ что̀-жь! Ну, туда ему и дорога! Не будь увлекательный.

Жена.

Да вѣдь жалко.

1-й купецъ.

Ничего не жалко. Знай край, да не падай! На то человѣку разумъ данъ. (Проходятъ. Погуляевъ и нѣсколько студентовъ.)

Явленіе второе.

Погуляевъ и нѣсколько студентовъ.

Погуляевъ.

А какъ хорошъ былъ сегодня Мочаловъ. Только жаль, что пьеса плоха.

1-й студентъ.

Сухая пьеса. Голая мораль.

2-й студентъ.

Всѣ эфекты, всѣ ужасы нарочно прибраны, какъ на подборъ. Вотъ, молъ, если ты возьмешь карты въ руки, такъ убьешь своего отца, потомъ сдѣлаешься разбойникомъ. да мало этого — убьешь своего сына.

1-й студентъ.

Какая это пьеса! Это вздоръ, о которомъ говорить не сто̀итъ. „Чортъ не такъ страшенъ, какъ его пишутъ“. Чорта нарочно пишутъ страшнѣе, чтобъ его боялись. А если чорту нужно соблазнить кого-нибудь, такъ ему вовсе не разсчетъ являться въ такомъ безобразномъ видѣ, чтобъ его сразу узнали.

Всѣ (смѣются).

Ха, ха, ха! Да это правда. (Входитъ Кисельниковъ, щегольски одѣтый.)

Явленіе третье.

Погуляевъ, Кисельниковъ и студенты.

Погуляевъ.

А, другъ любезный! Какъ я тебя давно не видалъ!

1-й студентъ.

Гдѣ ты пропадалъ?

2-й студентъ.

Какой ты розовый, веселый! Я тебя два года не видалъ.

Погуляевъ.

Ты не кончилъ курса?

Кисельниковъ.

Не кончилъ.

Погуляевъ.

Отчего же?

Кисельниковъ.

Да такъ, не кончилъ, да и все тутъ. Впрочемъ, я занимаюсь, я много занимаюсь; а такъ, некогда было. Я буду держать на кандидата. Впрочемъ, я еще это все успѣю.

1-й студентъ.

Какой вечеръ превосходный! ...

Кисельниковъ.

Удивительный вечеръ! Воздухъ какой! Что̀ за нѣга! Я теперь, когда сталъ свободнымъ человѣ-

комъ, весь отдаюсь природѣ, наслаждаюсь ею вполнѣ. Вы этой прелести не знаете, вы — люди ученые, занятые.

Погуляевъ.

Ты совсѣмъ перемѣнился, тебя и узнать трудно.

Кисельниковъ.

Что̀ же, я лучше сталъ или хуже?

Погуляевъ.

Не знаю, какъ сказать! Только жаль, что ты бросилъ университетъ.

Кисельниковъ.

Нельзя было оставаться. Вы послушайте, я вамъ все разскажу. Отецъ у меня былъ строгій, капризный старикъ, не пускалъ меня никуда изъ дому, не давалъ мнѣ ни копейки денегъ. По вечерамъ насильно заставлялъ меня сидѣть за лекціями. Все это мнѣ надоѣло и опротивѣло до-нельзя. Въ прошломъ году онъ умеръ и оставилъ мнѣ порядочное состояніе. Вдругъ въ моемъ распоряженіи довольно денегъ, а главное — свобода; ну, разумѣется, я сейчасъ-же захотѣлъ воспользоваться свободой, немного развлечься, погулять; такимъ образомъ я, мало-помалу, отсталъ отъ университета. Впрочемъ я догоню, сто̀итъ только заняться ... Стихи пишу отъ скуки, выходитъ недурно.

2-й студентъ.

Что̀ же ты думаешь съ собой дѣлать?

Кисельниковъ.

Вотъ выдержу на кандидата, поѣду въ Петербургъ, поступлю на службу. А пріятно пожить на свободѣ!

1-й студентъ.

Свобода свободой, а все-же надо дѣлать что-нибудь, безъ этого нельзя.

Кисельниковъ.

Разумѣется. Я непремѣнно займусь дѣломъ; теперь у меня голова занята.

Погуляевъ.

Чѣмъ это?

Кисельниковъ.

Какъ бы тебѣ это сказать? Ну, просто, я влюбленъ безъ памяти.

2-й студентъ.

Вотъ какъ! Ну, что̀-же, и счастливо?

Кисельниковъ.

Да, конечно.

Погуляевъ.

О, братъ, твоя жизнь завидная!

Кисельниковъ.

Да, именно, мнѣ можно позавидовать. Дня черезъ два и свадьба.

Погуляевъ.

Такъ скоро?

Кисельниковъ.

Чего-жь ждать-то? Теперь и жить, пока молоды.

1-й студентъ.

Да вѣдь ты еще не доучился, ты самъ сознаешься. По-моему, нужно сначала доучиться, да потомъ себѣ опредѣленное положеніе найти, тогда ужь и жениться. А главное-то — нужно средства имѣть.

Кисельниковъ.

У меня средства есть.

2-й студентъ.

А позволь спросить, какія?

Кисельниковъ.

Свой домикъ есть, тысячъ семь денегъ.

Погуляевъ.

Долго-ли-же ихъ прожить, ничего-то не пріобрѣтая?

Кисельниковъ.

За женой возьму, тесть обѣщалъ шесть тысячъ.

1-й студентъ.

Во-первыхъ, обѣщанія не всегда исполняются, а, во-вторыхъ, съ деньгами нужно обращаться умѣючи: или онѣ у тебя будутъ лежать безъ всякой пользы, или ты ихъ проживешь скоро.

Кисельниковъ.

У меня тесть дѣловой человѣкъ, я отдамъ ему деньги на его обороты, онъ мнѣ будетъ проценты платить.

Погуляевъ.

А его обороты лопнутъ, что̀ тогда?

Кисельниковъ.

Этого быть не можетъ . . . онъ — купецъ извѣстный.

2-й студентъ.

А, по-моему, нѣтъ ничего лучше, какъ жить на свои трудовыя.

Кисельниковъ.

И я буду трудиться, буду служить.

Погуляевъ.

А много ли ты получишь, не конча-то курса,

не имѣя чина? сто, двѣсти рублей, не больше. Заведутся дѣти, будетъ нужда-то подталкивать, сдѣлаешься неразборчивъ въ средствахъ, руку крючкомъ согнешь. Ахъ, скверно!

Кисельниковъ.

Ну, вотъ какія мрачныя картины! Главное, что̀ мнѣ нравится въ семействѣ моего тестя — это патріархальность. Самъ я человѣкъ смирный ...

1-й студентъ.

Да вѣдь патріархальность — добродѣтель первобытныхъ народовъ. Въ наше время нужно дѣло дѣлать, нужны и другія достоинства, кромѣ патріархальности.

2-й студентъ.

Патріархальность-то хороша подъ кущами, а въ городахъ нужно пожинать плоды цивилизаціи.

Кисельниковъ.

Ну, да во всякомъ случаѣ я ужь рѣшился; что̀ сдѣлано, того не воротишь. (Погуляеву.) А ты что̀ думаешь съ собой дѣлать?

Погуляевъ.

Я ѣду въ Петербургъ. Я нашелъ частную должность да займусь журнальною работой; коли гожусь на это дѣло, такъ ладно, а то другой работы поищу.

Студенты.

Прощай, Погуляевъ. Прощай, Кисельниковъ.

2-й и 3-й студенты.

Желаемъ тебѣ счастья! (Уходятъ.)

Явленіе четвертое.

Погуляевъ и Кисельниковъ.

Кисельниковъ.

Погуляевъ, ты добрѣе ихъ; пойдемъ — я тебѣ покажу свою невѣсту.

Погуляевъ.

Покажи.

Кисельниковъ.

Вонъ она идетъ съ своимъ семействомъ.

Погуляевъ.

А еще-то съ ними кто же?

Кисельниковъ.

О, это все милѣйшіе и самые простые люди: (Входятъ: Боровцовъ, Боровцова, Глафира, Переярковъ, въ форменномъ фракѣ, трость съ золотымъ набалдашникомъ, и Турунтаевъ.)

Явленіе пятое.

Погуляевъ, Кисельниковъ, Боровцовъ, Боровцова, Глафира, Переярковъ и Турунтаевъ.

Переярковъ.

Посмотрите, посмотрите, что̀ за картина! (Показываетъ тростью на западъ). Солнце склоняется къ западу, мирные поселяне возвращаются въ свои хижины и свирѣль пастуха ... (Обращаясь къ проходящему.) Потише, милостивый государь! Потише, говорю я вамъ!

Проходящій.

Извините.

Переярковъ.

Надо различать людей. (Показывая на свой орденъ.) Видите, милостивый государь!

Погуляевъ.

Про какую онъ тамъ свирѣль говоритъ? Никакой свирѣли не слышно.

Кисельниковъ.

Ну, ужь это нужно ему извинить. Зачѣмъ къ такимъ мелочамъ привязываться? Онъ — человѣкъ отличный. Люди семинарскаго образованія всегда склонны къ риторикѣ.

Переярковъ (указывая тростью).

Солнце склоняется къ западу ...

Боровцова.

Отчего-же это оно къ западу? Развѣ ужь ему такой предѣлъ положенъ?

Боровцовъ.

Извѣстное дѣло — предѣлъ, а то еще что̀-же?

Боровцова.

А какъ въ чужихъ земляхъ? И тамъ тоже солнце на западъ садится?

Переярковъ.

Навѣрное-то сказать трудно, потому что во многихъ земляхъ, гдѣ у насъ западъ, тамъ у нихъ востокъ приходится. Да вотъ Іонъ много походовъ сломалъ, онъ намъ скажетъ. Ну, какъ въ Турціи, гдѣ солнце садится?

Турунтаевъ.

Постойте, постойте! Вотъ такъ Шумла (показываетъ руками), вотъ такъ нашъ лагерь, а солнце садилось вотъ такъ, въ эту сторону.

Боровцова.

Хорошо бы побывать въ разныхъ земляхъ, чтобы

знать, какъ у нихъ тамъ: какъ солнце садится, какъ другое что̀.

Боровцовъ.

Все это — суемудріе, мечта. Мы на этомъ свѣтѣ все равно, что въ гостинницѣ; тамъ ужь гдѣ ты ни живи, все одинъ конецъ. Семейный человѣкъ живи въ своей семьѣ, потому онъ — глава. Куда я, семейный человѣкъ, поѣду? Конечно, кто праздношатающій ...

Переярковъ.

Или по службѣ ...

Турунтаевъ.

Пошлютъ, пойдешь.

Боровцовъ.

Про службу что̀ и говорить! Служба осо̀бь-статья. Если ты по службѣ куда идешь, такъ ужь это, значитъ, твое должное.

Переярковъ.

Какой тутъ разговоръ.

Турунтаевъ.

Намъ вездѣ свой домъ.

Боровцовъ.

И опять же ваша пѣшая служба супротивъ морской много легче. Вы то̀ возьмите: другой разъ пошлютъ съ кораблемъ-то отыскивать, гдѣ конецъ свѣту; ну и плывутъ. Видятъ моря такія, совсѣмъ невѣдомыя, морскія чудища кругъ корабля подымаются, дорогу загораживаютъ, вопятъ разными голосами; птица-сиренъ поетъ; и нѣтъ такой души на кораблѣ, говорятъ, которая бы не ужасалась отъ страха, въ онѣмѣніе даже приходятъ. Вотъ это — служба!

Погуляевъ.

Что̀ они говорятъ?

Кисельниковъ.

Добрые люди, другъ мой, добрые люди! Ты критику-то оставь. Они—люди неученые, это правда; за то сердцѐ у нихъ лучше нашего. Подойдемъ къ нимъ, я тебя познакомлю. (Подходятъ.)

Боровцовъ.

Вотъ и женихъ. Гдѣ это ты запропалъ? Посмотри, невѣста-то ужь плачетъ, что давно не видала.

Глафира.

Ахъ, что̀ вы, тятенька! Даже совсѣмъ напротивъ.

Боровцовъ.

А ты, дура, нарочно заплачь, чтобъ ему было чувствительнѣе.

Кисельниковъ.

Вотъ позвольте познакомить васъ съ моимъ товарищемъ.

Боровцовъ.

Оно, конечно, безъ товарищевъ нельзя; только ужь женатому-то надо будетъ отъ нихъ отставать; потому отъ нихъ добра мало. А какъ ваше имя и отчество?

Погуляевъ.

Антонъ Антонычъ Погуляевъ.

Боровцовъ.

Такъ-съ. Состояніе имѣете?

Погуляевъ.

Нѣтъ.

Боровцовъ.

Плохо. Значитъ, вы моему зятю не компанія.

Кисельниковъ.

Это все равно, мы съ нимъ съ дѣтства друзья.

Переярковъ.

Вы кончалой?

Погуляевъ.

Да, то есть, я кончилъ курсъ.

Переярковъ.

Ну, я про то-то и спрашиваю. Изъ разночинцевъ?

Погуляевъ.

Изъ разночинцевъ.

Переярковъ.

Изъ мѣщанъ или изъ приказныхъ дѣтей?

Погуляевъ.

Мой отецъ былъ учитель.

Переярковъ.

Ну все одно, что изъ приказныхъ. Теперь разночинцамъ дорога, кто кончитъ въ университетѣ.

Турунтаевъ.

Вы въ военную! Черезъ полгода офицеръ; дворянинъ, значитъ; вы грамотѣй, такъ, пожалуй, казначеемъ сдѣлаютъ; послужите, роту дадутъ; наживете денегъ да крестьянъ купите — свои рабы будутъ. Вы вѣдь не изъ дворянъ, такъ это вамъ лестно.

Переярковъ.

Хорошо и въ штатскую. Я до титулярнаго-то двадцать пять лѣтъ служилъ, а васъ, гляди, года черезъ четыре произведутъ.

Погуляевъ.

Я не думаю служить.

Переярковъ.

Не одобряю.

Погуляевъ.

Въ учителя хочу.

Переярковъ.

Ребятишекъ сѣчь? Дѣло! Та же служба. Только какъ вы характеромъ? Строгость имѣете ли?

Турунтаевъ.

Пороть ихъ, канальевъ! Вы какъ будете: по субботамъ, или какъ вздумается, дня положеннаго не будетъ? Вѣдь методы воспитанія разныя. Насъ, бывало, все по субботамъ.

Погуляевъ.

Ужь я, право, не знаю.

Турунтаевъ.

Нѣтъ, вы не годитесь въ учителя, и въ военную не годитесь — я по глазамъ вижу. Вы лучше въ штатскую.

Кисельниковъ.

Погулять бы теперь.

Боровцовъ.

Нѣтъ ужь, мы, братъ, нагулялись. Гуляйте вотъ съ женой, съ дочерью, а мы, пойдемъ посидимъ, отдохнемъ. (Боровцовъ, Переярковъ и Турунтаевъ уходятъ.)

Явленіе шестое.

Боровцова, Глафира, Погуляевъ и Кисельниковъ.

Боровцова.

Куда еще гулять! Я ужь и такъ ноги отходила.

Кисельниковъ.

Сядьте, маменька, тутъ вотъ на скамеечку, мы подлѣ васъ будемъ.

Погуляевъ (Глафирѣ).

Вы очень любите своего жениха? (Глафира молчитъ.) Что̀-же вы мнѣ не отвѣчаете?

Боровцова.

А ты скажи: „столько, молъ, люблю, сколько мнѣ слѣдоваетъ“.

Глафира.

Какъ-же я могу про свои чувства говорить постороннимъ? Я могу ихъ выражать только для одного своего жениха.

Кисельниковъ.

Какова скромность!

Боровцова.

Вы про любовь-то напрасно. Она этого ничего понимать не можетъ, потому что было мое такое воспитаніе.

Погуляевъ.

А какъ-же замужъ выходить безъ любви? Развѣ можно?

Боровцова.

Такъ какъ было согласіе мое и родителя ея, вотъ и выходитъ.

Погуляевъ.

Вы чѣмъ изволите заниматься?

Глафира.

Вы, можетъ-быть, это въ насмѣшку спрашиваете?

Погуляевъ.

Какъ-же я смѣю въ насмѣшку?

Боровцова.

Нынче все больше стараются, какъ на смѣхъ поднять. Хоть не говори ни съ кѣмъ.

Глафира.

Обнакновенно чѣмъ барышни занимаются. Я вышиваньемъ занимаюсь.

Погуляевъ.

Что̀-жь вы вышиваете?

Глафира.

Что̀ на узорѣ нарисовано: два голубя.

Погуляевъ.

А еще чѣмъ? Неужели только однимъ вышиваньемъ?

Глафира.

Маменька, что̀-же мнѣ еще ему говорить?

Кисельниковъ.

Ну, что̀ ты присталъ! Этакъ, конечно, сконфузить можно.

Погуляевъ.

Я и не думалъ конфузить; я самъ всегда конфужусь.

Глафира.

Вы къ намъ будете съ Кириллой Филиппычемъ приходить или такъ только?

Погуляевъ.

Если позволите.

Кисельниковъ.

Придемъ непремѣнно, завтра-же.

Глафира.

Мы будемъ въ фанты играть.

Боровцова.

Да, приходите съ дѣвушками поиграть, а то у насъ молодыхъ-то парней мало; молодцовъ зовемъ, такъ тѣ при хозяевахъ-то не смѣютъ.

Погуляевъ.

Да я въ фанты играть не умѣю.

Глафира.

Мы выучимъ. Въ фантахъ можно съ дѣвушками цаловаться.

Боровцова.

Да, у насъ зàпросто.

Кисельниковъ.

Ты только побывай разъ, потомъ самъ проситься будешь. Ты чтò ни говори, лучше этихъ тихихъ семейныхъ удовольствій ничего быть не можетъ.

Погуляевъ.

Ну, нѣтъ, есть кой-что и лучше этого.

Боровцова.

Это танцы-то, что-ли? Такъ ну ихъ! Мужъ терпѣть не можетъ.

Глафира.

Теперь я васъ не буду бояться, потому что вы будете къ намъ вхожи въ домъ; а то я думала, что вы только посмѣяться хотите. Я думала, что вы гордые.

Погуляевъ.

Отчего-же вы такъ думали?

Глафира.

Ученые всѣ гордые. Вотъ у насъ рядомъ сту-

дентъ живетъ, такъ ни съ кѣмъ изъ сосѣдей незнакомъ и никому не кланяется.

Погуляевъ.

Должно-быть, у него занятій много, времени нѣтъ для знакомствъ.

Кисельниковъ.

Нѣтъ, такъ дикарь какой-то.

Глафира.

Какъ времени не быть? Вѣдь съ портнихами знакомъ-же, къ нимъ ходитъ часто. Его спрашивали, отчего онъ не хочетъ съ хорошими барышнями познакомиться?

Погуляевъ.

Что̀-же онъ?

Глафира.

„Онѣ, говоритъ, глупы очень, мнѣ съ ними скучно". И выходитъ, что онъ—невѣжа и гордый.

Погуляевъ.

Ну, конечно, невѣжа.

Боровцова.

Да ты самъ-то, батюшка, не таковъ-ли?

Кисельниковъ.

Нѣтъ, маменька, что̀ вы!

Боровцова.

Охъ, трудно вамъ вѣрить-то!

Кисельниковъ.

Какая простота! Какая невинность!

Боровцова.

Ну, пойдемъ, Глаша!

Глафира.

Пойдемте, маменька.

Кисельниковъ.

(Подходя къ Боровцовой.)

Прощайте, маменька. Я къ вамъ завтра часовъ съ пяти.

Глафира (Погуляеву).

Прощайте. Приходите завтра, не обманите. (Тихо.) У меня есть подруга, очень хороша собой, у ней теперь никого нѣтъ въ предметѣ, я васъ завтра познакомлю, только чтобы секретъ. Вы смѣлѣй, не конфузьтесь. (Отходитъ къ Боровцовой.)

Боровцова.

Ты и пріятеля-то приводи.

Кисельниковъ.

Хорошо, маменька, придемъ вмѣстѣ. (Боровцова и Глафира уходятъ.)

Явленіе седьмое.

Кисельниковъ и Погуляевъ.

Кисельниковъ.

Ну, что̀ скажешь?

Погуляевъ.

Ха, ха, ха! Да это чортъ знаетъ, что̀ такое! Это — безобразіе въ высшей степени!

Кисельниковъ.

Это тебѣ потому кажется безобразіемъ, что ты совсѣмъ отвыкъ отъ семейной жизни.

Погуляевъ.

Да какая-жь это семейная жизнь? Это — невѣжество и больше ничего.

Кисельниковъ.

Такъ вдругъ тебѣ показалось, а ты вглядись хорошенько.

Погуляевъ.

Не вглядѣться, а втянуться нужно; я понимаю, что можно втянуться, только потомъ ужь и не вылѣзешь. Если ужь тебѣ пришла охота жениться, такъ бери дѣвушку, хотя и не богатую, да только изъ образованнаго семейства. Невѣжество — вѣдь это болото, которое засосетъ тебя! Ты-же человѣкъ нетвердый. Хоть на карачкахъ ползи, хоть царапайся, да только старайся попасть наверхъ, а то свалишься въ пучину, и она тебя поглотитъ.

Кисельниковъ.

Что̀ за фантазіи!

Погуляевъ.

Послушай, вотъ тебѣ мой совѣтъ: загуляй лучше, — можетъ-быть, и позабудешь о невѣстѣ, либо пріѣдешь туда пьяный, и тебя прогонятъ, откажутъ тебѣ — это еще можетъ тебя спасти. Напьешься — проспишься, а женишься, ужь не воротишь.

Кисельниковъ.

Что̀ ты ни говори, я ужь рѣшился, — это дѣло кончено. Прощай.

Погуляевъ.

Прощай! Я первый буду радъ, если мои слова не сбудутся.

Сцена вторая.

Небогатая комната въ квартирѣ Кисельникова. Между 1-й сценой и 2-й проходитъ 7 лѣтъ.

Явленіе первое.

Глафира, Кисельниковъ и дочь.

Кисельниковъ.

Убери дочь-то! Что̀ она здѣсь толчется? Нѣтъ у нихъ дѣтской, что-ли? Ужь и такъ всѣ уши прожужжали; а тутъ, того гляди, гости пріѣдутъ.

Глафира.

Твои вѣдь дѣти-то!

Кисельниковъ.

Такъ что̀-жь, что мои?

Глафира.

Ну, такъ и няньчайся съ ними.

Кисельниковъ.

А ты-то на что̀? У меня есть дѣла-то поважнѣе.

Глафира.

Я твоихъ важныхъ дѣло̀въ и знать не хочу; а ты не смѣй обижать дѣтей, вотъ что̀!

Кисельниковъ.

Кто ихъ обижаетъ?

Глафира.

Лизанька, плюнь на отца. (Лизанька плюетъ.) Скажи: папка дуракъ.

Лизанька.

Папка дуракъ.

Кисельниковъ.

Что̀ ты это? Чему ты ее учишь?

Глафира.

Да дуракъ и есть. Ты какъ объ дѣтяхъ-то понимаешь? Ангельскія это душки или нѣтъ?

Кисельниковъ.

Ну, такъ что̀-жь?

Глафира.

Ну, и значитъ, что ты дуракъ. Заплачь, Лизанька, заплачь. (Лизанька плачетъ.) Громче плачь, душенька! Пусть всѣ услышатъ, какъ отецъ надъ вами тиранствуетъ.

Кисельниковъ (зажимая уши, кричитъ).

Вы мои тираны, вы!

Глафира.

Кричи еще шибче, чтобъ сосѣди услыхали, коли стыда въ тебѣ нѣтъ. Пойдемъ, Лизанька. (Мужу.) Ты погоди, — я тебѣ это припомню! (Дочери.) Да что̀-же ты нейдешь, мерзкая дѣвчонка? Какъ примусь я тебя колотить!

Кисельниковъ.

Это ангельскую-то душку?

Глафира.

А тебѣ что̀ за дѣло? Моя дочь, — я ее выходила, а не ты. Вотъ на зло-же тебѣ прибью въ дѣтской. Вотъ ты и знай! (Уходитъ съ дочерью.)

Кисельниковъ.

Ишь ты, какая! Ишь, вѣдь какая взбалмошная! Охъ, ругать-бы ее да ругать хорошенько! Сегодня нельзя браниться-то съ ней, грѣхъ — день ея ангела. Ужь сегодня пусть привередничаетъ — ея день. Сегодня можно и стерпѣть! Что́-жь не стерпѣть? Невеликъ баринъ-то, чтобъ не стерпѣть! Эхъ, дѣла, дѣла! (Долго стоитъ задумавшись. Потихоньку запѣваетъ:)

Во саду-ли, въ огородѣ
Дѣвушка гуляла. (Входитъ Глафира.)

Глафира.

Обидѣлъ жену, а самъ пѣсни поетъ; хорошъ мужъ!

Кисельниковъ (громче).

Она ростомъ невеличка,
Лицомъ круглоличка.

Глафира.

Что̀-жь, ты на́-смѣхъ, что-ли? Ишь, какую моду выдумалъ!

Кисельниковъ.

Да ужь мнѣ только и осталось: либо взвыть голосомъ отъ васъ, либо пѣсни пѣть.

Глафира.

А мнѣ что̀ дѣлать? Я вотъ нынче именинница, а ты мнѣ что̀ подаришь?

Кисельниковъ.

А гдѣ деньги-то?

Глафира.

А мнѣ какое дѣло? Зачѣмъ-же ты меня бралъ изъ богатаго дому, коли у тебя денегъ нѣтъ? Я къ такой жизни не привыкла.

Кисельниковъ.

У меня деньги были, твой-же отецъ взялъ.

Глафира.

И преотлично сдѣлалъ, а то-бы ты ихъ давно промоталъ.

Кисельниковъ.

А ему какое дѣло? Деньги-то мои, — что̀ хочу, то съ ними и дѣлаю. А онъ не то что денегъ, и процентовъ-то не платитъ. Насилу выпросишь рублей пятнадцать или двадцать, да еще послѣ попрекаетъ да ломается. Я, говоритъ, тебѣ въ твоей бѣдности помогаю.

Глафира.

Такъ тебѣ и надо! Отдай тебѣ деньги-то, такъ ты, пожалуй, и жену-то бросишь.

Кисельниковъ.

Гдѣ ужь бросить, когда пятеро дѣтей! Нѣтъ, ужь надѣлъ петлю да и концы вамъ отдалъ, тяните теперь, пока совсѣмъ задушите. Ты говоришь, что ты изъ богатаго дому; а много-ль за тобой дали-то? Обѣщали шесть тысячъ, а много-ли дали?

Глафира.

Ты за счастье считай, что я за тебя пошла-то; съ тысячами-то я-бы въ десять разъ лучше тебя нашла. За меня какой полковникъ-то сватался! Какъ я была влюблена-то! До самой страсти! Да не отдали оттого, что очень въ карты играетъ.

Кисельниковъ.

Зачѣмъ-же ты шла за меня?

Глафира.

Выдали, такъ и пошла. Извѣстно, глупа была. Тятенька-то думалъ, что ты—дѣловой, что ты—себѣ на прожитіе достанешь.

Кисельниковъ.

Гдѣ-жь я достану? На нашей службѣ не много добудешь. Что̀-жь мнѣ — воровать, что-ли?

Глафира.

А мнѣ какое дѣло? Я съ тобой и говорить-то не хочу. Ты еще у меня долженъ прощенье просить, а то и съ тобою двѣ недѣли слова не скажу. При гостяхъ нарочно буду отъ тебя отворачиваться, пусть тятенька съ маменькой посмотрятъ.

Кисельниковъ.

Ну, ужь ты этого-то, пожалуйста, не дѣлай ...

Глафира.

А! Тебѣ это не нравится! Такъ вотъ нарочно-жь буду, нарочно!

Кисельниковъ.

Глаша, ну, я прошу тебя! Что̀ хорошаго? Разговоръ пойдетъ.

Глафира.

Такъ проси прощенья.

Кисельниковъ.

Ну, прости меня.

Глафира.

Цалуй ручку, да впередъ не смѣй со мной спорить никогда.

Кисельниковъ.

Ну, не буду.

Глафира.

Гдѣ-жь тебѣ со мной спорить? Ты помни, что я въ тысячу разъ тебя умнѣе и больше тебя понимаю. Мной только и домъ-то держится.

Кисельниковъ.

Ну, хорошо, хорошо! А гдѣ маменька?

Глафира.

Извѣстно, въ дѣтской. Гдѣ-жь твоей маменькѣ быть! Пусть хоть дѣтей няньчитъ, все-таки не даромъ хлѣбъ ѣстъ.

Кисельниковъ.

Какъ-же даромъ? Вѣдь мы въ ея домѣ-то живемъ.

Глафира.

Вотъ опять съ тобой ругаться надо. Сколько разъ я тебѣ говорила, чтобъ ты домъ на мое имя переписалъ? Вотъ и выходитъ, что ты меня не любишь, а все только словами обманываешь, какъ сначала, такъ и теперь. Для матери все, а для жены ничего.

Кисельниковъ.

Да что̀ все-то? Вѣдь это ея домъ-то, собственный!

Глафира.

Такъ что̀-жь, что ея? Я вотъ ей свои старыя платья дарю, не жалѣю для нея, а ты этого не хочешь чувствовать, точно какъ я обязана. Да молчи ты, не разстраивай меня! Вонъ тятенька съ маменькой пріѣхали. И зачѣмъ это я связалась съ тобой говорить? Очень интересно твои глупости слушать. (Уходитъ.)

Кисельниковъ.

(Задумавшись осматриваетъ комнату.)

Ишь ты, пыли-то сколько на диванѣ!.. Аксинья! (Входитъ Аксинья.) Ишь ты, пыли-то сколько!

Аксинья.

Да, какъ-же! Есть мнѣ время! Не разорваться-жь, въ самомъ-дѣлѣ!

Кисельниковъ.

Такъ давай тряпку, я самъ сотру.

Аксинья (подаетъ тряпку).

Давно-бы вамъ догадаться-то. (Уходитъ.)

Кисельниковъ (стирая пыль).

Ну, вотъ и чисто. При большой-то семьѣ какъ за порядкомъ усмотришь? Сколько людей-то нужно! А вотъ взялъ самъ да и стеръ, взялъ да и стеръ,— не великъ баринъ-то! На̀ тряпку-то!

Аксинья (за сценой).

Бросьте гдѣ-нибудь. Стряпня одолѣла. (Кисельниковъ бросаетъ въ дверь тряпку. Входятъ: Боровцовъ, Боровцова и Глафира.)

Явленіе второе.

Боровцовъ, Боровцова, Глафира и Кисельниковъ.

Глафира (тихо Боровцовой).

Вчера мои серьги заложилъ.

Боровцовъ.

Здравствуй, Кирюша! Съ именинницей! Радъ-ли гостямъ-то?

Кисельниковъ.

Здравствуйте, папенька! Здравствуйте, маменька! Какъ-же, помилуйте! И васъ также съ именинницей.

Боровцовъ (ероша ему волосы).

Эхъ, ты, простота, простота! Любишь жену-то?

Кисельниковъ.

Какъ, папенька, не любить?

Боровцовъ.

Люби, Кирюша, люби. Поцалуй ее, сейчасъ по-

цалуй, чтобъ я видѣлъ. (Кисельниковъ цѣлуетъ.) Вотъ такъ. Вотъ теперь вижу, что любишь.

Боровцова.

Да, какъ-же! Любитъ онъ ее! Поцаловать-то всякій съумѣетъ; а ты спроси, куда онъ ея серьги дѣлъ?

Боровцовъ.

Какія серьги?

Боровцова.

Да наши серьги, что̀ мы за ней дали. Заложилъ вѣдь.

Боровцовъ.

Ужь ты до женинаго приданаго добрался? Выкупи. Съ себя хоть все заложи, а приданаго не смѣй трогать.

Кисельниковъ.

При первыхъ деньгахъ, папенька, выкуплю.

Боровцовъ.

У кого заложены?

Глафира.

У Турунтаева.

Кисельниковъ.

Десять процентовъ въ мѣсяцъ беретъ.

Боровцовъ.

А что̀-жь не брать, коли даютъ? По его вѣкъ дураковъ хватитъ. Эхъ, зятекъ! Я думалъ, что изъ тебя баринъ выдетъ, анъ вышла-то грязь.

Кисельниковъ.

За что̀-же, папенька ...

Боровцовъ.

За то-же, что ты для семейства ничего не ста-

раешься. Ты въ какомъ судѣ служишь? Кто у васъ просители?

Кисельниковъ.

Купцы.

Боровцовъ.

То-то, „купцы“! Ну, стало-быть, ихъ грабить надо. Потому, не попадайся, не заводи дѣловъ. А завелъ дѣла, такъ платись. Я тебѣ говорю, — я самъ купецъ. Я попадусь — и съ меня тяни. „Молъ, тятенька, родство — родствомъ, а дѣло — дѣломъ; надо-же, молъ, и намъ жить чѣмъ-нибудь.“ Боишься, что-ль, что ругать станутъ? Такъ ты этого не бойся. Кому надо въ судъ идти, тотъ деньги готовитъ; ты не возьмешь, такъ другой съ него возьметъ. Опять-же и физіономію надо имѣть совсѣмъ другую. Ты вотъ глядишь, словно мокрая курица, а ты гляди строже. Вотъ какъ гляди. Такъ всякій тебя опасаться будетъ. Потому кто въ судъ пришелъ, онъ, хоть и не виноватъ, а все ему кажется, что его засудить могутъ; а взглянулъ ты на него строго, у него и душа въ пятки; ну, и пошелъ всѣмъ совать по карманамъ, — перво-на́-перво, чтобъ на него только ласково глядѣли, не пужали его; а потомъ, какъ до дѣла разговоръ дойдетъ, такъ опять за мошну, въ другой разъ.

Глафира.

Охота вамъ, тятенька, съ нимъ слова терять.

Боровцова.

Молчи, Глаша. Можетъ, онъ, Богъ дастъ, и въ разумъ придетъ. Откроется въ немъ такое понятіе, что отецъ его добру учитъ. Слушай, Кирюша, слушай, — это тебѣ на пользу.

Боровцовъ.

Да и жить-то надо не такъ. Ты сразу поставь

себя бариномъ, тогда тебѣ и честь другая, и доходъ другой. Заломилъ ты много съ купца, онъ упирается, — ты его къ себѣ позови да угости хорошенько; выдетъ жена твоя въ шелку да въ бархатѣ, такъ онъ сейчасъ и догадается, что тебѣ мало взять нельзя. И не жаль ему дать-то будетъ, потому онъ видитъ, что на дѣло. Всякій пойметъ, что ты баринъ обстоятельный, солидный, что тебѣ на прожитіе много нужно.

Кисельниковъ.

Я, папенька, не такъ былъ воспитанъ; оно, знаете-ли, какъ-то совѣстно. Думаешь: „что̀ хорошаго“! Грабителемъ будутъ звать.

Боровцовъ.

Грабителемъ? А тебѣ что̀ за дѣло? Пущай зовутъ! Ты живи для семьи, — вотъ здѣсь ты будь хорошъ и честенъ, а съ другими прочими воюй, какъ на войнѣ. Что̀ удалось схватить, и тащи домой, наполняй да укрывай свою хижину. По крайности, ты душой покоенъ; у тебя семья сыта, ты бѣдному можешь помочь отъ своихъ доходовъ; онъ за тебя Бога умолитъ. А теперь ты что̀? Мотаешься ты на бѣломъ свѣтѣ безъ толку да женино приданое закладываешь. То̀ тебѣ совѣстно, а это не совѣстно? Тамъ ты чужія-бы деньги проживалъ, а теперь женины да дѣтскія. Какая-же это совѣсть такая, я ужь не понимаю.

Глафира.

„Женины да дѣтскія“, слышишь. Какъ-же вотъ мнѣ не плакать-то?

Боровцова.

Молчи, молчи! Ты вотъ запомни, что отецъ-то говоритъ, да и тверди ему почаще, а то онъ засуется въ дѣлахъ, изъ головы-то у него и выходитъ, онъ и не помнитъ.

Кисельниковъ.

Маменька, я помню, да только ...

Боровцова.

Ну, гдѣ помнить! Ты и по лицу-то такой растерянный. А вотъ, какъ ты въ судъ-то пойдешь, она тебѣ и напомнитъ, да, дорогой-то идя, все тверди.

Кисельниковъ.

Что̀ мнѣ твердить? Это смѣшно даже. Понятія у меня, маменька, другія.

Боровцова.

Какія-же это могутъ быть понятія, что женины серьги закладывать?

Боровцовъ.

Дуракъ ты, братецъ. Никакихъ у тебя понятій нѣтъ. Кабы у тебя были такія понятія, такъ ты-бы не женился да не развелъ семьи. Я не глупѣй тебя, я, можетъ-быть, не одинъ разъ видалъ такихъ-то людей, что не берутъ взятокъ, и разговаривать какъ-то разъ привелъ Богъ, такъ ужь они и живутъ, какъ монахи. Далеко тебѣ до нихъ! Что̀ ты насъ обманываешь! Тѣ люди, почитай, что святые. А вотъ еще масоны есть. Ты ужь живи хоть такъ, какъ всѣ мы, грѣшные. Ты развѣ-бы не бралъ, да не умѣешь, — вотъ что̀ надо сказать.

Кисельниковъ.

Я ужь теперь и самъ понимаю, что я ничѣмъ не лучше другихъ, а вѣдь мнѣ хотѣлось-то быть лучше.

Боровцовъ.

Ну, мало-ль, что хотѣлось.

Кисельниковъ.

Какъ вспомню я свои старыя-то понятія, меня

вдругъ словно кто варомъ обдастъ. Нѣтъ, стыдно мнѣ взятки брать.

Боровцовъ.

Конечно, стыдно брать по мелочи да съ кислой рожей, точно ты милостыню выпрашиваешь; а ты бери съ гордымъ видомъ да помногу, такъ ничего не стыдно будетъ.

Боровцова.

И что̀ это за стыдъ такой? Нешто у васъ другіе-то въ судѣ не берутъ?

Кисельниковъ.

Всѣ берутъ, маменька.

Боровцова.

Такъ кого-жь тебѣ стыдно? Насъ, что̀-ли, или сосѣдей? Такъ у насъ по всему околотку, хоть на версту возьми, никто объ этомъ и понимать-то не можетъ. Берутъ взятки, ну, значитъ, такое заведеніе, такъ изстари пошло, ни у кого объ этомъ и сумлѣнія нѣтъ. Это ты только одинъ, по своей глупости, сумлѣваешься.

Боровцовъ.

Что̀ ты толкуешь: „стыдно“! Вѣдь я тебѣ не говорю: „возьми дубину да на большую дорогу иди“. А ты подумай-ко хорошенько, да брось свой стыдъ-то.

Кисельниковъ.

И то, папенька, надо бросить. (Аксинья входитъ.)

Аксинья.

Гости идутъ, офицеръ да баринъ.

Глафира.

Это Лупъ Лупычъ съ Іономъ Іонычемъ. Скажи

маменькѣ, чтобъ чай наливала, да не очень тамъ съ ней копайтесь, а то васъ не дождешься. (Аксинья уходитъ. Входятъ: Переярковъ и Турунтаевъ.)

Явленіе третье.

Кисельниковъ, Глафира, Боровцовъ, Боровцова, Переярковъ и Турунтаевъ.

Переярковъ и Турунтаевъ (Глафирѣ).

Съ ангеломъ. (Турунтаевъ расшаркивается и цѣлуетъ руку. — Кисельникову.) Съ именинницей.

Кисельниковъ и Глафира.

Покорно благодаримъ.

Боровцовъ.

Садитесь, пріятели, садитесь! Вотъ теперь вся наша компанія въ сборѣ.

Переярковъ.

А мы вотъ съ полковникомъ шли да спорили.

Турунтаевъ.

Да, ну, вотъ разскажи, — вотъ всѣ теперь и разсудимъ.

Переярковъ.

Какъ правильнѣе судить дѣло: по закону, или по человѣчеству?

Боровцовъ.

Да какое дѣло-то?

Переярковъ.

Ну, да какое-бы тамъ ни было. Я говорю, что по закону, а онъ говоритъ, что по человѣчеству.

Боровцовъ.

Да къ чему-же это клонитъ? Ты хоть намекни.

Кисельниковъ.

Ежели вы насчетъ уголовныхъ дѣлъ ...

Переярковъ.

Ну, вотъ, очень нужно! Кто виноватъ, тотъ виноватъ, какъ его ни суди.

Турунтаевъ.

И пори его, анаѳему; а не виноватъ, ну, и отпустить можно.

Переярковъ (Боровцову).

Ну, какъ-же по-твоему?

Боровцовъ.

Да ты примѣръ скажи.

Переярковъ.

Вотъ тебѣ примѣръ: положимъ, у тебя на опекѣ племянники; ты — человѣкъ хорошій, состоятельный, торговыя дѣла знаешь, а они вышли ребята такъ себѣ, ни то, ни сё, къ торговлѣ склонности не имѣютъ, а готовое проживать охота большая; ну, ты и попользовался отъ нихъ, сколько могъ, видимо попользовался: и отчеты представлялъ безобразные и все такое; то-есть, не то, что ограбилъ, а себя не забылъ. Виноватъ ты, или нѣтъ? Вотъ тебѣ и задача. По закону ты виноватъ!

Турунтаевъ.

А по человѣчеству — нѣтъ.

Боровцовъ.

Разсудить васъ или нѣтъ?

Переярковъ.

Разсуди.

Боровцовъ.

Ты говоришь, что я — хорошій человѣкъ, об-

стоятельный, такъ за что̀-жь меня судья подъ законъ подведетъ? Ну, и значитъ, я буду правъ. Настоящій-то судья долженъ знать, кого подвести подъ законъ, кого нѣтъ. Если всѣхъ насъ подъ законъ подводить, такъ никто правъ не будетъ, потому мы на каждомъ шагу законъ переступаемъ. И тебя, и меня, и его, всѣхъ надо въ Сибирь сослать. Выходитъ, что подъ законъ-то всякаго подводить нельзя, а надо знать кого. Такъ и этотъ опекунъ. Какъ ты его осудишь? Какимъ манеромъ? За что̀?

Переярковъ.

Осудить не за что; и я-бы не осудилъ, я только говорю про законъ.

Боровцовъ.

Да что̀ ты наладилъ: „законъ, законъ!“

Переярковъ.

Такъ для чего̀-же они писаны?

Боровцовъ.

Извѣстно, для чего — для страха, чтобъ не очень забывались. А то нешто мы такъ живемъ, какъ въ законѣ написано? Нешто написано, что на улицѣ трубку курить, а ты за воротами сидишь съ трубкой. Нешто писано, что по десяти процентовъ въ мѣсяцъ брать; а онъ беретъ-же.

Турунтаевъ.

Нешто писано, что гнилымъ товаромъ торговать, а ты торгуешь-же.

Боровцовъ.

Да, и торгуемъ.

Боровцова.

Нешто писано, что по пятницамъ скоромное ѣсть, а вѣдь люди ѣдятъ-же. Ужъ коли судить, такъ

всѣхъ судить, — васъ судить за товаръ, и ихъ судить за молоко.

Переярковъ (Боровцову).

Эка у тебя голова-то на плечахъ золотая! Какъ разъ дѣло разсудилъ.

Боровцовъ.

А не такъ, что-ль?

Переярковъ

Такъ, вѣрно.

Боровцовъ.

Зятёкъ, Кирюша! Такъ вѣдь?

Кисельниковъ.

Должно-быть, папенька, такъ-съ. По практическому-то смыслу оно такъ выходитъ.

Переярковъ.

Да вотъ мы еще съ полковникомъ спорили, что̀ лучше: умъ или практика. Ну, да это послѣ, а теперь-бы въ карточки.

Турунтаевъ.

Сразиться не мѣшаетъ.

Боровцовъ.

Есть, что̀-ли, карты-то какія-нибудь старенькія, а коли нѣтъ, такъ къ намъ послать.

Кисельниковъ (приготовляя столъ).

Есть, папенька, садитесь. (Садятся: Боровцовъ, Переярковъ и Турунтаевъ. Входитъ Анна Устиновна съ чаемъ на подносѣ).

Явленіе четвертое.

Кисельниковъ, Глафира, Боровцовъ, Боровцова, Переярковъ, Турунтаевъ и Анна Устиновна.

Глафира.

Что̀ вы тамъ провалились съ чаемъ-то? Ждешь васъ, не дождешься.

Анна Устиновна.

Не торопись, матушка, поспѣешь.

Глафира.

Топчетесь только въ домѣ, а толку нѣтъ.

Боровцова.

Ну, ты потише, потише! А ты при людяхъ-то не кричи! Нехорошо. Здравствуйте, сватьюшка!

Анна Устиновна.

Здравствуйте, матушка. (Подаетъ чай.) Кирюша, бери чай-то. Гости дорогіе, пожалуйте!

Боровцовъ.

А, старушка Божья! На свѣтъ выползла? Погоди, мы тебѣ жениха найдемъ.

Переярковъ.

Да вотъ Іонъ Іонычъ холостъ гуляетъ.

Анна Устиновна.

И на томъ спасибо, Пудъ Кузьмичъ.

Глафира.

Что̀-жь вы, маменька, тутъ стали, какъ будто вамъ дѣла нѣтъ.

Анна Устиновна.

Пойду, матушка, пойду. Ахъ, я и забыла! Кирюша, тебя какой-то человѣкъ спрашиваетъ. Знаю,

что товарищъ твой и видала его, а какъ звать, забыла. (Уходитъ.)

Глафира.

Поди! Кого тамъ еще къ тебѣ принесло? Если изъ вашихъ служащихъ, такъ ты знай, что ему съ моимъ тятенькой не компанія. (Кисельниковъ уходитъ). Очень у меня мужъ непризнательный.

Боровцовъ.

Что̀-жь такъ?

Глафира.

Видимое дѣло, что онъ глупѣе меня, а признаться никакъ не хочетъ. (Входятъ: Кисельниковъ и Погуляевъ.)

Явленіе пятое.

Боровцовъ, Боровцова, Глафира, Переярковъ, Турунтаевъ, Кисельниковъ и Погуляевъ.

Кисельниковъ.

Гостя веду, гостя!

Глафира.

Что̀ это ты ужь очень обрадовался?

Кисельниковъ.

Шесть лѣтъ не видались. Поздравь жену-то, братецъ, — сегодня она у меня именинница.

Погуляевъ (Глафирѣ).

Честь имѣю васъ поздравить. (Кланяется всѣмъ.)

Глафира.

Благодарю покорно. Только нынче мы чужихъ не ждали, промежду своихъ хотимъ время провести.

Кисельниковъ.

Садись, братецъ, садись, потолкуемъ.

Погуляевъ.

Ну, какъ-же ты живешь? Семья велика?

Кисельниковъ.

Порядочная; трое дѣтей теперь живыхъ, да двоихъ, слава Богу, схоронилъ.

Погуляевъ.

Какъ „слава Богу“? Развѣ тебѣ ихъ не жаль?

Кисельниковъ.

Ужь очень, братъ, тягостно.

Погуляевъ.

Да ты служишь?

Кисельниковъ.

Какая моя служба! Неспособенъ оказался, совсѣмъ неспособенъ. И туда совался, и сюда, и въ надворномъ служилъ, и въ сиротскомъ, теперь въ магистратѣ. До столоначальниковъ не добьюсь никакъ, глядишь, семинаристъ какой-нибудь и перебьетъ; дѣльнѣй насъ оказываются, много дѣльнѣе.

Погуляевъ.

А жалованья много-ли?

Кисельниковъ.

У насъ вѣдь не изъ жалованья служатъ. Самое большое жалованье пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. У насъ штату нѣтъ, по трудамъ и заслугамъ получаемъ; въ прошломъ году получалъ я четыре рубля въ мѣсяцъ, а нынче три съ полтиной положили. Съ дому сто рублей получаю. Кабы не дѣлежка, нечѣмъ-бы жить.

Погуляевъ.

Какая дѣлежка?

Кисельниковъ.

По субботамъ столоначальникъ дѣлитъ доходы съ просителей, да я посмирнѣе, такъ обдѣляетъ.

Погуляевъ.

Вотъ какъ! (Задумывается.)

Переярковъ (за столомъ).

Проходимецъ какой-нибудь; вижу, насквозь его вижу.

Турунтаевъ.

Мошенникъ!

Погуляевъ.

(Кивая головой на играющихъ.)

Что̀-жь, это все тѣ-же гуси-то?

Кисельниковъ.

Да, мы все своимъ кружкомъ, — такъ смирненько, ладненько,—слава Богу.

Погуляевъ.

Ну, а деньги твои?

Кисельниковъ.

Ты потише. Тысячи двѣ прожилъ съ начала-то, а остальныя у тестя.

Погуляевъ.

Отчего-же тише? Развѣ не отдаетъ или процентовъ не платитъ?

Кисельниковъ.

Да не то, чтобы онъ совсѣмъ, а все какъ-то, знаешь, туго, съ большимъ трудомъ. Вотъ и домъ нашъ онъ тоже въ залоги представилъ. Онъ мнѣ за это пятьдесятъ рублей заплатилъ. Нельзя отказать, — родня.

Погуляевъ.

Охъ, ужь эта родня!

Боровцовъ (за столомъ).

Надо-быть, отъ семьи отбиваетъ.

Турунтаевъ.

Гляди, онъ его въ трактиръ уведетъ да напоитъ.

Переярковъ.

А вотъ дайте мнѣ срокъ, я съ нимъ поговорю. Я съ нимъ по-своему поговорю.

Кисельниковъ.

Ну, а ты какъ?

Погуляевъ.

Я тоже, братъ, плохо: и безъ денегъ, и безъ мѣста.

Турунтаевъ (за столомъ).

Говорю, что мошенникъ.

Погуляевъ.

Теперь уроковъ ищу. Заграницей былъ три года.

Переярковъ

Вонъ куда пошло!

Погуляевъ.

Ѣздилъ съ однимъ богатымъ семействомъ въ учителяхъ. Мальчикъ-то въ университетъ поступилъ, я и остался безъ мѣста.

Кисельниковъ.

Что̀-жь, хорошо заграницей-то?

Погуляевъ.

Еще-бы! И жить хорошо, а учиться, такъ раздолье; просто, кабы деньги, опять-бы поѣхалъ.

Переярковъ.

Сейчасъ я его. (Погуляеву.) Да-съ! Заграницей! Что-же тамъ, рѣки сытовыя, берега кисельные?

Погуляевъ

Нѣтъ, этого нѣту. И птицы Сирено не видалъ.

Переярковъ.

Вы говорите, что тамъ хорошо; значитъ, намъ надобно ѣхать туда. Поѣдемте, господа.

Боровцовъ.

Поѣдемъ; и я съ женой поѣду.

Глафира (Погуляеву).

Это должно къ стыду къ вашему приписать, что вы семейныхъ людей, обязанныхъ, смущаете.

Переярковъ.

Да-съ, а мы вотъ не поѣдемъ.

Погуляевъ.

И прекрасно сдѣлаете.

Переярковъ.

И почему не поѣдемъ, вамъ этого не понять-съ. Вотъ почему-съ: во-первыхъ, Замоскворѣчье, — моя родина, а во вторыхъ, у насъ промежду собой нѣжность есть; всѣ мы всегда вмѣстѣ, вотъ и теперь — сидимъ, играемъ, чаекъ пьемъ, а, можетъ-быть, и ромцу подадутъ, — дружески, пріятельски, — вотъ гдѣ рай-то! а не заграницей. Тихо, смирно, благодушно, душа въ душу.

Турунтаевъ.

А ты что̀ къ нему въ карты-то смотришь! Вы и такъ прошлый разъ меня ограбили, восемь гривенъ кровныхъ отняли. Ты что̀ ему больно подслуживаешься, ужь не банкротиться-ль онъ задумываетъ?

Боровцовъ.

Ты очнись, Типунъ-бы тебѣ на языкъ-то. Я съ тебя за эти слова безчестье потребую.

Турунтаевъ.

Держи карманъ-то! Велико тебѣ безчестье! Вамъ,

аршинникамъ, обанкрутиться-то, что нашему брату рюмку водки выпить.

Переярковъ.

Говорилъ-бы кто, да не ты. Кащей безсмертный! Ты сиротъ грабишь, закладами только и живешь; по десяти процентовъ въ мѣсяцъ берешь. У тебя и квартиры-то нѣтъ, чуланъ одинъ для складу вещей, — ни ложки, ни плошки нѣтъ, — ты по должникамъ пить-ѣсть ходишь.

Турунтаевъ.

Хожу. А ты конкурсами только и живешь, — день-то плутничаешь да фальшивые документы составляешь, а вечеромъ собираешь къ себѣ несостоятельныхъ, да садишься съ ними по большой въ карты играть; они тебѣ нарочно проигрываютъ, чтобъ только въ Сибирь нейти. Тѣмъ ты и состояніе-то нажилъ.

Переярковъ.

Ужь ты судился за лихвенные-то проценты.

Турунтаевъ

А ты отъ своего имени прошеній не смѣешь писать, — всѣмъ Сенатомъ ябедникомъ признанъ, и въ газетахъ публиковано.

Переярковъ.

Процентщикъ! Кащей! Іуда!

Турунтаевъ.

Воръ, денной воръ!

Боровцовъ.

Что̀-жь ты лаешься-то?

Турунтаевъ.

А ты что̀? Аршинникъ!

Погуляевъ.

Вотъ тебѣ и душа въ душу.

Кисельниковъ.

Папенька, господа, что̀-же вы это! Оставьте, пожалуйста! Играйте!

Турунтаевъ.

Не хочу я съ мошенниками играть.

Кисельниковъ.

Ну, сдѣлайте милость, помиритесь!

Погуляевъ.

Прощай, братъ.

Кисельниковъ.

Нѣтъ, постой, погоди! Ахъ, Боже мой! Ахъ, какое несчастіе! Папенька, какъ-же это вы?..

Боровцовъ.

Ну, будетъ! Пошутили, да и будетъ. Садитесь играть.

Турунтаевъ.

Садитесь! Пересдать карты, тогда я сяду.

Переярковъ.

Ну, пересдать, такъ пересдать. (Пересдаютъ.)

Боровцовъ.

Кирюша, ты въ самомъ-дѣлѣ насъ ромкомъ-бы поподчивалъ.

Глафира.

(Подходя къ Кисельникову.)

Гдѣ ромъ-то? Гдѣ ромъ-то? Да и деньги-то есть-ли у тебя? Ахъ, ты, мучитель! Вылетѣло у тебя изъ башки-то, что ромъ для тятеньки первое удовольствіе. Такъ-то ты объ моей роднѣ-то помнишь.

Кисельниковъ.

Гдѣ-жь взять-то? Гдѣ-жь взять-то? Эко горе-то! Вотъ какая бѣда-то! Братъ, нѣтъ-ли?

Погуляевъ (даетъ ему деньги).

На́, вотъ послѣднія, я-то какъ-нибудь добуду.

Кисельниковъ.

Вотъ спасибо, вотъ, братъ, одолжилъ! Вѣкъ не забуду. (Боровцову.) Сейчасъ, папенька. (Женѣ.) Поди. пошли поскорѣй.

Глафира.

Помни ты это! (Уходитъ.)

Кисельниковъ.

Вотъ, братъ, вотъ, вотъ... совсѣмъ деньжонками поразстроился. А вѣдь будутъ, знаю, что будутъ... Я тебѣ отдамъ. У меня непремѣнно въ этомъ мѣсяцѣ будутъ. У меня есть примѣта вѣрная. Выхожу я вчера вечеромъ на крыльцо, въ рукѣ хлѣбъ, а мѣсяцъ прямо противъ меня; я въ карманъ, тамъ серебро, мелочь, — вотъ въ одной рукѣ хлѣбъ, въ другой серебро, а мѣсяцъ напротивъ, — значитъ, цѣлый мѣсяцъ (сквозь слезы) и съ хлѣбомъ, и съ деньгами.

Погуляевъ (съ чувствомъ).

Что̀ ты такое говоришь? Другъ мой, въ умѣ-ли ты?

Кисельниковъ (со слезами).

Оно, конечно, вѣдь это предразсудокъ, — такъ вѣдь, Погуляевъ, предразсудокъ? А все-таки, когда человѣкъ кругомъ въ недостаткахъ, это утѣшаетъ,— утѣшаетъ, братъ, право утѣшаетъ.

Погуляевъ.

Ахъ, ты бѣдный! Прощай.

Кисельниковъ.

Увидаться-бы ... Мнѣ-бы тебѣ деньги-то ...

Погуляевъ.

Да ужь не знаю, придется-ли. Ахъ, Кирюша! Подымайся какъ-нибудь. Бѣдность страшна не лишеніями, не недостатками, а тѣмъ, что сводитъ человѣка въ тотъ низкій кругъ, въ которомъ нѣтъ ни ума, ни чести, ни нравственности, а только пороки, предразсудки да суевѣрія. Прощай.

Кисельниковъ.

Спасибо, братъ, спасибо, вотъ одолжилъ! (Погуляевъ уходитъ.) Вотъ другъ-то, такъ ужь другъ! Что̀ тутъ дѣлать-то, кабы не онъ? Куда дѣваться? Это мнѣ его, за мою правду да кротость, Богъ послалъ. Вотъ этакихъ-бы друзей-то побольше, такъ легче-бы было на свѣтѣ жить! Не будь его, такъ совсѣмъ-бы я передъ тестемъ осрамился.

Сцена третья.

Бѣдная комната; крашеный столъ и нѣсколько стульевъ; на столѣ сальная свѣча и кипа бумагъ, между 2-й и 3-й сценой 5 лѣтъ.

Явленіе первое.

Кисельниковъ (сидитъ за столомъ въ халатѣ и пишетъ), **Анна Устиновна** (входитъ).

Кисельниковъ.

Что̀ дѣти, маменька?

Анна Устиновна.

Что̀ мы безъ доктора-то знаемъ! Всѣ въ жару. Теперь уснули.

Кисельниковъ.

Эхъ, сиротки, сиротки! Вотъ и мать-то оттого умерла, что пропустили время за докторомъ послать. А какъ за докторомъ-то посылать, когда денегъ-то въ карманѣ двугривенный? Побѣжалъ тогда къ отцу, говорю: „Батюшка, жена умираетъ, надо за докторомъ посылать, денегъ нѣтъ“.—„Не надо, говоритъ, все это—вздоръ“. И мать то же говоритъ. Дали какихъ-то травъ да еще поясокъ какой-то, да старуху-колдунью прислали; такъ и уморили у меня мою Глафиру.

Анна Устиновна.

Ну, Кирюша, надо правду сказать, тужить-то много не о чемъ.

Кисельниковъ.

Все-жь-таки она любила меня.

Анна Устиновна.

Такъ-ли любятъ-то? Полно, что̀ ты! Мало-ль она тебя мучила своими капризами? А глупа-то какъ была, Богъ съ ней!

Кисельниковъ.

Эхъ, маменька! А я-то что̀? Я лучше-то и не стою. Знаете, маменька, загоняютъ почтовую лошадь, плетется она нога за ногу, повѣся голову, ни на что̀ не смотритъ, только-бы ей дотащиться кой-какъ до станціи: вотъ и я таковъ сталъ.

Анна Устиновна.

Зачѣмъ ты, Кирюша, такія мысли въ головѣ держишь? Грѣшно, другъ мой! Можетъ-быть, мы какъ-нибудь и поправимся.

Кисельниковъ.

Коли тесть дастъ денегъ, такъ оживитъ. Вотъ онъ теперь несостоятельнымъ объявился. А какой онъ несостоятельный! Ничего не бывало. Я вижу, что ему хочется сдѣлку сдѣлать. Я къ нему приставалъ; съ тобой, говоритъ, поплачусь. А что̀ это такое: „поплачусь“?.. Всѣ-ли онъ заплатитъ, или только часть? Да ужь хоть-бы половину далъ или хоть и меньше, все-бы мы сколько-нибудь времени безъ нужды пожили; можно-бы и Лизанькѣ на приданое что-нибудь отложить.

Анна Устиновна.

Да, да! Ужь такъ нужны деньги, такъ нужны!

Кисельниковъ.

Маменька, вы пишите что̀ нужно-то? Я васъ просилъ записывать, а при первыхъ деньгахъ мы все это и исполнимъ.

Анна Устиновна.

Записано, Кирюша. (Вынимаетъ бумажку и читаетъ.) „Во-первыхъ, за квартиру не заплачено за два мѣсяца по 6-ти рублей, да хорошо-бы заплатить за полгода впередъ. Во-вторыхъ, чаю, сахару и свѣчъ сальныхъ хоть на мѣсяцъ запасти. Въ-третьихъ, купить въ эту комнату недорогой диванчикъ. Въ-четвертыхъ, въ лавочку пятнадцать рублей шестьдесятъ одна копейка, — очень лавочникъ пристаетъ. Въ-пятыхъ, фрачную пару ...“ Ужь тебѣ безъ этого обойтись никакъ нельзя. „И въ-шестыхъ, ситчику Лизанькѣ на платье ...“ Ей ужь тринадцатый годъ, стыдиться начинаетъ лохмотьевъ-то. Вотъ что̀ нужно-то. А пуще всего за квартиру да еще дѣтямъ на лѣченье. Денегъ-то у меня, Кирюша, немного осталось.

Кисельниковъ.

Изъ чего остаться-то? Три недѣли тому назадъ я вамъ далъ пять цѣлковыхъ.

Анна Устиновна.

Немножко-то есть,—два двугривенныхъ, да пятиалтынный, да что-то мѣдными. А все ладонь чешется, а все ладонь чешется — надо-быть, къ деньгамъ.

Кисельниковъ.

Завтра утромъ къ тестю зайду. Не отдастъ честью, просто за воротъ возьму.

Анна Устиновна.

Ну, гдѣ тебѣ! Ты лучше попроси хорошенько. Взять-бы съ него, что̀ придется, да и развязаться съ нимъ. Много тебѣ писать-то?

Кисельниковъ.

Всю ночь пропишешь. Да вѣдь это не свое дѣло, это за деньги. Слава Богу, что еще даютъ работу; вонъ сколько набралъ ея, рублей на шесть.

Анна Устиновна.

Никакъ кто-то калиткой стукнулъ? Не слыхалъ ты?

Кисельниковъ.

Кто-то стукнулъ. Кому-жь-бы это?

Анна Устиновна (заглянувъ въ дверь).

Тесть твой, тесть. Тереби его хорошенько! Я уйду.

Кисельниковъ.

Прежде я съ нимъ все лаской, а теперь грубить стану; право, маменька, грубить стану. (Анна Устиновна уходитъ. Входятъ: Боровцовъ, бѣдно одѣтый, и Переярковъ.)

Явленіе второе.

Кисельниковъ, Боровцовъ и Переярковъ.

Боровцовъ.

Помѣшали, что-ль, тебѣ?

Кисельниковъ.

Нѣтъ, ничего. Всего дѣла не передѣлаешь. Мнѣ всю ночь писать-то, такъ ужь полчаса куда ни шло. Что̀ хорошенькаго скажете?

Боровцовъ (садясь).

Дай присѣсть-то, потомъ и разговаривать начнемъ.

Переярковъ.

Надо тебѣ будетъ одну бумажку подписать.

Кисельниковъ.

Что̀ вы мнѣ все носите бумаги подписывать; а деньги-то когда-же? Хоть что̀-нибудь дайте!

Боровцовъ.

Что̀ теперь съ меня взять? Въ упадокъ при-

шелъ, — я теперь, братъ, невинно-упадшій, хоть въ работники къ тебѣ, такъ въ ту-жь пору.

Кисельниковъ.

Да что̀-жь вы, папенька, со мной дѣлаете? Вѣдь мы — нищіе совсѣмъ.

Боровцовъ.

Что̀-жь, братъ, дѣлать-то? И я нищій, — Божья воля. Вѣдь я не злостный, не умышленный, а несостоятельный, несчастный, невинно-упадшій.

Кисельниковъ.

Кто васъ несчастнымъ-то призналъ,—подставные кредиторы, которымъ вы дутыхъ векселей надавали? Что̀ у васъ за несчастіе? Ни пожара, ни пропажи не было. Зажали деньги-то, папенька. Пожалѣйте хоть внучатъ-то, вонъ они больные лежатъ.

Боровцовъ.

Тише ты, тише! Нешто такъ говорятъ со старшими? А ты по заповѣдямъ живи, старыхъ-то почитай.

Кисельниковъ.

Вѣдь мнѣ съ дѣтьми-то по-міру приходится идти!

Боровцовъ.

Всѣ подъ Богомъ ходимъ. Я тебѣ помогалъ въ твоей бѣдности, пока былъ въ силахъ.

Кисельниковъ.

Вы меня приданымъ обманули, ничего денегъ не дали; ну, да ужь я этого не ищу; а мои-то гдѣ, мои собственныя? Домъ-то гдѣ?

Боровцовъ.

Что̀ ты кричишь-то! Вѣдь я не взаймы у тебя бралъ, векселя тебѣ не давалъ, а росписку; ты мнѣ

на оборотъ далъ, разжиться захотѣлъ. А оборотъ—дѣло обоюдное: либо наживешь, либо проживешь. Вотъ мы и прожили; съ кого-жь теперь искать? Ищи на тѣхъ, за кѣмъ твои деньги пропали. А что домъ захрясъ въ залогахъ, я чѣмъ виноватъ? Твоя была воля отдавать. Подрядъ все одно, что лотерея,—на счастье пускается.

Кисельниковъ.

Папенька, отецъ-благодѣтель! У васъ деньги есть,—вы припрятали, много припрятали,—не дайте намъ умереть съ голоду.

Боровцовъ.

Да что̀ говорить! Деньги есть, какъ безъ денегъ жить, — я не дуракъ.

Кисельниковъ.

Вотъ вы сами говорите, что у васъ деньги остались. Вотъ сейчасъ, папенька, сказали, вѣдь вы сами сказали. А у меня нѣтъ, ей-Богу, ничего нѣтъ.

Боровцовъ.

Да хоть и остались, все-таки я тебѣ не дамъ; надо-же намъ со старухой какъ-нибудь вѣкъ доживать. На нужду, коли ужь тебѣ не въ мочь, да забѣжишь ты ко мнѣ—ну, когда откажу, а когда и не откажу совсѣмъ-то, а умремъ — все ваше останется. Изъ вещей что-нибудь дадимъ; вотъ фортепьянишки есть старенькія; намъ теперь, при нашемъ несчастіи, держать ихъ не пристало.

Переярковъ.

Да что̀ вы за разговоры завели! За дѣломъ пришли, а не разговоры разводить; мнѣ время-то дорого, у меня другіе конкурсы есть. (Смотритъ на часы.) Вона, десятый часъ! Вотъ предложите зятю-то, коли въ немъ человѣческія чувства есть, пусть подпишетъ эту бумагу-то.

Боровцовъ.

Есть въ тебѣ чувство, Кирилла? Говори!

Переярковъ.

Заплачь! Что̀-жь ты не плачешь? Твое теперь дѣло такое, сиротское. Вѣдь передъ другими-же кредиторами будешь плакать. Придется и въ ноги кланяться.

Боровцовъ.

Запла́чу, право запла́чу. (Со слезами.) Кирюша! Отецъ я тебѣ или нѣтъ? Благодѣтель я тебѣ былъ?

Кисельниковъ.

Да что̀ вы, папенька?

Боровцовъ (подаетъ ему бумагу).

Читай бумагу!

Кисельниковъ (читаетъ).

„Я нижеподписавшійся, будучи убѣжденъ вполнѣ „обстоятельствами дѣла, что несостоятельность быв„шаго купца, а нынѣ мѣщанина Пуда Кузьмина сына „Боровцова, произошла отъ разныхъ несчастныхъ „случаевъ и отъ неплатежа и корыстной злонамѣрен„ности его должниковъ, — зная его всегдашнюю „честность, преклонныя лѣта и затруднительное бо„лѣзненное состояніе и удрученіе отъ трудовъ и „семейства ...“

Боровцовъ (со слезами).

Видишь, видишь!

Кисельниковъ.

„Признаю его невинно-упадшимъ и искъ свой по „роспискѣ въ пять тысячъ рублей ассигнаціями и „претензію о домѣ симъ совершенно и навсегда пре„кращаю“.

Боровцовъ.

Вотъ оно, Кирюша, какое дѣло-то!

Кисельниковъ.

Что-жь теперь ... Я не знаю ... Какъ-же мнѣ быть-то?

Переярковъ.

Подпиши, да и все тутъ. Послѣ всякаго добраго дѣла на душѣ легче бываетъ, — радость этакая.

Кисельниковъ.

Папенька, какъ-же? ... Такъ отъ всего и отказаться?

Боровцовъ.

Чужіе мы, что-ли? Не родня мы? Что-жь, забуду я, что-ль, такое твое благодѣяніе! Чай, мы христіане ...

Переярковъ.

Вѣдь тебѣ ужь все равно, а намъ для формы нужно.

Кисельниковъ.

Значитъ, папенька, я долженъ буду теперь только вашимъ словамъ повѣрить, что вы меня не оставите.

Боровцовъ.

Да какъ-же не повѣрить-то, чудакъ! Ужь я тебя потомъ ... Ужь озолочу потомъ ...

Кисельниковъ (беретъ перо).

Вотъ, папенька ... Ахъ, руки трясутся ... Смотрите-жь, папенька, — я душѣ вашей вѣрю. (Подписываетъ.)

Переярковъ.

(Беретъ бумагу, складываетъ и кладетъ въ карманъ.)

Ну, вотъ и конецъ, а ты сомнѣвался. Видишь, какой благородный зять-то у тебя; по скольку за-

разъ даритъ. А ты говорилъ: не уломаешь. Видишь, какъ скоро, да и безъ расходовъ.

Боровцовъ.

Да, теперь какъ гора съ плечъ. Ты, Кирюша, парень хорошій, право, хорошій! А я думалъ было, что ты заломаешься. Вѣдь и другіе то же пишутъ, что ты; да даромъ-то еще никто не подписалъ.

Кисельниковъ.

Какъ, развѣ вы платили?

Боровцовъ.

Да какъ-же не платить-то, чудакъ? Кому половину, кому двадцать-пять, глядя по характеру. А ты вотъ молодецъ! Видно, что любишь тестя. Я думалъ, что и ты то-же заломишь, такъ приготовилъ было тысченки двѣ и съ собой захватилъ. Заткнуть, молъ, ему ротъ-то, чтобъ не шибко кричалъ.

Кисельниковъ.

Такъ онѣ съ вами? Дайте, папенька, дайте! Хоть тысячу дайте, я оживу!

Боровцовъ.

Ну, нѣтъ, братъ, другимъ годятся, кто посердитѣй. Ишь ты, дай ему тысячу! Легко сказать! Ты, видно, счетъ въ деньгахъ-то позабылъ — тысяча много денегъ.

Кисельниковъ.

Ужь вы отложили; вы хотѣли дать. Что̀ вамъ сто̀итъ!

Боровцовъ.

А ты трудись.

Кисельниковъ.

Тружусь, по ночамъ сижу, здоровье мое въ этой работѣ уходитъ. Грошъ я вырабатываю, грошъ.

Дайте денегъ, папенька, дайте! Я докажу, я донесу; вы меня ограбили.

Боровцовъ.

Какихъ тебѣ денетъ? Мы съ тобой квиты. Если ты просишь теперича себѣ на бѣдность, такъ нешто такъ просятъ? Нешто грубіянить старшимъ ты можешь? Ты-бъ грубіянилъ давеча, какъ право имѣлъ, пока не подписалъ. Тогда я тебѣ кланялся, а теперь ты мнѣ кланяйся. Дураки-то и все такъ живутъ! Былъ я у тебя въ рукахъ, такъ не умѣлъ пользоваться. А теперь прощай. Никто тебя, дурака, не неволилъ, силой тебя не тянули подписывать-то! Что̀ смотришь-то?

Переярковъ.

Да объ чемъ толковать-то? Дѣло покончили.

Кисельниковъ.

Ужь я ничего не понимаю ... Прежде голодалъ, такъ хоть впереди надежда была какая-нибудь ... Бѣдныя дѣти! Вѣдь они—твои внуки!...

Боровцовъ.

Внуковъ не забудемъ; будь и ты почтительнѣе, и тебѣ лучше будетъ. Форсомъ ничего не возьмешь.

Переярковъ.

Ну, съ Турунтаевымъ ты такъ дешево не отдѣлаешься.

Боровцовъ.

Турунтаеву ни копейки не дамъ; я теперь разсердился.

Переярковъ.

Не дай-ко ему, такъ онъ удавится, право удавится ... Его ужь разъ изъ петли вынимали.

Боровцовъ.

Пущай давится — чорту баранъ ... Пойдемъ. Прощай, Кирюша, спасибо тебѣ! Постой, такъ не уйду, не бойся; у меня тоже чувство-то есть; свои дѣти были. (Вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мелочи.) На вотъ! Купи дѣтямъ чего-нибудь сладенькаго. Прощай!

Переярковъ.

Много ты тестю помогъ, много. Путалъ его этотъ долгъ, ты ему руки развязалъ. Ты послушай, что онъ говорилъ! Этотъ долгъ, Кириллинъ, не по документу, а по совѣсти, я заплатить долженъ. А ты ему простилъ; какой ты праздникъ для него сдѣлалъ!

Боровцовъ.

Какъ-же не праздникъ-то, чудакъ! Больше пяти тысячъ подарилъ. Прощай! (Переяркову.) Ну, ужь и бумагу-то ты ловко написалъ! Станешь читать, такъ слеза и прошибаетъ. (Уходятъ.)

Кисельниковъ.

Дѣтки мои, дѣтки! Что̀ я съ вами сдѣлалъ? Вы — больныя, вы — голодныя; васъ грабятъ, а отецъ помогаетъ. Пришли грабители, отняли послѣдній кусокъ хлѣба, а я не дрался съ ними, не рѣзался, не грызъ ихъ зубами; а самъ отдалъ, своими руками отдалъ послѣднюю вашу пищу! Мнѣ-бы самому людей грабить, да васъ кормить, меня-бы и люди простили, и Богъ простилъ; а я вмѣстѣ, за одно съ грабителями, васъ-же ограбилъ. Маменька, маменька! (Анна Устиновна входитъ.)

Явленіе третье.

Кисельниковъ и Анна Устиновна.

Анна Устиновна.

Что̀ ты, Кирюша?

Кисельниковъ.

Маменька, посидите со мной, не уходите отъ меня.

Анна Устиновна.

Да что̀ ты, что̀ ты? Богъ съ тобой!

Кисельниковъ.

Приносилъ деньги-то.

Анна Устиновна.

Ну, такъ что̀-же, Кирюша?

Кисельниковъ.

Зачѣмъ вы меня на свѣтъ родили? Вѣдь я не взялъ денегъ-то.

Анна Устиновна.

Что̀ ты надѣлалъ? Варваръ! Что̀ ты съ нами сдѣлалъ?

Кисельниковъ.

Принесли бумагу какую-то, сунули мнѣ, я и подписалъ.

Анна Устиновна.

Эки злодѣи, эки злодѣи! На кого напали-то! Кого обидѣть-то захотѣли! Бога они не боятся...

Кисельниковъ.

Да, маменька, пришли, ограбили, насмѣялись и ушли. Ахъ, маменька, какъ мнѣ трудно стало, грудь схватило! А работы много, вонъ сколько работы! Нищіе мы теперь, нищіе!

Анна Устиновна.

Не ропщи, Кирюша, не ропщи.

Кисельниковъ.

Охъ, умереть-бы теперь!

Анна Устиновна.

А дѣти-то, дѣти-то!

Кисельниковъ.

Да, дѣти! Ну, что̀ пропало, то пропало.

Анна Устиновна.

А ты посиди, отдохни; а за работу послѣ примешься.

Кисельниковъ.

Когда отдыхать-то? Дѣло-то не терпитъ. Ну, маменька, пусть они пользуются! Не разбогатѣютъ на наши деньги. Примусь я теперь трудиться. День и ночь работать буду. Ужь вы посидите со мной! Не такъ мнѣ скучно будетъ; а то одного-то хуже тоска за сердце сосетъ. (Принимается писать.)

Анна Устиновна.

Посижу, посижу, всю ночку просижу съ тобой.

Кисельниковъ.

(Про себя говоритъ и пишетъ.)

„А по справкѣ оказалось: при прошеніи, поданномъ въ калиновское городническое правленіе, малиновскій мѣщанинъ, Гордѣй Яковлевъ сынъ Кудряевъ представилъ три векселя и съ протестами, писанные на имя малиновскаго купца Сидора Сидорова Угрюмова: 1-й, на сумму 100 руб., срокомъ ...“ Нѣтъ, нѣтъ, да вдругъ такъ за сердце и ухватитъ—денегъ-то очень жалко.

Анна Устиновна.

Какъ-же не жалко-то! При всей нашей бѣдности да такую сумму ...

Кисельниковъ.

Охъ, ужь не говорите! (Пишетъ сначала молча, потомъ говоритъ вслухъ.) „Малиновскій купецъ Сидоръ Угрюмовъ,

поданнымъ въ оное-же городническое правленіе свѣдѣніемъ, въ коемъ объясняетъ ...“

Анна Устиновна.

Кирюша!

Кисельниковъ.

Что̀ вамъ, маменька?

Анна Устиновна.

Я поговорить съ тобой хочу. Ты пиши, пиши.

Кисельниковъ.

Говорите, маменька. (Пишетъ.)

Анна Устиновна.

Ты вотъ теперь обязанъ семействомъ, у тебя мать-старуха ...

Кисельниковъ.

Да-съ. (Пишетъ.)

Анна Устиновна.

Ты ужь очень совѣстливъ, какъ погляжу я на тебя. Нынче такъ жить нельзя.

Кисельниковъ.

Что̀-жь съ этимъ дѣлать-то? (Пишетъ.)

Анна Устиновна.

Вотъ что̀, Кирюша; ты меня послушай! Никакая мать своему сыну дурного не пожелаетъ. А коли посовѣтуетъ, такъ ужь это грѣхъ на ней будетъ, а сыну Богъ проститъ. Вотъ теперь ночь, мы съ тобой одни ... Ты видишь нашу нужду ... Переломи, Кирюша, себя, бери взятки ... Я за тебя, Кирюша, Бога умолю, — и каждый день буду ходить молиться за тебя, я старуха ...

Кисельниковъ.

Что̀ вы, маменька, говорите! ...

Анна Устиновна.

Конечно, мать-то должна добру учить; да ужь ты, Кирюша, не брани меня. Видя-то нашу горькую бѣдность ...

Кисельниковъ.

Маменька, маменька, не мучьте меня!

Анна Устиновна.

Прости меня, Кирюша! Душа-то у тебя какая чистая!

Кисельниковъ.

Ахъ, маменька! Нѣтъ, нѣтъ! Вы любите меня, вотъ вамъ и кажется, что у меня душа чистая ...

Анна Устиновна.

Стыдишься ты брать-то.

Кисельниковъ.

Былъ у меня стыдъ, а теперь ужь нѣтъ, давно нѣтъ.

Анна Устиновна.

Такъ отчего-жь-бы тебѣ ...

Кисельниковъ.

Вы думаете, я не взялъ-бы?..

Анна Устиновна.

Такъ чего-жь ты боишься?

Кисельниковъ.

Взялъ-бы я, маменька, взялъ-бы!

Анна Устиновна.

Такъ бери! Вотъ тебѣ мое благословеніе!

Кисельниковъ.

Ахъ, маменька! Взялъ-бы я ... да не даютъ. (Опускается головой на столъ.) За что̀ мнѣ дать-то? Я не

доучился, по службѣ далеко не пошелъ, дѣлъ у меня большихъ нѣтъ, за что́ мнѣ дать-то?

Анна Устиновна.

Экой ты у меня бѣдный! Экой ты у меня горькій! (Обнимаетъ его.) Кирюша, Кирюша, кто-то стучитъ. Отпирать-ли?

Кисельниковъ.

Не тесть-ли воротился? Отоприте! (Анна Устиновна уходитъ. Кисельниковъ прислушивается. Голосъ за сценой: „Здѣсь живетъ чиновникъ Кисельниковъ?“ Голосъ Анны Устиновны: „Здѣсь. Пожалуйте.“ (Входитъ Неизвѣстный.)

Явленіе четвертое.

Кисельниковъ и Неизвѣстный.

Неизвѣстный.

Вы господинъ Кисельниковъ?

Кисельниковъ.

Точно такъ-съ.

Неизвѣстный (садясь).

Вы, должно-быть, очень бѣдно живете?

Кисельниковъ.

Сами изволите видѣть.

Неизвѣстный.

Да. Ну, это можетъ поправиться. У меня много частныхъ порученій; если хотите, можете заниматься у меня. Вамъ тысячи рублей въ годъ будетъ?

Кисельниковъ.

Какъ вы изволили сказать?

Неизвѣстный.

Тысячу рублей.

Кисельниковъ.

Мнѣ тысячу рублей-съ? ... Это благодѣяніе такое-съ ... Я, помилуйте ... такъ благодаренъ-съ ... Мнѣ и во снѣ-то ... Позвольте узнать, съ кѣмъ говорю-съ?

Неизвѣстный.

Это вамъ все равно; вы узнаете послѣ. Я повѣренный по многимъ большимъ дѣламъ.

Кисельниковъ.

Въ судѣ я васъ никогда не видалъ-съ.

Неизвѣстный.

Я самъ не бываю, у меня есть агенты, которые за меня ходятъ по судамъ. Я только вчера пріѣхалъ; а, впрочемъ, я все знаю, что у васъ въ судѣ дѣлается.

Кисельниковъ.

Кто-нибудь изъ нашихъ сообщаетъ-съ?

Неизвѣстный.

Да, ваши у меня бываютъ, забѣгаютъ частенько и, кажется, остаются мною довольны. Что̀ это у васъ дѣлъ-то сколько?

Кисельниковъ.

Работа-съ; надо-же чѣмъ-нибудь жить.

Неизвѣстный.

Оно такъ, а все-жь-таки на домъ-то брать дѣла́ неловко, запрещено закономъ.

Кисельниковъ.

Коли вы повѣренный по дѣламъ-съ, такъ вы изволите знать, что не всякій законъ исполняется.

Неизвѣстный.

Ну, конечно. Вамъ вѣрятъ, вы человѣкъ чест-

ный, оттого вамъ и даютъ. Да тутъ все и дѣла-то неважныя. А вотъ у васъ есть дѣло Черноярскаго.

Кисельниковъ.

Почемъ-же вы знаете-съ? Я его только сегодня взялъ.

Неизвѣстный.

Я вамъ говорю, что мнѣ все извѣстно. Вотъ это дѣло, будь я вашъ секретарь или столоначальникъ, я-бы вамъ не далъ.

Кисельниковъ.

Отчего-же? Я его еще и не смотрѣлъ.

Неизвѣстный.

Оттого, что искушеніе велико. Покажите мнѣ его.

Кисельниковъ.

Да какъ-же-съ?

Неизвѣстный.

Покажите, я вамъ говорю. Чего вы боитесь? Вотъ оно у васъ въ платкѣ завязано.

Кисельниковъ (развязывая платокъ).

Вотъ-съ дѣло Черноярскаго-съ.

Неизвѣстный.

Это дѣло слишкомъ во сто тысячъ. Какъ-же его вамъ повѣрили?

Кисельниковъ.

Отчего-же не повѣрить-съ? Я всегда-съ ...

Неизвѣстный.

Оттого, что тутъ есть документъ; если его испортить, такъ и все дѣло пропало.

Кисельниковъ.

Какъ-же это испортить-съ?

Неизвѣстный.

Ха, ха, ха! Вы не знаете? Ну, взять написать что-нибудь, да потомъ ножикомъ подчистить. Вотъ какія дѣла довѣряютъ! Ай, ай, ай! (Качаетъ головой),

Кисельниковъ.

Какъ-же это можно-съ? Такая фальшь-съ ... Кто-же рѣшится?

Неизвѣстный.

Кто рѣшится? Дадутъ тысячи три-четыре, такъ всякій рѣшится.

Кисельниковъ.

Нѣтъ, ужь вы не извольте безпокоиться, у меня будетъ сохранно, у меня и руки-то не подымутся.

Неизвѣстный.

Не подымутся. Такъ я вамъ и повѣрю. Такія-же у васъ руки-то, какъ и у всѣхъ.

Кисельниковъ.

Нѣтъ, меня еще Богъ миловалъ, я никогда ...

Неизвѣстный.

(Отворотясь считаетъ деньги.)

Вотъ вамъ три тысячи! Марайте документъ, пишите что̀-нибудь.

Кисельниковъ.

Какъ! Что̀ вы-съ! Помилуйте-съ!

Неизвѣстный.

Садитесь! Вотъ деньги. Сосчитайте прежде.

Кисельниковъ.

Да зачѣмъ-съ?

Неизвѣстный.

Сосчитайте, я вамъ говорю. (Кисельниковъ машинально считаетъ.) Ну, сколько?

Кисельниковъ.

Три тысячи-съ.

Неизвѣстный.

Ну, положите ихъ къ себѣ въ столъ.

Кисельниковъ.

(Смотритъ на него умоляющимъ взглядомъ.)

Нѣтъ, зачѣмъ-съ! Не нужно-бы-съ!

Неизвѣстный.

Ну, милый мой, ну, дорогой мой! Голякъ вѣдь ты! Бери, бери, послѣ спасибо скажешь.

Кисельниковъ.

Право, не нужно-бы-съ! (Убираетъ деньги.) Ей-Богу, не нужно-бы-съ! Господи! Что́-же это я дѣлаю? (Плачетъ.)

Неизвѣстный (развернувъ дѣло).

Объ чемъ-же ты плачешь, мой милый? Видно, въ первый разъ. Ну, теперь бери перо. (Кисельниковъ беретъ перо.) Пиши что̀-нибудь. Что̀-нибудь пиши, все равно.

Кисельниковъ (дрожа).

Написалъ-съ.

Неизвѣстный.

Что̀ ты пишешь-то? Вотъ потѣха! Ну, да все равно! Вотъ ножичекъ. Почисти, чтобы видно было, что тутъ была подпись. (Кисельниковъ чиститъ ножомъ.) Ну, вотъ такъ. Ну, довольно! (Беретъ дѣло, складываетъ и кладетъ на столъ.) Знаешь-ли, что̀ ты надѣлалъ?

Кисельниковъ.

Ничего не знаю-съ. Ужь вы меня не погубите. Семейство-съ!

Неизвѣстный.

А то руки, видишь ты, у него не поднимутся!

Охъ вы, горечь! Я и не такихъ, какъ ты, покупалъ. Любо съ вами дѣло дѣлать. Вашему брату ничего завѣтнаго нѣтъ, все продастъ! Вѣдь ты, знаешь-ли, ты мнѣ за три тысячи полтораста тысячъ продалъ! Теперь съ насъ по этому документу немного взыщутъ. А пойдетъ слѣдствіе о подлогѣ, такъ опять-таки намъ выгода та́, что дѣло затянется, въ Сибирь-то пойдешь все-таки ты, а не мы. Ты хоть ужь покути на эти деньги-то, чтобъ не даромъ отвѣчать. (Хочетъ уйти.)

Кисельниковъ.

Какъ-же это-съ? Нѣтъ, вы позвольте-съ! Куда-же вы-съ? Я еще въ себя не приду.

Неизвѣстный.

Что̀-жь, мнѣ тутъ и сидѣть съ тобой? Утѣшать тебя? Да ты не бойся, мы за тобой будемъ слѣдить, до Сибири не допустимъ. А ты пока деньги-то не сори, чтобъ подозрѣнія не было. Прощай! (Уходитъ.)

Кисельниковъ.

Что̀ я надѣлалъ! Что̀ я надѣлалъ! (Развертываетъ дѣло и смотритъ.) Ужь теперь поправить ничѣмъ нельзя. А-ахъ! Дрожь какая-то! Ужь не подсылъ-ли это? Сейчасъ могутъ наѣхать: накроютъ меня и съ деньгами. А, можетъ-быть, и нумера записаны? Вотъ когда лихорадка-то! Да хоть и не съ подсыломъ, такъ какъ-же я дѣло въ судъ-то понесу? Столоначальникъ взглянетъ, сейчасъ меня и арестуютъ, не дадутъ и съ дѣтьми повидаться. А тамъ лишеніе чиновъ, каторга, станутъ надъ головой шпагу ломать; ну вотъ и колодникъ! Ахъ ты, батюшки, какъ зубы стучатъ! Да и холодно что̀-то у насъ. Вотъ вѣдь недавно, полчаса какихъ-нибудь, былъ я честный человѣкъ, — чиновникъ; хоть бѣдный, а обыватель; идешь это по улицѣ — и ничего; тотъ руку подаетъ, другой руку подаетъ: „зравствуйте“, говоритъ; на

рынокъ ходишь, въ праздникъ въ церкви стоишь, — что другіе, то и ты; а теперь за желѣзную рѣшетку, въ сѣрое сукно одѣнутъ. Хоть деньги-то дѣтямъ останутся; отца-то у нихъ ужь не будетъ. Спрятать-бы деньги-то! Маменька! (Входитъ Анна Устиновна.)

Явленіе пятое.

Кисельниковъ и Анна Устиновна.

Кисельниковъ.

Маменька, деньги вотъ ... вотъ! (Подаетъ деньги.)

Анна Устиновна.

Какія это деньги, Кирюша?

Кисельниковъ.

Деньги ... Тутъ много.

Анна Устиновна.

Да вижу, что деньги, да откуда онѣ у тебя?

Кисельниковъ.

Три тысячи. Спрячьте ихъ, подальше спрячьте, чтобъ не нашли.

Анна Устиновна.

Да куда-же я ихъ спрячу?

Кисельниковъ.

Ахъ, Боже мой! Ну, по щелямъ, за обои, въ тряпки заверните. Чтобъ вамъ деньги-то остались, чѣмъ вамъ жить-то съ дѣтьми послѣ меня.

Анна Устиновна.

Спрячу, спрячу, нигдѣ не найдутъ. Откуда-жь ты взялъ-то ихъ, скажи ты мнѣ?

Кисельниковъ.

Взялъ ... вотъ тутъ ... баринъ приходилъ ... Ахъ, маменька, какъ мнѣ страшно!

Анна Устиновна.

Да ты опомнись, ишь ты, весь дрожишь. Что̀ такое съ тобой случилось?

Кисельниковъ (взявшись за голову).

Да-да-да! Ахъ я дуракъ! Вѣдь еще, можетъ-быть, я и не попадусь. Побѣгу я въ судъ, положу дѣло-то въ шкафъ, дежурный спитъ теперь! Гдѣ фракъ-то, маменька? (Снимаетъ халатъ.)

Анна Устиновна.

Здѣсь, здѣсь, вотъ онъ. (Надѣваетъ на него фракъ.)

Кисельниковъ.

А проснется дежурный, такъ я скажу, что забылъ что̀-нибудь, а дѣло-то тихонько и суну въ шкафъ. А послѣ скажу, что не бралъ. Сдѣлалъ одну подлость, сдѣлаю и другую. (Хочетъ идти.)

Анна Устиновна.

Постой! Куда ты безъ галстука-то! Дай я завяжу тебѣ.

Кисельниковъ.

(Въ то время, какъ Анна Устиновна завязываетъ галстухъ.)

Тамъ двое видѣли, какъ я бралъ; а я запрусь, скажу, что не бралъ, не бралъ. Я, маменька, скажу, что не бралъ. (Со слезами.) Запираться надо, маменька, только одно осталось; одно мнѣ и осталось.

Анна Устиновна.

Да что̀ ты? Богъ съ тобой!

Кисельниковъ.

Маменька, вѣдь я на волосъ отъ каторги ... Завтра-же, можетъ-быть ...

Анна Устиновна.

Кирюша! Кирюша!

Кисельниковъ.

(Въ изнеможеніи опускаясь на колѣни.)

Маменька, вѣдь я преступникъ ... уголовный преступникъ!

Сцена четвертая.

Бѣдная комната съ русской печью, за занавѣской кровать; посрединѣ комнаты досчатый столъ и скамья. Между 3-й и 4-й сценой проходитъ 5 лѣтъ.

Явленіе первое.

Кисельниковъ и Боровцовъ (сидятъ за столомъ на скамейкѣ), **Анна Устиновна** (сидитъ на кровати).

Боровцовъ.

Сватьюшка, тебѣ много-ли годовъ-то?

Анна Устиновна.

Шестьдесятъ скоро.

Боровцовъ.

Ну да, такъ. Я тебя однимъ годомъ моложе. А это чай мы свой пьемъ.

Анна Устиновна.

Слышу, батюшка, что свой.

Боровцовъ.

Свой, да. Мы вчера съ зятемъ пять золотниковъ купили. Собрался я нынче на площадь торговать-то: дай, думаю, къ зятю зайду, вмѣстѣ пойдемъ, — вотъ и зашелъ. Поставили мы съ нимъ самоваръ, да вотъ и пьемъ-сидимъ. (Зятю.) Ты чѣмъ нынче торговать-то будешь?

Кисельниковъ (суетливо).

Да вотъ двѣ жилеточки старенькія да утюгъ; вотъ тутъ у меня собрано. Сосѣди дали, — сосѣди у насъ добрые; вотъ только ребятишки забижаютъ. Да вотъ я гвоздиковъ старыхъ въ кулечекъ набралъ. А сосѣди у насъ добрые! Сосѣдка, „на", говоритъ, „Кирюша, намъ не нужно, все равно бросимъ, а ты за что-нибудь продашь." (Пьетъ чай.)

Боровцовъ.

Сватья, манишки нынче въ цѣнѣ, мужскія.

Анна Устиновна.

Что̀ мудренаго!

Боровцовъ.

Всѣ носить стали, — вотъ онѣ и въ цѣнѣ. У меня старухи шьютъ, а я продаю; вотъ тоже рубашки, ситцевыя, холстинковыя. Да шьютъ-то больно плохо, не видятъ старухи-то, и бродятъ точно куры слѣпыя, а сходятъ съ рукъ, ничего. Вотъ и ты-бы шила, а мы-бы продавать стали.

Анна Устиновна.

Гдѣ ужь мнѣ шить, я и вижу то — ничего не вижу; одна у насъ работница, одна кормилица! Не будь ее, что̀-бы мы были? Хоть по-міру ступай!

Боровцовъ.

Да, Лиза у насъ рукодѣльница! Вотъ-бы кому замужъ ее взять! Для хозяйства-то ужь больно ловка. Эта дѣвка знаетъ нужду-то, въ чемъ она ходитъ; ни отъ какого дѣла у ней руки не отваливаются.

Анна Устиновна.

Что она не идетъ-то! Вышиванье понесла, да вотъ и замѣшкалась. Ужь я и боюсь; одна вѣдь по Москвѣ-то ходитъ.

Боровцовъ.

Что̀-жь такое! Не въ лѣсу живемъ.

Анна Устиновна.

Москва-то хуже лѣсу.

Боровцовъ.

Вотъ, сватья, чѣмъ подъ старость торговать-то пришлось. А богатъ я былъ, по прежнему-то времени и очень богатъ, да мало показалось, за большимъ погнался. Не захотѣлось платить тѣмъ, кому долженъ былъ; такъ за это вдвое заплатилъ, кому и вовсе долженъ не былъ. Все просудилъ до ниточки. Переярковъ меня ужь очень доѣхалъ. „Ты, говоритъ, такъ дѣлай, да вотъ такъ дѣлай“, да тридцать тысячъ съ меня за науку взялъ. А какъ стали дѣло-то разбирать, онъ-то въ сторону, а меня и потянули. За что̀ не возьмутся, все фальшь, и книги-то фальшивыя, — а все его стряпня. Начали меня судить, начали меня мытарить, — и ямы-то ему мало, и въ острогъ-то его! Возьмите, говорю все, только душеньку отпустите. Такъ и вышелъ я изъ этого дѣла чистъ, какъ изъ баньки. Вотъ тебѣ и барыши! Васъ-то я только тогда обидѣлъ ни за что, ни про что; себѣ пользы не сдѣлалъ, а васъ ограбилъ.

Анна Устиновна.

Ахъ, да молчи ты! Что̀ ты при немъ-то! Ну очнется, да вспомнитъ. Наладилъ одно и то-же; не одинъ разъ я это отъ тебя слышала.

Боровцовъ.

Да ужь очень обидно! А ему гдѣ вспомнить! Онъ, сватья, ничего не помнитъ. Мы теперь съ нимъ пріятели. Кирюша, пойдемъ торговать.

Кисельниковъ (торопясь).

Пойдемъ, пойдемъ.

Боровцовъ (убирая посуду).

Ты такъ жилетки-то не держи; долго-ль до грѣха, потеряешь, либо кто вытащитъ; а ты ихъ надѣнь на себя сверху, одну на другую. А я покуда самоваръ уберу. (Ставитъ самоваръ у печки.)

Кисельниковъ.

Сейчасъ, сейчасъ. (Надѣваетъ жилетки.)

Боровцовъ.

Ну, вотъ, теперь пойдемъ.

Кисельниковъ.

Пойдемъ, пойдемъ. Я все захватилъ, все. Таланъ-доля иди за мной, — и буду счастливъ, и ты будешь счастливъ!

Боровцовъ.

Прощай, сватья! Вотъ хорошо. Это я его научилъ. Какъ, говорю, Кирюша, зачѣмъ пойдешь, или получить чего хочешь, тверди эту пословицу — дѣло вѣрнѣй будетъ. (Уходятъ.)

Анна Устиновна.

Что̀ это, право, Лиза не идетъ! Сердце у меня не на мѣстѣ. Дѣвушка беззащитная, кроткая, вся въ отца, — долго-ль ее обидѣть? Народъ безсовѣстный, — видятъ, что дѣвушка плохо одѣта, ну и пристаютъ. А не знаютъ того, что эта дѣвушка, какъ только на ноги поднялась, такъ семью кормить стала, съ утра до ночи работаетъ, отдыху не знаетъ, — что мы на нее чуть не молимся. Захворай она, такъ мы наголодаемся. (Вбѣгаетъ Лиза, за ней входитъ Погуляевъ.)

Явленіе второе.

Анна Устиновна, Лиза и Погуляеевъ.

Лиза.

Ахъ, бабушка, бабушка! Никакъ духъ не переведу.

Анна Устиновна.

Что̀ съ тобой, дѣвушка? Ты испугалась чего-нибудь?

Лиза.

Ахъ, испугалась! Вы погодите, я вамъ послѣ скажу. Вонъ баринъ пришелъ.

Анна Устиновна.

Какой тамъ баринъ? Зачѣмъ къ намъ баринъ? Дѣлать-то, видно, ему нечего.

Лиза.

Нѣтъ, онъ, кажется, добрый. Что̀ я за несчастная такая! (Садится къ столику и со слезами принимается за работу.)

Анна Устиновна.

Всѣ они добрые, только упаси насъ, Господи, отъ ихъ доброты! (Погуляеву.) Что̀ вамъ, батюшка, нужно?

Погуляевъ.

Это ваша дочка?

Анна Устиновна.

Дочка-ли, чужая-ли, никому до того дѣла нѣтъ.

Погуляевъ.

Да и мнѣ все равно; только, если вы ее любите, такъ одну не пускайте по улицамъ ходить. Кто захочетъ впутываться въ исторію, заступаться на улицѣ за постороннюю дѣвушку; а обидѣть охотники всегда

найдутся. Вотъ нынче, сейчасъ, какіе-то господа подхватили ее на бульварѣ подъ руки; она такъ испугалась, что и слова не вымолвитъ, а они идутъ, пѣсенки распѣваютъ, да на всѣхъ посматриваютъ. Хорошо, что я подъѣхалъ.

Анна Устиновна.

Ахъ, батюшка, покорнѣйше васъ благодарю! Что̀-жь ты, Лизанька, молчишь? А я и не понимаю, съ кѣмъ говорю-то.

Погуляевъ.

Они, конечно, большой обиды ей-бы не сдѣлали; сейчасъ видно, что это шалуны; но вѣдь она могла испугаться очень и даже захворать съ испугу.

Анна Устиновна.

Долго-ли ее напугать; что̀ говорить, — кротости она у насъ непостижимой.

Погуляевъ.

Такъ вотъ я вамъ совѣтую: вы ее впередъ одну не пускайте!

Анна Устиновна.

Да съ кѣмъ-же намъ отпустить ее? Отецъ больной, я стара; она одна работаетъ, одна насъ кормитъ, одна и работу свою въ магазинъ носитъ. Нужда, батюшка.

Погуляевъ.

Вижу, что нужда! Эко дѣло-то! Вамъ-бы женщину нанять.

Анна Устиновна.

На какія, батюшка, деньги? Есть у нея завѣтныя, на приданое отложены, — такъ тѣхъ трогать не хотимъ. Только тронь — и не увидишь, какъ истратишь; а ей-то ничего не останется. Дорого достались намъ

эти деньги: изъ-за нихъ отецъ ея разсудокъ потерялъ.

Погуляевъ.

Мнѣ кажется, что я васъ гдѣ-то видалъ; мнѣ ваше лицо очень знакомо.

Анна Устиновна.

Было время, жили хорошо, — такъ и насъ люди знали, а теперь всѣ бросили.

Погуляевъ.

Конечно, въ вашемъ положеніи, вспоминать о старомъ непріятно; но вы меня извините за нескромность, позвольте узнать вашу фамилію.

Анна Устиновна.

Что-жь тутъ непріятнаго! Божья воля! Я — Кисельникова, батюшка.

Погуляевъ.

Кисельникова? И вы не матушка-ли Кирилла Филипповича Кисельникова?

Анна Устиновна.

Такъ точно.

Погуляевъ.

Ахъ, Боже мой, Боже мой! Живъ онъ?

Анна Устиновна.

Живъ-то живъ, да ужь лучше вы и не спрашивайте! А вы-то кто-же такой будете?

Погуляевъ.

Погуляевъ. Помните, еще я у васъ часто бывалъ студентомъ, потомъ одинъ разъ былъ у него, у женатаго. Теперь адвокатъ, стряпничествомъ занимаюсь.

Анна Устиновна.

Помню, какъ не помнить; а не скажите, ни за что̀-бы не узнала. Вотъ полюбуйтесь на наше житье.

Погуляевъ.

Что̀-жь такое съ вашимъ сыномъ сдѣлалось?

Анна Устиновна.

Семья, батюшка, да родные Кирюшу сгубили. Служба ему не далась; какъ-то онъ къ ней не приноровился; пока были свои деньги, такъ мы еще бѣдности не видали. А потомъ тесть всѣ деньги у Кирюши отобралъ; тутъ жена умерла; тесть обанкрутился; пропали всѣ денежки; бѣда за бѣдой; захворали дѣти, — а жить чѣмъ-нибудь нужно! Тутъ, какъ на грѣхъ, и подвернулся чей-то повѣренный, сунулъ Кирюшѣ тысячи три денегъ: тотъ отъ бѣдности да отъ горькаго житья и прельстись на деньги-то; да фальшь какую-то въ судѣ и сдѣлалъ. И напалъ на него страхъ, суда очень боялся, такъ и помѣшался въ разсудкѣ со страху. Сколько я денегъ пролѣчила, ничего не помогаетъ.

Погуляевъ.

Какого-же рода у него помѣшательство?

Анна Устиновна.

Ничего не помнитъ, что̀ было съ нимъ, никого почти не узнаетъ. Прежде у него это временемъ проходило, — иногда, бывало, и опомнится, говоритъ складно, вспоминаетъ свою жизнь, жену-покойницу, плачетъ; а теперь все рѣже, да рѣже. Все бѣгаетъ да суетится, точно звѣрекъ какой, прости, Господи! Гвоздиковъ, пробокъ наберетъ, да надаютъ ему всякой дряни, бѣжитъ продавать, — принесетъ мнѣ денегъ копеекъ пять-шесть, забормочетъ: „дѣтямъ, дѣтямъ принесъ. Берегите дѣтямъ“. Какъ онъ всю жизнь для дѣтей хлопоталъ, бѣдный,

о томъ только и помнитъ. А ужь я и дѣтей-то всѣхъ прихоронила, она вотъ только и осталась.

Погуляевъ.

Такъ это его дочь! (Лизѣ.) Позвольте мнѣ на васъ поглядѣть хорошенько. Я вашего папеньку зналъ молодымъ, красивымъ.

Лиза.

Развѣ онъ былъ когда-нибудь молодъ?

Анна Устиновна.

Что̀ ты, глупенькая! Всѣ были молоды.

Лиза.

Я не то̀ хотѣла сказать ... (Подумавъ.) Нѣтъ, то̀! Я никакъ и вздумать его не могу, чтобъ онъ былъ молодъ.

Погуляевъ.

Онъ былъ щеголь, веселый!

Лиза.

Бабушка говоритъ, что и деньги у него были, а теперь вотъ нѣтъ. У васъ есть деньги?

Погуляевъ.

Есть.

Анна Устиновна.

Что̀ ты, матушка, какъ глупо говоришь.

Лиза.

Объ чемъ-же мнѣ говорить съ ними? Я больше ничего не знаю.

Погуляевъ.

Нѣтъ, ничего. Она хорошо говоритъ.

Лиза (серьезно).

Гдѣ-жь вы деньги взяли? Вы нашли или вамъ кто-нибудь далъ?

Погуляевъ.

Я за работу получалъ, вотъ и накопилъ.

Лиза.

За работу очень мало даютъ, накопить нельзя. Я вотъ очень много работаю, а денегъ даютъ мало.

Погуляевъ.

Наша работа больше вашей цѣнится.

Анна Устиновна.

Боюсь я, надоѣстъ она вамъ своими глупостями.

Лиза.

Нѣтъ, бабушка, позвольте! У меня давно въ головѣ поговорить съ кѣмъ-нибудь. Они уйдутъ, съ чужими я говорить не стану, такъ у меня на сердцѣ и останется. Я и то все одна сижу, да сама съ собой думаю.

Погуляевъ.

Говорите, ради Бога, говорите! Я всегда готовъ васъ слушать.

Лиза (рѣшительно).

Вотъ что̀: укажите мнѣ работу такую, за которую-бы больше платили. А то, посмотрите, вотъ какая комната, вонъ бабушка, какъ она одѣта! У насъ ничего нѣтъ; я работаю-работаю и никакъ изъ нужды не выбьюсь. (Плачетъ.)

Погуляевъ.

Перестаньте! Давайте потолкуемъ

Лиза.

Я дѣвушка молодая, а взгляните, что̀ на мнѣ! Мнѣ стыдно на улицу выдти. Я не хочу рядиться, мнѣ хоть бѣдное платье, да чтобъ оно было чисто, ново, по мнѣ сшито. Я хороша собой, молода — это ужь вѣдь мое; мнѣ хочется, чтобы и люди

видѣли, что я хорошенькая; а у меня сердце замираетъ, какъ я начну надѣвать эти лохмотья: я только себя уродую. (Плачетъ.)

Погуляевъ.

Да перестаньте-же, перестаньте! Ахъ, Боже мой! Потолкуемъ такъ, безъ слезъ.

Лиза.

Легко вамъ говорить: „безъ слезъ"! Да и что̀ толковать! Намъ, бѣднымъ людямъ, толковать некогда. Вы мнѣ работу дайте! Пусть она будетъ вдвое, втрое труднѣе, только-бы мнѣ денегъ больше вырабатывать, чтобъ комнату нанять посвѣтлѣе, да одѣться почище.

Погуляевъ.

Я вамъ найду работу, погодите.

Лиза.

Найдите, только поскорѣй. Мнѣ ужь надоѣла нужда, я выбилась изъ силъ. Если найдете, я вамъ буду очень благодарна. (Шьетъ молча.)

Погуляевъ.

Поищу, поищу.

Анна Устиновна.

А вы сами-то себя устроили?

Погуляевъ.

Не совсѣмъ.

Анна Устиновна.

Чего-же вамъ недостаетъ?

Погуляевъ.

Счастья. (Подходитъ къ Аннѣ Устиновнѣ.) Въ память стараго знакомства, не откажитесь принять отъ меня эту малость. (Даетъ ей ассигнацію.)

Анна Устиновна (беретъ).

Если счастья у васъ нѣтъ, такъ деньги есть; значитъ, еще жить можно. Покорно благодаримъ, что насъ сиротъ вспомнили. Навѣщайте.

Лиза.

Куда-же вы? Я еще хотѣла съ вами поговорить.

Погуляевъ.

Мнѣ нужно домой. Вы извините. Я зайду къ вамъ. У меня есть дѣло.

Лиза.

Вы не привыкли видѣть бѣдность. Вамъ тяжело съ нами. Ну, ступайте! (Погуляевъ уходитъ.)

Явленіе третье.

Анна Устиновна и Лиза.

Анна Устиновна.

Что̀ это, Лиза, какъ ты груба?

Лиза.

А со мною кто ласковъ, кромѣ васъ?

Анна Устиновна.

А чѣмъ-же онъ-то не ласковъ? Вотъ посмотри, онъ намъ денегъ далъ.

Лиза.

На его деньги намъ весь вѣкъ не прожить, лучше-бы онъ мнѣ работу далъ.

Анна Устиновна.

У тебя и то работа изъ рукъ не выходитъ, а тебѣ все мало; хоть-бы ты себѣ отдыхъ дала.

Лиза.

Отдыхъ? Нѣтъ, отдыхать некогда, да и нельзя.

Анна Устиновна.

Отчего-же нельзя?

Лиза.

А вотъ отчего: если работать сплошь, день-за-день, такъ работа легче кажется; а если дать себѣ отдыхъ, такъ потомъ трудно приниматься. Послѣ отдыха работа противна становится.

Анна Устиновна.

Что̀ ты, что̀ ты! Господь съ тобой!

Лиза.

Да, противна. Она и всегда не сладка, да ужъ какъ свыкнешься съ ней, такъ все-таки легче. Вы думаете, что мнѣ самой погулять не хочется? Вы думаете, что мнѣ не завидно, когда другіе гуляютъ?

Анна Устиновна.

Какъ, чай, не завидно.

Лиза.

Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ знаю. Вы думаете, что я съ радостью работаю, что мнѣ это весело; вы думаете, что я святая. Ахъ, бабушка!

Анна Устиновна.

Святая, святая и есть.

Лиза.

Сказать-ли вамъ, что̀ у меня на душѣ?

Анна Устиновна.

Да что̀-жь у тебя, кромѣ ангельскихъ помысловъ?

Лиза.

Нѣтъ, лучше не говорить. Сказать, такъ вы испугаетесь.

Анна Устиновна.

Ангелъ-хранитель надъ тобой!

Лиза.

Ахъ, бабушка, я боюсь, я боюсь...

Анна Устиновна.

Чего-же ты, душенька, боишься?

Лиза.

Я боюсь, что надоѣстъ мнѣ работа, опостылѣетъ, тогда я ее брошу...

Анна Устиновна.

Поди ко мнѣ, поди, дитя мое! Господи, сохрани ее и помилуй!

Лиза (вставая).

Бабушка, давайте молиться вмѣстѣ! Трудно мнѣ, трудно мнѣ, трудно! (Подходитъ къ Аннѣ Устиновнѣ. Входитъ торопливо Кисельниковъ.)

Явленіе четвертое.

Анна Устиновна, Лиза и Кисельниковъ.

Кисельниковъ.

Канура, канура ...

Анна Устиновна.

Что̀, что̀ ты?

Кисельниковъ

Канура, говоритъ, собачья канура...

Анна Устиновна.

Да кто говоритъ-то?

Кисельниковъ.

Вотъ я пришелъ, вотъ я пришелъ... Вотъ деньги!

Я взялъ, принесъ... Деньги спрятать, спрятать...
(Отдаетъ Аннѣ Устиновнѣ десяти-рублевую ассигнацію.)

Анна Устиновна.

Гдѣ ты взялъ, Кирюша, столько денегъ? Товару-то у васъ всего на какой-нибудь рубль было.

Кисельниковъ.

Нѣтъ, товаръ здѣсь — не продали, ничего не продали. Нынче день тяжелый, тяжелый день. Торговцы говорятъ, нейдетъ, говорятъ, товаръ съ рукъ, день тяжелый.

Анна Устиновна.

Гдѣ-жь ты взялъ?

Кисельниковъ.

Тамъ ... баринъ, такой ...

Анна Устиновна.

Пріятель твой, Погуляевъ?

Кисельниковъ.

Нѣтъ.

Анна Устиновна.

Неужели-жь ты не помнишь пріятеля своего, Погуляева? Учились вмѣстѣ. Вѣдь онъ — твой пріятель.

Кисельниковъ.

Пріятель, Погуляевъ? Нѣтъ. У меня одинъ есть пріятель, два есть пріятеля.

Анна Устиновна.

Такъ это не онъ тебѣ далъ деньги?

Кисельниковъ.

Нѣтъ, онъ, онъ ...

Анна Устиновна.

Погуляевъ?

Кисельниковъ.

Да. Вотъ деньги ... Только онъ не Погуляевъ, онъ Грозновъ.

Анна Устиновна.

Баринъ, сосѣдъ нашъ? Это богачъ-то?

Кисельниковъ.

Да, богатый, богатый! У!! Домъ ... все лакеи, лакеи ...

Анна Устиновна.

За что̀-же онъ тебѣ далъ?

Кисельниковъ.

Онъ дома, а я на улицѣ; онъ говоритъ: „поди сюда!“ Я пошелъ, пошелъ, на крыльцо иду, говорю: „Таланъ-доля, иди за мной, я буду счастливъ, и ты будешь счастливъ“. Онъ и далъ.

Анна Устиновна.

Да за что̀? Все я не пойму. Такъ, на бѣдность, что̀-ли?

Кисельниковъ.

Да̀, на бѣдность. „Ты, говоритъ, въ канурѣ живешь ... И дочь, говоритъ, держишь въ собачьей канурѣ ... „Вотъ, говоритъ, ей флигель, хорошій, хорошій. И тебѣ, говоритъ, и всѣмъ вамъ. Хочешь, говоритъ?“ Я хочу, я пойду; вотъ я все возьму, я пойду. (Сбираетъ вещи.) Я пошелъ. Таланъ-доля ...

Анна Устиновна.

Постой, Кирюша, не ходи. (Кисельниковъ останавливается.)

Лиза.

Погодите, бабушка. (Кисельникову.) Какъ онъ сказалъ? Дочь твоя въ канурѣ живетъ?

Кисельниковъ.

Да, въ канурѣ... Ей, говоритъ, вотъ какъ надо жить, — вотъ какой домъ... она красавица.

Анна Устиновна.

Что̀-жь-бы это такое значило?

Лиза.

Подумайте, бабушка.

Анна Устиновна.

Ума не приложу.

Лиза.

Ну, такъ я вамъ растолкую. Это дѣло касается меня, одной меня.

Анна Устиновна.

Тебя? Какъ-же это?

Лиза.

Я ему давно нравлюсь.

Анна Устиновна.

Да вѣдь онъ женатый, у него жена въ Петербургѣ.

Лиза.

Ну, такъ что̀-жь, что женатый? Эхъ, бабушка! Ужь не пришло-ли вамъ въ голову-то, что онъ жениться на мнѣ хочетъ? У него, говорятъ, сто тысячъ доходу. При такихъ деньгахъ все купить можно.

Анна Устиновна.

Ахъ, батюшки! Вотъ бѣда-то! Какъ-же намъ быть-то?

Лиза.

Думайте, бабушка.

Анна Устиновна.

Охъ, не спрашивай ты меня, не спрашивай! Что мать, что бабка — обманщицы, лукавыя поноровщи-

цы: на добро дѣтей не учатъ, всякимъ ихъ шалостямъ потакаютъ. Вотъ я разъ Кирюшу пожалѣла, не на добро его научила; словно какъ отъ тѣхъ моихъ словъ и сталося. А грѣхъ-то на моей душѣ. Первыя-то матери грѣшницы, первыя за дѣтей отвѣтчицы.

Лиза.

Кто-жь меня, бабушка, на умъ наведетъ? У кого-же мнѣ ученья искать, какъ мнѣ на бѣломъ свѣтѣ жить; что̀ на свѣтѣ хорошо, а что̀ дурно? Молода вѣдь я, какія у меня силы, какой у меня разумъ!

Анна Устиновна.

Охъ, не знаю я! Ты у насъ хозяйка, ты у насъ большая. Думай сама объ себѣ, какъ тебѣ лучше. Что̀ я тебѣ посовѣтую? И тамъ бѣда, и здѣсь бѣда.

Кисельниковъ.

Я все собралъ, я пошелъ. (Надѣваетъ картузъ.)

Анна Устиновна.

Погоди, Кирюша! Стара я стала, кости мои покоя хотятъ; теплую-бы мнѣ комнату, да уходъ-бы за мной! Да на тебя-то-бы поглядѣла, на нарядную, да на богатую. Охъ, да не слушай ты меня, старую дуру, не слушай.

Лиза.

Кто-же мнѣ теперь поможетъ? Стою̀ я надъ пропастью, удержаться мнѣ не за что. Охъ, спасите меня, люди добрые! Бабушка, да поговорите со мной что̀-нибудь! (Входитъ Погуляевъ.)

Явленіе пятое.

Анна Устиновна, Лиза, Кисельниковъ и Погуляевъ.

Лиза.

Ахъ, какъ вы во̀-время! Мнѣ нужно совѣта спросить, а не у кого. Помогите мнѣ.

Погуляевъ.

Я затѣмъ и пришелъ.

Анна Устиновна.

Что̀ ты, Лиза! Да развѣ говорятъ объ этомъ постороннимъ людямъ?

Лиза.

Значитъ, это очень дурно, коли не говорятъ.

Анна Устиновна.

Что̀ хорошаго! Только крайность заставляетъ.

Погуляевъ.

Да что̀ такое?

Анна Устиновна.

Ужь не знаю, какъ и сказать вамъ. Баринъ богатый, сосѣдъ нашъ, даетъ намъ даромъ квартиру и все; такъ вотъ мы и думаемъ, переѣзжать-ли намъ?

Кисельниковъ (Погуляеву тихо).

Онъ мнѣ денегъ далъ. Еще дастъ... много...

Погуляевъ (кивая головой).

Ахъ, ты, несчастный!

Лиза.

Говорите со мной, онъ васъ не узнаѐтъ.

Погуляевъ (Лизѣ).

Такъ вы моего совѣта спрашиваете?

Лиза.

Что̀ лучше — стыдъ или нужда? Стыдъ, говорятъ, скоро проходитъ, а нужда вѣчно точитъ, покоя не даетъ.

Погуляевъ.

И то, и другое нехорошо.

Лиза.

Это я знала и безъ васъ. Хорошаго у насъ нѣтъ, мнѣ его и не дождаться, а вотъ изъ дурного-то что̀ мнѣ выбрать?

Погуляевъ.

Я вамъ вотъ что̀ посовѣтую: не думайте ни о томъ, ни о другомъ, а подите замужъ за меня.

Лиза.

Замужъ? Вы не шутите?

Погуляевъ.

Что̀ за шутки!

Лиза.

Мы такъ бѣдны, такъ несчастны, что съ нами шутить грѣхъ.

Погуляевъ.

Нѣтъ, я рѣшился твердо. Давайте руку. (Беретъ ея руку.) Вотъ такъ! Я, какъ ушелъ отъ васъ, все ходилъ по улицѣ да думалъ, вотъ и рѣшился.

Анна Устиновна.

Вотъ радость-то! Привелъ-таки меня Богъ счастья дождаться, не далъ въ горѣ умереть.

Погуляевъ.

Оно, знаете-ли, было-бы гораздо лучше, если-бъ вы меня любили. Вѣдь вы меня не любите, вы отъ нужды за меня идете.

Лиза.

Все равно, вѣдь я никого не люблю. Вы меня умнѣе, вы сдѣлайте такъ, чтобъ и васъ любила.

Погуляевъ.

Какъ-же это сдѣлать?

Лиза.

А вотъ какъ: любите бабушку да не попрекайте насъ бѣдностью.

Погуляевъ.

Ну, такъ это просто.

Лиза.

Да будто вы не знаете? Это вы нарочно спрашиваете. Вы гораздо лучше насъ знаете.

Анна Устиновна.

Скажите, батюшка, какъ это васъ Богъ надоумилъ?

Погуляевъ.

Очень просто. Я всю жизнь жилъ одинъ, это мнѣ надоѣло; человѣкъ я одинокій, денегъ нажилъ,— ну, и сталъ подумывать, какъ-бы семьей завестись; а тутъ вдругъ вышелъ случай; думаю, чего-жь мнѣ лучше!

Кисельниковъ (со слезами).

Что̀-жь вы меня не пускаете? Онъ теперь ждетъ, онъ говорилъ: „ждать буду“.

Анна Устиновна.

Куда теперь идти! У насъ Лиза замужъ выходитъ.

Кисельниковъ.

За кого? За кого?

Анна Устиновна.

Погляди, за кого. Вѣдь это твой пріятель.

Кисельниковъ (кланяется Погуляеву).

Здравствуйте!

Погуляевъ.

Кирилло Филиппычъ, да погляди на меня хорошенько! Помнишь? Ну, помнишь Погуляева?

Кисельниковъ.

Я къ барину пойду.

Погуляевъ.

Ахъ, чудакъ! Да неужли ты забылъ? Помнишь, учились вмѣстѣ? Помнишь, въ Нескучномъ Саду гуляли? А помнишь, я у твоей жены на именинахъ былъ? Ну, а не помнишь, все равно, давай снова познакомимся. Давай руку! Ну, вотъ мы и пріятели.

Кисельниковъ (припоминая).

Ты мнѣ денегъ далъ?

Погуляевъ.

Вспомнилъ теперь?

Анна Устиновна.

Хоть-бы онъ немножко-то очнулся, хоть-бы порадовался, бѣдный.

Погуляевъ.

А ты на мои деньги тестю рому купилъ. Чудакъ ты этакой!

Кисельниковъ.

Мнѣ Погуляевъ деньги далъ.

Погуляевъ.

Я Погуляевъ-то и есть.

Кисельниковъ.

А жена у меня умерла ... Умерла!..

Погуляевъ.

Слышалъ, слышалъ. А на дочкѣ вотъ я женюсь.

Кисельниковъ (Аннѣ Устиновнѣ).

Маменька! Лиза! Онъ женится?.. Правда?

Анна Устиновна.

Слава Богу, очнулся! Правда, Кирюша, правда.

Погуляевъ.

Вотъ вы ко мнѣ и переѣзжайте; будемъ жить всѣ вмѣстѣ.

Кисельниковъ (подумавши).

А я упалъ, обнищалъ, видишь. Подъ судомъ, братъ, подъ судомъ за подлогъ, за подлость! А ты вспомнилъ насъ, пріютить насъ хочешь; спасибо тебѣ ...

Лиза.

Папенька, благословите меня.

Кисельниковъ.

Господи, Господи! Не было мнѣ счастья, весь вѣкъ не было; авось на твою долю, Лиза, счастье выпадетъ. (Цѣлуетъ Лизу.)

Лиза (Погуляеву).

А вы меня выучите такой работѣ, за которую много денегъ даютъ?

Погуляевъ.

Да зачѣмъ вамъ теперь?

Лиза.

А затѣмъ, чтобъ помогать бѣднымъ дѣвушкамъ. Много ихъ въ такомъ положеніи, въ какомъ я была. (Входитъ Боровцовъ.)

Явленіе шестое.

Анна Устиновна, Лиза, Кисельниковъ, Погуляевъ и Боровцовъ.

Боровцовъ.

Миръ честнòй компаніи! Ну, братъ, Кирюша, съ тебя спрыски. Чтò ты пріунылъ? Этакое тебѣ счастье, а ты носъ повѣсилъ.

Кисельниковъ.

Да, счастье, счастье ...

Боровцовъ.

Да какъ-же не счастье! Квартира будетъ хорошая, хлѣбъ даровой; дочку пристроилъ; у богатаго барина нужды знать не будетъ. Одно слово: Грозновъ — всю нашу Палестину купить можетъ и выкупить.

Кисельниковъ.

Нѣтъ, не Грозновъ.

Боровцовъ.

Да что ты отнѣкиваешься-то! Ужь я, братъ, знаю, торговалъ ты хорошо, барыши у тебя большіе. Вотъ за это магарычъ съ тебя; веди въ трактиръ, угощай чаемъ!

Кисельниковъ.

Погуляевъ! Ты возьми къ себѣ матушку и Лизу, а меня не бери.

Погуляевъ.

Отчего-же?

Кисельниковъ (тихо).

Знаешь-ли ты, кого ты пригрѣть хочешь?.. Мы съ тестемъ ... мошенники! Мы все продали: себя, совѣсть, я было дочь продалъ ... Мы, пожалуй, еще украдемъ у тебя что̀-нибудь. Намъ съ нимъ не жить съ честными людьми, намъ только торговать на площади. Нѣтъ! Ты намъ только изрѣдка когда давай по рублику на товаръ нашъ, больше мы не сто̀имъ.

Анна Устиновна.

Что̀ ты, Кирюша, что̀ ты!

Лиза.

Папенька, не оставляйте насъ!

Погуляевъ.

Что̀ ты за вздоръ говоришь!

Кисельниковъ.

Нѣтъ, Погуляевъ, бери ихъ, береги ихъ; Богъ тебя не оставитъ; а насъ гони, гони! Мы вамъ не компанія, — вы люди честные. У насъ есть мѣсто; оно по насъ. (Тестю.) Ну, бери товаръ, пойдемъ. Вы живите съ Богомъ, какъ люди живутъ, а мы на площадь торговать, божиться, душу свою проклинать, мошенничать. Ну, что̀ смотришь? Бери товаръ! Пойдемъ, пойдемъ! (Сбираетъ свой товаръ.) Прощайте! Таланъ-доля, иди за мной... (Уходитъ.)

Дмитрій Самозванецъ
и
Василій Шуйскій.

Драматическая хроника въ двухъ частяхъ.

Лица.

Дмитрій Ивановичъ, самозванецъ.
Царица Мареа, мать Дмитрія царевича.
Шуйскій, князь Василій Ивановичъ.
Шуйскій, князь Дмитрій Ивановичъ.
Скопинъ-Шуйскій, Михаилъ Васильевичъ, великій мечникъ.
Мстиславскій, князь Ѳедоръ Ивановичъ.
Голицынъ, князь Василій Васильевичъ.
Воротынскій, князь Иванъ Михайловичъ.
Куракинъ, князь Иванъ Семеновичъ.
Рубецъ-Масальскій, князь Василій Михайловичъ.
Басмановъ, Петръ Ѳедоровичъ.
Бѣльскій, Богданъ Яковлевичъ.
Тимоѳей Осиповъ, дьякъ изъ приказа.
Василій Щелкаловъ, дьякъ.
Валуевъ и Воейковъ, дворяне.
Татищевъ, бояринъ.
Власьевъ, царскій казначей.
Молчановъ.
Панъ Юрій Мнишекъ, воевода сандомирскій.
Марина Юрьевна, его дочь.
Янъ Бучинскій, секретарь Дмитрія.
Олесницкій, каштелянъ мологоскій, посолъ Сигизмунда.
Вишневецкій, Константинъ.
Яковъ Маржеретъ, капитанъ нѣмецкой роты.
Савицкій, іезуитъ.
Корела, донской атаманъ.
Куцька, запорожскій атаманъ.
Ѳедоръ Коневъ, купецъ московскій.
Иванъ, калачникъ.
Аѳоня, юродивый.
Иванушко, дуракъ.
Поваръ дворцовый.
Старикъ столѣтній изъ Углича.
Дворецкій.
Сотникъ стрѣлецкій.
Камеристка.

Московскіе, новгородскіе, псковскіе купцы. Подьячіе. Попы безмѣстные. Странники. Мелочные торговцы, разносчики и крестьяне. Десятскіе. Венгры. Поляки. Запорожцы. Казаки. Татары. Нѣмцы. Польскіе латники. Бояре. Дворяне. Стрѣльцы и всякій народъ обоего пола.

I.

Сцена первая.

(19 іюня 1605 г.).

Сѣни въ домѣ В. Шуйскаго.

Купцы и подьячіе (сидятъ на лавкахъ; простой народъ—на полу).

1-й купецъ московскій.

Привелъ Господь! Царевичъ прирожденный
На дѣдовскихъ и отческихъ престолахъ
И на своихъ на всѣхъ великихъ царствахъ
Возсѣлъ опять и утвердился ...

2-й купецъ московскій.

Чудо
Великое свершилось! Божій промыслъ
Измѣнниковъ достойно покаралъ
И сохранилъ лѣпорожденну отрасль
Отъ племени царей благочестивыхъ.

Подьячій.

Вотъ праздникъ-то! Такого не видала
Москва давно. Въ нарядахъ береженыхъ,
Съ сіяющимъ на лицахъ торжествомъ,
Идетъ народъ веселыми стопами
Въ предшествіи хоругвей и иконъ ...

Коневъ (тихо).

Антихриста встрѣчать!

1-й крестьянинъ.

А что̀ народу!
Начни считать, умрешь и не сочтешь:
Идутъ и ѣдутъ, и ползутъ, и лѣзутъ.

2-й крестьянинъ.

Пора-то вольная, въ поляхъ убрались,
Посѣяли, а сѣнокосъ не вдругъ ...

3-й крестьянинъ.

И всѣ-то, братцы, рады
И веселы! Веселіе такое,
Что̀ объ Святой, въ великій день Христовъ.

Коневъ.

Грѣха-то что̀! Грѣха-то что̀!

Подьячій.

Болтали,
Что въ Угличѣ царевича убили,
И вѣрили тогда; а вотъ онъ съ нами!
И, значитъ, Богъ его соблюлъ для насъ.

1-й крестьянинъ.

Была молва, и прежде толковали,
Что Дмитрій, Углицкій царевичъ, живъ ...

Купецъ новгородскій.

Въ Москвѣ молва, а въ городахъ подавно ...

Подьячій.

И чуда нѣтъ, и нечему дивиться,
Что сохранилъ его Господь живого.

1-й купецъ московскій.

Никто тому и не дивится, — знаютъ,
Что Господу возможно все: Онъ можетъ
И мертваго изъ гроба воскресить.

Крестьянинъ.

Само-собой!

Странникъ.

Ужь если Богъ захочетъ,
Такъ сдѣлаетъ.

Крестьянинъ.

Ну, что̀ и говорить!

1-й купецъ московскій.

(Новгородскому.)

И вѣришь-ли, когда пришли къ намъ вѣсти
Про смерть царевича, рыданье слезно
По всей Москвѣ пошло; заговорили,
Что легче намъ опять царя Ивана
Мучительство, чѣмъ вовсе сиротать
Безъ царскаго потомства; хоть и жутко
Бывало намъ, и все-таки мы знали,
Что онъ —царева отрасль, не холопья ...
И вотъ, опять потомство Мономаха
На грозный столъ родительскій вступаетъ!

Попъ.

Веселіе духовное и радость
Вселенская ...

Коневъ.

Ну, радость не велика
Подъ клятвой жить! Святителя проклятье
Лежитъ на насъ и чадахъ. — Мы давно-ли
Предстателя предъ Богомъ, патріарха,
Во время службы, въ полномъ облаченьи,
Свели съ амвона, рубищемъ одѣли,
По улицамъ позорно волокли?!
И поднялъ онъ на насъ свою десницу,
И проклялъ всю Москву и въ ней живущихъ,
И, точно камнемъ, придавилъ намъ души
Проклятіемъ ... Дѣла и мысли наши,

Утробы всѣ проклятіемъ покрыты;
Молитвы наши къ Богу не доходятъ ...

Подьячій.

Ты не болталъ-бы громко при народѣ,
А то, какъ разъ, въ застѣнокъ попадешь. (Молчаніе.)

1-й крестьянинъ.

Ахти грѣхи! Охъ, Господи, помилуй!

2-й крестьянинъ.

Хоть пожевать чего-бы, скуки ради.

3-й крестьянинъ.

Вонъ у него за пазухой отдулось ...
Что̀ у тебя, мошна али коврига?

1-й крестьянинъ.

Моя мошна-то по̀-людямъ пошла,
Да и домой нейдетъ.

2-й крестьянинъ.

Ты, видно, тоже
Безсребренникъ?

1-й крестьянинъ.

Нагъ золота не копитъ!
Краюха есть въ запасѣ, часомъ съ квасомъ,
А то и такъ. Съ утра пошелъ изъ дома,
А брюхо-врагъ,—вчерашняго не помнитъ.

2-й крестьянинъ.

Тащи ее, ломай да намъ давай!
Подѣлимся!

Попъ.

Не о единемъ хлѣбѣ ...

1-й купецъ.

Да тише вы!

Подьячій.

Вотъ, дурья-то порода!
Въ боярскія хоромы затесался,
Сидитъ, какъ гость; кадыкъ-то свой распуститъ,
И не уймешь; не мимо говорится:
„Ты посади свинью“ ...

1-й крестьянинъ.

Ты не гнѣвися!
Мы замолчимъ: робята, жуйте тише! (Молчаніе.)

2-й крестьянинъ.

Чѣмъ такъ сидѣть, давай перебуваться.

1-й купецъ.

Да что вы, въ хлѣвъ зашли?!

Подьячій.

Позвать холопей
Да вытолкать васъ въ шею за ворота.

(Входятъ: Калачникъ и Юродивый.)

Калачникъ.

Судьямъ, дьякамъ, и вамъ, отцы честные!
Гостямъ-купцамъ и прочему народу —
До матери сырой земли поклонъ. (Садится на полъ.)
Убогонькій, садись со мной рядкомъ!

Юродивый.

Антихриста боюсь!

Коневъ.

А развѣ скоро,
Аѳоня, ждать его?

Юродивый.

Пришелъ нежданный!

1-й купецъ московскій.

Не надивлюсь! Бояринъ, князь Василій

Ивановичъ, людей торговыхъ лучшихъ
Равняетъ съ площадными торгашами;
Идетъ къ нему и умный, и безумный,
И скоморохъ, и думный дворянинъ.

Калачникъ.

Да ты зачѣмъ къ боярину-то ходишь?
Ума занять? ... А я своимъ торгую
По мелочи. Эхъ, бороды большія,
Вы рады-бы простой народъ заѣсть,
Да воли нѣтъ!

Мелочной торговецъ (Калачнику).

Куда тебя носило?
Ни по торгамъ, ни въ лавкахъ не видать ....

Калачникъ.

Я въ Тулѣ былъ.

Мелочной торговецъ.

Зачѣмъ?

Калачникъ.

Хотѣлъ въ казаки ....

Юродивый.

Казакъ—полякъ!

Калачникъ.

Полякамъ да казакамъ
Житье пришло, Аѳоня; царь Димитрій
Впередъ бояръ къ рукѣ ихъ допущаетъ.
Бояръ казаки чуть не бьютъ ....

Юродивый.

Бояринъ —
Татаринъ!

Калачникъ.

Что̀ за диво, что бояре —
Татаровья: царемъ татаринъ былъ!

1-й купецъ московскій.

Что̀ было, то прошло! Теперь Димитрій
Ивановичъ, царевичъ благовѣрный
Отъ племени Владиміра святого ...

Юродивый.

Въ могилкѣ Дмитрій!

Подьячій.

Мы тебѣ, блаженный,
И руки свяжемъ, да и ротъ замажемъ ...

Калачникъ.

Онъ простенькій, съ него взыскать нельзя.

Коневъ.

(Даетъ серебряную копѣйку юродивому.)

Блаженный, на̀ — копѣечку! Молися
О грѣшныхъ насъ!

Мелочной торговецъ (Калачнику).

Ты говорилъ, въ казаки ...

Калачникъ.

Охотой шелъ; да не гораздъ, сказали ...

Мелочной торговецъ.

Чего-жь не стало?

Калачникъ.

Воровать не ловокъ!
Чѣмъ воровать, такъ лучше торговать
Я золотыми, угорскими стану.
Цѣна теперь хорошая на нихъ:
Нужда пришла царю нести въ подарокъ.

1-й купецъ московскій.

А калачами полно?

Калачникъ.

Пользы мало.
Вотъ, накупи ты польскихъ кунтушей,
Такъ наживешь, товаръ не залежится! ...
Идетъ молва, что князь Рубецъ-Масальскій,
Петръ Ѳедорычъ Басмановъ и другіе
Хотятъ свои боярскіе кафтаны
На кунтуши смѣнять ...

Подьячій.

Языкъ-то длинно
Ты распустилъ, держалъ-бы покороче.

(Входятъ: Осиповъ и Дворецкій.)

Осиповъ.

Такъ не бывалъ?

Дворецкій.

Все тамъ еще покуда,
Въ Коломенскомъ стану, у государя.

Осиповъ.

А скоро быть, ты чаешь?

Дворецкій.

Да пора-бы;
Ты погляди, его боярску милость
Народу сколько ждетъ, — скопились.

Осиповъ.

Пò-что?

Дворецкій.

Наѣхали изъ Новгорода, Пскова
Посадскіе царевича встрѣчать,
Московскіе торговцы площадные,
Крестьянишки изъ ближнихъ деревень,
Попы безъ мѣстъ, дьячишки изъ приказовъ,
Убогіе и всякія сироты,

И дѣловой, и шлющійся народъ.
Не всякій видѣлъ очи государя
Димитрія Иваныча, — такъ лестно
У нашего боярина провѣдать
Про царское здоровье; не слыхать-ли
Про милости какія для народа ...
Не обезсудь! Шумъ нѣкакій въ воротахъ, —
Такъ побѣжать ... Все какъ-то не на мѣстѣ
Душонка-то холопская; все мнится,
Что вотъ наѣдетъ ... Обожди часокъ. (Уходитъ.)

Осиповъ (у окна).

Пріѣхалъ князь. (Всѣ встаютъ.)

Калачникъ (у окна).

А что-нибудь не ладно!
Угрюмъ старикъ, нависли брови тучей,
Глаза горятъ и скачутъ. Ну, сироты,
Не лучше-ль намъ сбираться во-свояси
Съ добра ума, покуда не прогнали?

1-й купецъ московскій.

Прогонитъ разъ, придемъ къ нему въ другой.

Подьячій.

Тебѣ нужда, а у него ихъ двадцать,
Да не чета бездѣльнымъ нашимъ требамъ.

Всѣ.

Да знамо, знамо, что̀ и говорить!
Такія-ли его дѣла!

Подьячій.

Такъ часомъ
И не до насъ ... И отдохнуть захочетъ
Отъ дѣлъ житейскихъ.

1-й купецъ.

Человѣкъ бо есть.

Калачникъ.

То недосугъ, то гнѣвенъ, — ну, и въ шею,
Не погнѣвись.

Подьячій.

Да хоть и прогнѣвися,
Кому нужда, кого ты испугаешь?

Попъ.

Смиренъ бояринъ, яко голубица,
И благости исполненъ, претворяетъ
Свой гнѣвъ на милость вскорѣ, по писанью:
„Не зайдетъ солнце въ гнѣвѣ вашемъ“ ...

Калачникъ.

Ну, братъ,
Ты не скажи! (Дворецкій входитъ.)

Дворецкій.

Идетъ бояринъ, тише!

(Входитъ В. Шуйскій, всѣ кланяются по нѣскольку разъ въ землю.)

Василій Шуйскій.

(Въ раздумьи останавливаясь передъ Осиповымъ.)

Никто, какъ Богъ! Никто, какъ Богъ!

Осиповъ.

Бояринъ!
О здравіи твоемъ позволь провѣдать!

Василій Шуйскій.

(Оглядываетъ всѣхъ, потомъ киваетъ головой къ дверямъ; Дворецкій изъ-за него машетъ рукою.)

Я позову, кого мнѣ нужно будетъ.

(Садится къ столу. Всѣ уходятъ, кромѣ Осипова.)

Осиповъ.

Коль нѐ-въ-пору, такъ я и ко двору.

Василій Шуйскій.

Нѣтъ, обожди часокъ! — За прегрѣшенья
Казнитъ Господь рабовъ своихъ не рѣдко,
Да все не такъ-же! Горе всѣмъ живущимъ!
(Молчаніе.)
Ты былъ въ стану?

Осиповъ.

Я быть-то былъ ...

Василій Шуйскій.

Ну, что̀-же?

Осиповъ.

Смѣшеніе языковъ, пѣсни, грохотъ,
Пальба, стрѣльба, бѣсовское гудѣнье!
Далеко гулъ идетъ по чисту полю,
И мать сыра-земля верстъ на семь стонетъ;
Для русскаго крещенаго народа
Позорище противное зѣло!

Василій Шуйскій.

Царя-то видѣлъ?

Осиповъ.

Точно ефіопы,
Кругомъ него поляки да черкасы,
Да казаки донскіе, оттираютъ
И поглядѣть поближе не даютъ. (Молчаніе.)

Василій Шуйскій.

Ну, что̀-жь молчишь?

Осиповъ.

Спросить-бы, да не смѣю.

Василій Шуйскій.

Чего бояться! Развяжи языкъ!

Осиповъ (подвигаясь къ Шуйскому).

Чернецъ?

Василій Шуйскій.

Ну, нѣтъ, не чернецомъ онъ смотритъ ...
Ошиблись мы съ Борисомъ. Монастырской
Повадки въ немъ не видно. Рѣчи быстры
И дерзостны, и поступью проворенъ,
Войнолюбивъ и смѣлъ, очами зорокъ,
Орудуетъ доспѣхомъ чище ляховъ
И на коня взлетаетъ, какъ татаринъ;
А чернеца не скоро ты обучишь
Вертѣть конемъ ногайскимъ или саблей.

Осиповъ.

Умомъ я простъ, а душу соблюдаю,
Геенскаго огня боюсь безмѣрно!
Скажи, кому мы крестнымъ цалованьемъ
Свою на вѣки душу заручили?

Василій Шуйскій.

Онъ — воръ, не царь, и сходства очень мало
Съ покойникомъ; не царская осанка,
Вертлявъ и говорливъ, и безбородъ,
Обличіе и поступь препростыя,
Не сановитъ, да и лѣтами старше.

Осиповъ.

А кто-жь-бы онъ? Ты какъ мекать изволишь?

Василій Шуйскій.

Крестись, Тимоша!

Осиповъ.

Съ нами крестна сила!

Василій Шуйскій.

Антихристъ онъ или его предтеча.

Осиповъ.

О, Господи, помилуй! Эко слово
Ты вымолвилъ!

Василій Шуйскій.

И вѣрить, и не вѣрить
Ты самъ воленъ.

Осиповъ.

Василій, свѣтъ-Иванычъ,
Не мучь меня! Душа — велико дѣло.

Василій Шуйскій.

Не знаю, другъ, похоже-то похоже,
А завѣрять не стану: ошибешься,
Да и тебя введешь въ обманъ и грѣхъ.
Что онъ полякъ и езовитской вѣры, —
Вотъ это вѣрно, Богъ тебѣ порукой.

Осиповъ.

Бояринъ, ты убилъ меня! Ну, какъ-же
Еретику служить? Святая церковь
Противиться велитъ до смерти крестной.

Василій Шуйскій.

Ты что̀ толкуешь! Умирать за вѣру!
Тебя-ли хватитъ на такое дѣло?

Осиповъ.

Въ моей душѣ ты не бывалъ, бояринъ.

Василій Шуйскій.

Ты не смѣши!

Осиповъ.

Ты погоди смѣяться,
Не торопись.

Василій Шуйскій.

Вотъ новый страстотерпецъ!
Въ московскіе угодники задумалъ?
Не къ рылу честь! Такихъ рѣчей нелѣпыхъ
Ни говорить, ни слушать не пригоже...
Служи царю по крестной клятвѣ, вправду,

И всякаго добра ему желай!
Ты — молодой слуга, себѣ ты долженъ
Искать богатства и служилой чести!
Покаешься подъ старость во грѣхахъ;
Служи пока мамону!

Осиповъ.

Ты, бояринъ,
Меня въ тоску вогналъ и закручинилъ,
До слезъ довелъ; мнѣ жизнь теперь постыла.

Василій Шуйскій.

На завтра въѣздъ, такъ приходи къ Пречистой,
Ко всенощной, молиться за царя!

Осиповъ.

Прости, бояринъ. Эко дѣло, право!

(Уходитъ Входитъ Дворецкій.)

Василій Шуйскій.

Пусти Конева! (Дворецкій уходитъ, входитъ Коневъ.)
Что̀, Коневъ, ты скажешь?

Коневъ.

Да что̀ сказать! Въ міру погибла правда,
Просторъ врагу. Бѣсовское мечтанье
Осѣтило проклятую Москву.
Ослѣпъ народъ, — и смотритъ, да не видитъ:
Царевичемъ разстригу величаютъ.

Василій Шуйскій.

Неужто всѣ?

Коневъ.

Да, почитай, что всѣ:
Крестьяне сплошь, торговцы мелочные,
Разносчики и площадная голь
Отъ радости ликуютъ, — даровое
Зачуявши вино. Изъ нашей братьи

Торгующихъ, бояринъ, двое только
Шатаются: и вѣрятъ, и не вѣрятъ...
Привелъ къ тебѣ.

Василій Шуйскій.

Да люди-то надежны-ль?

Коневъ.

Церковные строители, любимцы
И ближніе святому патріарху,
Ревнители о православной церкви.

Василій Шуйскій.

Ну, милости прошу. Пускай войдутъ.

Коневъ (растворивъ дверь.)

Не бойтеся боярина, идите! (Входятъ двое купцовъ.)

Василій Шуйскій.

Какое ваше дѣло?

1-й купецъ.

Мы — сироты,
За спáсеньемъ пришли къ тебѣ, бояринъ.

Василій Шуйскій.

Я вамъ не попъ!

1-й купецъ.

Къ святому патріарху
Ходили мы, бывало, за совѣтомъ
О всѣхъ дѣлахъ, духовныхъ и мірскихъ...

2-й купецъ.

Женить-ли сына, дочь-ли выдать замужъ,
Когда купить, когда продать товары
Повыгоднѣй, — за всѣмъ къ нему ходили.

Василій Шуйскій.

Чего-же вамъ?

1-й купецъ.

Пришли за утвержденьемъ,
На чемъ стоять...

2-й купецъ.

Ты, вмѣсто патріарха,
Отцомъ намъ будь! Наставь и накажи!

Василій Шуйскій.

Какого-же, вы, братцы, наказанья
Желаете?

1-й купецъ.

Доподлинный царевичъ
Въ Коломенскомъ, иль воръ и чернокнижникъ? —
Смущаемся.

Коневъ.

Увѣрь ты ихъ, бояринъ,
Не вѣрятъ мнѣ, что воръ, разстрига, Гришка,
Богдановъ сынъ, Отрепьевъ, по совѣту
Діяволю на царствѣ утвердился.

1-й купецъ.

Бояринъ, такъ?

Василій Шуйскій.

Чего-же вамъ еще?

2-й купецъ.

Отрепьевъ-ли?

Василій Шуйскій.

Отрепьевъ.

1-й купецъ.

Побожися!
Дай руку!

Василій Шуйскій.

Вотъ рука, зачѣмъ божиться!

Я цаловалъ икону всенародно
И съ Лобнаго сказалъ, что онъ — Отрепьевъ.

Коневъ.

Ну, слышали?

1-й купецъ.

Спасибо, князь Василій
Ивановичъ! Не погнѣвись за нашу
Любовь къ тебѣ и дурость! Мы за ласку
Боярскую челомъ тебѣ! Напредки
Не оставляй насъ, мужиковъ...

2-й купецъ.

Бояринъ,
А жить-то какъ? Приказывай! Что скажешь,
Тому и быть.

Василій Шуйскій.

Живите, какъ хотите.
Терпи, поколь потерпится.

1-й купецъ.

А если...

Василій Шуйскій.

Никто, какъ Богъ, и конченъ разговоръ!

1-й купецъ.

Мы въ Старицу сбираемся, бояринъ,
Въ темницѣ патріарха навѣстить.
Допустятъ-ли насъ къ Іову?

Василій Шуйскій.

Пытайтесь!

Коневъ.

Не будетъ-ли приказу отъ тебя?

Василій Шуйскій.

Приказу нѣтъ. Поклонъ земной свезите
(Кланяется, касаясь рукой до земли.)
И нерушимое благословенье
Мнѣ попросите!

Коневъ и купцы.

Съ миромъ оставайся!
(Уходятъ.)

Василій Шуйскій (одинъ).

Сегодня трое, завтра будетъ больше,
А черезъ мѣсяцъ вся Москва — моя.
Безвѣстный царь, бродяга безымянный,
Душой полякъ: какъ дѣвка, малодушенъ;
Какъ малолѣтокъ, падокъ на утѣхи;
Какъ скоморохъ, безъ разума проворенъ;
Какъ пьяный дьякъ, болтаетъ безъ умолка.
Онъ вскормленникъ прямой пановъ хвастливыхъ!
Не долго ждать, онъ прыть свою покажетъ,
И скоро людъ московскій православный
Безчинія такого на престолѣ
Насмотрится, чего во снѣ не снилось!
Забвенія отеческихъ преданій,
Кощунства иноземцевъ надъ святыней,
На грозномъ тронѣ шутовскихъ забавъ
Народъ не любитъ. Грозному Ивану
Народъ простилъ распутства, злодѣянья,
Мучительства безропотно стерпѣлъ, —
За сановитость царскую, за строгость
Его лица и поступи, за чинность
И набожность. Москва привыкла видѣть,
Какъ царь ея великій, православный,
На высотѣ своей, недостижимой,
Одной святынѣ молится съ народомъ,
Уставы церкви строгіе блюдетъ,
По праздникамъ духовно веселится,

А въ дни поста, въ смиренномъ одѣяньи,
Съ народомъ вмѣстѣ каяться идетъ;
Но скомороха на престолѣ царскомъ
Терпѣть не станетъ! Рано или поздно,
Бродяга, царь московскій, самовольный,
Поплатится удалой головой.
Потомъ... потомъ... я — царь. Начнется снова
И благолѣпіе, и чинность, и порядокъ.
По-старому мы царствовать начнемъ,
По-старому, въ день нашего вѣнчанья,
По всей Руси, подъ колокольный звонъ,
Польются милости народу щедро;
По-старому грозить полякамъ будемъ,
Пугать татаръ; по-старому ... бояться
Измѣнниковъ!... волжбы и чародѣйства!
По-старому ... боярская крамола!
О, Господи!... измѣны да опалы!
Ха-ха, ха-ха! Тревоги да крамолы!
Бояться ихъ? Рожденному на тронѣ
Тяжка она — корона Мономаха!
А мнѣ, рабу, холопу Годунова,
Почувствовать себя хоть разъ владыкой,
Почувствовать, что между мной и Богомъ
Ни власти нѣтъ, ни силы! О!... Какихъ-же
Тревогъ, заботъ я побоюсь, какими
Крамолами во мнѣ смутится сердце!
Рѣшился я! Отнынѣ каждый помыслъ
И каждый шагъ ведутъ меня къ престолу;
Умомъ, обманомъ, даже преступленьемъ
Добьюсь вѣнца. О, Господи! Помилуй
Насъ, грѣшниковъ! (Молчаніе.)
Богданко, гдѣ ты? (Входитъ Дворецкій.)

Дворецкій.

Ась?

Василій Шуйскій.

Зови народъ! Кого, чего имъ нужно?

Калачника съ блаженнымъ на поварнѣ
И накормить, и ночевать оставить,
И рано утромъ привести ко мнѣ.

(Дворецкій отворяетъ дверь; входятъ: купцы, подьячіе, странники и проч.)

Василій Шуйскій.

Ну, живы-ль вы?

Купцы.

По милости Господней!

Василій Шуйскій.

Ходили въ станъ?

Купцы.

Ходили. — Всѣ ходили.

Василій Шуйскій.

А грамоты вамъ чли? Царевичъ Дмитрій
И пошлины, и подати во льготѣ
И облегченьи учинить велѣлъ,
По милости своей и по совѣту
Бояръ великихъ. Ну! Вы рады?

Купцы.

Рады. —
Благодаримъ небеснаго Царя.

Василій Шуйскій (прочимъ).

Крестьяне, вамъ, и вамъ, отцы честные,
И вамъ, и вамъ всѣмъ будетъ хорошо!

(Купцамъ.)

Ну, вотъ у васъ и денегъ больше будетъ,
И животовъ прибудетъ.

Купцы.

Мы, бояринъ,
Отъ радости себя не помнимъ.

Василій Шуйскій.

То-то-жь!
За деньги-то, смотрите, не продайте
Чего другого, что̀ дороже денегъ.

Купцы.

Хоть умереть, а не понять ни за́-что
Твоихъ рѣчей.

Василій Шуйскій.

Захочешь, такъ поймешь.
Душа нужна, а деньги — тлѣнъ.

Подьячій (подавая свитокъ).

Бояринъ,
Я, многогрѣшный Богови и грубый,
Писаніемъ предати покусихся, —
Читающимъ на пользу и на память, —
Восшествіе исконнаго царя
На прародительскія царства, еже
Очима видѣхомъ ...

Василій Шуйскій.

Запѣлъ ты рано!
Не торопись! Не въ сутки городъ строятъ.
Не подъ дождемъ, — мы лучше подождемъ.
(Отдаетъ свитокъ.)
Ты черезъ годъ приди, я почитаю.

Купецъ.

Кругомъ царя мы иновѣрцевъ видимъ;
Дозволь спросить, прилеженъ-ли Димитрій
До церкви Божьей?

Василій Шуйскій.

Царь благочестивый
И набожный: съ нимъ два попа латинскихъ ...
Ну, съ Богомъ! Эй, Богданко! Бочку меду

Имъ выкати! Да подчуй хорошенько;
Чтобъ пили всѣ за царское здоровье.

(Машетъ рукой, всѣ уходятъ съ поклонами. Входитъ быстро Дмитрій Ивановичъ Шуйскій.)

Дмитрій Шуйскій.

Василій, братъ, за что̀-же ты остатокъ
Широкаго и славнаго потомства
Василія Кирдяпы вдостоль губишь?
Послѣдніе мы четверо остались
Безъ племени ...

Василій Шуйскій.

Да что̀, какъ угорѣлый,
Ты мечешься?

Дмитрій Шуйскій.

Изъ стана я, Василій ...
Душа моя во мнѣ захолодѣла.
Послушай ты меня!

Василій Шуйскій.

Тебя послушать,
Такъ добраго не ждать! Ты, Дмитрій, глупъ.

Дмитрій Шуйскій.

Я глупъ не глупъ, а голову жалѣю.
Въ запасѣ нѣтъ, всего одна на плечахъ.
Вотъ, ты уменъ, а надъ собой не видишь
Погибели. Четвертый день мы ѣздимъ
Съ поклономъ въ станъ, — а проку что̀? Все хуже:
Между бояръ смѣшки идутъ да шопотъ;
А царь, что̀ день, грознѣе да грознѣе.
Чѣмъ это пахнетъ? Плахой либо ссылкой
И вѣчною опалой!

Василій Шуйскій.

Плакать, что̀-ли,
И кланяться?

Дмитрій Шуйскій.

Иди скорѣй на площадь,
Сбирай народъ, клянись передъ иконой,
Что въ Угличѣ ты хоронилъ другого;
Что Дмитрій живъ, что подлинный царевичъ,
Царя Ивана сынъ, на тронъ вступаетъ!
Винись во всемъ; скажи, что, страха ради
Борисова, — вы лгали съ патріархомъ.
Иди теперь, а завтра будетъ поздно.
Богдашка Бѣльскій да Голицынъ Васька
По площадямъ и въ улицахъ московскихъ
Одно твердятъ, что Шуйскій съ патріархомъ,
Измѣнники царевы, обманули
И довели до клятвопреступленья
Народъ въ Москвѣ; а ты молчишь и губишь
Себя и насъ!

Василій Шуйскій.

А чѣмъ-же мнѣ заплатятъ
За ложь мою? Насмѣшками, что поздно
Опомнился, что раньше нужно было
Покаяться. Меня на то и ловятъ, —
Да не поймать! Я даромъ лгать не стану.
Я хоронилъ царевича; я знаю,
Кто живъ, кто нѣтъ; одинъ я правду знаю ...
Имъ ложь нужна, а я почетъ люблю.
Я подожду, — куда мнѣ торопиться;
Придетъ пора, и правда пригодится.

Дмитрій Шуйскій.

Опомнись, братъ! Мы на́-волосъ отъ смерти.

Василій Шуйскій.

Ужь лучше смерть; позоръ еще тяжеле!
Не сладко жить безъ чести, быть холопомъ
Басманова и Бѣльскаго съ Масальскимъ!
А говорятъ: „спѣсивый Дмитрій Шуйскій!“
Ну, гдѣ-же спѣсь твоя? Лишь въ томъ, что къ верху

Ты бороду дерешь, да слова толкомъ
Не вымолвишь, ворчишь, какъ котъ запечный!

Дмитрій Шуйскій.

Да не до жиру, братъ, а быть-бы живу!

Василій Шуйскій.

Не Шуйскій ты! Нашъ родъ въ послѣднихъ не былъ;
Не мало насъ погибло смертной казнью;
Мы шли на смерть, а чести не теряли.

(Благовѣстъ. В. Шуйскій крестится, беретъ шапку и трость.)

Ко всенощной! Помолимся усердно
Предъ Господомъ о крѣпости и силѣ
Въ борьбѣ съ врагомъ. Для насъ теперь, Димитрій,
Нѣтъ выбора другого: или плаха,
Иль золотая шапка Мономаха!

(Уходятъ.)

Сцена вторая.

(20 іюня 1605 г.) Кремль.

Налѣво дворецъ, направо Архангельскій соборъ; у Краснаго крыльца **Маржеретъ** и нѣмецкая стража; отъ крыльца до Собора стрѣльцы и польскіе латники. Вся площадь и зданія покрыты народомъ; впереди между народомъ **Коневъ** и **Калачникъ**. Колокольный звонъ и музыка. Бояре: **Мстиславскій, Василій** и **Дмитрій Шуйскіе, Воротынскій, Голицынъ, Куракинъ, Масальскій, Бѣльскій** выходятъ изъ Успенскаго собора и становятся подлѣ крыльца. **Мстиславскій**, въ сопровожденіи двухъ бояръ, идетъ во дворецъ и возвращается съ хлѣбомъ и солью. На ступеняхъ крыльца **Савицкій.**

Голоса въ народѣ.

Къ Архангелу, къ родителямъ пошелъ!

1-й голосъ изъ народа.

Какой народъ за нимъ! Все въ разномъ платьѣ.

2-й голосъ изъ народа.

Извѣстно кто: черкасы, угры, ляхи.

1-й голосъ изъ народа.

Крещеные?

2-й голосъ изъ народа.

А кто ихъ знаетъ!

Коневъ.

Бѣсы.

1-й голосъ изъ народа.

Ну, полно ты! Бѣсовъ сейчасъ узнаешь.

Коневъ.

Отведены глаза, на насъ мечтанье
Напущено.

Калачникъ.

А ты узнаешь бѣса?
Такъ вонъ гляди! Какъ есть въ своемъ нарядѣ.
(Показываетъ на Савицкаго).

1-й голосъ изъ народа.

И то вѣдь бѣсъ. Глядите-ко, робята!

Коневъ.

Мы прокляты, живемъ безъ благодати,
И воленъ бѣсъ надъ нами: патріархомъ
Мы отданы ему во власть; онъ кажетъ,
Что̀ хочетъ, намъ, а мы глядимъ и вѣримъ.

1-й голосъ изъ народа.

Да вправду-ли?

Коневъ.

Молчи да слушай, глупый!
(Басмановъ выходитъ изъ Архангельскаго собора.)

Басмановъ.

Десятскіе и сотскіе, смотрите,
Чтобъ тѣсноты отъ множества народа
Не сталося, да на́-крѣпко блюдите,

Чтобъ пустошныхъ рѣчей не говорили.
А буде кто лишь только заикнется
О вымыслѣ нелѣпомъ Годунова
И патріарха, взять его скорѣе
За-приставы, потомъ ко мнѣ привесть.

Калачникъ.

Бояринъ нашъ, Петръ Ѳедорычъ, сироты
Мы бѣдные, дозволь взглянуть поближе
На батюшку, на наше солнце красно.

Басмановъ.

Ты кто таковъ?

Калачникъ.

Калачникъ, государь.

Басмановъ.

Почемъ меня ты знаешь?

Калачникъ.

Какъ, бояринъ,
Не знать тебя! Кто всѣхъ бояръ храбрѣе?
Кто всѣхъ умнѣй? Петръ Ѳедорычъ Басмановъ.

Басмановъ.

Ты съ виду простъ, а не дуракъ, я вижу.
Ну, радъ-ли ты, калачникъ, государю?

Калачникъ.

Ужь такъ-то радъ, что и сказать нельзя;
Пригожихъ словъ, по глупости, не знаю.

Басмановъ (десятскому).

Пустить его поближе.

(Отходитъ.)

Калачникъ (десятскому).

Я, робята,
Вамъ помогать.

Десятскій.

Ну ладно, встань вотъ здѣся.
Поталкивай, осаживай назадъ!

Мстиславскій (на крыльцѣ).

Веселый день, играетъ солнце красно
На золотѣ крестовъ церквей соборныхъ.

Голицынъ.

Пора взыграть и солнышку надъ нами!
Въ часъ утренній, съ высокихъ сихъ ступеней,
При яркомъ блескѣ солнца надъ Москвой,
Прошедшее какимъ-то сномъ тяжелымъ,
Мучительнымъ, минувшимъ невозвратно,
Мнѣ кажется. Великіе потомки
Князей удѣльныхъ и бояръ исконныхъ,
Мы не жили, мы только трепетали:
Не сонъ-ли то, что царь Иванъ нарочно,
По выбору, губилъ мужей совѣта
И воеводъ безтрепетныхъ во браняхъ?

Куракинъ.

Ему царей татарскихъ покоряютъ
И городы нѣмецкіе берутъ,
Отъ крымскихъ ордъ Москву оберегаютъ,
А онъ, едва опомнившись отъ страха,
На сковродахъ желѣзныхъ воеводъ
Огнемъ палитъ и угли подгребаетъ!

Воротынскій.

Напомнилъ ты родителя кончину,
Побѣдоносца князя Михаила
Иваныча, спасителя Россіи,
И опечалилъ сыну ясный день.

Бѣльскій.

А легче-ль намъ отъ Годунова было?
Ты то скажи, Ивана-то оставь.

Голицынъ.

Терпѣли мы владыкъ своихъ законныхъ
Столѣтній гнѣвъ, потомковъ Мономаха,
А выходцевъ ордынскихъ съ корнемъ вонъ.

Бѣльскій.

Охъ, рѣчи смѣлы!

Голицынъ.

Время таково.
Ты не привыкъ; ну, ничего, привыкнешь.

Куракинъ.

Къ мучительству труднѣе привыкать,
А къ волѣ легче.

Голицынъ.

Да, настало время
Вздохнуть и намъ. Димитрій, Богомъ данный,
Видалъ иныя царства и уставы,
Иную жизнь боярства и царей;
Оставитъ онъ татарскіе порядки;
Народу льготы, намъ, боярамъ, вольность
Пожалуетъ; вкругъ трона соберетъ
Блистательный совѣтъ вельможъ свободныхъ,
А не рабовъ, трепещущихъ и льстивыхъ,
Иль бражниковъ опричнины кровавой,
На всѣхъ концахъ Россіи проклятой.

Мстиславскій.

Веселый день!

Василій Шуйскій.

И царь у насъ веселый:
Самъ молится, а музыка играй!
Повеселить отцовъ и дѣдовъ хочетъ.
Давно они въ тиши гробницъ смиренно,
Подъ пѣніе молебное, подъ дымомъ
Кадильныхъ ароматовъ, почиваютъ,

И музыки доселѣ не слыхали ...
Прими, Господь, и упокой ихъ души,
Князей великихъ, сродниковъ моихъ,
Царей, царицъ и чадъ ихъ благовѣрныхъ,
Скончавшихся и здѣсь похороненныхъ,
Царя Ивана, Ѳедора царя!

Мстиславскій.

Не ладно, князь Василій, княжъ Иванычъ!
Ты знаешь самъ, въ день радости царевой
Рѣчей и лицъ печальныхъ не бываетъ;
Всѣ веселы.

Василій Шуйскій.

Промолвился оплошкой.

Бѣльскій.

Въ церквахъ поютъ заздравные молебны,
А онъ оплошкой панихиду началъ.

Басмановъ.

О здравіи молись! За упокой-то
Ты сродниковъ своихъ помянешь послѣ.

Масальскій.

Ты подожди родительской субботы.

Дмитрій Шуйскій.

Обмолвился, не всяко лыко въ строку.

Бѣльскій.

Царя Ивана рано позабыли:
Оплошекъ не было; за нихъ онъ на колъ
Сажалъ, бывало.

Василій Шуйскій.

Нѣтъ, Иванъ-то только
Приказывалъ, сажалъ-то ты съ Малютой
Скуратовымъ.

Мстиславскій.

Молчать-бы намъ, бояре,
Пригожѣе.

Василій Шуйскій.

Я замолчу, я смиренъ.

Басмановъ.

Не бойся злой собаки, бойся смирной.

Куракинъ (тихо Голицыну).

А Бѣльскій все Ивана вспоминаетъ;
Кому что̀ мило, тотъ про то и грезитъ.

Голицынъ.

У нихъ въ крови съ Басмановымъ холопство;
По ихъ уму: не хамъ, — такъ не слуга.

Масальскій (тихо Басманову).

А Шуйскій все родней своей кичится.

Басмановъ.

Какъ ни кичись, роднѣй родного сына
Не сдѣлаться.

Дмитрій Шуйскій.

(Тихо Василію Шуйскому.)

Голицынымъ все воли
Недостаетъ.

Василій Шуйскій.

По Курбскому пошли:
Литва мила, завидно па́намъ-радѣ!

Десятскіе (у собора).

Идетъ, идетъ! Давай дорогу шире!
Проваливай!

Калачникъ.

Да ты лупи ихъ крѣпче!

Затылокъ нашъ къ побоямъ притерпѣлся.
Ты православной шеи не жалѣй!

(**Дмитрій** выходитъ изъ собора, за нимъ бояре и дворяне, **Бучинскій**, поляки, венгры, запорожскіе и донскіе атаманы **Корела** и **Куцька**. Звонъ и музыка).

Весь народъ.

Отецъ ты нашъ! Ты наше солнце красно!

Мстиславскій.

Пресвѣтлый царь и князь великій Дмитрій
Ивановичъ!

(Дмитрій останавливается предъ Маржеретомъ.)

Василій Шуйскій.

Не торопись, поспѣешь!
Боярамъ честь потомъ, а нѣмцамъ прежде.
Дай съ нѣмцами ему наговориться.

Дмитрій.

Ну, Маржеретъ, мой храбрый капитанъ!
Вы — молодцы, вы бьетесь лучше русскихъ.
Ты — мой слуга! Я знаю, ты не станешь
Жалѣть враговъ моихъ; а такъ же больно
Побьешь и ихъ, какъ насъ тогда побили
Въ Добрыничахъ. Ты что̀ на это скажешь?

Маржеретъ.

Votre Majesté! Доколѣ капля крови
Французская останется во мнѣ, —
Я вашъ слуга; я только жажду часу,
Чтобъ показать предъ вашими глазами
И преданность французскую, и храбрость,
И умереть предъ вашимъ Majesté!

Дмитрій.

Добрынской битвы долго не забудешь!
Побили насъ! О, Боже, якъ побили!

(Обращаясь къ Куцькѣ.)

Надѣйся вотъ на этихъ атамановъ;
Вы, лыцарство, всѣхъ прежде утекли.

Куцька.

Да дуже-жь бьются німци, вражи диты.

Дмитрій.

Впередъ бѣгутъ, какъ дурни, запорожцы;
За ними вслѣдъ донскіе казаки.

Корела.

И побѣжишь! Крещеные мы люди,
А нѣмцамъ что̀ ... имъ черти помогаютъ.

Куцька.

Ось такъ! Ось такъ! Корела правду каже,
Якъ-бы не бисъ, мы-бъ, мабуть, не втекли.

Дмитрій (Маржерету).

Придетъ пора, тогда тебя я вспомню;
Я здѣсь, въ Москвѣ — среди своихъ дѣтей,
И мнѣ не нужно иноземной стражи.
А вотъ начнемъ войну съ Султаномъ турскимъ,
Тогда пойдемъ, мой храбрый Маржеретъ,
Зубрить мечи и бердыши стальные
О бритые затылки бесерменъ.
Мнѣ хочется помѣряться съ тобою;
Ты храбръ, а я завистливъ; ты, и знаю,
Доволенъ будешь мной, jak Boga kocham!

Маржеретъ.

Vive l'Empereur! (Солдатамъ.) Ruft: hoch! vivat der Kaiser!

Нѣмцы.

Vivat! hoch! hoch!

Калачникъ.

Заохали, собаки. (Въ народѣ смѣхъ.)

Мстиславскій.

Пресвѣтлый царь и князь великій, Дмитрій
Ивановичъ, всея Руссіи, Божьимъ
Произволеньемъ чудно сохраненный
И покровенный крѣпкою десницей
Нашъ государь и самодержецъ, нынѣ
Пожалуй насъ, вступи въ свои хоромы
И на отеческомъ престолѣ сядь!

Дмитрій.

Мнѣ Богъ вручилъ московскую державу
И возвратилъ родительскій престолъ.
Отъ юныхъ лѣтъ невидимою силой
Я сохраненъ для царскаго вѣнца.
Изгнанникомъ безвѣстнымъ я покинулъ
Родной земли предѣлы, — возвращаюсь
Непобѣдимымъ цесаремъ, карая
Враговъ своихъ и милуя покорныхъ.
И радостно вступаю въ отчій домъ
Творить и судъ, и милость.
Вамъ, бояре,
Мы скажемъ завтра жалованье наше, —
Сегодня пиръ; гостей иноплеменныхъ
Мы удивимъ московскимъ хлѣбосольствомъ.
(Къ народу.)
По площадямъ велю вина поставить, —
Гуляйте всѣ съ утра до поздней ночи
На радости о нашемъ возвращеньи.

Народъ.

Храни тебя Господь на многи лѣта
И одолѣнье даруй надъ врагомъ!

Бѣльскій.

Великій царь, дозволь ты мнѣ, холопу,
Усердіе явить передъ тобою!
Мы, государь, съ Басмановымъ, съ Масальскимъ,

Хотимъ сказать къ народу, — благо много
Сошлось его съ окольныхъ деревень, —
И съ Лобнаго поклясться всенародно,
(Срывая съ шеи крестъ.)
Цалуя сей животворящій крестъ,
Что ты нашъ подлинный царевичъ Дмитрій,
Почившаго царя Ивана сынъ.

Дмитрій.

Зачѣмъ скакать и всенародно клясться!
Народъ меня не позабылъ и любитъ.
Ты видѣлъ самъ сегодняшнюю встрѣчу, —
И моего приказу нѣтъ тебѣ.
Но если ты усердствовать желаешь,
Благодарю, я воли не снимаю,
Скачи къ народу, говори, что̀ знаешь ...
Идемъ на верхъ!

Іезуитъ.

Te Deum laudamus!

Дмитрій.

За нами, pater!

(Уходитъ во дворецъ, за нимъ Мстиславскій, Голицынъ, Д. Шуйскій, Воротынскій, Куракинъ и другіе; В. Шуйскій останавливается на слова Бѣльскаго.)

Бѣльскій (Басманову).

Ѣдемъ! (Шуйскому.) Князь Василій!
За нами, что̀-ль? Оно-бы не мѣшало
Поправить грѣхъ, покаяться народу.

Василій Шуйскій.

Не ты-бъ мололъ, не я-бы это слушалъ!
Тебѣ учить меня не довелось.
Я старъ, Богданъ, да на подъемъ не легокъ.
Басмановъ и Масальскій помоложе,
И молода боярская ихъ честь.
Ну, пусть они и скачутъ въ перегонку,

Съ черкасами и польскими панами;
А мнѣ съ Мстиславскимъ въ царскія хоромы —
Хозяина встрѣчать.

(Остальнымъ боярамъ.)

Идемъ, бояре! (Уходятъ.)

Бѣльскій.

Петръ Ѳедорычъ, ты — ближній государю,
Ужли стерпѣть обиду отъ Василья?

Масальскій.

Не выдай насъ! Тебѣ стерпѣть обиду,
Такъ намъ житья отъ Шуйскихъ не видать.

Басмановъ.

Нѣтъ, я не дамъ себя обидѣть даромъ,
Не дамъ себѣ дорогу перейти.
Я поклялся царю и государю
Беречь его и выводить измѣну;
Измѣнниковъ найду я въ думѣ царской
И выведу царю измѣну ихъ. (Подходитъ Десятскій.)
Чего тебѣ? Что̀ надо?

Десятскій.

Мы, бояринъ,
Петръ Ѳедорычъ, купчину изымали:
Мутилъ народъ и пустошныя вѣсти
Разсказывалъ о старомъ патріархѣ.

Басмановъ.

Кто онъ такой?

Десятскій.

Прозваніемъ — Коневъ.

Басмановъ.

Хоть побожусь, что онъ подосланъ Шуйскимъ.
Ко мнѣ его, а вечеромъ къ допросу.
Поѣдемте! (Полякамъ.) Поѣдемте, паны!

Бучинскій.

Пахòликъ, кòня!

Запорожцы.

Хлòпци! Кòней живо!

(Уходятъ.)

Сцена третья.

(21 іюня 1605 года). Золотая палата.

Дмитрій и Басмановъ (входятъ).

Дмитрій.

Такъ, вотъ она, — палата крѣпкой власти
И грозныхъ думъ, святой и неприступный
Пріютъ царей!.. По золотому полю
Тяжелое и строгое письмо...
Такъ прочно все, такое вѣковое!
Вотъ старый тронъ; на немъ мой братъ Ѳеодоръ
Сидѣлъ въ мечтахъ о житіи небесномъ,
О царственныхъ заботахъ не радѣя.
Отецъ Иванъ для буйствъ своихъ татарскихъ
Святую тишь палаты покидалъ
И въ слободѣ кромѣшной запирался;
А здѣсь сидѣлъ, посаженный для смѣха,
Крещеный царь татарскій, богомольный, —
Судилъ народъ и жилъ благочестиво...
Гдѣ онъ теперь?

Басмановъ.

Про князя Симеона
Ты спрашивать изволишь? Годуновымъ
Онъ сосланъ былъ: Борисъ его боялся.
Онъ въ отчинѣ, въ Кушалинѣ селѣ;
Слѣпой старикъ едва волочитъ ноги.

Дмитрій (съ усмѣшкой.)

Великій князь и царь всея Россіи —

Въ изгнаніи! Гонцовъ къ нему отпразить,
Привезть опять въ Москву съ большимъ почетомъ,
И величать по прежнему царемъ.

Басмановъ.

Но, государь ...

Дмитрій.

Басмановъ! Мнѣ-ль бояться
Татарина! Я не Борисъ. Я милость
Дарую всѣмъ опальнымъ годуновскимъ!
Довольно мукъ, Басмановъ!
Нынѣ милость,
Одна лишь милость царствуетъ надъ вами.

Басмановъ.

Ты милостью себя на вѣкъ прославишь,
Но безъ грозы ты царствомъ не управишь.

Дмитрій.

Не диво мнѣ такія рѣчи! Править
Вы знаете одно лишь средство — страхъ!
Вездѣ, во всемъ вы властвуете страхомъ:
Вы женъ своихъ любить васъ пріучали
Побоями и страхомъ; ваши дѣти
Отъ страха глазъ поднять на васъ не смѣютъ;
Отъ страха пахарь пашетъ ваше поле;
Идетъ отъ страха воинъ на войну;
Ведетъ его подъ страхомъ воевода;
Со страхомъ вашъ посолъ посольство правитъ;
Отъ страха вы молчите въ думѣ царской!
Отцы мои и дѣды, государи,
Въ ордѣ татарской, за широкой Волгой,
По ханскимъ ставкамъ страха набирались
И страхомъ править у татаръ учились.
Другое средство лучше и надежнѣй, —
Щедротами и милостью царить.

Басмановъ.

Великій царь, являй свои щедроты
И милости несчетныя; но, ради
Сиротъ твоихъ, для нашего спокоя,
Жалѣй свою вѣнчанную главу!
(Становится на колѣни.)
Не дай расти и созрѣвать измѣнѣ!
Измѣнниковъ казни!

Дмитрій (быстро).

А гдѣ измѣна?
Измѣнникъ кто?

Басмановъ.

Бояринъ твой великій,
Василій Шуйскій. Прослѣдилъ измѣну
И вывелъ я, она ясна, какъ день.

Дмитрій.

Не вѣрю я. Владычество тирана
Пугливаго васъ пріучило видѣть
Измѣнниковъ вездѣ.

Басмановъ.

Бояръ пронырство
Невѣдомо тебѣ, ты съ нами не жилъ.
Грозна была опала государей,
Родителей твоихъ и Годунова;
Но еслибъ знать ты могъ бояръ крамольныхъ
Всѣ помыслы, ты казнямъ-бы Ивана
Не подивился. Въ самой преисподней,
На самомъ днѣ клокочущаго ада,
Не выковать такихъ сѣтей, какими
Они тебя и Русь опутать могутъ,
Великій царь, не вѣрь своимъ боярамъ,
Не вѣрь рѣчамъ, улыбкамъ и поклонамъ, —
Казни ты ихъ направо и налѣво,
А Шуйскаго впередъ, — онъ всѣмъ начало.

Дмитрій.

Ужасенъ смыслъ рѣчей твоихъ, Басмановъ!
Ты холодомъ меня обвѣялъ. Думалъ
Я милостью привлечь сердца народа,
А ты казнить велишь.

Басмановъ.

Я умоляю.

(Входитъ іезуитъ Савицкій.)

Дмитрій (Басманову).

Я никого не осужу одинъ
И не пролью ни капли крови русской!
Надъ Шуйскимъ судъ назначить въ нашей думѣ
Изъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ народа
И дать ему всѣ средства оправдаться.
Оставь меня! Бучинскаго пошли! (Басмановъ уходитъ.)
Ты здѣсь былъ, pater?

Іезуитъ.

Какъ тебѣ угодно:
Коль хочешь — здѣсь, не хочешь — нѣтъ меня,
Monarcha invictissime!

Дмитрій.

Свершились
Пророчества твои: престолъ московскій
Мы заняли.

Іезуитъ.

Что̀ трудно человѣку,
То Господу легко. Небесный промыслъ
Ведетъ тебя, путемъ прямымъ и вѣрнымъ,
Къ величію; да вѣдаютъ народы,
Что твой оплотъ, что твой руководитель
Не есть иной кто, nisi Deus noster!
Да вѣдаешь и ты, что избранъ Богомъ
Для дѣлъ великихъ. Ни мірская слава,

Ни громъ побѣдъ да не прельстятъ тебя!
Святая церковь ждетъ побѣдъ духовныхъ;
Давно умы святѣйшихъ нашихъ папъ
Обращены на этотъ сѣверъ дальній;
Давно они московскихъ государей,
Схизматиковъ, апостольскаго трона
Чуждавшихся, къ спасенію зовутъ
И, scilicet, къ спасенью ихъ народовъ.
И нынѣ нашъ universalis pater
Святѣйшій Павелъ-Пятый умоляетъ
Всевышняго, да даруетъ Онъ силу
Димитрію, второму Константину,—
Овецъ заблудшихъ дома своего
Привесть къ стопамъ намѣстника Христова!

Дмитрій (разсѣянно).

Бучинскаго ко мнѣ!

Іезуитъ (пожимая плечами.)

Онъ — лютеранинъ! (Уходитъ.)

(Бучинскій входитъ.)

Дмитрій.

На Шуйскаго доносъ; но я не вѣрю
Басманову: онъ ослѣпленъ враждою
И слишкомъ преданъ мнѣ. Василій Шуйскій
Умнѣе всѣхъ бояръ; его осудятъ,
Сомнѣнья нѣтъ. И вотъ, Бучинскій, средство
Изъ бывшаго врага мнѣ сдѣлать друга
И лучшаго слугу!
Поздравить папу
Со днемъ вступленья на престолъ Петра.
Пиши ему учтивостей побольше!
А вмѣсто прежнихъ нашихъ обѣщаній —
Вводить латинство, мы теперь напишемъ,
Что мы не праздны на престолѣ царскомъ,
Что мы, для пользы и для блага церкви,
Хотимъ начать войну съ султаномъ турскимъ.

А между тѣмъ поди, скажи Игнатью,
Чтобъ грамоты теперь-же заготовилъ
И разослалъ, какъ будетъ патріархомъ,
По городамъ, чтобы молебны пѣли
За насъ, царя и за царицу-мать,
И Господа просили, да возвыситъ
И вознесетъ онъ царскую десницу
Надъ бесерменствомъ и латинствомъ.

Бучинскій.

Мудрость
Въ лицѣ твоемъ возсѣла на престолѣ.

Дмитрій.

Поди, пиши, Бучинскій! (Бучинскій уходитъ.)

Сиротливо
Въ душѣ моей! Расписанные своды
Гнетутъ меня, и непривѣтно смотрятъ,
Не родственно, таинственные лики
Изъ темной позолоты стѣнъ угрюмыхъ ...
Мнѣ рада Русь, но ты, холодный камень,
Святымъ письмомъ расписанный, ты гонишь,
Ты трепетомъ мою обвѣялъ душу, —
Я здѣсь чужой! Сюда безъ страха входятъ
Отшельники святые только или
Московскіе законные цари ...
Гляжу и жду, что съ низенькаго трона
Сухой старикъ, съ орлиными глазами,
Поднимется и взглянетъ грозно ... грозно!
И зазвучитъ подъ сводами глухими
Презрительно-насмѣшливая рѣчь:
„Зачѣмъ ты здѣсь? Столѣтними трудами
„И бранями потомство Мономаха,
„Среди лѣсовъ Сарматіи холодной,
„Поставило и утвердило тронъ,
„Блистающій нетлѣнными вѣнцами
„Святыхъ князей, замученныхъ въ Ордѣ,

„Окутанный одеждой херувимской
„Святителей и чудотворцевъ русскихъ,—
„Гремящій тронъ! Кругомъ его подножья
„Толпы князей, склоненныя, трепещутъ
„Въ молчаніи... Бродяга безбородый!
„Легко тебѣ, взлелѣянному смутой,
„Внесенному бурливыми волнами
„Бунтующей Украйны въ сердце Руси,
„Подъятому преступными руками
„Бояръ крамольныхъ, взлѣзть на опустѣлый
„Московскій тронъ съ казацкаго сѣдла:
„Вскочить легко, но усидѣть попробуй“!
Отецъ названный! Я себя не знаю,
Младенчества не помню. Царскимъ сыномъ
Я назвался не самъ; твои бояре
Давно меня царевичемъ назвали,
И, съ торжествомъ и злобнымъ смѣхомъ, въ Польшу
На береженье отдали. Не самъ я
На Русь пошелъ; на смѣну Годунова
Давно зоветъ меня твоя столица;
Давно идетъ по всей Россіи шопотъ,
Что Дмитрій живъ. Опальное боярство
Изъ монастырскихъ келій посылало
Ко мнѣ въ Литву, окольными путями,
Своихъ покорныхъ, молчаливыхъ слугъ —
На Годунова съ челобитьемъ. Въ Польшѣ
Король меня царевичемъ назвалъ,
Благословилъ меня на царство папа,
Царевичемъ зовутъ меня бояре,
Царевичемъ зоветъ меня народъ,
Усыновленъ тебѣ я цѣлой Русью!
Не твой я сынъ, — а развѣ Годуновы
Наслѣдники тебѣ? А развѣ Ромулъ,
Пастушій сынъ, волчицею вскормленный,
Царемъ рожденъ?
Какъ сонъ припоминаю,
Что въ дѣтствѣ я былъ вспыльчивъ, какъ огонь;

И здѣсь, въ Москвѣ, въ большомъ дому боярскомъ,
Шептали мнѣ, что я въ отца родился,
И радостно во мнѣ играло сердце.
Такъ кто-же я?.. Ну, если я не Дмитрій,
То сынъ любви иль прихоти царевой ...
Я чувствую, что не простая кровь
Течетъ во мнѣ; войнолюбивымъ духомъ
Кипитъ душа, — побѣдъ, коронъ я жажду,
Мнѣ битвъ кровавыхъ нужно, нужно славы
И цѣлый свѣтъ въ свидѣтели геройства
И подвиговъ моихъ. Отецъ мой грозный,
Пусти меня! Счастливый самозванецъ
И царствъ твоихъ невольный похититель,
Я не возьму тиранскихъ правъ твоихъ, —
Губить и мучить. Я себѣ оставлю
Одно святое право всѣхъ владыкъ, —
Прощать и миловать. Я обѣщаю
Прославить Русь и вознести высоко,
И потому теперь сажусь я смѣло
На сей священный, грозный маіестатъ.

Сцена четвертая.

(24 іюня 1605 г.).

Грановитая палата. Тронъ; по обѣ стороны трона скамьи; близъ трона на столѣ три короны царскія.

Мстиславскій, Воротынскій, Голицынъ, Масальскій, Бѣльскій. Окольничьи. Дворяне. Выборные люди, дьякъ **Щелкаловъ.** Входитъ **Дмитрій,** впереди его рынды и **Скопинъ-Шуйскій** съ мечомъ, за нимъ **Басмановъ.**

Дмитрій (передъ коронами).

Короны царствъ моихъ! Еще корону
Желалъ-бы я прибавить къ этимъ тремъ, —
Корону Крыма. Если-жь наше счастье
Послужитъ намъ, то, съ помощію Польши
И императора, враговъ Христовыхъ

Мы выгонимъ изъ царства Константина;
И завоюютъ вѣрѣ христіанской
Иванъ — Казань, а Дмитрій — Византію.

(Сади ся на тронъ, всѣ садятся по своимъ мѣстамъ: Скопинъ-Шуйскій съ мечомъ и Басмановъ становятся по сторонамъ трона. Рынды впереди.)

Щелкаловъ.

Великій царь и государь Димитрій
Ивановичъ всея Россіи созвалъ
Бояръ своихъ, окольничьихъ, дворянъ
И васъ, житые [1], выборные люди,
Для государскаго большого дѣла!
Его бояринъ, князь Василій Шуйскій,
Забывъ Господень страхъ, а цалованья
И милостей царя къ себѣ не помня,
Виновенъ сталъ ему въ измѣнномъ дѣлѣ.

Дмитрій.

Ни гнѣва, ни вражды я не имѣю
На Шуйскаго и мести не хочу;
Но, чтобъ въ Московскомъ славномъ государствѣ
Безъ наказанья не былъ виноватый,
Велѣли мы московскимъ всѣмъ народомъ
Судить его, чему онъ доведется.

Басмановъ.

Великій государь, велишь поставить
Измѣнника, боярина Василья,
Къ тебѣ на судъ соборный?

Дмитрій.

Ввесть!

Басмановъ (стражѣ).

Ведите!

(Стража приводитъ Шуйскаго.)

---

[1] Житые люди — среднее сословіе между боярами, первостатейными гражданами и чернымъ людомъ.

Дмитрій (Щелкалову).

Скажи ему вину его, Василій!
Пусть онъ оправится, коль правъ, винится, —
Коль виноватъ.

Шуйскій.

Благодарю за милость!
Невинному защита: судъ да Богъ.

Щелкаловъ (читаетъ).

„Въ нынѣшнемъ, въ 7113 году, іюня въ 20 день, „какъ былъ государя царя Дмитрія Ивановича всея „Россіи въ Москву въѣздъ, изыманы торговые и „иныхъ чиновъ люди въ пустошныхъ рѣчахъ. И тѣ „люди, въ разспросѣ, въ тѣхъ своихъ пустошныхъ, „затѣйныхъ рѣчахъ винились и сказали: торговый „человѣкъ Ѳедька Коневъ говорилъ: какъ былъ-де „великаго государя въ Москву въѣздъ, и стоялъ онъ, „Ѳедька, перво у Архангела съ народомъ и, выдя „изъ городскихъ воротъ, былъ-де онъ съ народомъ-же „на Пожарѣ, тамъ его и изымали; а говорилъ онъ, „Ѳедька, на государя Дмитрія Ивановича составныя „затѣйныя рѣчи, что онъ, государь,—царевичъ не пря„мой, а прямой-де царевичъ убитъ отъ лихихъ людей „въ Угличѣ, тамъ-де у Спаса его и положили, и „клепалъ государя еретичествомъ и латинствомъ; а „тѣ-де рѣчи онъ, Ѳедька, говорилъ не своимъ умы„сломъ, слышалъ онъ про то отъ князя Василія Ива„новича Шуйскаго не единожды. А Костька лекарь „въ разспросѣ говорилъ на Василія Шуйскаго-жь, „что говорилъ ему Василій про царя Дмитрія Ива„новича дурно много разъ“ ... (Останавливается.)

Шуйскій.

А дальше что̀?

Щелкаловъ.

Чего-жь тебѣ еще?
Кажись, довольно, есть за что̀ повѣсить.

Голоса.

Измѣнникамъ царевымъ судъ короткій!
Измѣнниковъ и Богъ велитъ казнить!
Онъ — лиходѣй царевъ! Его измѣна
Всѣмъ видима. Повиненъ смертной казни!
Что намъ судить его! Повиненъ смерти!

Дмитрій.

Василій, что̀ ты скажешь въ оправданье?

Шуйскій.

Царь-государь! Бояринъ твой великій
Петръ Ѳедорычъ — слуга тебѣ хорошій!
Лихихъ людей онъ сыскивать гораздъ
И на́-крѣпко развѣдывать измѣну:
Измѣнники въ рѣчахъ своихъ разспросныхъ
Басманову всю правду показали.

Дмитрій.

И ты теперь передъ моимъ лицомъ,
Передо всѣмъ соборомъ, признаешься
Въ своихъ рѣчахъ бездѣльныхъ?!

Шуйскій.

Государь!
Обманомъ жить я не умѣю, не былъ
И смолоду обманщикомъ, зачѣмъ-же
Подъ старость мнѣ обманывать учиться!
Моя вина! Винюсь передъ соборомъ.

Дмитрій.

Не вѣрю я. Отъ словъ своихъ злодѣйскихъ,
Предательскихъ, ты лучше откажись!
Иль повтори ихъ громко предъ соборомъ,
Тогда ужь я оправдываться стану, (Встаетъ.)
Доказывать, что я — царя Ивана
Сынъ подлинный.

Бѣльскій (встаетъ съ мѣста).

Да развѣ мы попустимъ?
Ни вымолвить, ни даже заикнуться
Измѣнникамъ твоимъ мы не дадимъ!

Масальскій (встаетъ).

Мы голову за батюшку-царя
Димитрія Иваныча положимъ,
Мы всѣ умремъ!

Басмановъ, Бѣльскій и Масальскій.

Мы за тебя умремъ!
(Становятся у трона.)

Голоса.

Ты нашъ царевичъ! Наше солнце-красно!
Казнить его, измѣнника, казнить!

Дмитрій.

Послѣдній разъ скажи мнѣ, Шуйскій, правду:
Твои-ль слова, твоимъ-ли наученьемъ,
Измѣнники въ народѣ говорили?

Шуйскій.

Мои слова, великій государь! (Становится на колѣни.)

Голоса.

Вести его безъ всякой волокиты
На Лобное! На Лобное его!

Дмитрій (Басманову).

Вели молчать!

Басмановъ.

Молчите! Тише! Смирно!

Голицынъ (Мстиславскому).

Иль онъ себя нарочно губитъ, или —
Тутъ умыселъ!

Мстиславскій.

Темна душа Василья.

Дмитрій.

По силамъ-ли борьбу ты затѣвалъ?
Иль головы своей ты не жалѣешь?
Иль помощи себѣ откуда ждешь?
Иль испытать меня ты только хочешь,
Не слабо-ль я держу свою державу?
Не буду-ль я, цѣня твои заслуги,
Высокій санъ и старческія лѣта,
На замыслы твои глядѣть сквозь пальцы?
Ошибся ты! Я взялъ свою державу
Желѣзною рукой. Я принялъ царство
Для счастія подвластныхъ мнѣ народовъ,
А для грозы — врагамъ и на измѣну
(беретъ у Скопина мечъ)
Держу сей мечъ, — и симъ мечемъ клянусь,
Что всякаго, кто помѣшать захочетъ
Моей священной волѣ, уничтожу
И прахъ его развѣю далеко.
Ну, что̀-же ты не молишь о пощадѣ?
Что̀ не трепещешь? Иль тебѣ не страшенъ
Ни судъ мірской, ни грозный гнѣвъ царя?

Шуйскій.

Не стану я просить себѣ пощады.
Моя вина — слѣпое исполненье
Велѣній царскихъ.

Дмитрій.

(Отдаетъ мечъ Скопину-Шуйскому.)
Говори прямѣе!

Шуйскій.

Мы утверждались крестнымъ цалованьемъ
Царю Борису.

Голицынъ (Мстиславскому).

Ишь, куда пошло.

Шуйскій.

Ты знаешь самъ, что всяка власть отъ Бога.
Иной за страхъ служилъ, иной за совѣсть,
Да не порокъ служить и за награду.
Бояринъ твой, Петръ Ѳедорычъ Басмановъ,
Не по уму и не по лѣтамъ, рано
Добился чести преданностью рабской
Царю Борису. Царь бояръ крамольныхъ
Не миловалъ, грозна была опала
Ослушникамъ! Вонъ Бѣльскій попытался,
Да самъ не радъ, проворовался въ службѣ
И на́-долго себѣ безчестія добылъ.
Меня, раба, Борисъ послалъ къ народу,
И рабъ пошелъ, творя его велѣнье,
И говорилъ, что не царевичъ Дмитрій
Идетъ въ Москву съ иноплеменной силой,
А воръ, разстрига, еретикъ Отрепьевъ.
Повѣрили иль нѣтъ, и кто повѣрилъ
Словамъ моимъ, не знаю; я исполнилъ,
Что̀ царь велѣлъ. Вотъ вся вина моя!

Басмановъ.

Не вѣрь ему, великій государь!

Шуйскій.

Я все сказалъ, что̀ за собою вѣдалъ,
Передъ лицомъ царя я повинился,
И больше нѣтъ вины за мной. Ведите
Пытать меня, хоть до смерти замучьте,
Вы не услышите ни слова больше!
Напрасно ты, Петръ Ѳедорычъ, безвинныхъ
Сиротъ пыталъ! Узнать тебѣ хотѣлось,
Что̀ говорилъ, по царскому приказу,
Я съ Лобнаго; на каждомъ перекресткѣ
Спросилъ-бы ты, — тебѣ безъ пытки скажутъ,

Да не запрусь и я: не потихоньку —
На всю Москву я громко говорилъ.
Ждетъ милостей народъ, а ты пытаешь.
Что̀ значитъ — кровь! Отецъ былъ въ палачахъ,
И ты по немъ.

Басмановъ.

Онъ лжетъ передъ соборомъ,
Безстыдно лжетъ! Онъ вѣдомый обманщикъ!
Не съ Лобнаго, — то было, да прошло, —
Въ своемъ дому недавно онъ народу
Бездѣльныя тѣ рѣчи говорилъ.

Шуйскій.

Ни слова! Стой! Заглазно, сколько хочешь,
Нашептывай; въ глаза не смѣй порочить
Вѣрнѣйшихъ слугъ московскихъ государей!
Чѣмъ клеветать на Шуйскихъ, вы-бы лучше
Царямъ служить у Шуйскихъ поучились.

Щелкаловъ.

У тѣхъ-ли Шуйскихъ, что̀ въ Литву бѣжали?
У тѣхъ-ли Шуйскихъ, что̀ царя Ивана
Въ младенчествѣ не досыта кормили,
Въ его глазахъ бояръ его губили,
Съ митрополитовъ облаченье рвали?
Или у тѣхъ, что̀ черный людъ московскій
Не разъ, не два водили бунтомъ въ Кремль?

Шуйскій.

Нашъ родъ большой: въ семьѣ не безъ урода.
Я-бъ насчиталъ тебѣ десятки Шуйскихъ,
Пролившихъ кровь и головы сложившихъ
На всѣхъ концахъ, на всѣхъ украйнахъ русскихъ,
Въ бою ручномъ и въ городскихъ осадахъ, —
Да говорить я не хочу съ тобой.

Бѣльскій.

Боясь Бориса, ты солгалъ народу,

Зачѣмъ-же ты потомъ не повинился
Во лжи своей? Когда Гаврило Пушкинъ
Съ Плещеевымъ намъ грамоты читали
Димитрія Иваныча, ты гдѣ былъ?
Ты что̀-жь молчалъ? А въ день царева въѣзда
Опять не ты, а я да Петръ Басмановъ
Поѣхали съ народомъ говорить, —
А ѣхать-бы, по совѣсти, тебѣ!
Ты Ѳедоромъ Иванычемъ былъ посланъ
Похоронить царевича, ты знаешь,
Кого ты хоронилъ. Вы съ патріархомъ
Не разъ божились, что царевичъ Дмитрій
Похороненъ тобой въ соборной церкви;
Зачѣмъ-же ты молчишь теперь, не скажешь
Народу правды? Вы похоронили
Попова сына, такъ-бы ты и молвилъ;
А ты молчишь да морщишься — молъ, знаю,
Да не скажу до случая.

Дмитрій.

Василій,
Зачѣмъ молчалъ ты о своемъ обманѣ?
Ты виноватъ передо всѣмъ народомъ, —
Ты лгалъ ему. Я здѣсь, я на престолѣ,
Не въ Угличѣ, не мертвый! Хоронили
Другого вы. Кого вы хоронили?
Ну, говори!

Голоса.

Казнить его, злодѣя!

Шуйскій.

Ты выслушай, великій государь!
Про мой обманъ, про вымыслы Бориса
Народъ забылъ и знать про то не хочетъ,
На радости. Бездѣльныя тѣ рѣчи
Я говорилъ давно; съ Мстиславскимъ послѣ
Мы за тебя, подъ звономъ колокольнымъ,

Народъ московскій ко кресту водили
И вѣрой, правдой, не жалѣя жизни,
Служить тебѣ учили. Для чего-же
Про старое напоминать народу?
И Бѣльскій, да Басмановъ неразумно
Народъ московскій на Пожаръ сбивали,
Чтобъ клясться въ томъ, чему и такъ всѣ вѣрятъ.
Не даромъ-же руками имъ махали,
Чтобъ не клялись: „Мы и безъ васъ-де знаемъ".
А безъ нужды божиться, лишь въ сомнѣнье
Народъ вводить ... И стало имъ обидно,
Что я разумно сдѣлалъ, не поѣхалъ
На Лобное. Чему-бы обижаться?
Кому какъ Богъ дастъ: разумъ или глупость,
Такъ и живи! На Бога съ челобитьемъ
Къ кому пойдешь?
Великій Государь,
Я все сказалъ тебѣ, что̀ можетъ правый
Сказать въ защиту правоты своей.
Теперь въ твоихъ рукахъ и судъ, и милость,
И головы, и честь холопей царскихъ,
Бояръ исконныхъ, Суздальскихъ князей.

Дмитрій.

Увесть его

(Шуйскаго уводятъ.)

Вы слышали, бояре,
Окольничьи и думные дворяне,
И вы, честные люди; обсудите
И приговоръ поставьте по закону
И совѣсти, — и расходитесь съ Богомъ!
Чему приговорите, такъ и быть.

(Выходитъ изъ палаты, впереди идутъ рынды и Скопинъ-Шуйскій.)

Мстиславскій.

Подумайте! Чтобъ не было обиды:
Казнить легко, да послѣ не воротишь.

Басмановъ.

Хоть думайте, хоть нѣтъ, а онъ измѣнникъ!
(Щелкалову.)
Пиши скорѣе приговоръ соборный!

Щелкаловъ.

Честной соборъ, чему повиненъ Шуйскій?

Голоса.

Казнить его! Повиненъ смертной казни.
Измѣнникъ онъ! Ему и смерти мало!
Всѣ Шуйскіе измѣнники! И братьевъ
Помиловать нельзя. Какая милость!
Всѣмъ Шуйскимъ смерть! На томъ и порѣшили.

Мстиславскій.

А тѣхъ за что̀? Они не виноваты.

Одинъ голосъ.

Чай, Дмитрій-то свояки съ Годуновымъ,
Вотъ и вина.

Мстиславскій.

Нѣтъ, этакъ не порядокъ!

Щелкаловъ.

Такъ что̀-жь писать?

Одинъ голосъ.

Пиши: казнить Василья,
А Дмитрію съ Иваномъ снять боярство,
И въ ссылку ихъ по дальнимъ городамъ.

Щелкаловъ.

Согласны всѣ?

Голоса.

Согласны! Ладно, ладно!
Чтобъ такъ и быть тому безъ перемѣны!

Мстиславскій.

Пиши, Василій! Расходитесь съ Богомъ!

(Всѣ расходятся съ поклонами. Остаются: Мстиславскій, Голицынъ, Воротынскій, Бѣльскій, Масальскій, Басмановъ и Щелкаловъ, который садится за столъ и пишетъ.)

Мстиславскій.

Народъ — волна: куда его подуетъ,
Туда и льетъ. Ужь Шуйскихъ-ли не любятъ,
А вымолви за нихъ въ защиту слово,
Такъ разорвутъ.

Воротынскій

Не знаю только, ладно-ль
Судить бояръ соборомъ черни буйной!

Голицынъ.

Коротокъ судъ народный, — безпощадный,
Кровавый судъ, безъ совѣсти, безъ толку, —
Въ немъ Бога нѣтъ.

Мстиславскій.

И затѣвать не надо-бъ.

Голицынъ.

Служу царю, пусть царь меня и судитъ,
А не торговцы изъ лубочныхъ лавокъ.

Мстиславскій.

Убійство, а не судъ. Мнѣ Шуйскихъ жалко.

Голицынъ.

Кому-жь не жаль! Нѣтъ, Шуйскій пригодился-бъ,
Что̀ ни толкуй! Онъ плутъ и проидоха,
А все нашъ братъ, — бояринъ, намъ онъ свой.

Басмановъ.

О чемъ, бояре?

Голицынъ.

О судѣ толкуемъ,

Что глупъ народъ и безтолковъ, и буенъ,
А разсудилъ по правдѣ.

Басмановъ.

Это вѣрно.

Голицынъ.

А все-жь не дѣло черному народу
Судить бояръ. Онъ долженъ ихъ бояться
Да слушаться; а дай ему почуять,
Что онъ судья надъ нами, плохо будетъ:
Онъ самъ начнетъ безъ царскаго указа
Судить, рядить да головы рубить.

Басмановъ.

А что̀, вѣдь правда!

Голицынъ.

Есть о чемъ подумать;
Подумаешь, — зачешется затылокъ.

Басмановъ.

Не напророчь! Не дай Господь дождаться!

(Входитъ Дмитрій.)

Дмитрій.

На чемъ рѣшили?

Щелкаловъ.

Шуйскаго Василья
Соборомъ всѣмъ казнить приговорили,
А братьевъ разослать по городамъ.
Какъ ты прикажешь?

Дмитрій.

Приговоръ исполнить!
На Лобномъ мѣстѣ завтра прочитать
Его Василью, положить на плаху
Бунтовщика, занесть топоръ надъ нимъ

И объявить, что мы его прощаемъ,
Что, вмѣсто казни, посылаемъ въ ссылку
По смерть его, съ лишеніемъ боярства;
А вотчины и все имѣнье Шуйскихъ
Мы отписать велимъ въ свою казну.

Мстиславскій.

Пошли, Господь, тебѣ на многи лѣта
И радостей, и счастья, государь!

Дмитрій.

Довольны вы?

Голицынъ.

Языкъ всего не скажетъ,
Что̀ чувствуетъ душа; мы лучше дома
Помолимся о здравіи твоемъ
И долголѣтіи.

Щелкаловъ.

Куда прикажешь,
Великій государь, сослать Василья?

Дмитрій.

За Кострому, — и завтра-же отправить!
Не доѣзжая мѣста, воротить
Его въ Москву и возвратить боярство
И вотчины, и все его имѣнье ... (Масальскому.)
А Ксенія все плачетъ, все тоскуетъ?

Масальскій.

У насъ уходъ за ней, какъ за царицей.

Дмитрій.

Не знаешь-ли, чѣмъ слезы ей унять?

Масальскій.

Уймутся сами. Скоро высыхаетъ
Роса на солнцѣ, а дѣвичьи слезы
Еще скорѣй.

Дмитрій.

Замѣтилъ ты, Масальскій:
Въ слезахъ она становится красивѣй,
Чѣмъ такъ, безъ слезъ?

Масальскій.

Такъ пусть она и плачетъ!

Дмитрій.

Такихъ очей я ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ
Не видывалъ. Она меня полюбитъ!
Какъ думаешь, Масальскій, вѣдь полюбитъ?

Масальскій.

Великій государь, ума не хватитъ
О дѣвкахъ думать. Что̀-жь объ дѣвкѣ думать,
Полюбитъ-ли! Да что̀-жь ей больше дѣлать,
Какъ не любить? Одна у нихъ забота ...

Дмитрій.

Поѣдемъ къ ней! Желалъ-бы я предъ нею
Съ соперникомъ сразиться, чтобы сердце
Красавицы отъ страха трепетало
И побѣдителю наградой было.
Я Ксенію люблю. Скажи, Масальскій,
Чѣмъ покорить могу ея я сердце?

Масальскій.

Что̀ покорять! Она не врагъ тебѣ;
Вели любить, и разговоръ коротокъ. (Уходятъ.)

Голицынъ (Басманову).

Что̀ пріунылъ, Петръ Ѳедорычъ? Обидно,
Что службишка твоя пропала даромъ?

Мстиславскій.

Служи царю мечомъ на ратномъ полѣ
Да въ думѣ головой, а не доносомъ, —
Никто тебя обидѣть не посмѣетъ.

Басмановъ.

Обидно мнѣ не за себя, бояре!
Онъ добрый царь, но молодъ и довѣрчивъ;
Играетъ онъ короной Мономаха
И головой своей, и всѣми нами. (Уходятъ.)

Сцена пятая.

(18 июля 1605 г.). Шатеръ въ селѣ Тайнинскомъ.

Полы шатра распахнуты; видны: два ряда стрѣльцовъ, за ними народъ, вдали деревянный дворецъ. Входятъ: **царица Марѳа и Скопинъ-Шуйскій.**

Царица Марѳа.

(Садясь на стулъ и робко осматриваясь.)

Младый, цвѣтущій юношь, князь Михайло
Васильевичъ, зачѣмъ меня, старуху,
Ты вытащилъ изъ монастырской кельи?
Отъ суеты мірской давно отвыкла,
Охъ, я давно отвыкла!

Скопинъ-Шуйскій.

Государемъ
Приказано мнѣ привезти тебя;
Онъ по тебѣ давно скучаетъ. Будешь
Ты, наша мать, царицею московской. (Кланяется.)

Царица Марѳа.

Повѣрь ты мнѣ, голубчикъ, ничего-то,
Охъ, ничего-то мнѣ не надо! Только
Въ монастырѣ и жить мнѣ; я забыла,
Какъ люди-то живутъ.

Скопинъ-Шуйскій.

Въ Москвѣ немало
Жилья тебѣ; въ любомъ монастырѣ
Великой государынѣ есть мѣсто.

Попомни насъ тогда, своихъ холопей!
За дядю гнѣва не держи на насъ!

Царица Марѳа.

Забыла я, голубчикъ, все забыла!
Ты младъ еси, а красенъ и разуменъ,—
Гуляешь холостъ?

Скопинъ-Шуйскій.

Не женатъ пока ...
Петръ Ѳедорычъ идетъ къ тебѣ, царица. (Уходитъ.)

Царица Марѳа.

Ну, пусть идетъ! О, Господи, помилуй!
Вотъ грѣхъ какой, какое попущенье!
Туманъ въ глазахъ, кружится голова.
Что̀ говорить, что̀ дѣлать? Гдѣ набраться
Мнѣ разума? Ну, буди власть Господня!

(Басмановъ входитъ; по̀лы шатра закрываются.)

Басмановъ (кланяясь въ ноги).

Царица наша, наша мать родная,
Ужли холопа Петьку позабыла?

Царица Марѳа.

Ты, Петя, встань! Ты молодъ былъ тогда.

Басмановъ.

Великій царь и государь, Димитрій
Ивановичъ, зоветъ въ свой городъ стольный
Тебя, царицу.

Царица Марѳа.

Охъ, везутъ насильно,
А не зовутъ меня.

Басмановъ.

Онъ повелитель,
Не только звать — и приказать онъ можетъ.

Сама-бы ты должна на-встрѣчу сыну
Не ѣхать, а летѣть.

Царица Марѳа.

На-встрѣчу сыну?
Гдѣ сынъ-то мой, Петръ Ѳедорычъ? Гдѣ сынъ-то?!
Не знаешь ты, такъ я тебѣ скажу:
Я въ Угличѣ его похоронила,
Отъ слезъ моихъ тамъ рѣки протекли ...

Басмановъ.

Не говори, царица! Живъ Димитрій
Ивановичъ.

Царица Марѳа (не слушая).

У Спаса мы стояли
Обѣдню съ нимъ въ субботній день, на память
Пахомія Великаго; въ ту пору
Послалъ Господь такой-то красный день
И таково тепло ...

Басмановъ.

Царица наша,
Такихъ рѣчей мнѣ слушать непригоже!

Царица Марѳа (не слушая).

И, быть грѣху, пришли мы отъ обѣдни,
Пошла я въ верхъ, сижу да отдыхаю,
А онъ внизу съ ребятками играетъ;
Извѣстно дѣло, ноги молодыя
Не устаютъ; и понесли намъ ѣству;
Хочу я встать — царевича покликать,
Вдругъ слышу крикъ, такъ сердце и упало!
Бѣгу съ крыльца, кормилка держитъ Митю, —
А онъ кончается, а сука мамка ...

Басмановъ.

Забудь про все! Одно, царица, помни,
Что ты всю жизнь терпѣла отъ злодѣевъ.

И самъ Борисъ, и всѣ его холопы
Надъ царскою вдовою издѣвались.
Пришла пора поцарствовать тебѣ,
На зло врагамъ твоимъ, на радость братьямъ
И сродникамъ, опальнымъ, заключеннымъ.

Царица Марѳа.

Прошли года, во мнѣ затихла злоба;
Отъ радостей мірскихъ я отреклась.
Борисъ въ могилѣ, — насъ Господь разсудитъ,
Его холопямъ мстить я не хочу!
Вотъ, еслибъ вы въ то время догадались,
Какъ я въ слезахъ, обрызганная кровью
Царевича, по Угличу металась,
Безумная, звала людей и Бога,
Кровавыя поднявши къ небу руки,
На месть Борису, — если бы тогда
Возстала Русь, Литва и вся Украйна
На этотъ родъ проклятый годуновскій,
Разлучниковъ единокровныхъ братьевъ,
И надо было, чтобъ царевичъ ожилъ,
Воскресъ убитый, — я тогда-бы сыномъ
Подкидыша паршиваго признала,
Щенка слѣпого дѣтищемъ роднымъ!..

Басмановъ.

Замкни уста! Ты Дмитрія не знаешь!
Онъ наша радость, наше упованье.
Остановись! Душа моя не стерпитъ
Не вынесетъ она позорной брани.

Царица Марѳа.

Пугать меня, жену царя Ивана, —
Того Ивана, передъ кѣмъ вы прежде,
Какъ листья на осинѣ, трепетали!
Я не боялась и царя Бориса,
Не побоюсь тебя, холопъ! (Входитъ Дмитрій.)

Басмамовъ.

Царевичъ! (Уходитъ.)

Дмитрій (бросается къ царицѣ).

Родимая!

Царица Марѳа.

(Останавливая его посохомъ.)

Постой-ко! Ничего-то
Ты непохожъ. (Отворачивается.)

Дмитрій.

Зачѣмъ тебѣ наружность?
Моя душа горитъ къ тебѣ любовью
Сыновнею! (Цѣлуетъ ей руку.)
Пока ты въ заключеньи,
Среди старухъ, отжившихъ и бранчивыхъ,
Постомъ невольнымъ изнуряла тѣло
И молодость свою въ слезахъ губила,
И вянулъ даромъ блескъ очей твоихъ
И величавость царственнаго стана,
Я тронъ тебѣ готовилъ, я злодѣевъ
Твоихъ губилъ, сбиралъ твой родъ и племя
По годуновскимъ тюрьмамъ, и вкругъ трона
Поставилъ ихъ въ блестящемъ одѣяньи
Сановниковъ ближайшихъ! Я очистилъ
Широкій путь тебѣ въ твою столицу.
А ты взглянуть не хочешь на меня
И гонишь прочь, какъ недруга?

Царица Марѳа.

Молиться
Всю жизнь мою за милости твои
И чтить въ тебѣ царя, рабой, коль хочешь,
Служить тебѣ, — я съ радостію буду.
Но матерью!.. Нѣтъ! Сердца не обманешь!
Не такъ оно забьется, если сына
Родимаго прижмешь къ своей груди!

Пусти меня опять въ мою обитель, —
Не сынъ ты мнѣ.

Дмитрій.

А много-ль нѣжной ласки
Ты видѣла отъ сына? И не скучно
Безъ ласки жить тебѣ?.. Ребенкомъ малымъ,
Играючи, онъ прибѣгалъ къ тебѣ
Склонить свою головку на колѣна
И засыпать подъ шопотъ нѣжныхъ словъ;
Другой любви и ласки онъ не вѣдалъ.
Прошло и то, и рано ты осталась
Съ сиротскими слезами вѣковать! (Царица Марѳа плачетъ.)
Припалъ-ли онъ хоть разъ къ твоимъ колѣнамъ
Царемъ въ вѣнцѣ и бармахъ Мономаха,
При радостныхъ слезахъ всего народа?
Просилъ-ли онъ себѣ благословенья
Землею править, судъ и правду дѣять,
Прощать виновныхъ именемъ священнымъ
Царицы-матери, несчастнымъ слезы
Ея руками отирать?

Царица Марѳа.

О, еслибъ
Ты былъ мой сынъ! Поди ко мнѣ поближе,
Взгляни еще въ мои глаза!.. (Тихо.) Димитрій,
Ты сирота, безъ племени и рода!
Я ласкъ твоихъ не отниму у той ...
Другой!.. Она, быть можетъ, втихомолку,
Въ своемъ углу убогомъ, предъ иконой
О миломъ сынѣ молится украдкой?
Иль здѣсь, въ толпѣ народной, укрываетъ
Лицо свое, смоченное слезами,
И издали, дрожащею рукою
Благословляетъ сына?

Дмитрій.

Нѣтъ! О, нѣтъ!

Царица Марѳа.

Одна-ли буду матерью твоей,
Одна-ль любить тебя, меня одну-ли
Полюбишь ты?

Дмитрій.

О, да! Одну тебя!
Ты назовись лишь матерью, — я сыномъ
Сумѣю быть такимъ, что и родного
Забудешь ты.

Царица Марѳа.

Тебя я полюбила ...

Дмитрій.

Невиданнымъ почетомъ и богатствомъ
Украшу я твое уединенье
Въ обители; подъ этой грубой ризой
По золоту парчей пойдешь ты къ трону!
Смотри сюда ... (Открываетъ полу палатки.)
Отъ нашей царской ставки
До стѣнъ Кремля шумятъ народа волны
И ждутъ тебя. Одно лишь только слово!
И весь народъ, и я, твой сынъ вѣнчанный,
Къ твоимъ стопамъ, царица, упадемъ.
(Склоняется передъ нею.)

Царица Марѳа (поднимая его).

Ты мой! Ты мой!

Дмитрій.

И сынъ, и рабъ покорный!
Обнимемся! Союзомъ неразрывнымъ
Мы связаны на жизнь и смерть. Пойдемъ!
Отбрось теперь свой посохъ: эти плечи
Могучія тебѣ опорой будутъ. (Выходятъ къ народу.)

Народъ.

Царица! Мать родная! Ты сиротамъ,
Рабамъ твоимъ, покровъ и заступленье!

Сцена шестая.

Комната въ домѣ Голицына.

Входятъ: Мстиславскій, Воротынскій и Голицынъ. Слуги вносятъ чаши съ медомъ.

Мстиславскій (Голицыну).

Ты насъ зазвалъ къ себѣ на перепутье,
На пирожокъ, на чарочку винца,
А угостилъ и до̀-пьяна, и сыто.

Голицынъ.

Чѣмъ Богъ послалъ! Какое угощенье!
Вотъ въ Краковѣ Аѳонька нашъ пируетъ,
Не намъ чета, и чортъ ему не братъ,
Ломается — гляди, что курамъ на̀-смѣхъ.
А мы въ Москвѣ играемъ въ городки.
Однако, царь изрядно проминаетъ
Бояръ своихъ. На земляную стѣну
Полѣзетъ самъ, и ты за нимъ ступай!
А тутъ-то насъ, не изъ пищалей, правда,
А палками по чемъ попало лупятъ.

Мстиславскій.

Ученье — свѣтъ, а неученье — тьма.

Голицынъ.

Бока болятъ отъ этого ученья,
А толку нѣтъ. Не на кулачки драться,
Не лѣзть на башню прямо подъ обухъ, —
Приказывать — боярское есть дѣло.

Воротынскій.

Бока болятъ! Ну, поболятъ немного,
Да заживутъ; безчестье не велико.
А вотъ безчестье: Юрій Мнишекъ пишетъ
Высоко больно, къ умаленью чести
Боярской нашей.

Мстиславскій.

Такъ-ли, князь Иванъ
Михайловичъ?

Воротынскій.

Чегò-жь еще! Онъ пишетъ:
„Я вамъ царя поставилъ, я-де началъ
„И кончилъ все, и, какъ-де я пріѣду,
„Передъ царемъ о васъ стараться буду
„О умноженьи вашихъ правъ боярскихъ“.
Какихъ еще намъ правъ?

Голицынъ.

Оно-бъ не худо
Шляхетскія намъ вольности имѣть;
Да вотъ бѣда, — панъ Юрій Мнишекъ сядетъ
На насъ на всѣхъ, между царемъ и нами

Мстиславскій.

Оставимъ лучше эти разговоры.
Не намъ судить! Чтò будетъ, то и будетъ.

Голицынъ.

Ну, пусть-бы Мнишекъ, а гляди, — наѣдетъ
Родня его и сядетъ въ думѣ царской
Съ боярами. Гоняетъ, какъ мальчишекъ,
Насъ царь теперь, а ужь тогда и вовсе
Молчать придется да глазами хлопать,
Какъ дуракамъ.

Мстиславскій.

Ты хмеленъ, князь Василій.

Голицынъ.

И хмеленъ, да уменъ, такъ два угодья.

Воротынскій.

А чтò писать намъ Юрію? Вотъ, Шуйскій
И нуженъ-бы!

Мстиславскій.

Безъ Шуйскаго напишемъ,
Подумавши. Подумай, князь Василій,
И намъ скажи!

Голицынъ.

Пишите вотъ что:
„Панъ Юрій! Грамотку твою читали,
„А пишешь ты про службу государю,
„Что въ дохожденьи прирожденныхъ панствъ
„Служилъ ему и промышлялъ съ радѣньемъ,
„И хочешь впредь добра ему хотѣть,
„И мы тебя теперь за это хвалимъ".
Вотъ и конецъ!

Мстиславскій.

Разумно! Такъ и надо!
Пускай его читаетъ. (Входитъ Куракинъ.)

Куракинъ.

Шуйскій ѣдетъ
Въ Москву опять.

Мстиславскій.

Ну, радость не велика.

Голицынъ.

Не все на волка, ты скажи — по волку!
Ну, хочешь-ли побиться, князь Ѳеодоръ
Ивановичъ, — а вотъ князья разнимутъ:
Я бьюсь съ тобою о великъ закладъ,
Что не пройдетъ недѣли,—князь Василій
И въ думѣ первый, и въ совѣтѣ будетъ,
И самый ближній другъ царю. Ну, хочешь?

Мстиславскій.

Завидовать не стану, не завистливъ.
Его при немъ! Прощай! (Уходитъ.)

Голицынъ.

Прощай, князь Ѳедоръ
Ивановичъ.

Воротынскій.

И я за шапку.

Голицынъ.

Что̀-же!
Ты, князь Иванъ Михайлычъ, посидѣлъ-бы.
Ну, посиди.

Воротынскій.

До дому, князь Василій
Васильевичъ, пора. Прощенья просимъ;
Женишка ждетъ.

Голицынъ.

Ну, какъ, князья, хотите!
Я не держу: насильно милъ не будешь.

(Уходятъ. Голицынъ скоровозвращается; наливаетъ два кубка: одинъ Куракину, другой себѣ.)

За вѣсть спасибо!

Куракинъ.

Было-бы за что̀!

Голицынъ.

Не торопись. Недолго ждать, увидишь.
Я во хмелю, языкъ поразвязался,
Душа горитъ. Ты — другъ; передъ тобою
Могу я смѣло душу распахнуть.

Куракинъ.

Еще-бы нѣтъ! Одна душа, — два тѣла!
Умретъ со мной.

Голицынъ.

Дай Шуйскому пріѣхать
Да осмотрѣться; онъ сейчасъ увидитъ,

Куда ведутъ совѣтники слѣпые
Царька слѣпого ...

Куракинъ.

Ну?

Голицынъ.

Онъ имъ поможетъ.
Съ Басмановымъ онъ больше не заспоритъ:
Поддакивать и поблажать имъ будетъ;
И царикъ нашъ попрыгаетъ недолго.

Куракинъ.

А послѣ что̀? На тронъ Мстиславскій сядетъ.

Голицынъ.

Мстиславскій? Нѣтъ! Его на то не хватитъ;
Ума не нажилъ, смѣлости подавно;
А сѣсть на царство — мудрена наука.

Куракинъ.

Ну, Шуйскій.

Голицынъ.

Вѣрно. Только съ уговоромъ:
Пусть грамоту напишетъ онъ боярству
И поцалуетъ крестъ, — безъ нашей думы
Не дѣлать шагу: смертью не казнить,
Помѣстій, отчинъ и дворовъ не трогать
Безъ нашего суда; а кто по сыску
Дойдетъ до казни, — женъ, дѣтей не грабить;
Доводчиковъ не слушать! Да не токмо
На насъ, бояръ, не класть своей опалы,
Не осудя, — гостей, людей торговыхъ,
И волосомъ не трогать безъ суда!
Когда языкъ ему и руки свяжемъ,
Пусть царствуетъ.

Куракинъ.

Такое дѣло ново,

И Шуйскому какая-же неволя
Приказчикомъ боярскимъ быть на тронѣ?!

Голицынъ.

Безъ записи такой не сѣсть на царство
Ни одному изъ насъ: другъ друга знаемъ;
Переплелись обидой да безчестьемъ
Боярскіе роды; одной семьи нѣтъ,
Чтобъ на другую зубы не точила.
Свои друзья, свои враги у всѣхъ;
Кто ни взойди теперь на тронъ московскій,
Родня, друзья сейчасъ его облѣпятъ,—
Врагамъ не жить.

Куракинъ.

Мудреная задача!
Не думаю, чтобъ Шуйскій поддался:
Онъ травленный.

Голицынъ.

Ну, мы не будемъ плакать;
Тогда пошлемъ къ Жигмонту Владислава
Просить на царство: ѣшь меня собака
Невѣдомая, только не своя . .
Пора къ царю, телятъ нарядныхъ кушать. (Уходятъ.)

Сцена седьмая.

Черная изба у Шуйскаго.

Входятъ: **Василій Шуйскій**, въ крестьянскомъ кафтанѣ, и **Дворецкій**.

Василій Шуйскій.

Пускай не всѣхъ, а только самыхъ близкихъ,
И то простыхъ людей, — изъ думы только
Татищева; а прочимъ говори,
Что скорбенъ, молъ: не только человѣка,
И свѣту Божьяго не хочетъ видѣть.

Дворецкій.

Калачникъ Ваня разъ десятокъ мимо
Воротъ прошелъ, за тыномъ притулился,
Войти не смѣетъ.

Василій Шуйскій.

Ну, пусти его,
Введи его тихонько заднимъ ходомъ.

(Дворецкій уходитъ.)

Калачники, разносчики, торговцы,
Попы безъ мѣстъ, да странный, да убогій,
Да голь кабацкая — меня жалѣютъ
И помнятъ обо мнѣ, а наша братья:
Совѣтчики да судьи, да думцы
Великіе, — что̀ борода, то дума,
Что̀ лобъ, то разумъ, — тѣ меня забыли:
Поклона ждутъ ... Да не дождутся: съ ними
Заигрывать, какъ съ дѣвками, не стану.
Придетъ пора, поклонятся и сами.
Я не брезгливъ, мнѣ всякій другъ, кто нуженъ.
И сволочь хороша: не плюй въ колодецъ!
Велика сила шлющійся народъ! (Калачникъ входитъ.)
Что̀ скажешь, другъ Иванъ?

Калачникъ.

Тебя, бояринъ,
Отецъ ты нашъ, въ живыхъ не чаялъ видѣть;
Вотъ, Богъ привелъ! Ну, какъ ты воротился?
Здорово-ли? Объ насъ не позабылъ-ли?
Не бросишь-ли сиротъ своихъ?

Василій Шуйскій.

Не брошу.

Калачникъ.

Ну, дай тебѣ Господь! А мы все тѣ-же,
Мы все твои. Я бьюсь теперь, бояринъ,

Изъ пустяковъ; повѣсили-бъ ужь, что̀-ли,
Меня скорѣй, иль голову срубили!

Василій Шуйскій.

Съ чего-бы такъ?

Калачникъ.

Жить нѐ-мило, бояринъ!
Разсказывать аль нѣтъ? Коль будешь слушать,
Я все скажу, а то вели отправить
Къ Басманову меня: я ворогъ царскій.

Василій Шуйскій.

И то, пошлю.

Калачникъ.

Такъ посылай скорѣе!
Я голова отпѣтая. Довольно
Погуляно, пора костямъ на мѣсто.

Василій Шуйскій.

Куда спѣшить! Басмановъ подождетъ.
А ты покуда говори, что̀ знаешь!
Что̀ новаго?

Калачникъ.

Все новое, бояринъ!
Палаты новы у царя; у нѣмцевъ
Кафтаны новы, — бархатъ фіолетовъ;
У русскихъ вѣра новая, — латинцы
Въ самомъ Кремлѣ поставили костелъ
И цѣлый день гнусятъ свои обѣдни
Своимъ душамъ на вѣчную погибель
И на соблазнъ крещеному народу.
Теперь обѣдать съ музыкой садятся,
Ни молятся, ни рукъ не умываютъ.
Поляки бьютъ народъ, сѣкутъ и рубятъ
И встрѣчнаго, и поперечныхъ; бродятъ
По улицамъ, по лавкамъ, по базарамъ,
Берутъ добро безъ денегъ и безъ спросу.

Василій Шуйскій.

И всѣ молчатъ?

Калачникъ.

Нельзя и рта разинуть,
Защиты нѣтъ. Въ застѣнокъ да на плаху!
Петръ Ѳедорычъ лютѣе волка сталъ:
Живого съѣстъ. Казнитъ немилосердно;
Монаховъ чудовскихъ поразослали;
Тургенева казнили на Пожарѣ.
Чай, брата зналъ меньшого, Ѳедьку?

Василій Шуйскій.

Какъ-же,
Ну, какъ не знать!

Калачникъ.

Горячій былъ, какъ я-же;
Доводчики его оговорили.
Коротокъ судъ: свели его на плаху.
Безъ брата жизнь постыла мнѣ, бояринъ.
Я живъ брожу, а онъ въ сырой землѣ;
И мнѣ туда-жь. Да лишь-бы поскорѣе!
За дешево я голову-бы продалъ!
Нужна тебѣ?

Василій Шуйскій.

Повремени до срока.
Ты голову сложить всегда поспѣешь;
Не торопись: быть можетъ, пригодится
На что̀-нибудь. Бери лотокъ на плечи,
Торгуй опять. Помалчивай о братѣ,
Повеселѣй гляди, на прибаутки
Не поскупись, да не болтай пустого!
А я тебя за прежнія заслуги,
Ужь такъ и быть, помилую: Петрушкѣ
Басманову рѣчей твоихъ не выдамъ. (Смѣются оба.)
Въ нуждѣ иль горѣ приходи ко мнѣ. —

И выручу, и денегъ дамъ на нужду.
Убогій гдѣ?

Калачникъ.

Въ Москвѣ. Да мелетъ что̀-то
Нескладное.

Василій Шуйскій.

А гдѣ живетъ?

Калачникъ.

Въ поварнѣ
У патріарха, только кормятъ плохо.

Василій Шуйскій.

Пришли его. Да заходите чаще.

(Входитъ Дворецкій.)

Дворецкій.

Масальскій князь съ боярами наѣхалъ
Отъ самого царя. (Калачникъ уходитъ.)

Василій Шуйскій.

Ворота настежь!

Дворецкій.

Я растворилъ.

Василій Шуйскій.

И двери настежь живо!

(Дворецкій отворяетъ дверь. Входятъ: Масальскій, бояре и дворяне.)

Масальскій.

Великій царь и государь Димитрій
Ивановичъ велѣлъ тебѣ сказать,
Бояринъ, князь Василій, княжъ Иванычъ,
Что онъ вины не помнитъ и опалу
Твою съ тебя снимаетъ, санъ боярскій
И вотчины, и все добро твое
Онъ жалуетъ тебѣ и дозволяетъ
Опять его царевы очи видѣть

Пресвѣтлыя, и жалуетъ кафтаномъ
И шубою, и шапкою боярской.

Василій Шуйскій.

Великіе бояре, вы, царевы
Совѣтчики, краса земли московской!
Скажите мнѣ, послѣднему холопу,
Какимъ путемъ-дорогой иль тропами
Звѣриными вы ѣхали ко мнѣ?
Да развѣ есть ко мнѣ дорога, лѣсомъ
Не заросла, не завилась травою?
Какихъ людей попутныхъ вы встрѣчали?
Кто васъ провелъ, кто показалъ домишко
Убогій мой? Да развѣ есть на свѣтѣ
Василій Шуйскій? Развѣ люди помнятъ
Въ Москвѣ о немъ? Великіе бояре!
Не вы нашли, не люди вамъ казали
Пути-дороги, — царь вамъ приказалъ
Найти меня, и лѣсы преклонились,
И развился, какъ скатерть, путь широкій,
И поднялся, и свѣтелъ сталъ мой домъ,
Какъ царскія высокія палаты:
И живъ опять, и радостенъ хозяинъ;
Вчерашній смердъ — опять бояринъ царскій.
Скажите вы царю и государю,
Что дней моихъ остатокъ и дыханье
Послѣднее, — душевный каждый помыслъ
Я отдаю ему; что старъ и хилъ я,
Но силъ еще у Шуйскаго достанетъ,
Чтобъ доползти до ногъ его, коснуться
Его стопамъ холопскими устами
И вѣрнымъ псомъ на стражѣ стать у трона . . .
Сѣдлать коней! Боярскую одежду!
Лохмотья прочь! Я ѣду къ государю, —
А завтра васъ прошу къ себѣ, бояре,
На званый столъ, на разливанный пиръ, —
Отпраздновать со мной цареву милость! (Уходятъ).

II.

Сцена первая.

(23 апрѣля 1606 года).

Передняя комната въ новомъ дворцѣ у самозванца; за ней широкая галлерея съ цвѣтными стеклами

Выходятъ: **Татищевъ, за нимъ Василій Шуйскій.**

Василій Шуйскій.

Куда бѣжишь? Аль рѣчи не по мысли?

Татищевъ.

Ишь, нѐучи! Ужь это мы слыхали!
Обучимся и мы не торопясь.
Пусть вызовутъ изъ Греціи монаховъ!
Такъ нѣтъ, такой науки онъ не хочетъ ...
Отдай робятъ въ ученье езовитамъ ...
Меня морозъ по кожѣ подираетъ,
Готова брань сорваться съ языка,
На драку я пойду, на ножъ полѣзу,
Когда, шутя, о вѣрѣ говорятъ.
Какой онъ царь! Какой защитникъ церкви,
Когда латинской, езовитской вѣры
Отъ греческой не можетъ отличить!
Ему одно, что̀ наше православье,
Что̀ ересь ихъ. Кабы одно-то было,
Анаѳемѣ-бы ихъ не предавали.
А коль одно, такъ и пускай-бы въ нашу
Латинцы шли. — Вотъ, значитъ, не одно.
Татаринъ, жидъ, латинецъ, православный, —

Всякъ бережетъ свою; а у царя-то
Какая-же?

Василій Шуйскій.

Ну, значитъ, никакой.

Татищевъ.

А ты молчишь, бояринъ, князь Василій
Ивановичъ, иль дакаешь ему,
(сквозь зубы.)
Проклятому.

Василій Шуйскій.

Къ чему-же горячиться!
Само себѣ защита православье,
Гонителей оно не побоится.
И Ѳока, и Ульянъ-богоотступникъ
На Бога шли войной, да много-ль взяли? ...
Гонители погибли лютой смертью,
А вѣра православная стоитъ.
(Входятъ: Голицынъ и Мстиславскій.)

Голицынъ.

А вотъ у насъ и свадьба подоспѣла;
Опять пиры!

Василій Шуйскій.

Всю зиму пировали,
Играли въ зернь да пили безъ ума;
Опять за то-жь!

Мстиславскій.

Мы свадьбу отпируемъ,
И кончено, снарядимся въ походъ.

Василій Шуйскій.

Куда? Зачѣмъ?

Мстиславскій.

На крымскаго Гирея.

Василій Шуйскій.

Какая стать Казы-Гирея трогать
И турскаго султана задирать?
Кому нужда? — Жигмонту, нѣмцамъ, папѣ;
А мы въ чужомъ пиру похмѣлье примемъ.
На крымцевъ есть донскіе казаки:
Пусть рѣжутся — послать свинцу да зелья,
Да денегъ дать, — а послѣ отпереться,
Что намъ-де ихъ, воровъ, не удержать ...
Двѣ выгоды: дешевле и безъ драки;
И волки сыты, да и овцы цѣлы, —
Татары биты, да и мы съ султаномъ
Въ миру живемъ.

Татищевъ.

Походъ задуманъ въ Римѣ,
И сгоряча нашъ царь пообѣщался
Начать войну, чтобъ выманить отъ Польши
Жену да императорское титло.
Со Свейскимъ мы поссорились за Польшу,
Съ татариномъ и турскимъ за нее-жь ...
Такъ съ Польшей-то въ ладахъ-ли? Не бывало!
Поссоримся и съ ней.

Мстиславскій.

За что̀?

Татищевъ.

За титло
Непобѣдимаго. На печкѣ сидя,
Ни съ кѣмъ не воевавши, заслужили
Такую честь, — такъ намъ ее подай!
Сбирались-то втроемъ идти на турокъ:
А нѣмцы прочь; Жигмонтъ, угодникъ папскій,
И радъ-бы въ рай, да сеймомъ вяжутъ руки;
Останемся, какъ раки на мели.

Мстиславскій.

Одни пойдемъ; на что̀-жь новогородцевъ
И псковичей пригнали на Ходынку?

Василій Шуйскій.

Да много-ль ихъ? Всего восьмнадцать тысячъ.

Мстиславскій.

Въ Ельцѣ еще сбираются войска.

Василій Шуйскій.

А деньги гдѣ?

Голицынъ.

Великъ калымъ[1] платили;
Рѣкой течетъ московская казна
За польскую границу; Аѳанасій
Обозами возилъ туда два раза.

Мстиславскій

Нѣтъ, — онъ одинъ пойдетъ, не побоится!
Ему война — потѣха; спитъ и грезитъ
Онъ о войнѣ; ему безъ дѣла скучно.

Татищевъ.

Война — потѣха, вѣра на потѣху!
(Показывая въ окно.)
И у крыльца поставленъ для потѣхи
Треглавый адъ, — бряцаніе велико
Отъ челюстей и пламя изъ ушей,
Отверзты зубы, и готовы когти
На ухапленіе. И зрѣти страшно!
Потѣхи все; какое-жь дѣло свято?

Мстиславскій.

Татищевъ, ты не очень завирайся!
Не попадись опять!

---

[1] Калымъ — цѣна за невѣсту, выкупъ, выводныя

Татищевъ.

Языкъ мой — врагъ мой.

Мстиславскій.

Басманову ты кланяйся, а то-бы
Гулять тебѣ за Вологду иль Вятку,
Куда Макаръ телятъ не загонялъ.

(Татищевъ уходитъ, махнувъ рукой.)

Голицынъ.

Потише, царь идетъ.

(Изъ царскихъ комнатъ выходятъ: **Дмитрій, Басмановъ, Бѣльскій, Масальскій;** изъ галлереи показывается **Бучинскій** съ письмомъ.)

Бучинскій

(подавая Дмитрію письмо.)

Гонецъ съ дороги.

Дмитрій (прочитавъ письмо).

Мнѣ весело, бояре; нашу радость
Желалъ-бы я и съ вами раздѣлить.
Сегодня пиръ; придумайте потѣху
Веселую для радости моей.
Теперь, что день, то ближе наше счастье,
И скоро мы московскій тронъ украсимъ
Жемчужиной, какой не обладаютъ
Богатые индійскіе цари.
Какъ думаешь, Бучинскій, по разсчету,
Далеко-ли теперь невѣста наша?

Бучинскій.

Ея ясновельможность, цесаревна
Марина Юрьевна, — теперь въ Можайскѣ;
Его-мосць, воевода Сендомирскій
Ясновельможный панъ, въ Вяземахъ къ ночи.

Дмитрій.

Табунъ коней послать ему для встрѣчи!
Не помнишь-ли, какіе мы подарки,

Послѣдніе, послали съ Аѳанасьемъ
На-встрѣчу ей, царицѣ нашей, въ Вязьму?

Бучинскій.

Двѣ запоны алмазныя, корону
Алмазную, часы да жемчугъ низанъ.

Дмитрій.

И только, Янъ? Да это мало! Что̀-бы
Еще послать? А вотъ что̀, панъ Бучинскій:
Свези еще ей восемь ожерельевъ
И столько-же кусковъ парчи на платье ...
А жемчугу въ казнѣ какая пропасть!
Берешь, берешь, а все не убываетъ;
Куда дѣвать, придумать не могу.

Басмановъ.

Да пусть лежитъ; не пролежалъ-бы мѣста,
И хлѣба онъ не проситъ.

Дмитрій.

Панъ Басмановъ,
Я твоего не спрашивалъ совѣта ...
Готовы-ли кареты? А возницамъ
И конюхамъ подъ цвѣтъ каретный платье?
А новые шатры — встрѣчать царицу?

Басмановъ.

Готово все, великій государь.

Дмитрій.

Тамъ бархату въ царицыны покои
Недостаетъ.

Басмановъ.

Въ казнѣ давно не стало,
Да и въ Москвѣ едва́-ль его найдешь!
По всѣмъ купцамъ обѣгали.

Дмитрій.

Не знаю,
Вы бѣгали иль нѣтъ, а бархатъ нуженъ.
Найти его, чего-бы онъ ни стоилъ!
Что̀ нужно намъ, того не быть не можетъ.
Хоть тысячу, хоть больше дай за лоскутъ
Въ ладонь мою. Я денегъ не жалѣю.
Я прикажу, и будетъ мнѣ готово,
Не только бархатъ, — птичье молоко!

Басмановъ.

Камки, парчей и бархату цвѣтного
Истратили мы столько, государь,
Что запрудить Москву-рѣку хватило-бъ;
А соболей и камней многоцвѣтныхъ,
И денежной истрачено казны, —
И смѣты нѣтъ, и словъ такихъ не знаемъ.

Дмитрій.

Истрачено! Басмановъ! Панъ Басмановъ!
Кого я жду? Истрачено! Да еслибъ
Въ моей казнѣ алмазовъ было больше,
Я-бъ вымостилъ алмазами дорогу
Для панны Мнишковны.

Василій Шуйскій.

Да для чего-же
Копить, беречь ихъ въ темныхъ кладовыхъ?
Алмазъ, что человѣкъ, невиденъ въ кучѣ:
А посади его на видномъ мѣстѣ—
И заблеститъ. Недаромъ ихъ копили
Родители твои; они какъ знали,
Что Дмитрію придетъ пора ихъ тратить
На брачный пиръ, для славы государства,
На диво и на зависть иноземцамъ.

Басмановъ.

А ты забылъ, что тотчасъ послѣ пиру

Война у насъ, куда казна нужнѣе,
Подумай-ко!

Дмитрій.

Да неужли, Басмановъ,
Такъ много денегъ нужно на войну,
Что ихъ въ казнѣ у насъ не хватитъ? Вѣрьте,
Походъ коротокъ будетъ; мы нагрянемъ,
Какъ Божій гнѣвъ, на головы невѣрныхъ,
И долго будетъ страшно наше имя
Въ предѣлахъ ихъ, — великую добычу
И славный миръ мы завоюемъ разомъ.

Басмановъ.

Пословица у насъ: „Сбирайся на день,
А про запасъ бери на всю недѣлю!“

Василій Шуйскій.

Война — войной, а свадьба — свадьбой! Развѣ
Царю считать алтынами пригоже?
Подьячему, на жалованьи царскомъ,
На маленькомъ, а не царю — алтыны
Раскладывать на разныя потребы:
Одинъ на кашу, на кафтанъ другой.
Война у насъ не нынче и не завтра;
Пошлетъ Господь, такъ деньги соберутся:
Купцы дадутъ, въ монастыряхъ есть лишки.

Дмитрій.

Въ монастыряхъ онѣ лежатъ безъ пользы.
Не правъ-ли я?

Василій Шуйскій.

Безъ пользы, государь.

Дмитрій.

Подумайте, бояре, какъ-бы лучше
Разставить намъ гостей ясновельможныхъ,
Родню мою. Бояре, не забудьте.

Что польскіе паны не вамъ чета;
Живутъ красно, богато, видѣть любо,
Не взаперти, а настежь, шумно, людно.

Василій Шуйскій.

Подъ воеводу домъ Борисовъ годенъ,
А для пановъ бояре потѣснятся.

Мстиславскій.

Намъ негдѣ взять раздолья и простору,
Живемъ черно.

Голицынъ.

Зато радушно примемъ.

Василій Шуйскій.

Прислужниковъ царицыныхъ поставимъ
По улицамъ Чертольскимъ, по Арбату,
Въ самомъ Кремлѣ. Купцовъ, поповъ погонимъ
Изъ ихъ дворовъ; не маленькіе, сыщутъ
Пріютъ себѣ! Хоть нынче-жь вывозиться
Прикажемъ имъ.

Басмановъ.

Зачѣмъ-же гнать насильно?

Василій Шуйскій.

Просить начни — они ломаться будутъ;
Ему толкуй, а онъ свое заладитъ:
„Что домъ-де мой, что я-де въ немъ хозяинъ".
Народъ простой — не понимаетъ чести,
Что въ ихъ дворахъ стоятъ царевы гости.

Басмановъ.

Великій царь, не одобряй насильства!
Прогнать поповъ — въ народѣ ропотъ будетъ.

Василій Шуйскій.

Неужто-жь намъ, для нашей царь-дѣвицы,
Для матушки, красавицы-царицы,

Невиданной, неслыханной нигдѣ,
Поповъ жалѣть?!

Дмитрій.

Да ты откуда знаешь
Про красоту ея?

Василій Шуйскій.

Да еслибъ лучше
Была у насъ, зачѣмъ-бы издалека
И брать тебѣ: ты дома-бы женился ...
А, значитъ, нѣтъ.

Дмитрій.

Конечно, нѣтъ.

Басмановъ.

Давно-ли,
Великій царь, ты разлюбилъ красавицъ
Родной земли, смиренницъ чернобровыхъ?
Ты прежде ихъ не обѣгалъ, кажись.

Дмитрій.

Красавицы въ Москвѣ у васъ не рѣдкость,
По красотѣ имъ равныхъ не найдешь ...
Но портитъ ихъ излишняя покорность
И преданность, безспорная готовность,
Всегдашнія уступки и молчанье.
Литовскія красавицы не то!
Въ очахъ огонь, въ рѣчахъ замысловатость!
То ласкою безмѣрною дарятъ,
То гордостью нежданною окинутъ.
Имъ приказать нельзя, нельзя принудить
Любить тебя; а долго и прилежно
Ухаживать тебя онѣ заставятъ.

(Указывая на Василія Шуйскаго.)

Смотрите-ко, у старика глаза-то
Какъ прыгаютъ. Ты, видно, Шуйскій, любишь
Хорошее? Товару цѣну знаешь?

Василій Шуйскій (машетъ рукой).

Не безъ грѣха! Покаюсь, грѣшенъ, грѣшенъ!

Дмитрій.

Ну, то-то же! Вотъ жалко, что сосваталъ
Ты русскую, а то нашли-бы польку.

Василій Шуйскій.

Ну, гдѣ ужь мнѣ! Я старъ. По Сенькѣ шапка!

Басмановъ.

Намъ некогда, великій государь,
За бабами ухаживать по-долгу;
У насъ дѣла́ съ утра до самой ночи,
И для того намъ русскія способнѣй.

Дмитрій.

Ты очень строгъ, Басмановъ, нынче; Шуйскій
Добрѣй тебя.

Бучинскій.

Твоей великой мосци
Дозволь сказать! Царицу безпокоитъ,
Что усмотрѣть не можно за прислугой;
Что наши грубы съ русскими, и много
И ссоръ, и дракъ бываетъ на дорогѣ.
Боится, чтобъ въ Москвѣ не сталось то-же.

Василій Шуйскій.

Мы, русскіе, съ поляками роднимся.
Пускай дерутся, — послѣ помирятся.

Басмановъ.

Молю тебя, великій государь,
Унять скорѣй поляковъ! Мы дождемся
Бѣды большой. Вражда непримирима,
А новыя обиды подольются,
Что̀ масло на огонь.

Василій Шуйскій.

Такъ что̀-же дѣлать?
Не бить-же намъ гостей своихъ для свадьбы!
Нельзя-жь и русскихъ заставлять терпѣть
И принимать съ поклонами побои!
А пусть они даютъ полякамъ сдачи,
Такъ задирать поляки перестанутъ.

Бѣльскій.

Такой раздоръ недоброе пророчитъ.

Масальскій.

Дозволь полякамъ обижать народъ,
Дозволь народу драться съ поляками ...
Натравливать — охотники найдутся!

Басмановъ.

И выростетъ изъ драки бунтъ народный.

Дмитрій.

Молчите вы! Мнѣ слушать надоѣло!
Не школьникъ я, не вамъ меня учить!
Поймите разъ и навсегда, что Шуйскій
Умнѣе васъ, и рта не разѣвайте,
Когда мы съ нимъ о дѣлѣ говоримъ.
(Власьевъ съ рабочими на галлереѣ.)
Ну, что̀ ты, Власьевъ?

Власьевъ.

Бархатомъ разжился,
Веду рабочихъ — стѣны обивать.

Дмитрій.

Дождитесь здѣсь, бояре! Я въ покои
Царицыны схожу, взгляну работы. (Уходитъ.)

Басмановъ (Шуйскому).

Ты льстишь царю; твои совѣты — гибель.
Онъ молодой, горячій государь;

Любя его, ты будь руководитель,
Не поблажай, а на добро учи.

Василій Шуйскій.

Учить его, такъ быть умнѣе надо:
А я себя умнѣй его не ставлю.

Мстиславскій (Басманову).

Да и тебѣ не слѣдъ умомъ кичиться
Передъ царемъ.

Василій Шуйскій.

Слуга — не опекунъ.

Басмановъ.

Покуда ты довѣрчивое сердце
Великаго царя не портилъ лестью,
Онъ вѣрныхъ слугъ своихъ любилъ совѣты,
За грубость рѣчи гнѣва не держалъ;
Онъ вѣрилъ намъ, онъ споръ любилъ, онъ помнилъ,
Что тотъ слуга, кто смѣло рѣжетъ правду,
А наглый льстецъ — измѣнникъ, не слуга.

Василій Шуйскій.

Вотъ я женюсь, да если будутъ дѣти,
Такъ ихъ учить — обязанность моя.

(Выходитъ изъ галлереи Дмитрій, за нимъ Осиповъ.)

Дмитрій.

Мертвецъ, худой и блѣдный! Кто, зачѣмъ онъ?
Спросить его! Остановить его!

(Нѣмцы загораживаютъ дорогу Осипову.)

Басмановъ.

Убогій смердъ! Дьячишко изъ приказа!
Ты, Осиповъ?

Осиповъ.

Рабъ Божій, Тимоѳей.

Басмановъ.

Зачѣмъ? Какъ смѣлъ? Откуда ты?

Осиповъ.

Изъ церкви.

Дмитрій.

Просить чего иль жаловаться хочешь
На слугъ моихъ? Обиженъ ты?

Осиповъ.

Тобою.

Дмитрій.

Не знаю, чѣмъ и какъ я могъ напрасно
Тебя обидѣть, добрый человѣкъ.

Осиповъ.

А тѣмъ, что ты въ святыхъ стѣнахъ Кремлевскихъ,
Среди церквей, вертепъ грѣху поставилъ,
Нечестію и ереси поганой!
Святую тишь молитвы православныхъ
Нарушилъ ты гудѣньемъ мусикійскимъ!
Вхожденіемъ еретиковъ латинскихъ
И люторскихъ ты храмы осквернилъ.
Гдѣ я молюсь, предъ чѣмъ благоговѣю,
Куда вступаю съ трепетомъ священнымъ,
Туда со мной литвинъ и ляхъ съ руганьемъ
И мерзостнымъ кощунствомъ вмѣстѣ входятъ.

Басмановъ.

Остановись!

Бѣльскій.

Молчи!

Масальскій.

Убить его!

Голицынъ.

Какой смѣльчакъ!

Василій Шуйскій (тихо).

Какой подвижникъ вѣры!

Дмитрій.

Не трогайте! Ты, Осиповъ, чего-же
За брань свою желаешь заслужить
Отъ милостей моихъ царевыхъ?

Осиповъ.

Смерти!
Какой ты царь? Тебѣ-ль управить царствомъ,
Когда собой управить ты не въ силахъ!
Какой ты царь? Ты самъ въ оковахъ рабства!
Ты рабъ грѣха! Служитель сатаны,
Сѣдящій на престолѣ всероссійскомъ!
Воистину разстрига, а не царь!

Бѣльскій.

(Беретъ бердышъ у нѣмца.)

Нельзя терпѣть! Освободи намъ руки,
И мы его на части разнесемъ!

Басмановъ.

(Беретъ бердышъ у другого.)

Измѣнникъ тотъ, кто можетъ равнодушно,
Въ глазахъ царя такія рѣчи слушать!

Дмитрій.

Ты, Осиповъ, себѣ желаешь смерти;
Ты заслужилъ ее. Иди на казнь!

Осиповъ.

Чего-же ждать иного отъ разстриги!

Басмановъ (занося бердышъ).

Не изрыгай своихъ ругательствъ скверныхъ,
А то убью!

Бѣльскій (занося бердышъ).

Молчи! Ни слова больше!

Осиповъ.

Я смерти жду. Постомъ и покаяньемъ
Я оградилъ себя отъ страха смерти
И, причастясь святыхъ Христовыхъ Таинъ,
Пришелъ къ тебѣ изъ Божьей церкви прямо, —
Принять изъ рукъ твоихъ вѣнецъ страдальца,
Съ которымъ я на небеса предстану.

(Басмановъ и Бѣльскій опускаютъ бердыши.)

Придетъ пора, то время недалеко,
И смерть моя тебѣ завидна будетъ.

Дмитрій.

Увесть его! (Идетъ къ двери.)

Басмановъ.

Пытать его прикажешь?

Дмитрій.

Казнить его! Остановись, Басмановъ!
Простить иль нѣтъ? (Молчаніе.) Жестокій, непреклонный,
Безчувственный и твердый, какъ желѣзо,
Безжалостенъ къ себѣ народъ московскій;
Онъ милостей не цѣнитъ и не стоитъ.

(Указывая на Осипова.)

Стеречь его до моего приказа!
Свести въ тюрьму! (Быстро уходитъ.)

Басмановъ.

Исполню, государь. (Уходитъ.)

Василій Шуйскій (Голицыну).

Вотъ мученикъ святой! Идя на смерть,
Онъ вымолвилъ пророческое слово:
„Завидовать моей ты будешь смерти“.

(Уходитъ.)

Сцена вторая.

(5 мая 1606 г.). Деревянная келья въ Москвѣ.

Входятъ: Мнишекъ и Марина,

Марина.

Скажи, отецъ, зачѣмъ меня, какъ птичку,
Здѣсь заперли?

Мнишекъ.

Чтобъ ты не улетѣла
Отъ сокола, московскаго царя.

Марина.

Ты знаешь самъ, какой тяжелой цѣпью
Взаимныхъ клятвъ, обѣтовъ, вздоховъ нѣжныхъ,
Мы связаны съ державнымъ женихомъ.
Какъ вѣрны мы, и я, и онъ, другъ другу!
И вотъ, за то должна я въ заключеньи
Сидѣть и ждать, когда угодно будетъ
Великому царю съ собою вмѣстѣ
Меня на тронъ московскій посадить.
Смѣшной народъ, обычаевъ старинныхъ
Онъ измѣнить не можетъ.

Мнишекъ.

Если хочешь
Любимой быть, старайся сохранить
Обычаи и даже предразсудки
Земли, теперь родной тебѣ.

Марина.

Стараюсь,
Хоть трудно мнѣ и скучно привыкать
Къ поклонамъ ихъ тяжелымъ, къ дикой рѣчи
И поступи размѣренной и тихой ...
А мой женихъ рядиться очень любитъ:
На дню пять разъ перемѣняетъ платье.

Мнишекъ.

Понравиться естественно желанье
Въ такомъ живомъ и страстномъ человѣкѣ.

Марина.

Мнѣ нравится царицей быть московской,
А царь Москвы и неуклюжъ, и грубъ.
Ты на царя похожъ гораздо больше,
Чѣмъ Дмитрій мой, великій императоръ.

Мнишекъ.

Учить тебя не стану; ты сумѣешь
И Польши честь, и гоноръ родовитыхъ
Пановъ ея достойно поддержать
Въ Московіи; но, кажется мнѣ, слишкомъ
Ты холодна съ царемъ. Онъ обезумѣлъ,
Онъ все забылъ, одной любовью бредитъ,
То шлетъ тебѣ подарокъ за подаркомъ,
То рядится и только-что не плачетъ.

Марина.

А если такъ, ну, значитъ, не напрасно
Я холодна къ нему. Отецъ! Ты знаешь,
Что, слабыя и робкія созданья,
Мы, женщины, всю жизнь у васъ подъ властью,
И только разъ, когда страстей горячка
Безумная кипитъ въ душѣ мужчины,
Холодностью и строгостью притворной
Имѣемъ мы и власть надъ нимъ, и силу.
Въ землѣ чужой намъ золото и жемчугъ —
Не лишніе, алмазы — тѣ-же деньги.
Онъ намъ съ тобой полцарства обѣщаетъ,
Короновать меня царицей хочетъ:
Но я боюсь, что самъ-то онъ недолго
Процарствуетъ. Бояре Сигизмунду
Ужь кланялись, просили Владислава,
А если онъ усядется и крѣпко
Въ Московіи, кто знаетъ, послѣ свадьбы

Каковъ онъ будетъ! Грубая природа
Въ немъ скажется. Отецъ, ты знаешь, z chama
Nie będzie pana.

Мнишекъ.

Брось свои тревоги
О будущемъ! Живи и наслаждайся
Величіемъ и баснословнымъ блескомъ,
Дарованнымъ тебѣ любовью царской
И неизсчетной царскою казной!
Довѣримся герою молодому:
Онъ ловко взялъ державу самовластья
И удержать ее сумѣетъ крѣпко
Въ своихъ рукахъ; а ты царя-героя
Великій духъ любовью оковала
И удержать въ цѣпяхъ любви сумѣешь.

(Музыка за сценой. Входитъ **Камеристка**.)

Камеристка.

Его величество войти изволилъ.

(Входитъ **Дмитрій** въ венгерскомъ платьѣ.)

Мнишекъ.

Ясновельможной паннѣ, цесаревнѣ
Маринѣ Юрьевнѣ всея Россіи,
Отецъ ея, панъ Мнишекъ, бьетъ челомъ
И милостямъ ея себя вручаетъ.
Между двоихъ влюбленныхъ — третій лишній.

(Кланяется Дмитрію и уходитъ.)

Марина.

Его величество мнѣ извинитъ
Невольное смущенье; мы такъ рано
Не ждали васъ ...

Дмитрій.

Холодное смиренье
Въ рѣчахъ твоихъ, почтительная гордость
Навстрѣчу ласкъ горячихъ и объятій.

Когда-же я, у ногъ твоихъ, Марина,
Дождусь любви?

Марина.

Величіе героя
Въ челѣ твоемъ, высоко поднятомъ;
Все то, чѣмъ я гордилась издалека,
Вблизи меня пугаетъ. Робкой дѣвѣ
Слѣпятъ глаза блестящіе наряды,
Толпы вельможъ кругомъ тебя и роскошь
Даровъ твоихъ, и раболѣпство слугъ ...
Почтительно сгибаются колѣна
Передъ лицомъ твоимъ ...

Дмитрій.

Любви, Марина!
Одной любви! Одной любовью бѣденъ
На тронѣ я. Все то, чѣмъ я владѣю,
Все взято съ бою, силой, отнятое.

Марина.

Любовь лишь тамъ, гдѣ равенство.

Дмитрій.

Забудемъ
Различіе! Не царь, а шляхтичъ вольный
Передъ тобой.

Марина.

Вамъ забываться можно,
А мнѣ нельзя.

Дмитрій.

Перенесися въ Польшу
Мечтой своей! Забудь, что ты въ Москвѣ!
Глухая ночь, гремитъ и воетъ буря,
Передъ окномъ красавица тоскуетъ
О рыцарѣ. Чрезъ горы и потоки
На бѣшеномъ, покрытомъ бѣлой пѣной,

Аргамакѣ онъ мчится, чтобъ украдкой
Обнять свою любовницу.

(Обнимаетъ Марину.)

Марина (освобождаясь).

Довольно!
Великъ просторъ тебѣ для самовольства
По всей Москвѣ, а здѣсь мое владѣнье!
Царица я убогой этой кельи,
И здѣсь, за этой дверью, безопасной
Желаю быть.

Дмитрій.

Глаза твои, Марина,
Презрѣніемъ блеснули; эти взгляды
Ужасны мнѣ. Не повторяй ихъ болѣ,
Молю тебя. Они напоминаютъ
Дни жалкіе холопства моего,
Когда нѣмой, трепещущій отъ страсти,
Земли и ногъ не чуя подъ собой,
Изъ-за угла слѣдилъ я жаднымъ взглядомъ
Шаги твои, и ты, проникнувъ дерзость
Надеждъ моихъ, съ улыбкою змѣиной
Глядѣла на меня и обдавала
Презрѣніемъ отъ головы до ногъ.
Обиды нѣтъ обиднѣе тѣхъ взглядовъ;
Ихъ вынести не могъ я никогда;
Желѣзная природа уступала
Ихъ жгучести, — и я, въ слезахъ, безъ пищи,
Въ горячечномъ бреду, больной, метался
И день, и ночь! Я боленъ и теперь:
Дай руку мнѣ, до головы дотронься!
Вся кровь горитъ, дрожитъ и холодѣетъ
Рука моя, — мой голосъ рвется, слезы
Сжимаютъ горло и готовы хлынуть,
Свинцомъ лежитъ въ груди тяжелымъ сердце!
Скажи, Марина, чѣмъ, какою жертвой
Мнѣ заслужить любовь твою и ласку?

Марина.

Московскій царь, я лаской не торгую.

Дмитрій.

Но если ты не хочешь оцѣнить
Даровъ моихъ, позволь-же мнѣ, Марина,
Слезами и колѣнопреклоненьемъ
Молить любви твоей.

Марина.

Ни унижаться,
Ни унижать меня я не позволю.
Сравнять меня съ собой у васъ есть средство —
Короновать меня. — Передъ царицей
Вы можете тогда склонять колѣна,
Не унижаясь, — я тогда безъ страха
Могу обнять, какъ равнаго, тебя.

Дмитрій.

Короновать? Да развѣ ты не будешь
Царицею, со мною повѣнчавшись?

Марина.

Нѣтъ! Русскія царицы только жены
Мужей-царей, — по мужу лишь царицы;
Затворницы, пока мужья ихъ живы,
По смерти ихъ живые мертвецы,
Монахини безъ власти и значенья.
А я хочу теперь короноваться,
Дѣвицею, и мнѣ твои бояре
И воинство пусть также крестъ цалуютъ
На подданство, какъ и тебѣ.

Дмитрій.

Не знаю.
Не слыхано въ Руси такое дѣло.

Марина.

А гдѣ-жь любовь твоя?

Дмитрій.

А гдѣ-жь награда
За всѣ мои безчисленныя жертвы?

Марина.

Послѣднюю мою исполни волю,
И жди себѣ награды, — я твоя;
А безъ того назадъ уѣду въ Польшу.

Дмитрій.

Приказывай! Назначь намъ день и часъ;
Я прикажу собраться духовенству
И нынче-же напишемъ чинъ вѣнчанья.

Марина.

Я завтра переѣду во дворецъ,
А послѣ-завтра день коронованья.

Дмитрій.

Исполню все.

Марина.

Спѣшить приготовленьемъ
Мнѣ надобно. Прощай, до новой встрѣчи
Въ дворцѣ твоемъ!

Дмитрій.

Хоть руку на прощанье
Облобызать позволь.

Марина.

Въ твоемъ желаньи
Не въ силахъ отказать тебѣ. Изволь!
Прощай, мой царь.

Дмитрій (цѣлуя руку).

Прощай, моя царица.

Марина (обнимая его)

Иди! Иди! Безвременною лаской

Не уменьшай безспорныхъ наслажденій!
Ты видишь-ли, я берегу себя
Лишь для тебя, мой царь и повелитель!

Дмитрій.

Владычица моя, я власть слагаю
У ногъ твоихъ; повелѣвай отнынѣ
И мной самимъ, и цѣлымъ государствомъ.

Марина.

Да будетъ такъ! Я принимаю! Amen.

(Кланяется и уходитъ. Дмитрій быстро убѣгаетъ.)

Сцена третья.

(11 мая 1606 г.)

Верхнія сѣни въ домѣ Шуйскаго. Темно.

Выходятъ изъ освѣщенной комнаты: **Василій Шуйскій, Калачникъ,** съ восковой свѣчой въ рукѣ, и **Дворецкій.**

Василій Шуйскій.

А крѣпко-ль мы живемъ, Иванъ? Въ кольчугѣ,
Я вижу, ты; меня-то бережете-ль?

Калачникъ.

И красныя, и заднія ворота
Съ дубинами ребята берегутъ;
По улицѣ, въ проулкахъ, перекресткахъ,
И по концамъ поставлены рогатки, —
Ни конному, ни пѣшему нѣтъ ходу,
Кромя своихъ. На стражѣ у рогатокъ,
Для случая, готовы верховые.
Я ставилъ самъ и обходилъ дозоромъ —
Я для-того кольчугу и надѣлъ.

Василій Шуйскій.

Что̀ бережно, то цѣло.

Калачникъ.

Мы кольчуги,
По твоему приказу, отобрали
Изъ кладовой. Кому раздать, я знаю.
Кого не жаль, кому и жизнь копѣйка,
И голова не стоитъ ничего,
На нихъ-то я кольчуги и надѣну.
Я рать сберу изъ вольницы московской;
Мы выпустимъ сидѣльцевъ бражныхъ тюремъ,
Цѣпныхъ воровъ съ Варварскаго крестца!
И эту рать удалую на встрѣчу
Пищальнаго огня я поведу.
Мы вашу грудь своею загородимъ;
За головы разумныя бояръ
Мы головы дешевыя положимъ ...
Зажечь огня?

Василій Шуйскій.

Одной свѣчи довольно.
Держи въ рукахъ! Не свадьбу мы пируемъ ...
(Дворецкому.)
Сбираются?

Дворецкій.

Понабралось довольно,
Внизу полно. Въ сѣняхъ стрѣльцовъ поставилъ,
Торговый людъ въ поварнѣ, въ черныхъ избахъ.

Василій Шуйскій.

А лишнихъ нѣтъ?

Дворецкій.

Кажись, что не бывало.

Василій Шуйскій.

Осматривай по одному! Чужого
Опрашивай: зачѣмъ пришелъ, откуда,
И кто привелъ? Когда позвать прикажемъ,
Пускай на верхъ безъ шуму, съ береженьемъ!

Теперь ступай!

(Дворецкій уходитъ внизъ.)

Бояре, выходите!

(Выходятъ: Дмитрій Шуйскій, Голицынъ, Куракинъ, Татищевъ, дворяне, дѣти боярскія и головы стрѣлецкія.)

Голицынъ.

Довольно съ насъ обидъ и униженья
Отъ гордости поляковъ, нестерпима
Ихъ пьяная хвастливость.

Куракинъ.

То и дѣло,
Мы слушаемъ отъ нихъ, что намъ, холопамъ,
Пріятеля паны на царство дали;
Что служимъ мы холопски, что съ панами
Вельможными мы честью неравны.
Потѣшились надъ нами наши гости,
И будетъ съ нихъ; пришелъ конецъ ихъ панству,
Конецъ царьку и нашему холопству.

Голицынъ.

Пора ужь намъ почетъ, боярамъ, видѣть!
Мы выберемъ себѣ царя межь нами,
Боярскаго царя.

Дмитрій Шуйскій.

Опасный шагъ!
Храни, Господь!

Голицынъ.

Не все-жь играть въ игрушки!
Пора боярамъ послужить землѣ.

Татищевъ.

Боярами земля стоитъ отъ вѣка,
Не выдать-же чужимъ родную землю.

Василій Шуйскій.

Народъ слѣпой, мы зрячіе, мы видимъ,
Куда идти, чего хотѣть народу.

Боярство — Русь великая, а земство
Идетъ туда, куда ведутъ бояре.
Народъ возьметъ, что̀ мы ему дадимъ,
И будетъ знать, что̀ мы ему велимъ.
Для нашихъ дней и для потомковъ нашихъ
Покроемъ мы всѣ замыслы и думы
Глубокою и вѣковѣчной тайной.
Пусть люди насъ не судятъ, судитъ Богъ!

Дмитрій Шуйскій.

А страшно, братъ!

Василій Шуйскій.

Кого-же намъ бояться?
И царь слѣпой, и такъ-же слѣпъ и простъ
Бѣсовозлюбленный его совѣтникъ.
Басманову-ли править государствомъ!
Онъ подъ носомъ не видитъ ничего.
Борисовы ученики, мы Грознымъ
Воспитаны, и насъ не проведешь!
Не имъ чета! Вотъ мы умѣемъ править
Землей своей, вести народъ умѣемъ.
По выбору и ложь, и правда служатъ
У насъ въ рукахъ орудіемъ для блага
Народнаго. Нужна народу правда —
И мы даемъ ее; мы правду прячемъ,
Когда обманъ народу во спасенье.
Мы лжемъ ему: и мрутъ, и оживаютъ,
По нашей волѣ люди; по базарамъ
Молва пройдетъ о знаменьяхъ чудесныхъ;
Убогіе, блаженные пророчатъ,
Застонетъ камень, дерево заплачетъ,
Изъ нѣдръ земли послышатся глаголы,
И наша ложь въ народѣ будетъ правдой,—
Въ хроно̀графы за правду перейдетъ ...

Татищевъ.

Великая боярская опора,

Василій, княжъ Иванычъ, — за тобою
Какъ стадо мы. Не закрывай уста!

Василій Шуйскій.

Была пора, намъ ложь была нужна,
Мы ею Русь спасали отъ Бориса;
Но выросла та ложь треглавымъ змѣемъ,
Свила гнѣздо себѣ въ чертогахъ царскихъ
И ересью дохнула на Россію,
Дѣтенышей развесть грозится, хочетъ
Облапить Русь погаными когтями.
Пришла пора покаяться, бояре,
Пришла пора виниться въ воровствѣ.
Мы про себя и про царя народу
Всю правду скажемъ. Эй! Зови народъ!

Калачникъ.

(У лѣстницы свищетъ. Дворецкій показывается.)

Веди народъ!

Василій Шуйскій.

Бояре, честь и мѣсто!

(Усаживаются. Народъ входитъ по лѣстницамъ.)

Вошли?

Дворецкій.

Вошли.

Василій Шуйскій.

Закройте западни!

Голоса.

Челомъ тебѣ, бояринъ.

Калачникъ.

Тише, тише!

Одинъ (изъ толпы).

Бояре все, князья да воеводы,
И кланяться кому, не разберешь.

Калачникъ.

Одинъ поклонъ отвѣсь на всѣхъ, и будетъ.

Василій Шуйскій.

Честнòй народъ, Господнимъ попущеньемъ,
Мы нажили бѣду себѣ на плечи,
Великую и земскую бѣду.
Намъ жить нельзя. А еслибъ можно было,
Не стали-бъ мы — бояре — собираться,
Совѣтъ держать украдкой, по ночамъ,
Не стали-бъ мы и людъ честнòй тревожить.

Голоса.

Само-собой! — Извѣстно, что не стали-бъ.

Василій Шуйскій.

Діавольской мечтой и омраченьемъ
И нашимъ воровствомъ, у насъ на царствѣ
Не царь, а воръ, разстрига утвердился.
За воровство простите насъ! Я первый
Прошу у васъ прощенья. (Кланяется.) Мнѣ царевичъ
Извѣстенъ былъ, — я хоронилъ его.

Голоса.

Ну, какъ тебѣ не знать! Извѣстно, страхомъ
Заставили разстригѣ поклониться.

Василій Шуйскій.

Когда Борисъ холопамъ за доносы
Сталъ вотчины боярскія давать,
Давилъ, какъ мухъ, боярство, половину
Извелъ его, а чернаго народу
И счету нѣтъ, — терпѣнья намъ не стало.
Щадя себя, мы думали, гадали
Избыть его, и намъ Господь помогъ.
Явился воръ въ Украйнѣ, объявился
Димитріемъ, Литва заликовала,
Вся Сивера безъ бою отдалась,

За ней Рязань, казачество толпами
Пошло къ нему, — войска и воеводы,
Борисовы служили неохотно
И скоро всѣ передались за вора,
Винясь ему въ измѣнѣ небывалой.
Вздохнула Русь. Грѣха таить не стану,
Завѣдомо мы вору покорились;
Кто волей шелъ къ нему, а кто отъ страха ...

Голицынъ.

И воля намъ невольная была.
Небось, своя рубашка къ тѣлу ближе.
Мы вѣдали, что волей, что неволей
Безчестною, съ веревкою на шеѣ,
А быть за нимъ; такъ лучше волей съ честью
Служить ему, и шли къ нему охотой.

Василій Шуйскій.

Разуменъ онъ и молодъ; мы гадали
И чаяли, что будетъ онъ боярскій
Совѣтъ любить и насъ держать въ почетѣ,
Блюсти законъ и чтить святую церковь,
Обычаевъ отеческихъ держаться.
Ошиблись мы! Вы видите и сами,
Таковъ-ли онъ! Среди церквей соборныхъ
Поставилъ онъ костелы езовитамъ,
Навелъ орду гостей разноязычныхъ,
Еретиками Кремль заполонилъ,
Священниковъ и насъ, бояръ, повыгналъ,
Забралъ дворы и отдалъ ихъ полякамъ.
Изъ Польши взялъ латинской вѣры дѣвку,
И, не крестя ея, вѣнчался съ нею
Подъ пятницу, подъ праздникъ годовой!
Въ монастырѣ держалъ ее до свадьбы;
Суреньщиковъ съ гудками, трубачеевъ
Водилъ туда и всякихъ скомороховъ.
Толпы бродягъ съ ругательствомъ и шумомъ,

Оружіемъ звеня, по храмамъ бродятъ,
Безчинствуя надъ нашею святыней.
Такъ вотъ дѣла! Какъ знаете, судите,
Друзья мои!

Голоса.

Не намъ судить! Не наша —
Боярская забота думу думать.
Судите вы, бояре, мы за вами.

Василій Шуйскій.

Ограбилъ всю и промоталъ до тла
Копленую казну царей московскихъ.
То въ Польшу шлетъ, то здѣсь даритъ полякамъ
Безъ разума, безъ счета, — точно ворогъ
Землѣ своей и царству разоритель.
Сплотили мы, скрѣпили государство,
А онъ его опять разноситъ врозь.
Всю Сиверу за дочь сулитъ онъ тестю,
А королю за сватовство — Смоленскъ.
А васъ, друзья мои, новогородцы,
Со всей землей и Псковъ еще въ придачу —
Женѣ своей, Маринѣ отдаетъ,
И вольно ей латинскіе костелы
По городамъ новогородскимъ ставить.

Новгородскіе стрѣльцы.

О, Господи! Вотъ грѣхъ какой! Бояринъ,
Вступись за насъ! Василій, княжъ Иванычъ,
Твой родъ служилъ новогородской волѣ
До самаго конца ея.

Псковскіе стрѣльцы.

Твой братецъ
Двоюродный, Иванъ Петровичъ, Пскову
Защитникъ былъ отъ страшнаго Батуры.

Василій Шуйскій.

Терпѣть-ли намъ и ждать, сложивши руки,

Пока бояръ поляки изведутъ,
И волости московскія подѣлятъ,
Погонятъ васъ, какъ стадо на убой,
Латинскія обѣдни слушать силой!
Терпѣть-ли намъ? Судите, какъ хотите!

Голоса.

Нельзя терпѣть! — Нельзя терпѣть, бояринъ!
Избыть бѣды! — Избыть! Чего тутъ думать!
Не мало насъ, — мы встанемъ за одинъ.

Василій Шуйскій.

Я разъ лежалъ подъ топоромъ на плахѣ,
Народъ молчалъ, никто не шелохнулся.

Голоса.

Прости ты насъ, бояринъ! — Намъ разстригу
Доподлиннымъ царевичемъ казали.
Мы вѣрили боярамъ.

Василій Шуйскій.

Виноватыхъ
Я не ищу. Меня небесный промыслъ
Помиловалъ и сохранилъ для мести.
Я смерти ждалъ; мальчишка вздумалъ шутки
Шутить со мной, — я шутокъ не люблю,
Для шутокъ старъ я. Вывесть на потѣху,
Народную, сѣдого старика,
Боярина, опору государства,
Подъ топоромъ держать его на плахѣ,
Потомъ дарить непрошеннымъ прощеньемъ!
Я осужденъ соборнымъ приговоромъ:
Казни меня, но не шути со мной!
Съ врагомъ шутить и глупо, и опасно!
Враговъ губи! Будь онъ въ моихъ рукахъ,
Я съ нимъ шутить и няньчиться не стану.
Я видѣлъ смерть и, если будетъ нужно,
Готовъ опять идти на встрѣчу смерти;

Но головы терять не стану даромъ.
Ужь умирать, такъ всѣмъ: мы смертью купимъ
Животъ себѣ.

Голоса.

Мы всѣ умремъ, бояринъ!
Какая жизнь у нехристей подъ властью!
Душа нужнѣй, — безъ Бога не прожить!
Антихристу служить тяжеле смерти!
Ордой идти не страшно! — Грянемъ разомъ,
Такъ дымъ столбомъ — сыра-земля застонетъ.
Кажите намъ дорогу, мы за вами!
Мы шапками поляковъ забросаемъ!
Давайте намъ работу!

Калачникъ.

Тише, тише!

Василій Шуйскій.

Ну, если такъ, и ладно. Вы, покуда
Пора придетъ, товарищей сбирайте:
Вы, головы и сотники, по сотнямъ,
А вы, купцы-торговцы, по рядамъ!

Татищевъ.

Вы кучами, толпами не сходитесь!
По одному, тихонько, съ глазу-на-глазъ
Ведите рѣчь толково: что, молъ, время
За вѣру стать, что больше православнымъ
Терпѣть нельзя.

Голоса.

Да ладно, ладно! — Знаемъ,
Кому и какъ сказать. — Святое дѣло
Безъ разума и толка не начнемъ.

Василій Шуйскій.

Такъ по рукамъ!

Голоса.

Ударимся, бояре!

(Бояре встаютъ и подходятъ къ народу.)

Василій Шуйскій.

Давай другъ другу! Помните, гдѣ руки,
Тамъ — головы. Рука божбы дороже!

Голоса.

Моя рука! — Еще рука! — За братьевъ,
За всѣхъ своихъ товарищевъ!

Сотникъ.

За сотню!

Голова.

За тысячу!

Купецъ.

За весь иконный рядъ!

Василій Шуйскій.

Ну, слушайте, робята!

Калачникъ.

Тише, тише!

Василій Шуйскій.

Недѣлю вамъ я сроку дамъ; въ субботу
Зарю встрѣчай и поджидай работу!

Татищевъ.

Готовь мечи, ножи точи булатны!

Василій Шуйскій.

И разомъ въ сходъ, какъ загудетъ набатный.

Голоса.

Въ набатъ! Въ набатъ!

Голицынъ.

Готовься, жди набата!

Калачникъ.

Всю ночь не спать, набата ждать!

Василій Шуйскій.

Робята!
Заслыша звонъ, со всѣхъ сторонъ московскихъ
Сбирайся въ сходъ вблизи воротъ Фроловскихъ,
И въ Кремль за мной вались толпой!

Голицынъ.

Укажемъ,
Кого искать, съ кого начать.

Татищевъ.

Намажемъ
Дворы чужихъ, кресты на нихъ напишемъ.

Калачникъ.

Всю ночь сиди, набата жди!

Голоса.

Услышимъ!
Глухіе, что-ль! — Нивѣсть отколь нагрянемъ!

Голицынъ.

Поможетъ Богъ, враговъ врасплохъ застанемъ!

Голоса.

Зачѣмъ сбирать большую рать и силу!
Одинъ съ копьемъ, другой съ дубьемъ подъ силу!
Ведите насъ! — Идемъ сейчасъ на драку!
Зачѣмъ терпѣть, чего жалѣть собаку!
Робята --- въ Кремль!

Василій Шуйскій.

Потише!

Калачникъ.

Тише, тише!

Василій Шуйскій.

Смирнѣй, друзья! Не бунтъ мы затѣваемъ!

О чемъ шумѣть? Святое наше дѣло.
Придетъ пора и время; мы за вѣру
Иконами, крестами ополчимся,
Помолимся и скажемъ: съ нами Богъ!

Голоса.

Ты всѣмъ глава. — Что̀ скажешь, то и будетъ.

Василій Шуйскій (кланяясь).

Спасибо вамъ за ласку и радѣнье!
Богъ помочь вамъ и намъ! Ступайте съ Богомъ,
По одному, безъ шума, не спѣша!

Голоса.

Челомъ тебѣ, бояринъ, за науку!
Челомъ тебѣ за ласковое слово!
За все челомъ и вдвое за любовь!

(Кланяются и сходятъ съ лѣстницы.)

Василій Шуйскій (боярамъ).

Пойдемъ, друзья, досиживать до свѣту!
Въ Кремлѣ сидятъ, — а мы не хуже ихъ!

(Уходятъ всѣ, кромѣ Голицына и Куракина.)

Голицынъ.

Толкуй себѣ: „Не бунтъ мы начинаемъ!“
Чего-жь еще, коль это ужь не бунтъ!

Куракинъ.

Какой-же бунтъ! Василій свѣтъ-Иванычъ
Что̀ ни начни, все свято у него!
Завѣдомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовитъ,
А самъ, гляди, вздыхаетъ съ постной рожей
И говоритъ: „Святое дѣло, братцы“!

(Уходятъ.)

Сцена четвертая.

(12 мая 1606 года).

Улица въ Китай-городѣ.

Проходитъ толпа разнаго народу. Четверо купцовъ; кругомъ разговаривающихъ постепенно собирается толпа.

1-й купецъ.

Чего намъ ждать? Часъ-отъ-часу не легче!
Пріѣхали на свадьбу, а возами
Оружія съ собою навезли ...
И понимай, какъ знаешь!

2-й купецъ.

Понимать-то
Тутъ нечего! Яснѣе свѣту дѣло:
Пришелъ конецъ, забрались волки въ стадо.

1-й купецъ.

Большой нарядъ за Деревянный-городъ
Поволокли и ставятъ на лужку,
У Срѣтенскихъ воротъ, по-лѣво Красныхъ
Слободъ.

3-й купецъ.

Зачѣмъ?

1-й купецъ.

А развѣ ты не знаешь?
Бояръ губить — своихъ поляковъ тѣшить.
Назначенъ бой примѣрный въ воскресенье,
И перебьютъ бояръ до одного.

4-й купецъ.

Не можетъ быть! А волости царевы
Кому держать?

1-й купецъ.

Подѣлятъ ихъ полякамъ,
По городамъ латинство заведутъ.

3-й купецъ.

Бѣда-бѣдой, живой ложись въ могилу!

1-й купецъ.

Великъ Господь! Ты бойся, да не очень!
Вы помните, что прежде воскресенья
Субботній день бываетъ.

4-й купецъ.

Это вѣрно.

1-й купецъ.

Сиди, да жди субботы! (Уходитъ.)

2-й купецъ.

Не мѣшаетъ
Дубинки намъ, робята, заготовить,
Чтобъ было чѣмъ подъ-часъ оборониться.

(Выходитъ толпа **поляковъ**, слугъ Вишневецкаго.)

Поляки.

Эй, хлопы! Прочь съ дороги!

Голоса.

Разойдемся!
Просторъ великъ въ Москвѣ, гуляй, гдѣ хочешь!
А тѣсно вамъ у насъ — гуляйте въ Польшу!

Поляки.

Стрѣлять по васъ, холопская порода!

Мальчишки (прыгая).

Ну, застрѣли! Ну, застрѣли! Не смѣешь!
Поляки! У! Безмозглые поляки!
Пучки, глаголи, лысые затылки!

(Поляки бросаются съ саблями на мальчишекъ.)

Голоса.

У насъ не такъ; по нашему-то вотъ какъ:
Валяйте ихъ каменьями, робята.

(Бросаютъ камнями въ поляковъ, тѣ скрываются въ ворота дома, занимаемаго Вишневецкимъ; выходятъ пятеро небогатыхъ **посадскихъ**.)

1-й посадскій.

Его съ двора прогнали, а поляковъ
Поставили.

2-й купецъ.

Кого его?

1-й посадскій.

Попа.
Чертольскаго, отъ Знаменья! Строптивый
Старикъ такой ...

2-й посадскій.

Ну, что̀-же?

1-й посадскій.

Ну, и слушай!
Обѣдню онъ, какъ надо, отслужилъ;
Ектенію проговорилъ честь честью;
„Благочестиваго“ сказалъ порядкомъ,
А послѣ въ алтарѣ тихонько проклялъ.

3-й посадскій.

Анаѳемой?

1-й посадскій.

Анаѳемой!

4-й посадскій.

Да правда-ль?

1-й посадскій.

Всѣ слышали.

2-й посадскій.

Зачѣмъ-бы гнать поповъ?
Помимо ихъ, другихъ дворовъ довольно.

1-й посадскій.

Монастыри хотятъ теперь очистить,
Прогнать изъ нихъ монаховъ и монахинь.

3-й посадскій.

А гдѣ-жь имъ жить? Въ міру соблазна много.

1-й посадскій.

Монахамъ женъ дадутъ, монахинь замужъ
Повыдадутъ. А кто не пожелаетъ,
Тому конецъ.

5-й посадскій.

Ни въ жизнь я не повѣрю.

1-й посадскій.

Ты вѣрь, не вѣрь, а деньги обираютъ
Въ монастыряхъ, — не проживешь безъ денегъ.

2-й посадскій.

И деньги-то святыя: на строенье
Да за-душу міряне подавали;
А ихъ возьмутъ, полякамъ раздадутъ.

Десятскій.

Чего вы тутъ? Зачѣмъ собрались кучей?
Петръ Ѳедорычъ толпиться не велѣлъ
По улицамъ.

1-й посадскій.

Иди своей дорогой,
Покамѣстъ цѣлъ. Не трогаютъ тебя,
Не приставай и ты, дружокъ!

(Входитъ Калачникъ и уставляетъ лотокъ.)

Калачникъ.

Торгую!
Вались народъ со всѣхъ воротъ. Горячи!
Горяченьки калачики.

(Входитъ дворцовый поваръ, пьяный.)

Поваръ (самъ съ собою).

Утя-ли
Верчёное ... кострецъ лосинъ ... осердье

Крошёное ... рожновое куря ...
Иль рябъ подъ сливами ... я все умѣю!

Калачникъ.

Одинъ подшелъ, починъ пошелъ; горячихъ!
Не обожгись, смотри!

Торговка (съ гречневиками).

Напекъ, нажарилъ
Кривой хозяинъ, — съ-криву не видалъ,
Большихъ давалъ. Подуйте да и жуйте!

Поваръ.

Опять-же гусь, и лебедь, и журавъ ...
Какъ хочешь ихъ ... и потрохи, и крылья ...
Въ разсолъ могу инбирный съ огурцы ...

(Выходятъ: **Странникъ** и молодой **Стрѣлецъ**; ихъ окружаетъ всякій народъ.)

Странникъ.

Онъ воръ прямой! Я лгать тебѣ не стану;
Убей меня Господь на этомъ мѣстѣ!
Какая стать природному царю
Законъ мѣнять, а онъ его мѣняетъ.
Не то что царь, а мы, простые люди ...
Примѣрно ты — пойдешь-ли ты вѣнчаться
Подъ пятницу, подъ вешняго Николу?

Стрѣлецъ.

Болтай еще! Какая мнѣ неволя!

Странникъ.

А кто его неволилъ? ... Это разъ!
Другой тебѣ: вѣнчался съ некрещеной.

Стрѣлецъ.

А патріархъ?

Странникъ.

Игнатій-то? Потатчикъ

И пьяница, и еретикъ извѣстный ...
А вотъ тебѣ и третій: въ банѣ не былъ
До сей поры; не мывшись въ церковь ходитъ.

Стрѣлецъ.

Да правда-ль, другъ?

Странникъ.

Спроси другихъ. Съ царицей
По пятницамъ телятину ѣдятъ.

Поваръ (прислушиваясь).

Телячьихъ мясъ я жарить не согласенъ
По пятницамъ ... И что̀ за сласть такая?
Показана тебѣ въ писаньи пища ...

Стрѣлецъ.

Ты кто такой, пріятель?

Поваръ.

Царскій поваръ.

Странникъ.

Ну, вотъ, спроси!

Стрѣлецъ.

Скажи, дружокъ, по чести,
Телятъ у васъ къ столу цареву носятъ?

Поваръ.

Неужто-жь нѣтъ! Нарядятъ, изукрасятъ,
Всего, какъ есть, съ рогами постановятъ,
Да такъ и жрутъ. Поганая Марина
И поваровъ изъ Польши привезла,
А насъ прогнали, другъ; — мы не умѣемъ ...
Гуляй теперь по всей Москвѣ, гдѣ знаешь.

(Входитъ старикъ.)

Калачникъ (старику).

А, дѣдушка! Отколь Господь несетъ?

Старикъ.

Изъ Углича, родимый, поклониться
Угодникамъ московскимъ.

Калачникъ.

Дѣло вздумалъ!
Честной народъ, подвиньтесь-ко поближе!
Намъ дѣдушко про Угличъ поразскажетъ.
(Народъ окружаетъ старика.)
Ты въ Угличѣ Димитрія видалъ-ли
Царевичемъ? А буде не случалось,
Такъ погляди его царемъ у насъ!

Старикъ.

Сто лѣтъ живу, изъ Углича ни шагу
Не выходя: царя Ивана помню.
Назадъ тому лѣтъ будетъ полусотня,
Онъ былъ у насъ въ гостяхъ, у брата Юрья
Василича, и съ нимъ на богомолье
Въ обители окрестныя ходили.
А Дмитрія царевича, не то, что
Я видывалъ, и няньчить приходилось.
Кораблики ему, бывало, строилъ
Лубочные — потѣшиться: по Волгѣ
Любилъ пускать ...

Голосъ изъ толпы.

Ступай къ нему; онъ вспомнитъ,
Пожалуетъ тебя.

Старикъ.

Кривить душою
Въ мои лѣта какая мнѣ неволя!
Царевичъ жилъ и росъ въ моихъ глазахъ.
Я, въ самый день безбожнаго убійства,
Его живого видѣлъ у обѣдни;
Къ убитому всѣхъ прежде прибѣжалъ,
Стоялъ надъ нимъ, зарѣзаннымъ, и плакалъ;

При мнѣ его въ могилу опустили.
И съ той поры нашъ Угличъ запустѣлъ;
Унесъ съ собой царевичъ наше счастье.

Голоса въ толпѣ.

Болтай еще! Въ застѣнкѣ побываешь!
Пойдемте прочь; мы глухи, не слыхали.

Старикъ.

Ни въ милостяхъ его я не нуждаюсь,
Ни гнѣва не боюсь! Сто лѣтъ я прожилъ,
Еще ста лѣтъ не проживу; о лишнемъ
Десяткѣ дней и спорить нѣтъ разсчета.

Десятскій.

Вязать его! Робята, помогите!
Десятскіе!

Калачникъ.

Кричи, сбирай десятскихъ!
Помогутъ-ли они тебѣ, посмотримъ!
Ты лѣтъ не чтишь, ты, сдуру, поднялъ руки
На старика сѣдого! Ну, такъ стой-же!
Учтивости я выучу тебя. (Хватаетъ его за воротъ.)

Десятскій.

Ты что̀ шумишь? Ты самъ-то что̀ за птица?

Калачникъ.

Что̀ я-то?! Я — не сыщикъ, не доносчикъ;
Я — весь народъ московскій; вотъ — кто я!
Ты радуйся, что мы покуда тихи.
Берись за умъ, одну съ народомъ пѣсню
Затягивай! А то бѣды дождешься;
Возьмемъ дубье, и вамъ, съ панами вмѣстѣ,
Достанется, басмановскіе псы!

Десятскій.

Тебя, дружокъ, вязать-то! Эй, робята,
Держи его!

Калачникъ.

Убью тебя на мѣстѣ,
Анаѳема! Зубами загрызу! (Роняетъ Десятскаго.)
Давайте ножъ! Берите, братцы, колья!
Убьемъ его до смерти! Жилъ собакой,
И умирать ему собачей смертью!

Десятскій.

Да смилуйся! И самъ не стану трогать
Честной народъ, и закажу другимъ.

Голоса.

Убей его! Туда ему дорога!
Кончай его скорѣй!

Десятскій.

Пустите душу
Покаяться!

Калачникъ.

Ну, чортъ съ тобой! Смотри-же,
Держи языкъ на привязи! Своруешь —
Вездѣ найду, и не проси пощады!
Не жить тебѣ!

(Входитъ юродивый въ польской шапкѣ.)

Голосъ изъ толпы.

Аѳоня, ты отколѣ?

Юродивый.

На свадьбѣ былъ и медъ и пиво пилъ.
Не весело!

Голосъ.

Зачѣмъ ты въ польской шапкѣ?

Юродивый.

Надѣнемъ всѣ. Митрополитъ казанскій
Не захотѣлъ надѣть, его сослали, —
Сослали, да! Въ цѣпяхъ и заключеньи
Томятъ его.

Калачникъ.

Садись со мной, убогій!
Сыграемъ въ зернь! Покажемъ православнымъ,
Какой игрой своихъ поляковъ тѣшитъ
Московскій царь, чтобъ имъ не скучно было.

На тебѣ шапка кругла
На четыре угла;
Ты будешь полякъ,
А я русакъ —
И будетъ дѣло такъ.

Мы на́-перво на Новгородъ сыграемъ!
(Играютъ, вмѣсто костей, камешками.)
Ну, Новгородъ тебѣ я проигралъ.
Теперь на Псковъ ... (Народу.) Да что̀-же это, братцы!
Никакъ ему и Псковъ я проигралъ.
Куда ни шло, на Сѣверскую землю! ...
Ахти бѣда! Совсѣмъ я проигрался.
Осталось мнѣ московскіе соборы
Проигрывать полякамъ. (Вбѣгаетъ купецъ.)

Купецъ.

Защитите,
Родимые! Напали полячишки!
Проклятые, отбили силой дочку.

Калачникъ.

А гдѣ они?

Купецъ.

Да вонъ бѣгутъ! Родную
Къ себѣ тащатъ.
(Поляки съ дѣвушкой у воротъ дома, гдѣ стоитъ Вишневецкій.)

Калачникъ.

Денной разбой, робята!
На выручку! Работай, чѣмъ попало.

(Разбиваютъ разножки, на которыхъ ставятъ лотки, и обломками дерутся съ поляками. Отбиваютъ дѣвушку. Изъ воротъ выходятъ люди Вишневецкаго съ ружьями.)

Калачникъ.

Съ пищалями!? Скликай народъ, робята!

Голосъ.

Вались народъ! Обидѣли поляки!

(Прибѣгаютъ нѣсколько человѣкъ и Иванъ-дурачекъ.)

Мальчишки.

Иванушко! Иванушко-дуракъ!

Калачникъ.

Иванушко! кричи, что силы хватитъ;
Сзывай народъ! Кричи: поляки бьютъ!

Иванъ.

Поляки бьютъ! Поляки нашихъ бьютъ!

(Сбѣгается народъ, слуги Вишневецкаго стрѣляютъ холостыми зарядами, уходятъ въ ворота и запираютъ ихъ.)

Калачникъ.

Давай сюда камней, полѣньевъ, бревенъ! (Несутъ бревно.)
Берись дружнѣй, высаживай ворота!
Раскачивай! Затягивай дубинку!

(Нѣсколько человѣкъ запѣваютъ пѣсню: „Ахъ ты, дубинушка, ухни!“ раскачиваютъ бревно и бьютъ въ ворота; дуракъ кричитъ. Показывается рота нѣмцевъ съ **капитаномъ** и начинаетъ напирать на народъ.)

Капитанъ (народу.)

Пошолъ домой! Ходи домой! Ihr, Schurken!

Калачникъ (прячась за дурака).

Иванушко, сучи кулакъ на нѣмцевъ!

Иванъ (засучивъ рукавъ).

Ну, выходи!

Калачникъ.

Ругни ихъ хорошенько!

Иванъ.

Проклятые, съ своимъ царемъ проклятымъ!

Капитанъ.

Бери его! Вяжи! Das ist ihr Hauptmann!

(Весь народъ разбѣгается. Дурака уводятъ нѣмцы.)

Сцена пятая.

(13 мая 1606 г.).

Зала въ новомъ дворцѣ.

Выходятъ: **Дмитрій** и **Олесницкій**, за ними бояре: **Шуйскій**, **Голицынъ**; паны: **Мнишекъ**, **Вишневецкій** и другіе; **Марина**, съ своей свитой.

Дмитрій.

Панъ мологоскій! Брата Сигизмунда
Сомнительно ко мнѣ расположенье.
Не вижу я любви его. Скитальцемъ
Я въ Краковѣ почету больше видѣлъ,
Чѣмъ здѣсь теперь, когда я сѣлъ на царства
Великія, когда страны полночной
Единымъ обладателемъ я сталъ.
По-братски-ли не признавать титуловъ,
Наслѣдственныхъ, отъ Бога нашимъ предкамъ
Дарованныхъ? Титулы много значатъ,
Когда они дѣйствительны: не словомъ,
А дѣломъ я коронами владѣю
Великихъ царствъ. Мы брата Сигизмунда
Наслѣдственныхъ титуловъ не лишаемъ
И королемъ наслѣднымъ свейскимъ пишемъ,
А онъ король — лишь только на бумагѣ.
Дивлюсь ему! Имѣть въ своемъ титулѣ
Наслѣдныя права — и спать спокойно!

Имѣй-ко я хоть тѣнь такого права,
Я-бъ свейскую корону съ боя отнялъ.

Олесницкій.

У насъ земля свободная: не могутъ,
Для личныхъ правъ и выгодъ, короли
Покой страны и подданныхъ нарушить.

Дмитрій.

А если такъ, я-бъ вашу Польшу бросилъ,
Безъ васъ-бы отнялъ свейскую корону,
Потомъ-бы сталъ и Польшу доставать ...
А впрочемъ, панъ, оставимъ разговоры.
Мы вечеръ посвящаемъ на забавы.
Я утромъ — царь, а вечеромъ — любовникъ,
Вздыхающій у ногъ своей богини.

Марина.

Мы танцовать хотимъ!

Дмитрій.

Здѣсь ваша воля —
Законъ для насъ. Эй! Музыку и пѣсенъ!

(Музыка. Царь съ царицей и поляки танцуютъ польскій).

Олесницкій (Василію Шуйскому).

Москва шумитъ, поляковъ обижаютъ.

Василій Шуйскій.

Вельможный панъ боится хлоповъ глупыхъ?

Олесницкій.

Вельможный панъ боится или нѣтъ,
Онъ знаетъ самъ про то; а Шуйскій знаетъ,
Что чернь въ Москвѣ не даромъ зашумѣла.

Василій Шуйскій.

Пословъ не бьютъ.

Олесницкій.

Пока страна покойна.

Василій Шуйскій.

Скажи царю, просите для защиты
Стрѣльцовъ себѣ!

Олесницкій.

Царю мы говорили;
Не вѣритъ намъ.

Василій Шуйскій.

Басманову скажите!

Олесницкій.

Покойнѣй намъ, вѣрнѣе, если Шуйскій
Поручится за нашу безопасность.
Дай руку, панъ!

Василій Шуйскій.

Изволь! Ручаюсь Богомъ,
Что волосомъ тебя никто не тронетъ.

Олесницкій.

(Показывая на Юрія Мнишка.)

Безъ шапки воевода сандомирскій,
И спину гнетъ на старости кольцомъ.

Василій Шуйскій

Тебѣ примѣръ даетъ.

Олесницкій.

Я понимаю. (Проходятъ.)

Вишневецкій (Мнишку).

Случись еще подобная тревога,
Я жолнерамъ стрѣлять велю.

Мнишекъ.

Потише!
Мы гости здѣсь.

Вишневецкій.

Тѣмъ хуже! Царь московскій,
Не выдавай гостей своихъ въ обиду!
Кацаповъ глупыхъ тысячи четыре
Вчера сошлось съ дубьемъ къ моимъ воротамъ.
Аль царь забылъ, — такъ я ему напомню
И подданнымъ его, что Вишневецкимъ
Онъ самъ служилъ холопомъ при конюшнѣ.
Онъ долженъ-бы беречь моихъ холоповъ,
Они ему товарищами были.

Мнишекъ.

Не обижай меня и дочь-царицу,
Прошу тебя! Мы послѣ, Вишневецкій,
Поговоримъ съ царемъ наединѣ,
И выпросимъ охраны понадежнѣй.

(Подходятъ Шуйскій и Голицынъ).

Голицынъ.

У васъ, паны, мазурку лихо пляшутъ,
Глядѣть на васъ потѣшно.

Василій Шуйскій.

Не мѣшаетъ
И намъ себѣ завесть такую пляску,
Особенно на свадьбахъ.

Вишневецкій.

Мы, поляки,
Когда у насъ нѣтъ дѣла иль войны,
Хоть каждый день плясать готовы.

Голицынъ.

То-же
И мужики у насъ: какъ пьянъ, такъ праздникъ,
И заплясалъ.

Вишневецкій.

Вамъ надо поучиться
У рыцарей и дѣлу, и забавамъ.

Голицынъ.

Ну, дѣло-то мы знаемъ безъ ученья,
А пляскамъ вотъ нехудо поучиться.
Да только мы, паны, не будемъ сами
Боярскихъ ногъ ломать другимъ въ потѣху:
Холоповъ мы по-польски изнарядимъ
И забавлять себя велимъ мазуркой.

Вишневецкій (Мнишку).

Mockiewskie barbarzyństwo!

Голицынъ.

Такъ-то лучше!

Басмановъ (Шуйскому).

Скажи мнѣ, князь Василій, ты московскій
Простой народъ какъ на ладони видишь,
Откуда въ немъ такая перемѣна?

Василій Шуйскій.

А какъ мнѣ знать! Съ утра до поздней ночи
Я во дворцѣ толкусь у государя;
Сегодня пьянъ, а завтра сплю съ похмелья —
Я ничего не вижу и не слышу.

Басмановъ.

Мятежъ въ Москвѣ.

Василій Шуйскій.

Ты что̀-жь не унимаешь?

Басмановъ.

Унять народъ легко — добраться нужно,
Кто возмутилъ, кто вѣсти распускаетъ.

Голицынъ.

Разыскивай!

Басмановъ.

Сказать-ли государю,
Иль подождать?

Василій Шуйскій.

Скажи, правѣе будешь.

(Басмановъ тихо говоритъ съ Дмитріемъ.)

Голицынъ (Мнишку).

Вельможный панъ, ты видишь, мы хлопочемъ
О тишинѣ и вашемъ успокоѣ.

Мнишекъ.

Dziękuję, панъ Голицынъ; мы за ласку
Заплатимъ вамъ.

Вишневецкій.

Мы васъ за то похвалимъ
Передъ царемъ, котораго изъ Польши
Мы дали вамъ.

Голицынъ.

А изъ чего-жь мы бьемся!

(Дмитрій и Басмановъ подходятъ.)

Дмитрій (Мнишку и Вишневецкому).

Мой глазъ вездѣ, мнѣ тотчасъ все извѣстно;
Безъ вѣдома и воли нашей, царской,
Ничто въ Москвѣ не можетъ совершиться.
Вамъ можно спать спокойно. Мы за это
Поручимся. Развѣдайте, бояре,
О чемъ шумитъ народъ, чего онъ хочетъ?

Василій Шуйскій.

Признаться, я большой бѣды не вижу
Отъ драки пьяныхъ польскихъ челядинцевъ
Съ торговцами московскими. Однако-жь
И разыскать виновныхъ не мѣшаетъ.

Вишневецкій.

Вдвоемъ, втроемъ дерутся — будетъ драка;
А въ тысячахъ, не драка ужь, а — бунтъ.

Василій Шуйскій.

Пословица такая есть: „У страха
Глаза велики“, панъ ясновельможный!

Дмитрій.

Народный шумъ гостей моихъ пугаетъ;
Увѣрьте ихъ, бояре, что я принялъ
Свою державу крѣпкою рукой.

Василій Шуйскій.

Богъ далъ, у насъ народъ не то, что въ Польшѣ;
Земля царю, а царь народу вѣритъ.
У васъ мятежъ и рокошъ [1] каждый день.
А если вамъ и тутъ все рокошъ снится, —
Для вѣрности, прикажемъ днемъ и ночью
По улицамъ стрѣльцамъ ходить дозоромъ ...
Не разберешь, кто правъ, кто виноватъ!
Вчера, въ ночи, поляки на Никитской
Боярыню насильно изъ повозки
Уволокли.

Дмитрій.

Вы слышите, паны?
Все разыскать и наказать виновныхъ!
Потачки нѣтъ ни русскимъ, ни полякамъ.

(Бучинскій входитъ.)

Ты, Янъ, зачѣмъ?

Бучинскій.

Отъ нѣмцевъ съ донесеньемъ.

Дмитрій.

О чемъ еще?

Бучинскій.

Они увѣдомляютъ
О мятежѣ въ Москвѣ.

---

[1] Рòкошъ — крамола, измѣна.

Дмитрій.

Вы надоѣли
Мнѣ съ мятежемъ.

Бучинскій.

Мятежниковъ прогнали,
Разбили въ-пухъ. Зачинщикъ-предводитель
Попался въ плѣнъ и приведенъ сюда.
Онъ поносилъ тебя позорной бранью.

Василій Шуйскій.

Диковина! Откуда только смѣлость
Доносчики берутъ царя тревожить
Въ такіе дни! У государя гости,
Онъ цѣлый годъ царицу ждалъ въ Москву;
Привелъ Господь, соединилъ ихъ бракомъ;
На первыхъ дняхъ медовыхъ другъ на друга
Глядѣть-бы имъ да любоваться только,
А нѣмцы тутъ съ доносами. Басмановъ,
И ты туда-жь! Да развѣ нѣтъ боярства?
Иль думы нѣтъ у цесаря? Не хуже
Басманова мы бережемъ его!
Скажите намъ, мы разберемъ въ чемъ дѣло,
Не доводя напрасно до кручины
Державную чету.

Дмитрій.

Скажите нѣмцамъ,
Что вѣрности ихъ вѣрю и доволенъ
Ихъ службою, за преданность хвалю;
Но если преданность еще покажутъ
Такую-же, велю ихъ — батогами.
Пойдемъ, паны, и снова отдадимся
Веселію. — тяжелыя заботы
Правленія на вѣрныхъ слугъ возложимъ.
Бояре, вы сейчасъ-же допросите
Измѣнника и разберите дѣло!

(Шуйскій и Голицынъ уходятъ.)

Басмановъ (Дмитрію).

Темна вода во облацѣхъ небесныхъ!
Не Шуйскій-ли затѣйщикъ этой смуты?

Дмитрій.

Подозрѣвать бояръ своихъ ближайшихъ,
И каждый часъ беречься ихъ измѣны —
Такъ жить нельзя. Ты выведи мнѣ ясно
Измѣнниковъ, я ихъ не пожалѣю, —
Не только Шуйскихъ, половину думы
Казнить велю сейчасъ; а безъ улики
Они — друзья мои, и я имъ вѣрю ...
Басмановъ! Намъ съ тобой бояре нужны.
Правители плохіе мы: не знаемъ
Цѣны казнѣ, цѣны своимъ рѣчамъ, —
Мы воины. Сноровка вѣковая,
Боярская, за насъ управитъ землю,
Поддержитъ честь ея въ дѣлахъ посольскихъ;
А мы съ тобой все лѣто воевать,
А зиму всю гулять да пировать. (Жметъ ему руку.)

Марина (Дмитрію).

Какой-то бунтъ, я слышала, бояре
Затѣяли. О чемъ они бунтуютъ?
Вели спросить да запереть ихъ крѣпче,
И танцовать начнемъ съ тобою снова.

Дмитрій.

Иду, иду! Живѣе намъ мазурку!

(Музыка. Танцы и пѣсни. **Шуйскій** и **Голицынъ** входятъ.)

Василій Шуйскій (Дмитрію).

Великій царь, мятежника я видѣлъ
И опросилъ. И смѣхъ, и горе съ нимъ:
Дуракъ и пьянъ!

Голицынъ.

Мотаетъ головою

И языкомъ лепечетъ, какъ съ просонковъ;
Не разберешь. Глядѣть и слушать дивно.

Василій Шуйскій.

И трезвый онъ умнѣй того не будетъ,
Каковъ теперь. Вели его покликать,
Изволь взглянуть! Увидишь, что не стòитъ
И гнѣва онъ.

Дмитрій.

Позвать его сюда! (Бучинскій уходитъ)

Марина.

Зови гостей ко мнѣ, въ мои покои,
Я приказала маски приготовить.

(Стража вводитъ дурака Ивана; онъ хохочетъ, мотаетъ головой и показываетъ на всѣхъ пальцами.)

Прогнать его!

Дмитрій.

Освободить! (Дурака выводятъ).
А нѣмцамъ
За глупость ихъ построже пригрозить!
Такъ вотъ чего, паны, вы испугались! ...
Пойдемте всѣ въ царицыны покои;
Она своихъ гостей потѣшить хочетъ
Невиданной еще въ Москвѣ утѣхой.

(Маринѣ.)

Краса моя, я счастливъ безконечно!
Моя любовь достигла торжества.
Она меня звѣздою путеводной
Къ величію и трону привела;
Безумную, кипучую отвагу
Вливала въ грудь. И стала мнѣ знакома
Безмѣрная та сила Александра·
И Цезаря, которая героямъ
Владычество надъ міромъ даровала!
Ты, гордая красавица, просила
У бѣднаго, бездомнаго скитальца

Вѣнца себѣ. Тебя короновалъ я
И посадилъ царицей странъ полночныхъ.
Я самъ сковалъ себѣ свое блаженство,
И тѣмъ оно дороже для меня!
Героемъ я рожденъ! Великой долѣ
И доблести завидовать лишь можно,
Отнять нельзя — отниметъ только смерть!

(Всѣ уходятъ за царицей, кромѣ Дмитрія и Басманова.)

Дмитрій (Басманову).

Голицына и Шуйскаго безъ шуму,
Когда пиры мы кончимъ, посадить
За-приставы, всю ихъ родню, знакомыхъ,
И близкихъ имъ! Не подавай и виду:
Пусть думаютъ, что мы не бережемся.
У нихъ въ глазахъ недоброе!

Басмановъ.

Исполню.

Сцена шестая.

(17 мая 1606 года).

Передняя зала съ выходомъ на галлерею въ новомъ дворцѣ.

Выходитъ **Басмановъ.**

Басмановъ.

А солнце ужь высоко поднялось!
Со свадьбой мы все время перебили,
Смотали съ ногъ дворцовую прислугу;
Коморники встаютъ позднѣе насъ, —
Ни одного въ покояхъ. (Набатъ). Ударяютъ!
Что̀ рано такъ? Аль праздникъ гдѣ? Сегодня
Андроника, Стефана ... Гдѣ-то близко ...
Никакъ набатъ? И то набатъ! Вотъ горе!
Пожаръ теперь — бѣда! Перепугаетъ

Гостей у насъ; Москва горѣть горазда:
Какъ примется, и не уймешь, покуда
Не выгоритъ поболѣ половины (Повсемѣстный набатъ).
По всѣмъ церквамъ! Ужасенъ звонъ набата,
Отрывистый и частый! За ударомъ
Гудитъ ударъ и обливаетъ сердце
Томительной тоской передъ бѣдою
Невѣдомой! (Дмитрій входитъ.)

Дмитрій.

Басмановъ, что̀ такое?

Басмановъ.

Должно, пожаръ.

Дмитрій.

Поди, узнай скорѣе.

(Басмановъ уходитъ на галлерею.)

Басмановъ (съ галлереи).

Бояре! Эй! Бояре! ... За набатомъ
Рѣчей не слышно ... Ась? ... Зачѣмъ въ набатъ
Ударили?

Голосъ (за сценой).

Горитъ неподалеку.

Басмановъ.

Кричатъ: горитъ! а дыму не видать.

(Дмитрію.)

Никакъ въ Кремлѣ! Чу! Слышишь, зашумѣли,
Валятъ толпы народныя.

Дмитрій (у окна).

Развѣдай,
Куда бѣгутъ они, зачѣмъ, откуда? (Басмановъ уходитъ.)
Не шумъ, а вопль несется. Нѣтъ, со страха
Не такъ шумятъ. Оружіе! Угрозы!
Ужель мятежъ? Ужель Басмановъ правъ?

Ужели смерть и страшный судъ такъ близко?
Застыла кровь, и каждый волосъ дыбомъ
Становится. Не страхъ-ли то? О, нѣтъ,
Не робокъ я; зачѣмъ-же, противъ воли,
Прошедшее толпой тѣснится въ грудь?
И юности моей бродячей годы
Встаютъ теперь въ моемъ воспоминаньи:
Самборскій пиръ и кіевская келья,
Московскій Кремль, народа ликованье,
И битвы шумъ, и звонъ колоколовъ,
Вѣнчаніе и, наконецъ, побѣда
Надъ гордостью красавицы любимой!

(Входитъ Басмановъ, десятка три нѣмцевъ съ алебардами. Звонъ оружія и крики.)

Басмановъ.

Ахти, бѣда! Спасайся, государь!
Я говорилъ не разъ; ты мнѣ не вѣрилъ.

Дмитрій.

Измѣнники, бояре, вы согнали
Во львиное гнѣздо овечье стадо!
Крамольники! Своими головами
Заплатите за кровь невинной черни.
Я съ висѣлицъ высокихъ васъ заставлю
Пересчитать всѣ жертвы мятежа!

Басмановъ.

Бѣги скорѣй! Внизу дерутся нѣмцы,
А этихъ здѣсь поставимъ, у дверей.

(Вбѣгаетъ Молчановъ.)

Молчановъ.

Мятежъ! Мятежъ! Я кое-какъ пробился ...
Москва идетъ на насъ, купцы, бояре.

Дмитрій.

Собрать скорѣй всѣхъ нѣмцевъ и поляковъ
И вѣрныхъ намъ стрѣльцовъ. Микулинъ гдѣ?

Молчановъ.

Пройти нельзя: всѣ заняты ворота.

Дмитрій.

Кто занялъ ихъ? Басмановъ, не робѣй!

Молчановъ.

Мятежниковъ, стрѣльцовъ новогородскихъ,
Впустили въ городъ ночью. Много ихъ.

Дмитрій.

Проклятые! Басмановъ, будемъ тверды!

Молчановъ.

И видимо-невидимо народу
Московскаго сошлось со всѣхъ сторонъ.

Дмитрій.

А предводитель кто?

Молчановъ.

Василій Шуйскій,
Съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечомъ въ другой.

Дмитрій.

Коварный плутъ святыней прикрываетъ
Свой замыселъ, достойный сатаны.
Подайте мечъ! (Беретъ мечъ.)

Басмановъ.

Мятежъ во всемъ разгарѣ:
Тамъ адъ кипитъ! Куда ты, государь?
Остановись!

Дмитрій.

Пусти меня, Басмановъ!
Я умереть хочу съ мечомъ въ рукахъ.
(Выбѣгаетъ на галлерею.)
Зачѣмъ вы здѣсь? Крамольники, злодѣи,
Измѣнники! Я вамъ не Годуновъ!

Поклонами холопскими, слезами
Укланяли его да умолили
На царство сѣсть, и сами-же спихнули!
Не вы меня на царство посадили,
Я съ бою взялъ его и васъ, холоповъ.

Голоса.

Руби его! Стрѣляй! Да бейте нѣмцевъ. (Выстрѣлы.)
Что̀ ихъ жалѣть! Чего они мѣшаютъ!

(Дмитрій входитъ въ комнату. Врывается **Осиповъ**.)

Осиповъ.

Проспался-ль ты, безвременный царекъ?
Поди сюда! Покайся предъ народомъ!

(Басмановъ бросается на него и убиваетъ. На галлереѣ показывается **Василій Шуйскій** и народъ.)

Дмитрій (бросается съ мечомъ).

Тебя-то мнѣ и нужно!

Василій Шуйскій.

Я не прячусь,
Я самъ тебя ищу.

Дмитрій.

Вамъ нуженъ Грозный!
Такъ знай-же ты, что я сумѣю быть
Грознѣй его.

Василій Шуйскій.

Про то мы сами знаемъ,
Кто нуженъ намъ, да только лишь не воръ.

(**Дмитрій** бросается на Шуйскаго; народъ загораживаетъ его. Басмановъ насильно уводитъ Дмитрія; нѣмцы загораживаютъ собою дверь, запираютъ ее и заваливаютъ мебелью).

Дмитрій (съ отчаяніемъ).

Не воръ! Не воръ! О, wszyscy djabli! Знали
И прежде вы ... Зачѣмъ-же я на тронѣ?
Зачѣмъ меня вы прежде не убили,
Пока я былъ ничтоженъ, какъ и вы?

Зачѣмъ меня на царство допустили
И дали мнѣ извѣдать сладость власти,
Начать дѣла геройскія и славу
Побѣдъ своихъ заранѣ предвкушать!?
И наканунѣ подвиговъ всемірныхъ
Пришли въ глаза мнѣ бросить слово: „воръ!“
Вы дали мнѣ забыться на престолѣ,
Вы опьянили раболѣпствомъ вашимъ,
Ласкательствомъ и лестью, и земными
Поклонами! Вы дали львиной силѣ
Уснуть у ногъ небесной красоты!

Голоса (за дверями).

Ломайте дверь! Рубите топорами!

Басмановъ.

Бѣги! Бѣги!

Дмитрій.

Марина! Ахъ, Марина!

(Убѣгаетъ. Разламываютъ двери. Нѣмцы отбиваются. За дверями видны бояре: **В. и Д. Шуйскіе, Голицынъ, Куракинъ, Татищевъ** и другіе, всѣ въ кольчугахъ. Калачникъ предводительствуетъ толпой.)

Басмановъ.

Опомнитесь, бояре! Что̀ вамъ нужно?
Зачѣмъ народъ вы подняли? (Нѣмцамъ.) Держитесь,
Друзья мои! (Боярамъ.) Просите государя,
Онъ васъ проститъ и все, чего хотите,
Пожалуетъ, лишь чернь остановите!

(Толпа опрокидываетъ нѣмцевъ. Бояре входятъ въ комнату.)

Голоса.

Показывай, гдѣ царь твой самозванный!
Давай его! Веди его къ народу!

Татищевъ.

Сначала пса убьемъ сторожевого,
Къ хозяину тогда добраться легче!

(Ударяетъ Басманова ножемъ, тотъ падаетъ.)

Бросай его съ крыльца долой, на копья
Стрѣлецкія!

(Басманова уносятъ. Толпа бросается въ царскіе покои.)

Василій Шуйскій.

Проворнѣе, робята!
Не забывать зачѣмъ пришли! Пограбить
Успѣете. Ищите намъ разстригу!
Уйти нельзя. Тащите къ намъ живого
Иль мертваго! Обезоружьте нѣмцевъ!
Не трогать ихъ, они впередъ годятся.
Спасайте бабъ! Возьми, Татищевъ, стражу,
Поставь при нихъ; царицыны покои
Оберегай! Не съ бабами воюемъ!

Куракинъ.

Побережетъ!.. Пусти козла въ капусту.

Татищевъ.

Инъ самъ-бы шелъ! (Уходитъ.)

Калачникъ (вбѣгая).

Бѣда! Нигдѣ не сыщемъ
Еретика!

Василій Шуйскій.

Ищите, какъ иголку.
Уйдетъ отъ насъ, тогда не ждать пощады,
Огнемъ спалитъ, живыхъ зароетъ въ землю.

Голоса (на галлереѣ).

Онъ тамъ, внизу, на Житномъ. — Оступили
Его стрѣльцы московскіе; народу
Пищалями грозятся. — Чу! Стрѣляютъ!
Народъ бѣжитъ.

Василій Шуйскій.

(Хватаясь за Голицына.)

Земля заколебалась
Подъ нашими ногами. Ну, Голицынъ,

Пропали мы! Давно живу на свѣтѣ,
А въ первый разъ колѣни задрожали ...
Народъ, за мной! Робята, выручайте!

Калачникъ.

Пусти меня впередъ! За мной, робята!
До насъ дошло; пришла къ рукамъ работа.
Не страшны намъ пищальные орѣхи:
За ними шли!

(Шуйскій и Калачникъ съ толпой народа уходятъ.)

Куракинъ (у окна).

Народу прибываетъ!
Какъ вкопаны стрѣльцы, — не подаются,
Стѣной стоятъ. Вотъ наши подоспѣли
Съ Калачникомъ и Шуйскимъ, пошатнули,
Попятили стрѣльцовъ, къ крыльцу прижали,
На лѣстницу ихъ гонятъ. Отбиваясь,
Стрѣльцы царька несутъ съ собой въ покои.

(Входятъ **Стрѣльцы**: одни вносятъ **Дмитрія**, другіе удерживаютъ народъ.)

Дмитрій.

(Подаетъ руку нѣмцамъ обезоруженнымъ.)

Благодарю, друзья!.. Въ очахъ темнѣетъ!

(Въ обморокѣ, его кладутъ на скамью.)

Стрѣльцы (окружающіе Дмитрія).

Осаживай!

Другіе стрѣльцы.

Не подходите близко!
Стрѣлять начнемъ не разбирая. — Право,
Хорошаго немного: братъ на брата!..
Крещеные! — Заставите неволей, —
Такъ на себя пеняйте! — Отойдите!
Начнемъ стрѣлять: пожалуй, и боярамъ
Достанется.

Калачникъ.

Ну, выстрѣли! Живому
Не быть тебѣ! Положимъ всѣхъ на мѣстѣ.

Сотникъ стрѣлецкій.

Грозить еще задумалъ! Цаловали
Мы крестъ ему, не побоимся смерти,
На то стрѣльцы; такая наша служба,
Что умирать.

Василій Шуйскій.

Да было-бъ за кого!
Чего-же вамъ? Съ царицей говорили;
Голицынъ къ ней ходилъ Иванъ Василичъ;
Не признаетъ своимъ, сказать велѣла:
„Не сынъ онъ мнѣ!“ — Пожалуй, умирайте;
И мы не прочь! А что̀ угоднѣй Богу,
За вѣру умереть, иль за разстригу,
Еретика? Москвы не удержать мнѣ!
На чьей душѣ кроворазлитье будетъ?

Сотникъ.

Да какъ-то все, бояринъ ... Нѣтъ, ты лучше
Посторонись!

Стрѣльцы.

Убьемъ, не лѣзьте близко!

Калачникъ.

Да что̀-жь вы, псы!.. Вались гурьбой, робята,
Въ стрѣлецкую! Душите ихъ отродье!

(Стрѣльцамъ.)

Вы стойте здѣсь, разстригу берегите!
А мы дѣтей и женъ изгубимъ вашихъ,
И на вѣтеръ подымемъ ваши домы!

Сотникъ.

Постой, постой! Бояринъ, мы повѣримъ
Словамъ твоимъ! А на́-душу возьмешь-ли
Ты грѣхъ за насъ?

Василій Шуйскій.

Возьму.

Сотникъ.

Теперь въ отвѣтѣ
Предъ Господомъ не мы. — За мной, робята! (Уходятъ.)

Дмитрій (очнувшись).

Зачѣмъ я здѣсь? Ахъ, ногу! грудь!.. Бояре,
Крамольники!

Дмитрій Шуйскій.

Очнулся? Говори-же,
Ты кто таковъ?

Дмитрій.

Я сынъ царя Ивана
Василича, твой царь и повелитель.
Ты не узналъ меня, холопъ! (Василію Шуйскому.)
Ты, Шуйскій,
Мятежниковъ собралъ! Пойдемъ къ народу,
На Лобное, къ мятежникамъ твоимъ!..
Я не боюсь, я правъ; пускай разсудятъ
Меня съ тобой! Я отдаюсь на волю
Народную ... Боишься ты, не смѣешь
Своей души народу обнажить?
Я все скажу! И пусть народъ узнаетъ,
Что я честнѣй тебя, неблагодарный
Клятвопреступникъ!

Василій Шуйскій.

Намъ судиться поздно!
Ты осужденъ!.. Кончайте съ нимъ, робята!
(Нагибаясь къ Дмитрію Самозванцу.)
У насъ народъ для звѣря ямы роетъ
И въ ямѣ бьетъ, а выпусти — уйдетъ!
(Дмитрію Шуйскому.)
Ты, Дмитрій, здѣсь побудь и пригляди.

(Уходитъ. Одинъ изъ мятежниковъ замахивается на Дмитрія.)

Дмитрій.

Остановись! Ты видишь, безоруженъ
И раненъ я . . . (Въ бреду.) Подайте мечъ! . . Шварцгофъ!
Мой мечъ, Шварцгофъ! . . За мной, за мной, казаки! . .
Вы видите, вдали бѣлѣютъ стѣны!
Возьмемте ихъ.

(Всѣ окружаютъ его и смотрятъ съ изумленіемъ. Входитъ **Татищевъ** и ведетъ за собой дворянъ: **Валуева** и **Воейкова.**)

Татищевъ (народу).

Чего-же вы стойте?
Народу тьма сошлось, ни-вѣсть отколѣ,
Спасать царя бѣгутъ. Сболтнулъ имъ кто-то,
Что бьютъ его поляки.

Дмитрій Шуйскій (въ окно народу).

Эй! Винится!
Во всемъ, во всемъ разстрига повинился.

Голицынъ (отворачиваясь).

Кровавый день!

Дмитрій (въ бреду).

Несись, мой конь ретивый,
Несись быстрѣй! До цѣли недалеко.
Труба гремитъ . . .

Татищевъ (Валуеву и Воейкову).

Вы что̀-жь остановились?
Зачѣмъ пришли? Кончай его скорѣе!

Дмитрій (въ бреду).

Смѣлѣй, въ проломъ! Къ стѣнамъ давайте лѣстницъ!
Ворота сбить! . .

Валуевъ.

Благословить ужь развѣ
По-своему тебя, свистунъ!

Дмитрій.

Ворота!..
Олеговъ щитъ!.. Ворота Царяграда ...

(Валуевъ стрѣляетъ. Дмитрій падаетъ ницъ.)

Дмитрій Шуйскій (въ окно).

Покончили!

Толпа (окружаетъ Дмитрія).

Тащи его, робята,
Къ народу внизъ!

Голицынъ.

Я слышу крикъ народный!

Нѣсколько голосовъ (за сценой).

Храни тебя Господь на многи лѣта!
Великій князь и государь Василій
Ивановичъ!

Голосъ Калачника.

Кричите: многи лѣта
Великому царю и государю!

Голицынъ.

Не рано-ли?

Куракинъ.

Пораньше-то вѣрнѣе,
Пока съ умомъ собраться не успѣли.

Голицынъ.

Крамольникъ онъ отъ головы до пятокъ!
Бояриномъ ему-бъ и оставаться,
Крамольнику не слѣдъ короноваться.
Крамолой сѣлъ Борисъ, а Дмитрій силой:
Обоимъ тронъ московскій былъ могилой.
Для Шуйскаго примѣровъ недовольно;
Онъ хочетъ сѣсть на царство самовольно, —
Не царствовать ему! На тронъ свободный
Садится лишь избранникъ всенародный.

Примѣчанія.

Воевода (Сонъ на Волгѣ). Новая редакція. Впервые явилась въ печати въ девятомъ изданіи Собр. сочиненій А. Н. Островскаго (Томъ IV, стр. 271—407), Москва. Изд. книжн. магаз. В. Думнова, 1890.

Разница между старымъ и новымъ текстомъ огромная. Не только стихи, но многія отдѣльныя сцены, въ особенности заключительная, совершенно измѣнены, отчего вся пьеса и частью нѣкоторые характеры получили нѣсколько иное освѣщеніе.

Въ измѣненномъ видѣ „Воевода" былъ поставленъ только въ Москвѣ, на сценѣ Малаго театра, въ бенефисъ г. Рыбакова 19 января 1886 г.

Въ Петербургѣ, предполагавшаяся постановка его почему-то не состоялась.

При первомъ представленіи (въ бен. г. Рыбакова) роли были распредѣлены такъ:

Шалыгинъ	г. Ленскій.
Бастрюковъ (отецъ) . . .	г. Садовскій (Мих. П.).
Бастрюковъ (сынъ) . . .	г. Южинъ.
Неустройко	г. Макшеевъ.
Безсудный	г. Музиль.
Нежданъ	г. Никифоровъ.
Дубровинъ	г. Рыбаковъ
Дюжой	г. Грековъ.
Настасья	г-жа Акимова.
Смирной	г. Шеламытовъ.
Дружина	г. Арбенинъ.
Несмѣяновъ	г. Колосовъ.
Брусенинъ	г. Попковъ.
Цапля	г. Невскій.
Тыра	г. Лавровъ.
Боимъ	г Дубровинъ.
Гришка Жилка	г. Рябовъ.
Рѣзвой	г. Живокини (Дм. В.).
Щербакъ	г. Миленскій.
Бирючъ	г. Мясищевъ.

Прасковья	г-жа Владимірова.
Марья	г-жа Уманецъ-Райская.
Недвига	г-жа Садовская.
Кубасъ	г. Мухинъ.
Шишига	г. Сампелевъ.
Олена	г-жа Ермолова.
Женщина	г-жа Колпакова.
Домовой	г-жа Щепкина.
Старуха	г-жа Садовская.
Ея сынъ	г. Савиновъ.
Гаврило	г. Никифоровъ.
Куликъ	г. Гетцманъ.

На бойкомъ мѣстѣ. Напечатана въ журналѣ „Современникъ“ 1865 г. (№ 9, сентябрь).

Поставлена въ первый разъ въ бенефисъ г. Разсказова 29 сентября 1865 г. на сценѣ московскаго Малаго театра.

Играли роли:

Миловидова	г. Вильде.
Безсуднаго	г. Садовскій (П. М.).
Евгеніи	г-жа Колосова.
Аннушки	г-жа Ѳедотова.
Пыжикова	г. Колосовъ.
Непутеваго	г. Разсказовъ.
Сени	г. Ѳедотовъ.
Жука	г. Дмитревскій.
Раззоренаго	г. Живокини 2.
Гришки	г. Воронской.

Въ томъ-же году 25 октября, въ бенефисъ г-жи Левкѣевой, была представлена въ Александринскомъ театрѣ, въ Петербургѣ, при слѣдующемъ распредѣленіи ролей:

Миловидовъ	г. Нильскій.
Безсудный	г. Самойловъ.
Евгенія	г-жа Левкѣева.
Аннушка	г-жа Брошель.
Пыжиковъ	г. Степановъ.
Непутевый	г. Горбуновъ.
Сеня	г. Озеровъ.
Жукъ	г. Васильевъ 1-й.
Раззореный	г. Волковъ.

Пучина. Напечатана въ газетѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (1866 г., январь, №№ 1, 4, 5, 6 и 8).

Въ первый разъ шла въ Москвѣ, въ Маломъ театрѣ, въ бенефисъ помощника режиссера г. Черневскаго и машиниста г. Тимофѣева, 8 апрѣля 1866 г.

Играли:

Погуляева	г. Вильде.
Кисельникова	г. Шумскій.
Боровцова	г. Садовскій (П. М.).
Дарью Ивановну	г-жа Акимова.
Глафиру	г-жа Васильева 2-я.
Переяркова	г. Живокини.
Турунтаева	г. Никифоровъ.
Анну Устиновну	г-жа Васильева (Е. Н.).
Неизвѣстнаго	г. Дмитревскій.
Лизу	г-жа Ѳедотова.

Въ томъ-же году 6-го мая представлена первый разъ на Александринской сценѣ, въ Петербургѣ, въ бенефисъ г. Васильева 1-го (данный ему въ награду за 30-ти-лѣтнюю службу).

Играли роли:

Погуляева	г. Нильскій.
Кисельникова	г. Малышевъ.
Боровцова	г. Бурдинъ.
Дарьи Ивановны	г-жа Воронова.
Глафиры	г-жа Алекс ндрова 1.
Переяркова	г. Зубровъ.
Турунтаева	г. Васильевъ 1-й.
Анны Устиновны	г-жа Громова.
Неизвѣстнаго	г. Полтавцевъ.
Лизы	г-жа Струйская 1-я.

Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій. Напечатана въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ 1867 г. (№ 1, январь).

При постановкѣ на сцену, текстъ ея авторомъ во многихъ мѣстахъ значительно измѣненъ: сдѣлано не мало сокращеній, варіантовъ, вставокъ и проч. Здѣсь всѣ они указаны по экземпляру „Центральной“ библіотеки Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ.

Въ печати пьеса раздѣлена на двѣ части. Первая состоитъ изъ семи, вторая — изъ шести „сценъ“. Дѣленія по „дѣйствіямъ“ нѣтъ.

Въ „театральномъ“ экземплярѣ пьеса состоитъ изъ пяти дѣйствій и 12 „*картинъ*“, вмѣсто 13 „сценъ“ печатнаго текста (одна сцена совсѣмъ исключена).

Вотъ планъ этого дѣленія на дѣйствія, сдѣланный самимъ авторомъ:

Дѣйствіе I.

Картины: 1-я и 2-я (т. е. 1-я и 2-я сцены 1-ой части).

Дѣйствіе II.

Картины: 3-я и 4-я (3-я и 4-я сцены 1-й части).

Дѣйствіе III.

Картины: 5-я и 6-я (5-я и 7-я сцены той-же части. Сцена 6-я исключена).

Дѣйствіе IV.

Картины: 7-я, 8-я и 9-я (т. е. 1-я, 2-я и 3-я сцены 2-й части).

Дѣйствіе V.

Картины: 10-я, 11-я и 12-я (4-я, 5-я и 6-я сцены 2-й части).

Варіанты:

Въ печати.

I.

Стр. 341.

Сцена первая.

1-й купецъ московскій.

Привелъ Господь! Царевичъ прирожденный
На дѣдовскихъ и отческихъ престолахъ
И на своихъ на всѣхъ великихъ царствахъ,
Возсѣлъ опять и утвердился.

2-й купецъ московскій.

Чудо
Великое свершилось! Божій промыслъ
Измѣнниковъ достойно покаралъ
И сохранилъ лѣпорожденну отрасль
Отъ племени царей благочестивыхъ.

. . . . . .

Для театра.

Дѣйствіе первое.

Картина первая.

Третья строка: *„И на своихъ на всѣхъ великихъ царствахъ“* — зачеркнута.

Вмѣсто *„2-й купецъ московскій“* поставлено:

Подьячій.

Чудо
Великое свершилось! Божій промыслъ
Измѣнниковъ достойно покаралъ
И сохранилъ лѣпорожденну отрасль

Въ печати.

Стр. 343 и 344.

1-й купецъ московскій

(новогородскому.)

И вѣришь-ли, когда пришли
къ намъ вѣсти
. . . . . .
И вотъ опять потомство Мономаха
На грозный столъ родительскій вступаетъ!

Попъ.

Веселіе духовное и радость
Вселенская...

Коневъ.

Ну, радость не велика
Подъ клятвой жить! . . . . .
. . . . . .
И, точно камнемъ, придавилъ намъ души
Проклятіемъ... Дѣла и мысли наши,
Утробы всѣ проклятіемъ покрыты;
Молитвы наши къ Богу не доходятъ,

1-й крестьянинъ.

Ахти грѣхи! Охъ, Господи помилуй!
. . . . . .

Для театра.

Отъ племени царей благочестивыхъ.

Послѣ этихъ словъ слѣдуетъ большая вымарка, до словъ:

1-й купецъ московскій

(новогородскому.)

И вѣришь-ли, когда пришли
къ намъ вѣсти
. . . . . .
И вотъ опять потомство Мономаха
На грозный столъ родительскій вступаетъ!

Странникъ

(вмѣсто: [1] *„Попъ“*.)

Веселіе духовное и радость
Вселенская...

Коневъ.

Ну, радость не велика
Подъ клятвой жить! . . . . .
и т. д.

Послѣднія четыре строки замѣнены слѣдующими:

Мы прокляты, живемъ безъ благодати, —
И воленъ бѣсъ надъ нами. Патріархомъ
Мы отданы ему во власть; онъ кажетъ,
Что хочетъ, намъ, а мы глядимъ и вѣримъ.

1-й крестьянинъ.

Охо-хо-хо! Ахъ! Господи, помилуй!
. . . . . .

[1] Дѣйствующее лицо — *„Попъ“* вездѣ именуется: *„Странникъ“*.

Въ печати.	Для театра.
Стр. 345 и 346.	
Калачникъ.	
Судьямъ, дьякамъ и вамъ, отцы честные! Гостямъ - купцамъ и прочему народу — До матери сырой земли поклонъ. (Садится на полъ.) Убогонькій, садись со мной рядкомъ!	Слѣдующія за рѣчью Калачника реплики Юродиваго и Конева исключены до словъ:
Юродивый.	
Антихриста боюсь! . . . . и пр.	
1-й купецъ московскій.	**1-й купецъ московскій.**
Не надивлюсь! Бояринъ, Князь Василій Ивановичъ, людей торговыхъ лучшихъ Равняетъ съ площадными торгашами; *Идетъ къ нему и умный, и безумный,* *И скоморохъ, и думный дворянинъ.*	Не надивлюсь! Бояринъ, князь Василій Ивановичъ, людей торговыхъ лучшихъ Равняетъ съ площадными торгашами. Послѣдніе два стиха выпущены. . . . . .
Стр. 347.	
Мелочной торговецъ (Калачнику).	**Мелочной торговецъ** (Калачнику).
Ты говорилъ, въ казаки...	Ты говорилъ, въ казаки .
Калачникъ.	**Калачникъ.**
Охотой шелъ; да не гораздъ, сказали...	*Сердечный другъ, не мало набивался,* Охотой шелъ; да не гораздъ, сказали ...
Мелочной торговецъ.	**Мелочной торговецъ.**
Чего-жь не стало?	Чего-жь не стало?

Въ печати.

Калачникъ.

Воровать не ловокъ!
Чѣмъ воровать, такъ лучше торговать
Я золотыми, угорскими стану,
Цѣна теперь хорошая на нихъ:
Нужда пришла царю нести въ подарокъ.

. . . . . .

Стр. 348 и 349.

Дворецкій.

Наѣхали изъ Новгорода, Пскова,
Посадскіе царевича встрѣчать,
Московскіе торговцы площадные,
Крестьянишки изъ ближнихъ деревень,
Попы безъ мѣстъ, дьячишки изъ приказовъ,
Убогіе и всякіе сироты,
И дѣловой, и шлющійся народъ, и проч.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Осиповъ (у окна).

Пріѣхалъ князь. (Всѣ встаютъ.)

Для театра.

Калачникъ.

Воровать не ловокъ
Чѣмъ воровать, такъ лучше торговать
Я золотыми, угорскими стану.
Цѣна теперь хорошая *имъ стала:*
Нужда пришла нести царю въ подарокъ.

. . . . . .

Первые семь стиховъ въ монологѣ Дворецкаго исключены. Оставлены только слѣдующіе:

Дворецкій.

Не всякій видѣлъ очи государя
Дмитрія Иваныча, — такъ лестно
У нашего боярина провѣдать
Про царское здоровье: не слыхать-ли
Про милости какія для народа . . .
Не обезсудь! Шумъ нѣкакій въ воротахъ,
Такъ побѣжать . . . Все какъ-то не на мѣстѣ
Душонка-то холопская; все мнится,
Что вотъ наѣдетъ . . . Обожди часокъ.

(Уходитъ.)

Осиповъ (у окна.)

Пріѣхалъ князь. (Всѣ встаютъ.)

А что-нибудь не ладно!
Угрюмъ старикъ, нависли брови тучей,
Глаза горятъ и скачутъ.

Въ печати.	Для театра.
Калачникъ (у окна). А что-нибудь не ладно Угрюмъ старикъ, нависли брови тучей, Глаза горятъ и скачутъ. Ну, сироты, Не лучше-ль намъ сбираться во свояси Съ добра ума, покуда не прогнали?	**Калачникъ.** Ну, сироты, Не лучше-ль намъ сбираться во-свояси, Съ добра ума, покуда не прогнали? . . . . .
Стр. 351. **Осиповъ.** Смѣшеніе языковъ, пѣсни, грохотъ, Пальба, стрѣльба, бѣсовское гудѣнье! *Далеко гулъ идетъ по чисту полю,* *И мать сыра-земля верстъ на семь стонетъ;* Для русскаго крещенаго народа Позорище противное зѣло!	Стихи: 3-й и 4-ый — *вычеркнуты.*
Стр. 353 и 354. **Василій Шуйскій.** Вотъ новый страстотерпецъ! Въ московскіе угодники задумалъ? Не къ рылу честь! Такихъ рѣчей нелѣпыхъ Ни говорить, ни слушать не пригоже... *Служи царю по крестной клятвѣ, вправду,* *И всякаго добра ему желай!* Ты молодой слуга, себѣ ты долженъ Искать богатства и служилой чести!	Въ этомъ монологѣ Шуйскаго 5-й и 6-й стихи *вычеркнуты,* такъ же какъ и отвѣтныя слова Осипова, такимъ образомъ обѣ рѣчи Шуйскаго соединяются въ одну.

Въ печати.	Для театра.
Покаешься подъ старость во грѣхахъ; Служи пока мамону!	
Осиповъ. *Ты, бояринъ,* *Меня въ тоску вогналъ и закручинилъ,* *До слезъ довелъ; мнѣ жизнь теперь постыла.*	
Василій Шуйскій. На завтра въѣздъ, такъ приходи къ Пречистой, Ко всенощной, молиться за царя! и пр.	
Стр. 355.	
Коневъ. *Церковные строители, любимцы* *И ближніе святому патріарху,* *Ревнители о православной церкви.*	Эти три стиха *вычеркнуты* — они *замѣнены* слѣдующимъ отвѣтомъ:
Василій Шуйскій. Ну, милости прошу. *Пускай войдутъ,*	**Коневъ.** *Вѣрнѣй меня.* Послѣднія два слова: „Пускай войдутъ“ — *вычеркнуты.*
Коневъ. *(Растворивъ дверь.)* *Не бойтеся боярина, идите!*	**Коневъ.** *(Уходитъ и возвращается.)* Эти четыре слова *вычеркнуты.* . . . . .
Стр. 356.	
2-й Купецъ. Ты, *вмѣсто* патріарха, Отцомъ намъ будь! Наставь и накажи!	**2-й купецъ.** Ты, *послѣ* патріарха, Отцомъ намъ будь! Наставь и накажи! . . . . .

Въ печати.

Стр. 357.

Василій Шуйскій.

Живите, какъ хотите.
Терпи, поколь потерпится.
. . . . . .

Стр. 358 и 359.

Василій Шуйскій.

(Одинъ.)

Сегодня трое, завтра будетъ больше,
А черезъ мѣсяцъ вся Москва — моя.
Безвѣстный царь, бродяга безымянный и пр.
. . . . . .

Стр. 361.

Подьячій.

(Подавая *свитокъ.*)

Бояринъ,
Я многогрѣшный Богови и грубый и пр.
. . . . . .

Для театра.

Василій Шуйскій.

Живите, какъ хотите.
Не мнѣ учить, на всѣхъ бѣда пришла.
Терпи, поколь потерпится.
. . . . . .

Въ этомъ монологѣ 8-й стихъ: *„Онъ вскормленникъ прямой пановъ хвастливыхъ!“* — исключенъ.

Послѣ 25 стиха: „Уставы церкви строгіе блюдетъ“ — вставленъ новый стихъ:
Такимъ царямъ Москва служить готова.

Стихи 26, 27 и 28:
„По праздникамъ духовно веселится,
А въ дни поста, въ смиренномъ одѣяньи,
Съ народомъ вмѣстѣ каяться идетъ“ — *исключены.*

Конецъ монолога, начиная съ 44-го стиха: *„Ха, ха, ха-ха! Тревоги да крамолы!“* и до стиха 56 — *исключенъ.*

Въ 56-мъ стихѣ вмѣсто: *„Добьюсь вѣнца“* поставлено: *О, Боже мой!*

Послѣ ремарки: *(молчаніе.)*— прибавлено: *хлопаетъ въ ладоши.*
. . . . . .

Подьячій.

(Подавая *тетрадь.*)

Бояринъ,
Я многогрѣшный Богови и грубый и пр.
. . . . . .

Въ печати.

Стр. 362—364.

Дмитрій Шуйскій.

Василій, братъ, *за что-же ты остатокъ*
Широкаго и славнаго потомства
Василія Кирдяны вдостоль губишь!
Послѣдніе мы четверо остались
Безъ племени...
. . . . . .

Василій Шуйскій.

Плакать, что̀-ли,
И кланяться?

Дмитрій Шуйскій.

Иди скорѣй на площадь,
Сбирай народъ, клянись передъ иконой,
Что въ Угличѣ ты хоронилъ другого;
Что Дмитрій живъ, что подлинный царевичъ,
Царя Ивана сынъ, на тронъ вступаетъ!
Винись во всемъ; скажи, что, страха ради
Борисова, — вы лгали съ патріархомъ.
Иди теперь, а завтра будетъ поздно.
Богдашка Бѣльскій да Голицынъ Васька
По площадямъ и въ улицахъ московскихъ
Одно твердятъ, что Шуйскій съ патріархомъ
Измѣнники царевы, обманули
И довели до клятвопреступленья

Для театра.

Сокращено и измѣнено такъ:

Дмитрій Шуйскій.

Василій, братъ, Василій. Долго-ль будетъ
Мнѣ маяться ...

Василій Шуйскій.

Да что, какъ угорѣлый,
Ты мечешься? и. т. д.
. . . . . .

Василій Шуйскій.

Плакать, что̀-ли,
И кланяться?

Дмитрій Шуйскій.

Иди скорѣй на площадь,
Сбирай народъ, клянись передъ иконой,
Что въ Угличѣ ты хоронилъ другого;
Что Дмитрій живъ, что подлинный царевичъ,
Царя Ивана сынъ, на тронъ вступаетъ!
Иди теперь, а завтра будетъ поздно.

Конецъ монолога Дмитрія Шуйскаго — всѣ 7 стиховъ *исключены.*

Въ печати.

Народъ въ Москвѣ; а ты молчишь и губишь
Себя и насъ!

Василій Шуйскій.

А чѣмъ-же мнѣ заплатятъ
За ложь мою? Насмѣшками, что поздно
Опомнился, что раньше нужно было
Покаяться. Меня на то и ловятъ, —
Да не поймать! *Я даромъ лгать не стану.*
Я хоронилъ царевича; я знаю,
Кто живъ, кто нѣтъ; одинъ я правду знаю.
Имъ ложь нужна а я почетъ люблю.
Я подожду, куда мнѣ торопиться;
Придетъ пора и правда пригодится.

Дмитрій Шуйскій.

Опомнись, братъ! Мы на̀волосъ отъ смерти.

Василій Шуйскій.

Ужь лучше смерть; позоръ еще тяжеле!
Не сладко жить безъ чести, быть холопомъ
Басманова и Бѣльскаго съ Масальскимъ!
А говорятъ: „спѣсивый Дмитрій Шуйскій!“
Ну, гдѣ-же спѣсь твоя? Лишь въ томъ, что къ верху
Ты бороду дерешь, да слова толкомъ
Не вымолвишь, ворчишь, какъ котъ за печкой!

Для театра.

Василій Шуйскій.

Иди теперь. А чѣмъ-же мнѣ заплатятъ
За ложь мою? Насмѣшками, что поздно
Опомнился, что раньше нужно было
Покаяться. Меня на то и ловятъ,
Да не поймать! *Зачѣмъ-же* торопиться;
Придетъ пора и правда пригодится.

Эти послѣдніе четыре стиха — *исключены.*

Въ печати.

Стр. 365.

Сцена вторая.

1-й голосъ изъ народа.

И то вѣдь бѣсъ. Глядите-ка, робята!

Коневъ.

Мы прокляты, живемъ безъ благодати,
И воленъ бѣсъ надъ нами: патріархомъ
Мы отданы ему во власть; онъ кажетъ,
Что хочетъ намъ, а мы глядимъ и вѣримъ.

1-й голосъ изъ народа.

Да вправду-ли?

Коневъ.

Молчи да слушай, глупый!

(Басмановъ выходитъ изъ Архангельскаго собора.)

. . . . . .

Стр. 367.

Воротынскій.

Напомнилъ ты родителя кончину,
Побѣдоносца князя Михаила
Иваныча, спасителя Россіи,
И опечалилъ сыну ясный день.

. . . . . .

Стр. 371.

Василій Шуйскій.

Не торопись, поспѣешь!
Боярамъ честь потомъ, а нѣмцамъ прежде:
Дай съ нѣмцами *ему* наговориться.

. . . . . .

Для театра.

Картина вторая.

Далѣе разговоръ замѣненъ слѣдующимъ:

Коневъ.

А ты молись, и очи прояснятся,
Яснѣе слугъ діавольскихъ увидишь.
Теперь людьми и въ человѣчьемъ платьѣ
Намъ кажутся, а, можетъ, Богъ сподобитъ,
Увидимъ ихъ тогда какъ есть, въ ихъ чинѣ,
Съ хвостомъ, съ рогами, съ песьей мордой.

Калачникъ.

Тише!

(Басмановъ выходитъ изъ Архангельскаго собора.)

. . . . . .

Эта реплика Воротынскаго *исключена* совсѣмъ.

. . . . . .

Василій Шуйскій.

Не торопись, поспѣешь!
Боярамъ честь потомъ, а нѣмцамъ прежде:
Дай съ нѣмцами *царю* наговориться.

. . . . . .

Въ печати.	Для театра.
Стр. 373 и 374.	
Бѣльскій.	
Великій царь, дозволь ты мнѣ, холопу, Усердіе явить передъ тобою! Мы, государь, съ Басмановымъ, съ Масальскимъ, Хотимъ скакать къ народу, — благо много Сошлось его съ окольныхъ деревень, — И съ лобнаго поклясться всенародно, *(Срывая съ шеи крестъ.)* *Цалуя сей животворящій крестъ,* Что ты нашъ подлинный царевичъ Дмитрій, Почившаго царя Ивана сынъ.	Ремарка: „(Срывая съ шеи крестъ)“ и слѣдующій за нею стихъ: „Цалуя сей животворящій крестъ“ —*зачеркнуты.*
Іезуитъ.	
Te Deum laudamus	*Вычеркнуто.*
	Дѣйствіе второе.
Сцена третья.	Картина третья.
Стр. 381.	
Дмитрій.	
Поди, пиши, Бучинскій. (Бучинскій уходитъ.) Сиротливо Въ душѣ моей! Расписанные своды Гнетутъ меня, и непривѣтно смотрятъ, Не родственно, таинственные лики Изъ темной позолоты стѣнъ угрюмыхъ... Мнѣ рада Русь, но ты, холодный камень и т. д.	Послѣ стиха: „Изъ темной позолоты стѣнъ угрюмыхъ“ — добавлено: *Здѣсь мракъ тюрьмы и святость старой церкви.*

Въ печати.	Для театра.
Сцена четвертая.	Картина четвертая.
Стр. 388.	
Дмитрій.	
По силамъ-ли борьбу ты затѣвалъ? Иль головы своей ты не жалѣешь, Иль помощи себѣ откуда ждешь? Иль испытать меня ты только хочешь, Не слабо-ль я держу свою державу? и т. д.	Въ этомъ монологѣ, состоящемъ изъ девятнадцати стиховъ, въ стихѣ 12-мъ слово: „Измѣну“ *замѣнено* словомъ: *защиту*.
. . . . .	. . . . .
Стр. 396.	
Мстиславскій.	**Мстиславскій.**
Пошли Господь тебѣ на *многи* лѣта И радостей, и счастья, государь!	Пошли Господь тебѣ на *долги* лѣта И радостей, и счастья, государь!
	Дѣйствіе третье.
Сцена пятая.	Картина пятая.
Стр. 401.	
Басмановъ.	
Замкни уста! Ты Дмитрія не знаешь! Онъ наша радость, наше упованье. Остановись! *Душа* моя не стерпитъ, Не вынесетъ она позорной брани.	Слово „Душа“ въ третьемъ стихѣ замѣнено словомъ: *Рука*.
Сцена шестая.	Вся *исключена*.
Сцена седьмая.	Картина шестая.
Измѣненій	нѣтъ.

Въ печати.

II.

Стр. 416—420.

Сцена первая.

Василій Шуйскій.

Куда бѣжишь? Аль рѣчи не по мысли?

Татищевъ.

Ишь нѐучи! Ужь это мы слыхали!
Обучимся и мы, не торопясь.
Пусть вызовутъ изъ Греціи монаховъ!
Такъ нѣтъ, такой науки...
и т. д.

. . . . . .

(Входятъ Голицынъ и Мстиславскій.)

Голицынъ.

А вотъ у насъ и свадьба подоспѣла;
Опять пиры и пр.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Василій Шуйскій.

Какая стать Казы-Гирея трогать

Для театра.

Дѣйствіе четвертое.

Картина седьмая.

Вся сцена между В. Шуйскимъ и Татищевымъ пропущена. Дѣйствіе начинается такъ: *Выходятъ: Татищевъ, Василій Шуйскій, Голицынъ и Мстиславскій.*

Голицынъ.

А вотъ у насъ и свадьба подоспѣла;
Опять пиры.

Василій Шуйскій.

Всю зиму пировали,
Играли въ зернь да пили безъ ума;
Опять за то-жь!

Мстиславскій.

Мы свадьбу отпируемъ
И кончено, снарядимся въ походъ.

Василій Шуйскій.

Куда? Зачѣмъ?

Мстиславскій.

На крымскаго Гирея.

Василій Шуйскій.

На крымцевъ есть донскіе казаки:
Пусть рѣжутся.

Въ печати.

И турскаго султана задирать!
Кому нужда? Жигмонту, нѣмцамъ, папѣ;
А мы въ чужомъ пиру похмѣлье примемъ.
На крымцевъ есть донскіе казаки:
Пусть рѣжутся, — *послать свинцу да зелья,*
Да денегъ дать, а послѣ отпереться,
Что намъ-де ихъ, воровъ, не удержать...
Двѣ выгоды: дешевле и безъ драки;
И волки сыты, да и овцы цѣлы,
Татары биты, да и мы съ султаномъ
Въ миру живемъ.
. . . . . .

Татищевъ.

За титло
Непобѣдимаго. На печкѣ сидя,
Ни съ кѣмъ не воевавши, заслужили
Такую честь, — такъ намъ ее подай!
Сбирались-то втроемъ идти на турокъ:
А нѣмцы прочь, Жигмонтъ, угодникъ папскій,
И радъ-бы въ рай, да сеймомъ вяжутъ руки;
Останемся, какъ раки на мели.

Мстиславскій.

Одни пойдемъ; на что-жь новогородцевъ
И псковичей пригнали на Ходынку?

Для театра.

Начало и все остальное послѣ 5--о и 6-го стиховъ — вычеркнуто.
. . . . . .

Четыре послѣдніе стиха монолога Татищева и слѣдующія за ними три реплики (Мстиславскаго и Шуйскаго) — *вычеркнуты до словъ:*

Василій Шуйскій.

А деньги гдѣ? и пр.

Въ печати.	Для театра.
Василій Шуйскій. *Да много-ль ихъ? Всего восьмнадцать тысячъ.*	
Мстиславскій. *Въ Ельцѣ еще сбираются войска.*	
Василій Шуйскій. А деньги гдѣ?	
Голицынъ. Великъ калымъ платили; Рѣкой течетъ московская казна За польскую границу; Аѳанасій Обозами возилъ туда два раза.	
Мстиславскій. *Нѣтъ, — онъ одинъ пойдетъ, не побоится!* Ему война — потѣха; спитъ и грезитъ и т. д.	Стихъ: „Нѣтъ,—онъ одинъ пойдетъ, не побоится!“ — *исключенъ*. . . . . .
Мстиславскій. *Басманову ты кланяйся, а то-бы* *Гулять тебѣ за Вологду иль Вятку,* *Куда Макаръ телятъ не загонялъ.* (Татищевъ уходитъ, махнувъ рукой.)	Эти три стиха *исключены* совсѣмъ, и Татищевъ уходитъ послѣ своихъ словъ: „Языкъ мой — врагъ мой“.
Стр. 422. **Дмитрій.** Не знаю, Вы бѣгали, иль нѣтъ, а бархатъ нуженъ. Найти его, чего-бы онъ ни стоилъ! Что̀ нужно намъ, того не быть не можетъ. *Хоть тысячу, хоть больше дай за лоскутъ,*	Слова: „Хоть тысячу, хоть больше дай за лоскутъ, въ ладонь мою. Я денегъ не жалѣю!“ — *исключены*. . . . . . , ...

Въ печати.	Для театра.
Въ ладонь мою. Я денегъ не жалѣю.	
Я прикажу, и будетъ мнѣ готово,	
Не только бархатъ, птичье молоко!	
. . . . .	
Стр. 425.	
Дмитрій.	**Дмитрій.**
Красавицы въ Москвѣ у васъ не рѣдкость,	Красавицы въ Москвѣ у васъ не рѣдкость,
По красотѣ имъ равныхъ не найдешь...	По красотѣ имъ равныхъ не найдешь ...
Но портитъ ихъ излишняя покорность	Но портитъ ихъ излишняя покорность
И преданность, безспорная готовность,	Всегдашнія уступки и молчанье,
Всегдашнія уступки и молчанье.	Литовскія красавицы не то!
Литовскія красавицы не то!	Въ очахъ огонь, въ рѣчахъ замысловатость.
Въ очахъ огонь, въ рѣчахъ замысловатость!	Имъ приказать нельзя, нельзя *заставить*
То ласкою безмѣрною дарятъ,	Любить тебя; а долго и прилежно
То гордостью нежданною окинутъ.	Ухаживать тебя онѣ заставятъ.
Имъ приказать нельзя, нельзя принудить	*И ты никакъ сегодня не узнаешь*
Любить тебя; а долго и прилежно	*Чѣмъ завтра встрѣтятъ: лаской или гнѣвомъ.*
Ухаживать тебя онѣ заставятъ.	(Указывая на Василія Шуйскаго).
(Указывая на Василія Шуйскаго.)	Смотрите-ка, у старика глаза-то и пр.
Смотрите-ка, у старика глаза-то и пр.	. . . . .
. . . . .	
Стр. 431.	
Василій Шуйскій (Голицыну.)	
Вотъ мученикъ святой! Идя на смерть,	Эти три стиха *исключены* совершенно.
Онъ вымолвилъ пророческое слово:	

Въ печати.

Завидовать моей ты будешь смерти.

(Уходитъ.)

Сцена вторая.

Стр. 437.

Дмитрій.

Короновать? Да развѣ ты не будешь
Царицею, со мною повѣнчавшись?

Марина.

Нѣтъ! Русскія царицы только жены
Мужей-царей, — по мужу лишь царицы;
Затворницы, пока мужья ихъ живы,
По смерти ихъ, живые мертвецы,
Монахини безъ власти и значенья.
А я хочу теперь короноваться,
Дѣвицею, и мнѣ твои бояре
И воинство пусть такъ же крестъ цалуютъ
На подданство, какъ и тебѣ.

Дмитрій.

Не знаю,
Не слыхано въ Руси такое дѣло.

Марина.

А гдѣ-жь любовь твоя?

Дмитрій.

А гдѣ-жь награда
За всѣ мои безчисленныя жертвы?

Для театра.

Картина восьмая.

Эти шесть репликъ — *исключены.*

Въ печати.	Для театра
Марина. *Послѣднюю мою исполни волю,* *И жди себѣ награды — я твоя;* *А безъ того назадъ уѣду въ Польшу.*	
Сцена третья.	Картина девятая.
Стр. 440. **Василій Шуйскій.** Одной свѣчи довольно. Держи въ рукахъ. Не свадьбу мы пируемъ... (Дворецкому.) Сбираются?	**Василій Шуйскій.** Одной свѣчи довольно. Держи въ рукахъ. Не свадьбу мы пируемъ *И безъ огня въ лицо другъ друга знаемъ.* (Дворецкому.) Сбираются? . . . . .
Стр. .441—443. **Василій Шуйскій.** Народъ слѣпой, мы зрячіе, мы видимъ, Куда идти, чего хотѣть народу. Боярство — Русь великая, а земство Идетъ туда, куда ведутъ бояре. Народъ возьметъ, что мы ему дадимъ, И будетъ знать, что мы ему велимъ, *Для нашихъ дней и для потомковъ нашихъ* *Покроемъ мы всѣ замыслы и думы* *Глубокою и вѣковѣчной тайной,* *Пусть люди насъ не судятъ, судитъ Богъ!*	**Василій Шуйскій.** Народъ слѣпой, мы зрячіе, мы видимъ, Куда идти, чего хотѣть народу. Боярство — Русь великая, а земство Идетъ туда, куда ведутъ бояре. *За земство мы въ отвѣтѣ передъ Богомъ.* Народъ возьметъ, что мы ему дадимъ, И будетъ знать, что мы ему велимъ.
Дмитрій Шуйскій. *А страшно, братъ!*	**Дмитрій Шуйскій.** *Боюсь я, братъ!*

Въ печати.

Василій Шуйскій.

Кого-*же* намъ *бояться?*
И царь слѣпой, и такъ же слѣпъ и простъ
Бѣсовозлюбленный его совѣтникъ.
Басманову-ли править государствомъ!
Онъ подъ носомъ не видитъ ничего.
Борисовы ученики, мы Грознымъ
Воспитаны, и насъ не проведешь!
Не имъ чета! Вотъ мы умѣемъ править
Землей своей, вести народъ умѣемъ.
По выбору и ложь, и правда служатъ
У насъ въ рукахъ орудіемъ для блага
Народнаго. Нужна народу правда, —
И мы даемъ ее; мы правду прячемъ,
Когда обманъ народу во спасенье.
Мы лжемъ ему: и мрутъ, и оживаютъ
По нашей волѣ люди; по базарамъ
Молва пройдетъ о знаменьяхъ чудесныхъ;
Убогіе, блаженные пророчатъ,
Застонетъ камень, дерево заплачетъ,
Изъ нѣдръ земли послышатся глаголы,
И наша ложь въ народѣ будетъ правдой, —
Въ хронографы за правду перейдетъ...

Для театра.

Василій Шуйскій.

Кого намъ *опасаться?*
И царь слѣпой, и такъ же слѣпъ и простъ
Бѣсовозлюбленный его совѣтникъ.
Басманову-ли править государствомъ!
Онъ подъ носомъ не видитъ ничего.
Борисовы ученики, мы Грознымъ
Воспитаны, и насъ не проведешь!
Не имъ чета! Вотъ мы умѣемъ править
Землей своей, вести народъ умѣемъ.
По выбору и ложь, и правда служатъ
У насъ въ рукахъ орудіемъ для блага
Народнаго. Нужна народу правда
И мы даемъ ее; мы правду прячемъ,
Когда обманъ народу во спасенье.
Была пора, намъ ложь была нужна,
Мы ею Русь спасали отъ Бориса;
Но выросла та ложь треглавымъ змѣемъ,
Свила гнѣздо себѣ въ чертогахъ царскихъ
и т. д.

. . . . . .

Въ печати.	Для театра.
Татищевъ. *Великая боярская опора,* *Василій, княжъ Иванычъ, за тобою* *Какъ стадо мы. Не закрывай уста!*	
Василій Шуйскій. Была пора, намъ ложь была нужна, Мы ею Русь спасали отъ Бориса; Но выросла та ложь трегла-вымъ змѣемъ, Свила гнѣздо себѣ въ чертогахъ царскихъ и т. д.	
Стр. 444. **Василій Шуйскій.** Когда Борисъ холопамъ за доносы Сталъ вотчины боярскія давать, Давилъ, какъ мухъ, боярство, половину Извелъ его, а чернаго народу И счету нѣтъ, — терпѣнья намъ не стало. и проч.	Въ этомъ монологѣ исключено слѣдующее мѣсто: *„войска и воеводы,* *Борисовы служили неохотно —* *И скоро всѣ передались за вора,* *Винясь ему въ измѣнѣ небывалой.* *Вздохнула Русь“.* Слѣдующая затѣмъ, послѣ словъ Шуйскаго, рѣчь Голицына *исключена* совсѣмъ, а потому оба монолога Василія Шуйскаго *соединяются* въ одинъ.
Стр. 450. **Василій Шуйскій.** *Потише!*	**Василій Шуйскій.** *Тихонько!*

Въ печати.	Для театра.
Стр. 454.	
Василій Шуйскій.	
Пойдемъ, друзья, досиживать до свѣту, Въ Кремлѣ сидятъ, — а мы не хуже ихъ! (Уходятъ всѣ кромѣ Голицына и Куракина.)	По уходѣ Шуйскаго заключительный разговоръ Голицына и Куракина *вычеркнутъ*.
	Дѣйствіе пятое.
Сцена четвертая.	Картина десятая.
Измѣненій	нѣтъ.
Стр. 463.	
Сцена пятая.	Картина одинадцатая.
Дмитрій.	**Дмитрій.**
Панъ мологоскій! Брата Сигизмунда Сомнительно ко мнѣ расположенье. *Не вижу я любви его. Скитальцемъ* *Я въ Краковѣ почету больше видѣлъ,* *Чѣмъ здѣсь теперь, когда я сѣлъ на царства* *Великія, когда страны полночной* *Единымъ обладателемъ я сталъ.* По-братски-ли не признавать титуловъ Наслѣдственныхъ, отъ Бога нашимъ предкамъ Дарованныхъ? Титулы много значатъ, и проч.	Панъ мологоскій! Брата Сигизмунда Сомнительно ко мнѣ расположенье. По-братски-ли не признавать титуловъ Наслѣдственныхъ, отъ Бога нашимъ предкамъ Дарованныхъ? Титулы много значатъ, и т. д. Пять стиховъ курсива — *исключены*.
Стр. 470.	
Василій Шуйскій.	**Василій Шуйскій.**
Диковина! Откуда только смѣлость	Диковина! Откуда только смѣлость

Въ печати.	Для театра.
Доносчики берутъ царя тревожить Въ такіе дни? *У государя гости,* *Онъ цѣлый годъ царицу ждалъ въ Москву;* *Привелъ Господь, соединилъ ихъ бракомъ;* *На первыхъ дняхъ медовыхъ другъ на друга* *Глядѣть-бы имъ да любоваться только,* *А нѣмцы тутъ съ доносами. Басмановъ,* *И ты туда-жь!* Да развѣ нѣтъ боярства? Иль думы нѣтъ у цесаря? Не хуже Басманова мы бережемъ его! Скажите намъ, мы разберемъ въ чемъ дѣло. и проч.	Доносчики берутъ царя тревожить Въ такіе дни. Да развѣ нѣтъ боярства? Иль думы нѣтъ у цесаря? Не хуже Басманова мы бережемъ его? Скажите намъ и т. д. Всѣ стихи, отмѣченные курсивомъ, — *исключены.*
Стр. 471. **Дмитрій.** Подозрѣвать бояръ своихъ ближайшихъ И каждый часъ беречься ихъ измѣны — Такъ жить нельзя. Ты выведи мнѣ ясно Измѣнниковъ, я ихъ не пожалѣю и т. д.	Въ этомъ монологѣ *вычеркнуты* слѣдующіе три стиха: *Басмановъ! Намъ съ тобой бояре нужны.* *Правители плохіе мы; не знаемъ* *Цѣны казнѣ, цѣны своимъ рѣчамъ.*
Марина (Дмитрію). Какой-то бунтъ, я слышала, бояре Затѣяли. *О чемъ они бунтуютъ,* *Вели спросить да запереть ихъ крѣпче,* И танцовать начнемъ съ тобою снова.	**Марина** (Дмитрію). Какой-то бунтъ, я слышала, бояре Затѣяли. *Вели ихъ перерѣзать,* И танцовать начнемъ съ тобою снова.

Въ печати.	Для театра.
Стр. 473.	
Дмитрій.	
Голицына и Шуйскаго безъ шуму, *Когда пиры мы кончимъ, посадить* *За приставы, всю ихъ родню, знакомыхъ* *И близкихъ имъ! Не подавай и виду:* *Пусть думаютъ, что мы не бережемся.* *У нихъ въ глазахъ не доброе.*	Эти слова Дмитрія и Басманова — *вычеркнуты.*
Басмановъ.	
Исполню.	
Сцена шестая.	Картина двѣнадцатая.
Стр. 474—476.	
Дмитрій (у окна). Развѣдай, Куда бѣгутъ они, зачѣмъ, откуда?.. и проч. . . . . (Входитъ Басмановъ, десятка три нѣмцевъ съ алебардами. Звонъ оружія и крики.)	Въ этомъ монологѣ Дмитрія, начиная со стиха: „Ужели смерть и страшный судъ такъ близко!“ — всѣ 12 стиховъ (до конца монолога) — *исключены,* и монологъ соединенъ съ слѣдующимъ (см. ниже).
Басмановъ.	
Ахти, бѣда! Спасайся, государь! Я говорилъ не разъ; ты мнѣ не вѣрилъ.	Эти слова Басманова *перенесены* нѣсколько ниже и соединены съ послѣдующею рѣчью его-же.
Дмитрій.	**Дмитрій.**
Измѣнники, бояре, вы согнали Во львиное гнѣздо овечье стадо! Крамольники! Своими головами Заплатите за кровь *невинной черни.*	Развѣдай, Куда бѣгутъ они, зачѣмъ, откуда? (Басмановъ уходитъ.) Не шумъ, а вопль несется. Нѣтъ, со страха

Въ печати.

Я съ висилицъ высокихъ васъ заставлю
Пересчитать всѣ жертвы мятежа!
. . . . . .
. . . . . .

Дмитрій.

Кто занялъ ихъ? *Басмановъ не робѣй!*

Молчановъ.

Мятежниковъ, стрѣльцовъ новогородскихъ,
Впустили въ городъ ночью. *Многоихъ.*

Для театра.

Не такъ шумятъ. Оружіе! Угрозы!
Ужель мятежъ? Ужель Басмановъ правъ?
Измѣнники, бояре, вы согнали
Во львиное гнѣздо овечье стадо!
Крамольники! Своими головами
Заплатите за кровь *рабовъ несчастныхъ*
Обманутыхъ злодѣйскою крамолой.
Я съ висилицъ высокихъ васъ заставлю
Пересчитать всѣ жертвы мятежа!

Басмановъ.

(Входитъ.)

А-ти, бѣда! Спасайся государь!
Я говорилъ не разъ; ты мнѣ не вѣрилъ.
Бѣги скорѣй! Внизу дерутся нѣмцы,
А этихъ здѣсь поставимъ у дверей.
. . . . . .

Дмитрій.

Кто занялъ ихъ?

Молчановъ.

Стрѣльцовъ новогородскихъ, мятежниковъ
Впустили въ городъ ночью.

Дмитрій.

А много-ль ихъ?

Дворянинъ.

Восьмнадцать тысячъ.

Въ печати.

Дмитрій.

Проклятые! *Басмановъ, будемъ тверды!*

Молчановъ.

И видимо - невидимо народу
Московскаго сошлось со всѣхъ сторонъ

Стр. 477 и 478.

Василій Шуйскій.

Про то мы сами знаемъ,
Кто нуженъ намъ, да только лишь не *воръ.*

Дмитрій.

Не воръ! Не воръ! О! wszyscy djabli! Знали
И прежде вы... Зачѣмъ-же я на тронъ!
Зачѣмъ меня вы прежде не убили,

и т. д.

. . . . . .

Для театра.

Дмитрій.

Проклятые!

Молчановъ.

Невидимо народу
Московскаго сошлось со всѣхъ сторонъ.

Василій Шуйскій.

Про то мы сами знаемъ,
Кто нуженъ намъ, да только лишь не *ты.*

Этотъ монологъ Дмитрія уничтоженъ, вмѣсто него говоритъ послѣ Шуйскаго

Басмановъ.

Спасай себя! Я съ нѣмцами останусь,
Мы здѣсь умремъ! Отсюда я ни шагу,
Задержимъ мы мятежниковъ толпу,
Ищи себѣ спасенья, промышляй
Лишь о себѣ! Ты самъ всему виною;
Ты позабылъ, что на престолѣ царскомъ
Ты долженъ быть царемъ.

Дмитрій.

Ты правъ, ты правъ!
Слуга и другъ!

(Подаетъ ему руку.)

Въ печати.

Голоса.

(За дверями.)

Ломайте дверь! Рубите топорами!

. . . . . .

Басмановъ.

Опомнитесь бояре! Что̀ вамъ нужно?
Зачѣмъ народъ вы подняли? (Нѣмцамъ.)
Держитесь,
Друзья мои! (Боярамъ.) *Просите Государя,*
Онъ васъ проститъ и все, чего хотите,
Пожалуетъ, лишь чернь остановите!

. . . . . .

Стр. 479.

Василій Шуйскій.

Проворнѣе, робята!
Не забывать, зачѣмъ пришли! Пограбить
Успѣете. Ищите намъ разстригу!
Уйти нельзя. Тащите къ намъ живого
Иль мертваго! Обезоружьте нѣмцевъ!
Не трогать ихъ, они впередъ годятся.
Спасайте бабъ. Возьми, Татищевъ, стражу,
Поставь при нихъ; царицыны покои
Оберегай! Не съ бабами воюемъ!

Для театра.

Басмановъ.

До гроба, Государь!

Голоса.

(За дверями.)

Ломайте дверь! Рубите топорами!

. . . . . .

Басмановъ.

Опомнитесь, бояре! Что вамъ нужно?
Зачѣмъ народъ вы подняли?

Остальные четыре стиха его рѣчи — *вычеркнуты.*

. . . . . .

Этотъ монологъ *раздѣленъ* между Шуйскимъ и Голицынымъ такъ:

Василій Шуйскій.

Проворнѣе, робята!
Не забывать, зачѣмъ пришли! Пограбить
Успѣете. Ищите намъ разстригу!
Уйти нельзя. Тащите къ намъ живого
Иль мертваго! Обезоружьте нѣмцевъ!
Не трогать ихъ, они впередъ годятся.
Спасайте бабъ.

Въ печати.

Куракинъ.

Побережетъ!.. Пусти козла въ капусту.

Татищевъ.

Инъ самъ-бы шелъ.

(Уходитъ.)

Для театра.

Голицынъ.

Возьми, Татищевъ, стражу,
Поставь при нихъ.

Слова: „Царицыны покои оберегай! Не съ бабами воюемъ!“, а также реплики Куракина и Татищева — *вычеркнуты.*

Поставлена была хроника первый разъ въ Маломъ московскомъ театрѣ, въ бенефисъ г-жи Васильевой, 1867 г., 30 января, при слѣдующемъ распредѣленіи ролей:

Дмитрій	г. Вильде.
Кн. Василій Шуйскій . . .	г. Шумскій.
Кн. Дмитрій Шуйскій . .	г. Колосовъ.
Дьякъ Осиповъ	г. Садовскій (П. М.)
Коневъ	г. Степановъ.
Калачникъ	г. Ѳедотовъ.
Аѳоня	г. Рябовъ.
Царица Марѳа	г-жа Васильева (Е. Н.).
Мнишекъ	г. Самаринъ.
Мстиславскій	г. Петровъ.
Голицынъ	г. Лавровъ.
Басмановъ	г. Дмитревскій.
Щелкаловъ	г. Садовскій (П. М.).
Маржеретъ	г. Живокини 2.
Скопинъ Шуйскій	г. Александровъ.
Марина	г-жа Ѳедотова.
Бѣльскій	г. Владыкинъ.
Подьячій	г. Никифоровъ.

Въ Петербургѣ въ первый разъ поставлена въ бенефисъ г-жи Жулевой 17 февряля 1872 г.

Исполняли роли:

Дмитрія	г. Монаховъ.
Кн. Василія Шуйскаго . .	г. Васильевъ 2-й.
Кн. Дмитрія Шуйскаго . .	г. Пронскій.
Дьяка Осипова	г. Зубровъ.
Конева	г. Полтавцевъ.
Калачника	г. Бурдинъ.
Аѳоню	г. Горбуновъ.

Царицу Марѳу	г-жа Жулева.
Мнишка	г. Зубовъ.
Мстиславскаго	г. Леонидовъ.
Голицына	г. Степановъ.
Басманова	г. Малышевъ
Маржерета	г. Васильевъ 1.
Скопина Шуйскаго . . .	г. Душкинъ.
Марину	г-жа Сѣверцова.
Бѣльскаго	г. Петровскій.
Подьячаго	г. Озеровъ.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
4	6 сн.	боярскіе	боярскія
13	11 св.	ооблюдаетъ	соблюдаетъ
24	2 сн.	ня	коня
47	7 св.	цалуются	цѣлуются
132	8 „	выдетъ	выйдетъ
364	9—10 сн.	Успенскао	Успенскаго
394	5 „	проидоха	пройдоха

Каталогъ изданій

Книгоиздательскаго Товарищества

„ПРОСВѢЩЕНІЕ“.

С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.

Сочиненія справочнаго характера.

	Р.	К.
Большая Энциклопедія. [4] Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знанія, подъ общ. редакц. *С. Н. Южакова.* 10,000 рис., картъ и план. въ текстѣ и на 1000 отд. прил. — 220 в. по 50 к. или 22 т. въ росск. полукож. перепл. по 6 руб.	132	—
Географическій атласъ. 84 л. картъ и 16 л. плановъ городовъ въ 8°. — 15 в. по 40 к., въ росск. полукож. перепл.	7	80

Изящная литература.

Всемірная библіотека. Собр. соч. лучш. иностр. и русскихъ писателей.

	Р.	К.
Крыловъ, И. А. [1, 10] Редакція *В. В. Каллиша.* Худож. прил. — 4 т. по 75 к. въ изящн. кол. перепл.	5	—
Пушкинъ, А. С. [4, 8, 10] Редакція *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша.* 30 худож. прил. — 8 т. 7 р. 50 к., въ изящн. кол. перепл.	9	—
Кольцовъ, А. В. Редакція *А. И. Введенскаго.* 1 томъ. Цѣна 1 руб., въ изящн. кол. перепл. . .	1	50
Лермонтовъ, М. Ю. [4, 8, 10] Редакц. *А. И. Введенскаго.* 15 худож. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящн. кол. перепл.	5	—
Гоголь, Н. В. Редакція *В. В. Каллиша.* 36 худож. прил. — 9 т. 9 р., въ изящн. кол. пер.	13	50
Тургенев, И. С. Съ портретомъ автора. 10 том. 10 руб., въ изящн. коленкор. переп.	15	—
Ольга Шапиръ. Съ портретомъ автора. 10 том. Цѣна 15 руб., въ перепл.	20	—
Максимовъ, С. В. Со вступительной статьей *П. В. Быкова.* 20 томовъ 20 руб., въ изящн. кол. перепл.	30	—
Помяловскій, Н. Г. [8, 10] Портр. и биогр. автора, составл. *Н. А. Благовѣщенскимъ. 10-е изданіе.* — 2 т. 3 р., въ изящн. кол. перепл.	4	—
Островскій, А. Н. [4, 8, 10] Ред. *М. И. Писарева.* Факсимиле, портреты автора и др. худож. прил. — 12 т. 19 р. 20 к., въ изящн. кол. перепл.	25	20
Потѣхинъ, А. А. [4, 8, 10] Ред. *автора.* Портр. и факсимиле его. — 12 т. 12 р., въ изящн. кол. пер.	18	—

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

	Р.	К.
Невѣжинъ, П. М. Съ портрет. и факсимиле автора 12 том. 18 руб., въ изящн. перепл. . . .	24	—
Аксаковъ, С. Т. Редакція *А. Г. Горнфельда.* Портреты и худ. прил. 6 т. 6 р., въ изящн. пер.	9	—
Н. Я. Соловьевъ. Съ портр. автора. 2 т. по 1 р. 25 к., въ перепл.	3	50
Чарльзъ Диккенсъ. Пер. съ англ., со вступ. статьей *Д. П. Сильчевскаго.* 30 том. по 75 к., въ пер.	37	50
Георгъ Брандесъ. Перев. съ датск. *М. В. Лучицкой.* 20 том. по 75 коп., въ перепл.	25	—
Элиза Оржешко. Перев. съ польск., подъ ред. *С. С. Зелинскаго.* 12 том. по 75 коп., въ перепл.	15	—
Гюи де-Мопасанъ. Переводъ съ франц., со вступ. стат. *З. А. Венгеровой.* 15 т. 15 р., въ пер.	22	50
Эдгаръ По. Перев. съ англ., съ критико-биограф. очерк. *М. А. Энгельгардта.* 3 т. 3 руб., въ пер.	4	50
Эмиль Зола. Перев. съ франц., подъ ред. и со вступит. статьями *Е. В. Анучкова* и *Ѳ. Д. Батюшкова.* 30 т по 1 р. 50 к., въ перепл	60	—
Театръ Еврипида. Стихотворный переводъ съ греческ., съ введеніемъ и объяснит. статьями *П. Ѳ. Анненскаго.* 1 т. 6 р., въ изящн. перепл.	7	25
Современная библіотека.		
Стихотворенія П. Я. (Якубовича-Мельшина). 2 т. I т. ц. 1 р. 50 к; II т. ц. 1 р. 25 к.	2	75
Дѣвушки. Сборн. разсказ. *Б. А. Лазаревскаго* .	1	—
Колымскіе разсказы. Сборн. разск. *В. Г. Тана*	1	—
На тунгрѣ. Сборн. разск. *В. Г. Тана*	1	—
Жертвы Дракона. Романъ *В. Г. Тана.* . .	—	80
Княжна. Романъ *А. В. Амфитеатрова*	1	50
Жаръ-цвѣтъ. Фант. ром. *А. В. Амфитеатрова.*	1	50
Черныя маски. Пьеса *Леонида Андреева* . .	—	50
Анфиса. Пьеса *Леонида Андреева*	—	75
Братья Карамазовы. Романъ *Ѳ. М. Достоевскаго* За 3 тома.	3	—
Преступленіе и наказаніе. Ром. *Ѳ. М. Достоевскаго.* За 2 тома.	2	—
Изъ чужеземныхъ поэтовъ. Сборникъ стиховъ *К. Д. Бальмонта*	1	25
Цари Биржи. Романъ *Вас. И. Немировича-Данченко*	1	50
Стихотворенія. *Д. С. Мережковскаго*	1	50
Король биржи. Романъ *Э. Штильгебауэра* . .	1	25
Райскій уголокъ. Романъ *Э. Штильгебауэра.*	1	25
Каспаръ Гаузеръ. Романъ *Я. Вассермана.*	1	75
Восемь племенъ. Книга для юношества *В. Г. Тана,* съ 24, прилож. въ худож. обложкѣ	1	50

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Соч. по исторіи, исторіи культуры, литературы и искусства.

	Р.	К.
***Исторія человѣчества** (Всемірная исторія).* 4. 7 Общ. ред. *Г. Гельмольта.* Пер. съ доп. изв. русск. ученыхъ. 260 прил. — 90 в. по 50 к., 9 т.	54	—
Исторія первобытной культуры. Соч. д-ра *Г. Шурца.* Пер. и доп. проф. *И. Н. Смирнова.* 15 в. по 50 к., въ перепл.	8	60
***Исторія нѣмецкой литературы** съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени.* 1. 3. 9 Соч. профф. *Фр. Фогта* и *М. Коха.* Пер. проф. *А. Л. Погодина.* 15 в. по 50 к., въ перепл. . . .	8	60
Какъ англичане критикуютъ свои государств. расходы. Соч. акад. *Ив. Ив. Янжула.* Цѣна 1 р. 25 к., въ роск. полук. пер.	1	75
Въ поискахъ лучшаго будущ. Соч. акад. *Ив. Ив. Янжула.* 2-ое изд. Ц. 3 р., въ изящн. пер.	3	75
Главныя теченія польской политич. мысли (1863—1907 гг.). Соч. проф. *А. Л. Погодина.* Цѣна 3 р., въ изящн. перепл. . .	3	75
***Исторія искусства** всѣхъ временъ и народовъ.* 8. Соч. проф. *К. Вермана.* Пер. подъ ред. *А. И. Сомова.* 60 в. по 40 к. или 3 т. въ перепл.	27	—
Сокровища искусства. 100 геліогравюръ разм. 51×38,5 сант. — 25 в. по 3 р., въ худож. пер.	82	—

Сочиненія по естествознанію и медицинѣ.

	Р.	К.
Вселенная и человѣчество. 4. Сочин. проф. *Г. Крэмера.* Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 в. по 40 к. или 5 т. въ перепл. . .	55	—
Мірозданіе, общедост. астрономія. 3. 4. 5. 10 Соч. д-ра *В. Мейера.* Пер. съ доп. и русск. по русск. астрон. л-рѣ проф. *С. П. Глазенапа.* 15 в. 7 р. 50 к., въ перепл.	8	60
Исторія земли. 1. 2. 4. 6 Сочиненіе проф. *М. Неймайра.* Пер. съ дополн. по геолог. Россіи и указат. по русск. л-рѣ, подъ ред. проф. *А. А. Иностранцева.* 30 вып. 12 р. 80 к., въ 2 перепл. . .	15	—
Жизнь природы. Соч. д-ра *Вильгельма Мейера.* Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 29 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роскош. перепл.	8	60
Земля и жизнь. Соч. проф. *Ф. Ратцеля.* Пер. подъ ред. проф. *П. П. Кротова.* 400 рис. и 67 худ. прил. — 30 в. по 50 к. или 2 т. въ перепл.	17	—
Жизнь растеній. 1. 4. 6 Соч. проф. *А. Кернера фонъ-Марилауна.* Пер. съ дополн., подъ ред. проф. *И. П. Бородина.* 30 в. 12 р. 80 к. или 2 т. въ пер.	15	—
Происхожденіе животнаго міра. 4. 5. 6. Соч. проф. *В. Гаакe.* Пер. подъ ред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 15 в. 6 р., въ перепл.	7	—
Жизнь животныхъ Брэма. 4. 5. 6. 10 Перев. подъ ред. профф. *А. С. Догеля* и *П. Ф. Лесгафта.* 60 выпуск. по 35 коп., въ 3 перепл.	24	—

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

	Р.	К.
Человѣкъ. [1.4] Соч. проф. *I. Ранке.* Пер. подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 30 в. 12 р. или 2 т. въ перепл.	14	20
Народовѣдѣніе. [8.9] Соч. проф. *Фр. Ратцеля.* Пер. съ дон проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 1103 рис. и 62 худ. прил. — 36 в. по 35 к. или 2 т. въ перепл.	15	—
Красота формъ въ природѣ. Соч. проф. *Э. Геккеля.* Пер. подъ ред. проф *А. С. Догеля.* 100 больш. табл. съ опис. текстомъ. — 20 в. по 1 р. и 1 дополн. вып. 50 к., въ изящн. перепл.	23	50
Африка. [8.10] Соч. проф. *В. Сиверса* и *Ф. Гана.* Пер. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 15 в. по 50 к., въ перепл.	8	50
Азія. Соч. проф. *В. Сиверса.* Перев. подъ ред. проф. *А. Н. Краснова.* 15 вып. по 50 к., въ перепл.	8	50
Сѣверная Америка. Соч. д-ра *Э. Декерта.* Перев. проф. *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп., въ перепл.	8	—
Южная и Средняя Америка. Соч. проф. *В. Сиверса.* Перев. проф *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп. Въ роск. полукож. перепл.	8	—
Австралія, Океанія и Полярныя страны. Соч. профф. *В. Сиверса* и *В. Кюкенталя.* Пер. съ дополн. проф. *А. Н. Краснова.* 15 вып. по 50 к., въ перепл.	8	50
Европа. Соч. проф. *А. Филиппсона.* Пер. съ дополн. ст. о Россіи *В. П. Воронцова.* 15 вып. по 50 коп., въ перепл.	8	50
Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. [8.10] Соч. проф. *К. Э. Бока.* Пер. съ нѣм. Рис. и худ. прил. — 2 т. по 2 р., въ изящн. перепл	6	—
Новый способъ лѣченія. Сочин. *М. Платена.* Перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Около 600 рис., 63 прил. — 4 т. въ роск. перепл.	25	—

Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.

Альбомы картинъ: 1) по зоологіи млекопитающихъ. [1.6.10] Текстъ проф. *В. Маршалля.* Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 258 рис. Въ перепл.	1	75
2) по зоол. птицъ. [1.4.6.10] Текстъ проф. *В. Маршалля.* Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 238 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
3) по зоолог. рыбъ. [1.4.6.10] Текстъ проф. *В. Маршалля.* Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 208 рис. Въ перепл.	1	75
4) по зоол. низшихъ животныхъ [4.8.10] Текстъ проф *В. Маршалля.* Пер. *Г. Г. Якобсона.* 292 рис. Въ изящн. кол. перепл	1	75
5) по географіи растеній. [8.10] Текстъ д-ра		

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

	Р.	К.
М. Кронфельда. Пер. прив.-доц. *А. Г. Генкеля.* 216 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
6) по географіи Европы. 5. 6. 7. 10 Текстъ д-ра *А. Гейстбека.* Пер. съ доп. *А. П. Нечаева,* съ пред. *Д. А. Коропчевскаго.* 233 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	50
7) по географіи внѣевр. странъ. 5. 6. 7. 10 Текстъ д-ра *А. Гейстбека.* Пер. *А. П. Нечаева,* съ пред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 325 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ" Брэма. 8. 10 *Отд. зоол.* 55 табл. Большой альбомъ in folio въ папкѣ	1	75

Серія сочиненій „Промышленность и техника".

	Р.	К.
Исторія и современная техника строительнаго искусства. 8. 10 Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. *В. В. Эвальда.* 900 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ полук. перепл.	6	—
Силы природы и ихъ примѣненія. 6. 8. 10 Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 1000 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. 9 Пер. подъ ред. и съ дополнен. проф. *В. В. Скобельцына.* 900 рис. и 13 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. подъ ред. и съ дополн. профф. *В. Я. Добровлянскаго* и *А. В. Ключарева* и др. 629 рис. и 9 прил. — 10 вып. по 50 коп., въ полукож. перепл.	6	—
Горное дѣло и металлургія. 6 Пер. съ дополн. подъ ред. профф. *И. В. Мушкетова* и *В. И. Баумана.* 600 рис. и 12 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—
Технологія металловъ. 8. 9. 10 Пер. съ дополн. подъ ред. проф. *А. Н. Митинскаго.* 1600 рис. и 6 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—
Обработка камней и земель и технологія химическ. производствъ. 8. 10 Переводъ подъ ред. проф. *В. В. Эвальда.* 600 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полук. перепл.	6	—
Обработка волокнистыхъ веществъ. Пер. съ доп. подъ ред. проф. *С. А. Ганешина.* 680 рис., 5 прил. — 10 в. по 50 к., въ полук. перепл.	6	—
Пути сообщенія. Пер. подъ ред. проф. *Н. Н. Митинскаго.* 764 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

	Р.	К.
Міровыя сношенія и ихъ средства. Пер. подъ ред. проф. ***И. А. Гезехуса.*** 285 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл. .	6	—

Маньчжурія. Соч. ***А. Домбровскаго и В. Ворошилова.*** Составл. по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). Цѣна 1 р. 60 к.

Сибирь и ея экономическая будущность. Соч. ***Кл. Оланьона,*** съ предисл. ***Фр. Пасси.*** 15 иллюстрир. прилож. Цѣна 2 руб., въ изящн. коленкор. пер. — 2 р. 50 к.

Жизнь бабочекъ.[1] Соч. проф. ***Штандфусса.*** Пер. и доп. подъ ред. *И. Я. Шевырева.* 200 рис. Цѣна 2 р. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. — 3 р. 25 к.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Соч. ***Т. А. Богдановичъ.*** Составл. по новѣйш. источникамъ, съ прилож. текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прил. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. кол. пер. — 1 р. 75 к.

Японцы о Японіи. Статьи о Японіи, сост. выд. японск. дѣят. подъ ред. ***Стэда.*** Пер. съ англ., подъ ред. съ пред. и дополн. ***Д. И. Шрейдера.*** Цѣна 3 р. 75 коп., въ роскошн. переплетѣ — 5 руб.

Кройка женскаго и дѣтскаго платья *по способу составленія патрона-слѣпка.* Соч. ***Бержъ.*** Перев. съ франц. подъ ред. *Е. Н. Янжулъ.* 139 рис. Роскош. изданіе. Цѣна 2 руб.

„Законный" бракъ. *(Проблемы брака, материнства, школы.)* Сборникъ статей ***Архимандрита Михаила.*** Цѣна 60 коп.

---

[1] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній М-ства.*

[2] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи для фунд. библ. средн. учебн. зав. В-ства учр. Имп. Маріи.*

[3] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[4] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Гл. Упр-мъ военно-учебн. зав-ній въ библ. кад. корпусовъ.*

[5] *Изданіе* ***одобрено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Народн. Пр. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав., для безпл. учит. инст. и сем. и для безпл. нар. чит. и библ.*

[6] *Изданіе* ***одобрено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[7] *Изданіе* ***одобрено*** *Учебн. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи по учр. Имп. Маріи для учен. библ., ср. и старш. возр., ср. учебн. зав-ній и для библ. старш. возр. Маріинскихъ уч-щъ.*

[8] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ библ. средн. учебн. зав-ній и въ библ. учит. инст. и семин., а также въ учит. библ. гор. уч-щъ.*

[9] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству ср. учебн. зав-ній.*

[10] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ безпл. нар. чит. и библ.*

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Типо-лит. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., Забалканскій пр., с. д. № 75.

Duke University Libraries
D027820905